МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Миры Айзека Азимова. Книга 2

Айзек Азимов

Аннотация
Миры Айзека Азимова. Книга вторая
Осколок Вселенной
Глава 1. Всего один шаг
Глава 2. Что делать с незнакомцем?
Глава 3. Один мир или множество миров?
Глава 4. Открытие
Глава 5. Доброволец поневоле
Глава 6. Ночные тревоги
Глава 7. Они что, сумасшедшие?
Глава 8. Свидание в Чике
Глава 9. Происшествие в Чике
Глава 10. Каждый толкует по-своему
Глава 11. Измененный разум
Глава 12. Убийственный разум
Глава 13. Вашеннская паутина
Глава 14. Вторая встреча
Глава 15. Рухнувшее превосходство
Глава 16. Выбор стана
Глава 17. Смена стана
Глава 18. Поединок
Глава 19. К роковой черте

Глава 20. У роковой черты
Глава 21. За роковой чертой
Глава 22. Лучшие годы еще впереди
Звезды как пыль
Глава 1. Спальня бормотала
Глава 2. Сеть, протянутая через космос
Глава 3. Случайности и наручные часы
Глава 4. Свободен?
Глава 5. Тревога клонит голову вниз
Глава 6. Тот, кто носит корону
Глава 7. Музыкант мозга
Глава 8. Женские юбки…
Глава 9. …и штаны наместника
Глава 10. Может быть!
Глава 11. Но может и не быть!
Глава 12. Автарх прибывает
Глава 13. Автарх остается
Глава 14. Автарх уходит
Глава 15. Дыра в пространстве
Глава 16. Охотничья свора…
Глава 17. …и дичь
Глава 18. В когтях поражения
Глава 19. Поражение
Глава 20. Где?
Глава 21. Здесь?
Глава 22. Здесь!

Космические течения
Пролог. Год назад
Глава 1. Найденыш
Глава 2. Библиотекарь
Глава 3. Мятежник
Глава 4. Ученый
Глава 5. Посланник
Глава 6. Патрульный
Глава 7. Высокородная дама
Глава 8. Сквайр
Глава 9. Беглец
Глава 10. Капитан
Глава 11. Сыщик
Глава 12. Яхтсмен
Глава 13. Ренегат
Глава 14. Пленник
Глава 15. Обвиняемый
Глава 16. Обвинитель
Глава 17. Победители
Эпилог. Через год

Аннотация

Содержание:

Осколок Вселенной, роман перевод с английского Н. Виленской

Звезды как пыль, роман перевод с английского И. Ткач

Космические течения, роман перевод с английского З. Бобырь

Миры Айзека Азимова
Книга вторая

WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume two

PEBBLE IN THE SKY

THE STARS, LIKE DUST

THE CURRENTS OF SPACE

«POLARIS» PUBLISHERS
1994

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Книга вторая

ОСКОЛОК ВСЕЛЕННОЙ

ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ

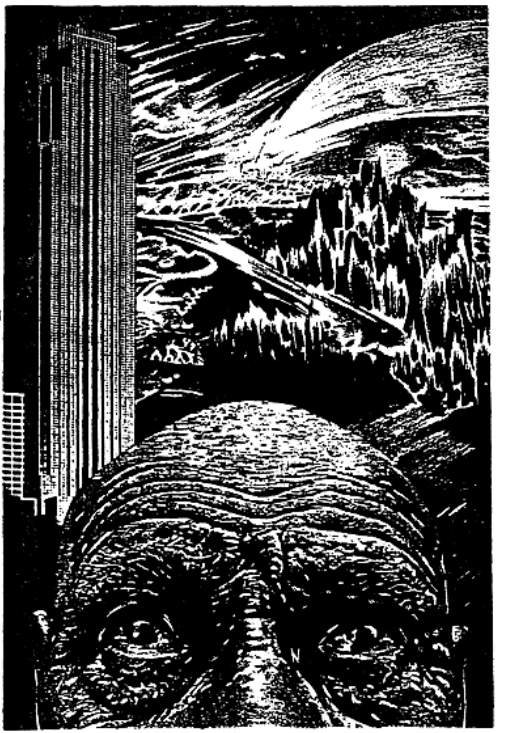
КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ПОЛЯРИС»

Книга выпущена при участии издательства «Фолио», г. Харьков

Осколок Вселенной



ОСКОЛОК ВСЕЛЕННОЙ

Глава 1
Всего один шаг

За две минуты до того, как исчезнуть навеки с лица знакомой ему Земли, Джозеф Шварц шел по улице уютного чикагского пригорода, повторяя про себя стихи Браунинга.

Это было по-своему странно — встречному человеку вряд ли пришло бы в голову, что Шварц знает наизусть Браунинга. Шварц выглядел в точности таким, каков он и был, то есть удалившийся от дел портной, не получивший, как выражаются современные умники, никакого систематического образования. Но его пытливый ум, поглощая все без разбора путем беспорядочного чтения, собирал крохи знаний там и сям, а цепкая память удерживала их в сознании.

Браунингского «Рабби Бен Эзру», например, он прочел в молодости не единожды и, разумеется, заучил наизусть. Не все ему там было ясно, но в последние годы три начальные строки стали звучать в такт с его сердцем. И в тот день раннего лета тысяча девятьсот сорок девятого года, такой солнечный и яркий, Шварц повторял их про себя,

замкнувшись в крепости своего разума:

Пусть мы стареем, но погоди —
Лучшие годы еще впереди.
Ранние годы жизни даны лишь ради них...

Шварц всем своим существом чувствовал истину этих строк. После тяжелой юности в Европе и первых трудных лет в Соединенных Штатах так хорошо было перейти к безмятежной, обеспеченной старости. Имея свой дом и деньги, Шварц вполне мог позволить себе оставить свою работу, что он и сделал. Жена в добром здравии, две дочери удачно выданы замуж, есть внук, утешение лучших последних лет. Что еще человеку нужно?

Правда, была на свете атомная бомба, и повсюду плотоядно поговаривали о третьей мировой войне, но Шварц верил в человека и не хотел думать, что будет еще одна война. Не может быть, чтобы на Земле снова вспыхнуло адское солнце гневного взорванного атома. И Шварц мирно улыбался попадавшимся на дороге детям, в душе желая им поскорее и без лишних мучений проскочить через юность к тем лучшим годам, что еще впереди.

Он переступил через тряпичную куклу, усмехнувшись тому, что она валяется прямо на дороге — этакий бродяжка, которого еще не хватились дома. И не успел он опустить ногу…

На другом конце Чикаго помещался Институт ядерных исследований, сотрудники которого, возможно, тоже верили в человека, но немного стыдились своей веры, поскольку не был еще изобретен прибор, позволяющий точно измерить степень добра и зла в человеческой душе. Как подумаешь — впору молиться, чтобы некие небесные силы запретили этому самому человеку, этому изобретательному мерзавцу, превращать самые интересные и безобидные открытия в смертельное оружие.

А ведь тот же ученый, который без зазрения совести продолжал ядерные исследования, способные привести к гибели половину земного шара, пожертвовал бы собой ради спасения жизни самого ничтожного из своих ближних.

…Внимание доктора Смита привлекло голубое свечение за спиной у химика. Доктор Смит заметил его, проходя мимо полуоткрытой двери. Молодой жизнерадостный химик, посвистывая, встряхивал волюметрическую колбу, в которой раствор уже был доведен до нужного объема. В

жидкости лениво плавал, неспешно растворяясь, белый порошок. Вот как будто и все, но тот же инстинкт, который заставил доктора Смита остановиться, толкнул его на дальнейшие действия.

Доктор ворвался в комнату, схватил линейку и смел на пол все, что было на лабораторном столе. Раздалось жуткое шипение расплавленного металла. С носа у доктора Смита сорвалась капля пота.

Молодой химик тупо уставился на бетонный пол, где застывали потеки серебристого металла. От них еще веяло жаром.

— Что случилось? — чуть слышно выговорил он.

Доктор Смит, еще не совсем пришедший в себя, пожал плечами.

— Не знаю, это вы мне скажите. Что вы тут такое делали?

— Да ничего, — промямлил химик. — У меня там лежала проба необработанного урана. А я определял медь в электролите. Не знаю, что могло произойти.

— Что бы это ни было, молодой человек, могу вам сказать одно: я видел свечение вот над этим платиновым тиглем. Тяжелая радиация. Уран, говорите?

— Да, сырой уран, это ведь не опасно? Одно из условий, необходимых для излучения, — это высокая чистота металла, верно? Вы думаете, произошло излучение, сэр? Это же не плутоний, и бомбардировке он не подвергался.

— И масса не была критической, — задумчиво добавил доктор Смит, — по крайней мере, мы такую массу критической не считаем. — Он посмотрел на изъеденную поверхность стола, на его ящики, где обгорела и вздулась краска, на серебристые струйки, растекшиеся по бетонному полу. — Но уран плавится при тысяче восьмистах градусах стоградусной шкалы, а мы не настолько изучили ядерные процессы, чтобы судить о них с уверенностью. Во всяком случае, здесь все, наверно, пропитано рассеянной радиацией. Когда металл остынет, молодой человек, надо бы соскрести его и тщательно проанализировать.

Доктор рассеянно посмотрел по сторонам, потом подошел к дальней стене и с беспокойством стал глядеть в одну точку на высоте своего плеча.

— Что это такое? — заинтересовался доктор Смит. — Это и раньше здесь было?

— Где, сэр? — нервно спросил химик, глядя туда, куда указывал его коллега.

В стене было крохотное отверстие, будто кто-то вбил гвоздь и потом вынул его. Только этот гвоздь, пробив штукатурку и кирпич, прошел стену насквозь, потому что в отверстие проникал дневной свет.

— Никогда не замечал этого раньше, — потряс головой химик. — Правда, и внимания не обращал.

Доктор Смит молча отошел назад, пройдя мимо термостата — прямоугольного ящика из листовой стали. Вода в нем бурлила, мешалка вращалась как безумная, а нагревательные лампы под водой мигали в такт щелчкам ртутного реле.

— А вот это было раньше или нет?

И доктор поскреб ногтем стенку термостата, ту, что пошире. В металле, чуть выше уровня воды, была аккуратная дырочка.

— Нет, сэр, вот этого не было, — широко раскрыл глаза химик. — Ручаюсь, что не было.

— Хм-м. Интересно, на той стороне тоже дырка?

— А чтоб я сдох. Есть дырка, сэр!

— Идите-ка сюда и посмотрите сквозь эти два отверстия. Только сначала закройте термостат. А теперь что вы видите?

Смит приложил палец к отверстию в стене.

— Вижу ваш палец, сэр. Вы его держите на отверстии, да?

Смит не отреагировал на шутку и распорядился со спокойствием, пытаясь скрыть поднимающееся раздражение:

— А теперь посмотрите в другом направлении. Что вы видите?

— Ничего.

— Но ведь там стоял тигель с ураном! Вы смотрите именно на то место, не так ли?

— Кажется, да, сэр, — протянул химик.

Доктор Смит, быстро сверившись с табличкой на все еще открытой двери, отчеканил ледяным голосом:

— Мистер Дженнингс, все, что здесь произошло, совершенно секретно. Вы не должны говорить об этом кому бы то ни было. Понимаете?

— Прекрасно понимаю, сэр!

— Тогда пойдемте отсюда. Пошлем радиационную команду проверить помещение, а нам с вами придется полежать в лазарете.

— Вы думаете, могут быть ожоги? — побледнел химик.

— Там видно будет.

Но радиоактивных ожогов у них не оказалось. Анализ крови был нормальным, и на корнях

волос тоже ничего не обнаружили. Тошноту, одолевавшую обоих, сочли психосоматической, а прочие симптомы облучения отсутствовали.

Никто в институте ни тогда, ни в будущем так и не смог объяснить, почему тигель с необработанным ниже критической массы ураном, не подвергавшийся бомбардировке нейтронами, вдруг начал плавиться, излучая зловещий смертоносный свет.

Оставалось только заключить, что в ядерной физике еще немало темных и опасных закоулков.

Однако доктор Смит не смог заставить себя написать в своем рапорте всю правду. Он не упомянул о трех отверстиях в лаборатории. Не упомянул, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметно, второе — чуть пошире, а в отверстие на стене, которое втрое дальше от источника, чем первое, можно было уже просунуть ноготь.

Луч, идущий по прямой, должен был пройти несколько миль, прежде чем кривизна планеты заставит его покинуть поверхность земного шара. К тому времени его диаметр должен был бы достигнуть десяти футов. После этого луч пошел бы в космос, постепенно расширяясь и ослабе-

вая, — чужеродная нить в ткани Вселенной.

Смит никому не рассказывал об этой своей фантазии.

И никому не рассказывал, что на следующий день, все еще лежа в лазарете, он послал за утренними газетами и просмотрел их от первой строки до последней, точно зная, что он ищет.

Ведь в гигантском городе ежедневно исчезает множество людей, однако в этот день никто не прибегал в полицию и не рассказывал, как у него на глазах исчез человек (а может, половина человека?). Во всяком случае, ни о чем таком не сообщалось.

И доктор Смит заставил себя забыть об этой истории.

То, что произошло с Джозефом Шварцем, случилось в промежутке между двумя его шагами. Переступая правой ногой через тряпичную куклу, он вдруг почувствовал, как закружилась голова — будто какой-то вихрь поднял его в воздух и вывернул наизнанку. Когда же он поставил ногу на землю, дыхание остановилось — Шварц скорчился и опустился на траву.

Он долго сидел с закрытыми глазами, не решаясь открыть их.

Так и есть! Он сидел на траве, хотя только что

шел по бетону.

И куда подевались дома? Ряды приземистых белых домиков с лужайками? Они все исчезли!

И это совсем не лужайка: трава здесь росла буйная, неухоженная, а вокруг были деревья, много деревьев, которые на горизонте были еще гуще.

Больше всего потрясло Шварца то, что листья на деревьях пожелтели и под рукой он тоже чувствовал сухую хрупкость опавшей листвы. Шварц был городской житель, но мог отличить осень от лета.

Осень! Но ведь он шагнул сюда из июньского дня — свежего, буйствующего зеленью. С этой мыслью Шварц машинально взглянул себе на ноги и вскрикнул. Тряпичная кукла, через которую он переступил, — весть из реального мира!

Ох, нет! Кукла распалась надвое в его дрожащих руках — не разорванная, а аккуратно порезанная посередине. Чудеса! Она была разрезана вдоль, почти до конца туловища, и даже старая пряжа, которой она была набита, так и осталась внутри, только торчали ровно обрезанные нитки.

Потом Шварц заметил, что носок его левого ботинка как-то странно блестит, и, не выпуская из рук куклы, задрал ботинок на поднятое колено другой ноги. Рант подошвы как ножом обрезало,

но ни один нож и ни один сапожник на свете не могли бы сделать вот так. Невероятно гладкий свежий срез блестел жидким блеском.

Смятение, поднимаясь вдоль позвоночника, наконец достигло мозга, и Шварц застыл от ужаса.

И заговорил сам с собой, чтобы услышать свой голос и хоть на что-то опереться в этом перевернутом мире. Голос был тихий, напряженный и перепуганный.

— Во-первых, я не сумасшедший. Я чувствую себя точно так же, как всегда… Если б я и раньше был сумасшедший, я ведь знал бы об этом? Или нет? — Шварц подавил нахлынувшую было истерию. — Тут что-то другое. Может, это сон? Как определить, сон это или нет? — Он ущипнул себя и почувствовал боль, но остался недоволен. — Может ведь и присниться, будто я чувствую боль. Это не доказательство.

Шварц в отчаянии посмотрел по сторонам. Разве сон может быть таким четким, таким подробным, таким продолжительным? Он где-то читал, что сны длятся в среднем не более пяти секунд и вызываются легкими раздражителями, влияющими на спящего. Кажущаяся продолжительность сна — это иллюзия.

Ничего себе утешение! Шварц отдернул рукав и

посмотрел на часы. Секундная стрелка все время двигалась. Если это сон, то пять секунд растянулись до бесконечности. Шварц бессознательно отер со лба холодный пот.

— А может, это амнезия?..

Не ответив себе на вопрос, он медленно закрыл лицо руками.

Может, когда он занес ногу над куклой, его память вылетела из того накатанного, хорошо смазанного желобка, по которому так долго и послушно двигалась? И через три месяца, осенью — а может, через год и три месяца, или десять лет и три месяца — вернулась к нему в этом незнакомом месте? Казалось бы, всего один шаг, и вот на тебе… Где же он тогда был в промежутке и что делал?

— Нет! — вырвалось у него. — Не может этого быть.

На нем была та же рубашка, которую он надел сегодня утром — в тот отрезок времени, что считал сегодняшним утром, — и эта рубашка была свежая.

Шварц вспомнил еще кое о чем, полез в карман пиджака, достал оттуда яблоко и надкусил его. Яблоко было сочное и еще сохранило прохладу — два часа назад Шварц взял его из холодильника.

Два часа назад по его отсчету.

И как же быть с тряпичной куклой?

Шварц почувствовал, что сходит с катушек. Нет, это все-таки сон… или он не в своем уме.

Только теперь до него дошло, что время дня тоже сдвинулось. Близился вечер, насколько возможно было судить по удлинившимся теням. Шварца вдруг охватил холод от окружающей его тишины и безлюдия.

Он мгновенно вскочил с земли. Первым делом нужно найти людей — хоть кого-нибудь. А заодно и жилье. Значит, надо искать дорогу.

И Шварц инстинктивно повернул туда, где деревья были пореже.

Вечерняя прохлада забиралась под пиджак, а кроны деревьев становились сумрачными и зловещими, когда он вышел на узкую полосу, мощенную укатанным щебнем, и устремился по ней, чуть не рыдая от облегчения и наслаждаясь тем, что ступает по твердой поверхности.

Но дорога была пуста, куда ни посмотри, и у Шварца вновь сжалось сердце. Он надеялся на какую-нибудь машину, которую можно остановить и спросить водителя — в нетерпении он даже произнес это вслух: «Вы, случайно, не в Чикаго едете?»

А если это совсем не окрестности Чикаго? Тогда в любой город, лишь бы там был телефон. У Шварца с собой было всего четыре доллара и тридцать семь центов, но ведь можно обратиться в полицию…

И Шварц все шел и шел по середине дороги, поглядывая то вперед, то назад и не замечая, что солнце садится и появляются первые звезды.

Ни одной машины! И становится совсем темно.

Увидев слева на горизонте какое-то сияние, Шварц решил, что у него опять помутилось в голове. Небо в просветах между деревьями светилось холодным голубым огнем. Ничего похожего на дрожащий красный отсвет, который, по мнению Шварца, мог бы быть отражением лесного пожара. — это было слабое, призрачное свечение. Щебень под ногами у Шварца тоже вспыхнул слабым светом. Шварц нагнулся и потрогал его — щебень на ощупь был как щебень, но все-таки чуть-чуть светился.

И Шварц, сам не зная зачем, вдруг бросился бежать, глухо и неровно топоча по дороге. Заметив, что все еще сжимает в руке порезанную куклу, он в бешенстве отшвырнул ее от себя. Злобная издевка, напоминающая о рухнувшей жизни…

Потом он в панике спохватился: все-таки кукла может доказать, что он не сумасшедший, зря он ее выбросил. И стал ползать по земле, пока не нашел ее — темное пятнышко на чуть мерцающей дороге. Из нее торчали нитки, и Шварц рассеянно затолкал их обратно.

И снова пошел вперед, сказав себе: нечего бегать, не молоденький.

Жутко проголодался, а когда увидел в темноте огонек, поначалу испугался, но ненадолго.

Жилье, люди!

Шварц заорал, однако ему никто не ответил. И все же это был дом — светлая точка в кромешной жути последних часов. Шварц свернул с дороги и пошел напролом, прыгая через канавы, натыкаясь на деревья и продираясь через кусты. Потом перешел через ручей.

Странное дело — ручей тоже слабо светился, фосфоресцируя в темноте. Но Шварц отметил это лишь краем сознания.

Он подошел к дому и потрогал твердую белую стену. Это был не камень, не кирпич и не дерево, но Шварца это сейчас не волновало. Материал был похож на толстый фаянс. Впрочем, какая разница? Шварцу нужна была дверь, он нашел ее и, не видя звонка, стал бить в нее ногами и

вопить, точно демон.

Он услышал какие-то шорохи внутри, услышал блаженную музыку человеческого голоса и снова завопил:

— Эй, люди!

Дверь, как видно, хорошо смазанная, со слабым шорохом открылась. На пороге появилась встревоженная женщина, высокая и жилистая. Позади нее маячила сухопарая фигура мрачного мужчины в рабочей одежде. Нет, не в рабочей. Шварц просто никогда не видел такой одежды, но она чем-то напомнила ему рабочую спецовку.

Анализировать было некогда. И эти люди, и их одежда казались ему прекрасными — лучшие друзья не могли быть ему милее в эту минуту.

Женщина произнесла что-то певучим, но строгим голосом, и Шварц ухватился за косяк, чтобы не упасть. Он беспомощно пошевелил губами, и липкий, глубоко запрятанный в нем страх ожил, прервал дыхание и стиснул сердце.

Женщина говорила на неизвестном ему языке.

Глава 2

Что делать с незнакомцем?

В тот вечер Лоа Марен и ее флегматичный муж Арбин играли в карты. Старик в инвалидном кресле сердито зашуршал газетой из своего угла и позвал:

— Арбин!

Арбин ответил не сразу — он обдумывал свой ход, выравнивая веер карт. Приняв решение, он рассеянно откликнулся:

— Чего тебе, Грю?

Седоголовый Грю свирепо глянул на зятя поверх газеты и снова зашуршал. Шуршанием он облегчал себе душу. Если тебя переполняет энергия, а ты прикован к инвалидному креслу и вместо ног у тебя две сухих палки, то надо же как-то, черт возьми, выражать свои чувства? Грю выражал их с помощью газеты. Он ею шуршал, жестикулировал, а то и хлопал по чему попало.

Грю знал, что повсюду, кроме Земли, текущие новости снимаются на микропленку, которую можно потом заправить в обычный книжный проектор, и презрительно ухмылялся про себя, считая подобное новшество упадочным и дегенеративным.

— Читал — на Землю археологическую экспе-

дицию посылают? — спросил он зятя.

— Нет, не читал, — спокойно ответил Арбин.

Это и так было ясно — газеты, кроме старика, никто еще не видел, а от видео семья в прошлом году отказалась. Вопрос Грю был своего рода гамбитом, начинающим партию.

— Посылают. Да еще за счет Империи. Как тебе это нравится? — И Грю начал читать, почему-то запинаясь на каждом слове, как большинство людей, читающих вслух: — «Бел Арвардан, старший научный сотрудник Имперского археологического института, заявил в интервью, данном «Галактик Пресс», что многого ожидает от археологических изысканий на планете Земля, расположенной на окраине сектора Сириуса (см. карту). "Земля, — сказал Арвардан, — с ее архаической культурой и уникальной экологией, представляет собой пример извращенной цивилизации, которой наши социологи слишком долго пренебрегали, рассматривая Землю лишь как трудный для управления объект. Я твердо уверен, что через год-другой в наших устоявшихся фундаментальных концепциях о социальной эволюции и истории человечества произойдут революционные изменения"». И так далее, и так далее, — закончил Грю.

Арбин, слушавший краем уха, пробормотал:

— Почему это у нас извращенная цивилизация?

Лоа, которая совсем не слушала, напомнила мужу:

— Твой ход, Арбин.

— Спросил бы лучше, с чего «Трибьюн» это напечатала? Ты же знаешь, они и за миллион имперских кредиток не стали бы печатать сообщение «Галактик Пресс» без особой на то причины. — Не дождавшись ответа, Грю продолжал: — Так вот, они сделали на этом передовицу. На всю полосу размахнулись, все кости перемыли несчастному Арвардану. Человек собирается сюда в научных целях, а они из кожи лезут, чтобы ему помешать. Поглядите только, какую демагогию они там развели. — Он потряс газетой. — Читайте же! Что ж вы не читаете?

Лоа отложила карты, плотно сжав свои тонкие губы.

— Отец, у нас был тяжелый день, может быть, отдохнем от политики? Отложим ее на потом? Прошу тебя, отец.

— «Прошу тебя, отец! Прошу тебя, отец!» — нахмурясь, передразнил ее Грю. — Видно, вам здорово надоел старый отец, раз вам жалко пе-

ремолвиться с ним парой слов о событиях дня. Понятно, что я вам мешаю: сижу тут в углу, а вам приходится работать за троих. А кто виноват? Я сильный. Я хочу работать. И вы знаете, что мои ноги можно вылечить, как новые были бы. — Грю звонко, с размаху хлопнул себя ладонями по ногам: звук он слышал, но ничего не чувствовал. — А не могу я их вылечить только потому, что я слишком стар и меня уже не стоит лечить. Как же не извращенная цивилизация? Как иначе назвать мир, где человек хочет работать, а ему не дают? Господи, пора уж нам перестать бубнить о своих «особенностях». Не особенности это, а вывихи! — Грю махал руками, весь багровый от гнева.

Арбин встал и крепко взял старика за плечо.

— Ну, чего ты так раскипятился, Грю? Когда ты дочитаешь газету, я прочту передовицу.

— Раз ты с ними согласен, что толку читать? Вы, молодые, все какие-то бесхребетные: блюстители вами вертят, как хотят.

— Тише, отец, — резко сказала Лоа. — Не надо об этом. — И прислушалась, сама не зная к чему. Арбина тоже будто что кольнуло, как всегда при упоминании Общества Блюстителей Старины. Опасно вести такие речи, как Грю: насмехаться

над древней культурой Земли и тому подобное. Это же чистой воды ассимилянтизм. Тьфу, до чего мерзкое слово, даже когда произносишь его про себя. Во дни молодости Грю все болтали об отходе от старых обычаев, но сейчас не те времена. Грю следовало бы это понимать, да он и понимает, только нелегко вести себя рассудительно, когда ты прикован к инвалидному креслу и тебе остается одно: считать дни до следующей переписи.

Грю, не разделявший беспокойства дочери и зятя, все же умолк. После вспышки он успокоился, и газетный шрифт стал расплываться у него перед глазами. Не успев подвергнуть дотошному разбору спортивную страницу, он уронил голову на грудь и тихо захрапел, а газета выпала у него из рук, прошуршав на этот раз самостоятельно.

— Может, мы плохо к нему относимся? — тревожно шепнула Лоа. — Тяжело так жить такому человеку, как отец. По сравнению с его прежней жизнью это все равно что умереть.

— Жизнь, какую ни на есть, не сравнить со смертью, Лоа. У Грю остались его газеты и его книги. Не обращай внимания. Ему только на пользу немного погорячиться. Теперь он на пару дней уймется и будет доволен.

Арбин снова разобрал свои карты и только

собрался пойти, как в дверь забарабанили и раздались какие-то неразборчивые хриплые вопли. Арбин отдернул руку, а Лоа в испуге, с дрожащими губами уставилась на мужа.

— Убери отсюда Грю, — скомандовал Арбин. — Быстро!

Лоа взялась за спинку кресла, успокоительно нашептывая что-то старику, но тот вздрогнул и проснулся, как только его сдвинули с места. Выпрямившись, он машинально схватился за газету и раздраженно, отнюдь не шепотом, спросил:

— В чем дело?

— Ш-ш. Все в порядке, — уклончиво ответила Лоа, выкатывая кресло в другую комнату.

Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, не сводя испуганных глаз с мужа и бурно дыша плоской грудью. Стук раздался снова…

Открывая дверь, они встали рядом, будто ища друг у друга защиты, и неприветливо встретили маленького толстого человечка, который слабо улыбался им.

— Что вам угодно? — с церемонной учтивостью спросила Лоа и тут же отпрянула: человек покачнулся и вытянул руку вперед, чтобы не упасть.

— Больной он, что ли? — растерялся Арбин. — Ну-ка, помоги мне завести его в дом.

Несколько часов спустя, когда супруги готовились ко сну, Лоа сказала:

— Арбин…

— Что?

— А это не опасно?

— Что не опасно? — переспросил он, будто не понимая.

— Ну, то, что мы взяли этого человека в дом. Кто он такой?

— А я почем знаю? — буркнул муж. — Не могли же мы отказать в приюте больному человеку. Завтра, если он не предъявит удостоверения, сообщим в ближайший отдел безопасности, и дело с концом.

Он отвернулся, явно не желая продолжать разговор. Но тонкий голос жены не давал ему покоя.

— А ты не думаешь, что он агент Общества Блюстителей? И пришел из-за Грю?

— Из-за того, что Грю говорил вечером? Ну, это просто глупо, не стоит и обсуждать.

— Сам знаешь, я не о том говорю. Мы уже два года нелегально содержим Грю и тем нарушаем самый строгий из Наказов.

— Ничего плохого мы не делаем. Мы же выполняем норму, хотя она рассчитана на троих работников? С чего тогда нас подозревать? Мы

Грю даже из дому не выпускаем.

— Их могло навести на след инвалидное кресло. Тебе ведь пришлось покупать и мотор, и другие детали.

— Да не начинай ты снова, Лоа. Я тысячу раз объяснял, что покупал только стандартное кухонное оборудование. И какой смысл Братству посылать сюда тайного агента? Думаешь, они стали бы так изощряться из-за несчастного старого инвалида, как будто не могут прийти днем с ордером на обыск? Подумай сама.

— Ну, тогда, Арбин, — вдруг загорелась Лоа, — если ты правда так думаешь, а я надеюсь, что да, тогда он чужак. Не может он быть землянином.

— То есть как не может? Еще чего выдумала. Что делать гражданину Империи на Земле?

— Не знаю! Вдруг он совершил преступление там, у себя? А что? — ухватилась Лоа за свою идею. — Все сходится. Где ему скрываться, как не на Земле? Кто его тут будет искать?

— Это в том случае, если он вправду чужак. Чем ты это докажешь?

— Языка-то он не знает! Ты ведь не станешь отрицать, что ни слова не понял из того, что он говорит? Значит, он откуда-то с задворок Галактики, где говорят на своем диалекте. Я слышала,

жителям Фомальгаута приходится заново учить язык, чтобы объясниться при дворе императора на Тренторе. Ты не видишь разве, что из этого следует? Если он иномирец, значит не зарегистрирован в Комитете Переписи Населения и регистрироваться ему там совсем ни к чему. Можем оставить его на ферме, пусть работает вместо отца, и нас опять будет трое, а не двое — впереди ведь новый сезон, а норму надо выполнять. Может помочь нам прямо сейчас, с уборкой.

И Лоа выжидающе уставилась на мужа, который поразмыслив сказал:

— Ложись-ка спать, Лоа. Утро вечера мудренее.

Шепот прекратился, свет погас, и все в доме заснуло.

Утром разбирательством дела, в свою очередь, занялся Грю. Арбин обратился к нему, доверяя старику больше, чем себе.

— Все ваши беды оттого, Арбин, — сказал Грю, — что я числюсь в работниках и наша норма рассчитана на троих. Надоело мне быть причиной ваших забот. И так уж второй год зря живу на свете. Все, хватит.

— Да вовсе не в этом дело, — смутился Арбин. — Я не собирался тебе намекать, что ты нам в тягость.

— А, какая разница! Через два года перепись — так и так мне конец.

— По крайней мере, ты еще два года сможешь читать свои книги и наслаждаться отдыхом. С какой стати лишать себя этого?

— С такой стати, что других лишают. А вы с Лоа? Когда придут за мной, то и вас заберут. Что же я буду за человек, если растяну свою поганую жизнь такой ценой?

— Перестань, Грю. Нечего тут спектакли разыгрывать. Мы тебе сто раз говорили, что мы сделаем — заявим о тебе за неделю до переписи.

— Надуете врача?

— Дадим ему взятку.

— Хм-м. Пришелец-то удвоит вашу вину — вам придется скрывать и его тоже.

— Его мы отпустим. Космоса ради, зачем нам сейчас ломать над этим голову? У нас еще два года впереди. Что мне делать с этим человеком?

— Незнакомец, — задумался Грю. — Стучит в дверь, неизвестно откуда явился, говорит непонятно. Не знаю, что посоветовать.

— Он человек смирный и, кажется, напуган до смерти. Вреда от него не будет.

— Напуган, говоришь? А может, он слабоумный? И говорит не на чужом языке, а просто

бормочет по-идиотски?

— Непохоже что-то, — обеспокоился Арбин.

— Ты говоришь так потому, что хочешь его использовать. Ладно, я скажу тебе, что с ним делать. Свези его в город.

— В Чику? — ужаснулся Арбин. — Это же верная гибель.

— Ничего подобного, — спокойно ответил Грю. — Вся беда в том, что ты газет не читаешь. Но я-то их читаю, к счастью для этой семьи. Так вот: в Институте ядерных исследований изобрели прибор, который будто бы усиливает способности человека к обучению. В воскресном приложении была об этом статья на всю полосу. Они приглашают добровольцев. Вот и сдай его, как добровольца.

Арбин решительно замотал головой.

— Ты с ума сошел. Не могу я этого сделать. Первым делом у меня спросят его регистрационный номер. Начнут разбираться — кто да почему, так и до тебя доберутся.

— Разбираться никто не будет. Ты все неправильно понимаешь, Арбин. Институту нужны добровольцы, потому что машина у них пока в опытной стадии, и несколько человек вроде бы уже погибло — поэтому я уверен, что вопросов

задавать не будут. А если этот бедняга умрет, то ему, пожалуй, хуже, чем теперь, не будет. Дай-ка мне, Арбин, книжный проектор, поставь на шестую часть. И принеси газету, как только придет, ладно?

Когда Шварц открыл глаза, было уже за полдень. Сердце сжимала непрекращающаяся тупая боль — оттого, что он проснулся, а рядом нет жены, оттого, что исчез его мир.

Он уже испытал когда-то такую боль — вспышка памяти с осязательной четкостью вызвала перед Шварцем забытое прошлое. Он стоит мальчишкой в заснеженной деревне, и его ждут сани, чтобы везти к поезду, а поезд отвезет его на корабль.

Невыносимая тоска по привычному миру на миг сроднила Шварца с тем двадцатилетним парнем, который эмигрировал в Америку.

Тоска была слишком реальна — она не могла быть сном.

Шварц подскочил — над дверью мигнул свет и баритон хозяина дома произнес что-то. Дверь открылась, и Шварцу принесли завтрак — жидкую кашицу неизвестного происхождения, но чем-то напоминавшую кукурузную, и молоко.

— Спасибо, — сказал Шварц и энергично заки-

вал головой.

Фермер что-то ответил и снял рубашку Шварца со спинки стула. Он изучил ее вдоль и поперек, обратив особое внимание на пуговицы, потом повесил обратно и отодвинул скользящую дверь ванной. Шварц впервые обратил внимание на теплую молочную белизну стен.

«Пластик» — сказал он себе, по-дилетантски довольствуясь этим всеобъемлющим понятием.

Еще он заметил, что в комнате нет никаких углов — плоскости переходили одна в другую плавно и закругленно.

Хозяин протягивал Шварцу его вещи, вполне определенными жестами предлагая ему умыться и одеться.

Шварц проделал это, пользуясь хозяйской помощью и руководством. Вот только побриться было нечем, а жесты вокруг подбородка лишь вызвали заметное отвращение у фермера. Шварц поскреб седую щетину и тяжко вздохнул.

Фермер привел его к маленькой, продолговатой двухколесной машине и жестом пригласил сесть. Земля замелькала под колесами, пустая дорога начала разматываться назад, и наконец Шварц увидел впереди низкие, белые, как сахар, здания, а вдалеке — голубую полоску воды.

— Чикаго? — с жаром спросил он.

Это была последняя вспышка надежды — то, что он видел, совсем не походило на Чикаго. Фермер ничего не ответил. И последняя надежда умерла.

Глава 3
Один мир или множество миров?

Бел Арвардан, только что дав свое интервью об экспедиции на Землю, чувствовал себя в мире со всей сотней миллионов планет, составляющих Галактическую Империю. Речь шла не о том, чтобы завоевать известность в одном из секторов. Если его теория относительно Земли будет доказана, его имя станет известно на каждой планете Млечного Пути, которую заселил человек за сотни тысяч лет своей экспансии в космосе.

Первые высоты на пути к славе, эти горные пики науки, Арвардан завоевал рано, но не без борьбы, и, едва достигнув тридцати пяти лет, уже имел в ученом мире весьма скандальную репутацию. Все началось со взрыва, потрясшего стены Арктурского университета, когда в беспрецедентном возрасте двадцати трех лет Арвардан получил там диплом археолога. Взрыв — нематериальный, но оттого не менее мощный — грянул,

когда «Журнал Галактического археологического общества» отказался опубликовать дипломную работу Арвардана. В первый раз за всю историю университета была отвергнута чья-то дипломная работа. И в первый раз за всю историю солидного научного журнала отказ был составлен в столь резких выражениях.

Неспециалисту показалось бы загадочным столь бурное возмущение, вызванное тоненькой сухой брошюркой под названием «О датировке артефактов сирианского сектора применительно к радиальной гипотезе происхождения человечества». Все дело было в том, что Арвардан объявил себя сторонником одной мистической гипотезы, относившейся скорее к метафизике, нежели к археологии. Она утверждала, что человечество зародилось на одной-единственной планете, откуда и распространилось постепенно по всей Галактике. Это была излюбленная теория фантастов того времени, которая на каждого уважающего себя археолога Империи действовала, как красная тряпка на быка.

Однако в последующие десять лет Арвардан заставил считаться с собой маститых ученых, сделавшись специалистом по доимперским культурам, сохранившимся еще кое-где в закоулках

Галактики.

Так, он написал монографию о механистической цивилизации сектора Ригеля, где труд роботов создал уникальную культуру, просуществовавшую несколько веков. Однако в конце концов само совершенство механических рабов настолько свело к нулю человеческую инициативу ригелян, что лорд-воитель Мори со своим флотом легко одержал над ними победу.

Ортодоксальная археология придерживалась мнения, что человеческие расы развивались независимо друг от друга на разных планетах, нетипичные же цивилизации, подобные ригельской, считались примерами расовых различий, которых еще не успели сгладить смешанные браки.

Арвардан убедительно опровергнул эту концепцию, доказав, что ригельская робокультура — это плод естественного развития социальных и экономических сил, действовавших в то время и в том регионе.

Затем Арвардан занялся варварскими мирами Змееносца, которые ортодоксы считали областью запоздалого развития человечества, еще не достигшей стадии межзвездных перелетов. Во всех учебниках эти миры служили подтверждением

теории Мергера, объявлявшей человека естественным продуктом эволюции в любом мире, где есть водно-кислородная среда, соответствующая температура и гравитация. Теория Мергера утверждала также, что все подвиды человечества могут вступать друг с другом в брак и что смешанные браки стали совершаться в эпоху межзвездных перелетов.

Однако Арвардан открыл следы ранней цивилизации, предшествовавшей тысячелетнему примитивному состоянию миров Змееносца, а в древних памятниках этих планет нашел свидетельства существования межзвездной торговли. И в качестве завершенного штриха наглядно продемонстрировал, что человек, в древности обитавший на Змееносце, был человеком высокоцивилизованным.

Лишь тогда «Журнал Галактического археологического общества» решился напечатать дипломную работу Арвардана — через десять лет после ее создания.

И вот теперь излюбленная идея Арвардана привела его на самую, пожалуй, заштатную планету всей Империи — на Землю.

Арвардан приземлился в единственном имперском поселении на всей планете, среди

безлюдных плато северных Гималаев. Здесь, в не знавших радиации краях, сиял чертог неземной, в полном смысле слова, красоты, — хотя и представлявший собой, собственно, всего лишь копию вице-королевского дворца из другого, более удачливого мира. Дворец был окружен пышной растительностью на радость его обитателям. Угрюмые скалы они покрыли слоем почвы, оросили, окутали искусственной атмосферой и климатом и создали пять квадратных миль парков и лужаек.

На все это ушло ужасающее, по земным понятиям, количество энергии, но ресурсы Империи были неисчерпаемы — в нее входили десятки миллионов планет, число которых все возрастало: статистика утверждала, что на восемьсот двадцать седьмом году Галактической Эры в среднем по пятьдесят планет ежедневно получали статус провинции, а для этого требовалось население не ниже пятисот миллионов.

В этом неземном оазисе жил прокуратор Земли, который мог порой среди этой рукотворной роскоши позабыть, что он правит столь захолустным миром, и вспомнить, что он принадлежит к древнему и прославленному аристократическому роду.

Жена его, пожалуй, реже поддавалась иллюзиям, особенно когда видела вдали, взойдя на травяной пригорок, резкую границу, отделявшую их земли от общего запустения планеты. И тогда ни разноцветные фонтаны, ночью светившиеся как холодное текучее пламя, ни обсаженные цветами аллеи, ни идиллические рощи не могли подсластить ей горечь изгнания.

Поэтому Арвардана встретили гораздо радушнее, чем предусматривалось протоколом — ведь он нес с собой дыхание Империи, ее просторов, ее беспредельности.

Арвардан, в свою очередь, восхищался всем, что его окружало.

— Как прекрасно у вас здесь все устроено, с каким вкусом! Просто удивительно, как пронизывает имперская культура самые отдаленные уголки Галактики, лорд Энниус.

— Боюсь, что при дворе прокуратора Земли приятнее гостить, чем жить постоянно, — улыбнулся Энниус. — Это всего лишь раковина, которая отзывается пустотой, если ее тронуть. Моя семья, персонал, имперские гарнизоны здесь и в крупнейших городах Земли да случайные посетители вроде вас — вот и вся имперская культура. Вряд ли этого достаточно.

Они сидели под колоннадой. День угасал, солнце закатывалось за окутанные пурпурным туманом зубцы на горизонте, и воздух был так насыщен ароматами, что с трудом выжимал из себя редкие дуновения.

Прокуратору не совсем подобало проявлять слишком большое любопытство к деятельности своего гостя, но надо же было принять во внимание нечеловечески долгую оторванность его от Империи!

— Вы предполагаете задержаться здесь на некоторое время, доктор Арвардан? — спросил он.

— Вот этого не могу вам сказать, лорд Энниус. Я опередил свою экспедицию, чтобы выполнить необходимые формальности. Мне нужно, например, получить от вас официальное разрешение на разбивку лагеря в определенных местах и на посещение интересных для меня объектов.

— Разумеется, разумеется! Но когда вы начнете раскопки? И что вы такое ожидаете найти в этой несчастной куче булыжника?

— Надеюсь разбить лагерь через несколько месяцев, если все пойдет хорошо. Но почему вы называете эту планету кучей булыжника? Ведь это абсолютно уникальное явление в Галактике.

— Уникальное? — надменно произнес прокура-

тор. — Ничего подобного! Самый заурядный мир. Не мир, а свинарник, жуткая дыра, выгребная яма, можете сами подобрать любой нелестный эпитет. Но при всей этой тошнотворности его даже уникально мерзким назвать нельзя — просто заурядный, скотский, крестьянский мир.

— Но ведь этот мир радиоактивен, — ответил Арвардан, слегка озадаченный горячностью прокуратора.

— Ну так что же? В Галактике тысячи радиоактивных планет, и кое-где радиация гораздо выше, чем на Земле.

В это время к ним плавно подъехал передвижной погребец, остановившись в пределах досягаемости.

— Что вы предпочитаете? — спросил Энниус археолога.

— О, все равно. Может быть, лимонный коктейль?

— Сделайте милость. Все необходимые ингредиенты имеются. С ченси или без?

— Самую чуточку, — показал Арвардан, почти сведя вместе большой и указательный пальцы.

— Через минуту будет готово.

Где-то в недрах погребца, этого популярного повсюду детища человеческой изобретательно-

сти, заработал бармен — электронный бармен, который смешивал напитки не на глазок, но с точностью до атома, каждый раз достигая совершенства. Ни один человек, каким бы артистом своего дела ни был он, не смог бы с ним состязаться.

Затем откуда-то из потаенных глубин выплыли высокие бокалы.

Аврадан взял зеленый и на миг приложил его к щеке, чтобы ощутить холодок, а потом поднес к губам.

— Как раз в меру. — Он поставил бокал на подставку, устроенную на подлокотнике кресла. — Вы правы, прокуратор, есть тысячи радиоактивных планет, но только одна из них обитаема — вот эта самая.

— Что ж, — Энниус отпил, смакуя свой напиток и немного смягчаясь от его бархатистого вкуса. — В этом смысле она, пожалуй, уникальна. Но этакой уникальности не позавидуешь.

— Дело не только в статистике, — продолжал Аврадан, попивая свой коктейль. — Вопрос гораздо обширнее и открывает громадные возможности для размышлений. Биологи доказали — или утверждают, что доказали, — будто на планете, где радиоактивность атмосферы и оке-

ана превышает определенную величину, жизнь не может развиться. Так вот, радиоактивность Земли значительно превышает эту цифру.

— Интересно, я этого не знал. По моему разумению, это должно служить убедительным доказательством того, что земляне в корне отличаются от всех прочих жителей Галактики. Вам это, наверное, на руку, вы ведь сирианин. — Энниус сардонически хмыкнул и произнес доверительно: — Знаете самую большую трудность, с которой я сталкиваюсь, управляя Землей? Это сильнейший антитеррализм, повсеместно существующий в секторе Сириуса. За который земляне платят той же монетой. Я не хочу, конечно, сказать, что антитеррализм в более или менее острой форме не распространен по всей Галактике, но Сириус стоит особняком.

— Лорд Энниус, я отрицаю свою причастность к этому, — с жаром ответил Арвардан. — Нетерпимости во мне меньше, чем в ком бы то ни было. Как ученый, я всей душой верю в единство человечества и отношу к этому единству даже и землян. Жизнь в основе своей одинакова — вся она основана на коллоидном растворе протеинов, который мы называем протоплазмой. Эффект радиоактивности, о котором я только что говорил,

относится не только к определенному виду человечества или к определенным формам жизни. Он относится ко всем формам жизни, поскольку вытекает из квантовой механики протеиновых молекул. Он относится и ко мне, и к вам, и к землянам, и к паукам, и к бактериям. Ведь что такое протеины? Как вам, наверное, известно и без меня, это чрезвычайно сложные соединения аминокислот с разными другими компонентами, образующие замысловатые трехмерные фигуры, столь же неустойчивые, как солнечный луч в пасмурный день. Эта неустойчивость и есть жизнь — ведь она постоянно колеблется, чтобы сохранить себя, подобно тросточке на носу акробата. И это чудодейственное вещество, протеин, сначала должно возникнуть из неорганической материи — лишь тогда зарождается жизнь. И вот в самом начале, под влиянием лучистой энергии солнца, органические молекулы гигантского раствора, который мы называем океаном, начинают усложняться. Один путь ведет от метана к формальдегиду, а затем к сахарам и крахмалам, другой путь — от мочевины к аминокислотам и протеинам. Все эти атомы соединяются и распадаются, конечно, чисто случайно: в одном мире процесс может длиться миллионы лет, в другом

— всего несколько сот. Гораздо вероятнее, разумеется, что процесс будет продолжаться миллионы лет, а еще вероятнее, что дело кончится ничем. Современная физическая химия точно воссоздала всю цепочку необходимых реакций и рассчитала, сколько на них затрачивается энергии, то есть сколько энергии нужно для перемещения каждого атома. Так вот, не остается никаких сомнений, что критические стадии зарождения жизни требуют как раз отсутствия лучевой энергии. Вам это покажется странным, прокуратор, но фотохимия — наука о химических реакциях под влиянием лучевой энергии — сейчас получила большое развитие, и она доказывает нам, что и самая простая реакция может пойти в двух противоположных направлениях в зависимости от того, влияет на нее квантовая энергия света или нет. В обычных мирах единственный или, по крайней мере, главный источник лучевой энергии — это солнце. Под покровом облаков или ночью углерод и азот слагаются и разлагаются по-своему, пользуясь отсутствием импульсов энергии, которые солнце излучает, точно пускает шары в неисчислимую массу бесконечно малых кеглей. Но в радиоактивных мирах, светит там солнце или не светит, каждая капля воды, хоть

ночью, хоть на пятимильной глубине, излучает всепроникающие гамма-лучи, которые бодают атомы углерода — активизируют их, как выражаются химики, — и ключевые реакции идут по пути, на котором жизнь никогда не зародится.

Арвардан допил свой бокал и поставил его на погребец. Машина тут же втянула *его* внутрь, чтобы помыть, стерилизовать и подготовить к следующему заказу.

— Не хотите ли еще? — спросил Энниус.

— Спросите меня об этом после обеда. Пока что с меня вполне достаточно.

Энниус, постукивая заостренным ногтем по ручке кресла, сказал:

— Вы рассказываете захватывающие вещи, но, если все обстоит именно так, как же тогда Земля? Как могла зародиться жизнь на ней?

— Ага, видите — вот и вас это заинтересовало. Я думаю, что ответ очень прост. Радиоактивность выше уровня, допускающего создание жизни, все же недостаточно высока, чтобы уничтожить уже существующую жизнь. Жизнь может видоизменяться, но не погибнет, если избыток радиации не слишком уж огромен. Понимаете, тут совсем другая химия. Одно дело — помешать соединяться простым молекулам, другое — разрушить уже

сложившиеся молекулярные конструкции. Это совсем не одно и то же.

— Я не улавливаю, что же из этого следует?

— Разве это не очевидно? Жизнь на Земле возникла *до того,* как планета стала радиоактивной. Дорогой мой прокуратор, это единственное возможное объяснение, иначе пришлось бы отвергнуть или факт существования жизни на Земле, или половину химической науки.

— Вы серьезно? — недоверчиво спросил Энниус.

— А почему бы и нет?

— Да как же может планета *стать* радиоактивной? Радиоактивные элементы живут в коре планеты миллионы и биллионы лет, так меня учили в университете на моем курсе юриспруденции. Они должны были так же спокойно лежать и в глубокой древности.

— Но ведь существует искусственная радиация, прокуратор, уровень которой может достигать огромных величин. Есть тысячи ядерных реакций, при которых создаются различные радиоактивные изотопы. И если предположить, что люди здесь использовали ядерную энергию в промышленных, а то и в военных целях — насколько допустимы военные действия в пределах

одной планеты, — то почти весь верхний слой почвы мог в результате стать радиоактивным. Что вы на это скажете?

Солнце заливало кровавым светом горные вершины, бросая красный отблеск на худощавое лицо Энниуса. Подул легкий вечерний бриз, и сонное жужжание тщательно подобранных парковых насекомых стало еще успокоительней.

— По-моему, слишком натянуто, — сказал Энниус. — Начнем с того, что я не допускаю применения ядерного оружия и не допускаю, что оно в такой степени может выйти из-под контроля…

— Естественно — вы недооцениваете ядерную реакцию, поскольку живете в такое время, когда она легко контролируется. Но если кто-нибудь — а то и целая армия — применил ядерное оружие еще до того, как против него была создана защита? Это все равно что бросать зажигательные бомбы туда, где не знают, как тушить их — водой или песком.

— Хм-м… Вы говорите прямо как Шект.

— А кто такой Шект?

— Один землянин. Один из немногих приличных землян, с которыми не стыдно поговорить воспитанному человеку. Он физик. Однажды он мне сказал, что Земля, возможно, не всегда была

радиоактивна.

— Ага… Ну, в этом нет ничего удивительного. Ведь свою теорию я не выдумал, а почерпнул из Древней книги, в которой излагается мифическая история доисторической Земли. Я только повторяю ее текст — разве что перевожу несколько туманную фразеологию в соответствующие научные термины.

— Древняя книга? — удивился и чуть насторожился Энниус. — Но где вы ее взяли?

— Собирал отрывки там и сям — это было непросто. Вся эта каноническая информация о нерадиоактивном мире крайне важна для моего проекта, хотя совершенно ненаучна… А почему вы спрашиваете?

— Потому что это Священная книга одной радикальной земной секты. Иномирцам ее читать запрещено. Я бы на вашем месте, пока вы здесь, не афишировал бы, что с ней знаком. Галактиан, или чужаков, как они зовут нас, казнили без суда и за меньшие провинности.

— Послушать вас, так имперская полиция здесь бессильна.

— Когда речь идет о святотатстве — да, бессильна. Мудрый да услышит, доктор Арвардан!

В воздухе прозвучал мелодичный звон, гармо-

нично слился с шелестом листьев и медленно угас, точно жалея расстаться со всем, что было вокруг.

— Кажется, время обедать, — поднялся Энниус. — Не угодно ли последовать за мной и отведать того, что мы можем предложить вам в нашей скорлупке Империи?

Гости к обеду случались в резиденции не часто, и ее обитателям не часто представлялась возможность блеснуть. Поэтому блюда были многочисленны, обстановка изысканна, мужчины элегантны, а женщины обворожительны. Надо добавить, что доктор Арвардан с Баронны Сириуса был бесспорным львом общества — было от чего закружиться голове.

Арвардан не преминул в конце банкета поделиться с присутствующими многим из того, о чем говорил Энниусу, но тут его успех был далеко не столь велик.

Цветущий господин в мундире полковника, перегнувшись к Арвардану с тем снисхождением, которое военные всегда питают к ученым, сказал:

— Если я вас правильно понял, доктор Арвардан, вы пытаетесь нам доказать, что эти собаки-земляне принадлежат к древней расе, от которой,

возможно, произошло все человечество?

— Не решаюсь утверждать это прямо, полковник, но думаю, что определенные предпосылки к этому есть. Через год я положительно надеюсь высказать свое окончательное суждение.

— Если вы обнаружите, что это действительно так, в чем я сильно сомневаюсь, вы меня крайне удивите. Я служу на Земле уже четыре года и приобрел некоторый опыт. По мне, все земляне — негодяи и воры, все до единого. И определенно ниже нас по интеллекту. Им не хватает той искры, что позволила человеку расселиться по всей Галактике. Они ленивы, суеверны, жадны и совершенно лишены душевного благородства. Покажите мне землянина, который хоть в чем-то может сравниться с истинным человеком — например, со мной или с вами, — лишь тогда я соглашусь с тем, что это представитель расы наших предков. А до тех пор избавьте меня, пожалуйста, от подобных утверждений.

Дородный мужчина с другого конца стола добавил:

— Говорят, что хороший землянин — это мертвый землянин, да и тот воняет, — и громко расхохотался.

Аравардан, хмуро уставившись в свою тарелку,

сказал:

— У меня нет желания обсуждать расовые различия, тем более что к нашей теме это не относится. Я говорю о древних землянах. Их потомки долго жили в изоляции и подвергались воздействию неординарной окружающей среды, но я не стал бы небрежно отмахиваться даже и от них. Милорд, вы недавно упомянули об одном землянине…

— Вот как?! Не припомню.

— О физике по имени Шект.

— Ах да.

— Его зовут не Аффрет Шект?

— Именно так. Вы уже слышали о нем?

— Кажется, да. Это мучило меня весь обед, с тех пор как вы его назвали, но теперь я, кажется, вспомнил. Он работает, случайно, не в Институте ядерных исследований в… как же называется этот проклятый город? — Арвардан пару раз ударил ладонью по лбу. — В Чике!

— Это именно он. А что вы о нем слышали?

— В августовском номере «Физического обозрения» была его статья. Я это запомнил, потому что искал все, что связано с Землей, а земляне очень редко печатаются в галактических журналах. Автор пишет, что изобрел некий прибор, назван-

ный им «синапсатор», который якобы повышает способность нервной системы млекопитающих к восприятию.

— Правда? — нервно откликнулся Энниус. — Я не слышал.

— Могу найти вам эту статью. Она весьма интересна, хотя не могу претендовать на то, что понял формулы, которые в ней приводятся. Говоря попросту, автор провел опыты на каких-то земных животных, кажется, они называются крысы. Он синапсировал их, а затем запустил в лабиринт. Ну, вы знаете: животному нужно найти выход из маленького лабиринта, чтобы добраться до еды. И оказалось, что синапсированные крысы в каждом случае находят выход втрое быстрее, чем контрольные крысы, не подвергавшиеся обработке. Понимаете, полковник, к чему я это говорю?

— Нет, доктор, не понимаю, — равнодушно ответил тот.

— Тогда объясню. Я твердо верю, что ученый, способный проделать такую работу, хотя бы и землянин, безусловно равен мне по интеллекту, мягко говоря, и, если вы простите мне подобную вольность, равен также и вам.

— Простите, доктор Арвардан, — вмешался Энниус. — Я бы хотел вернуться к синапсатору.

Шект не испытывал его на людях?

— Сомневаюсь, лорд Энниус, — засмеялся Арвардан. — Девять десятых синапсированных крыс во время опыта подохли. Вряд ли он решится экспериментировать на людях, пока не усовершенствует свое открытие.

Энниус слегка нахмурился. До самого конца обеда он молчал и ничего не ел.

Незадолго до полуночи прокуратор незаметно оставил общество, сказав лишь пару слов жене, и отправился на личном стратоплане в двухчасовой полет до города Чики, все так же слегка хмурясь. Его душу переполняла тревога.

Поэтому в тот день, когда Арбин Марен привез Джозефа Шварца в Чику, чтобы испытать на нем синапсатор, создатель синапсатора Шект провел целый час в доверительной беседе с самим прокуратором Земли.

Глава 4
Открытие

Арбин чувствовал себя в Чике, словно во вражеском окружении. Где-то в городе, одном из самых больших на Земле — говорили, что в нем целых пятьдесят тысяч населения, — где-то в Чике жили

чиновники великой Империи.

Арбину никогда еще не доводилось видеть иномирца, и в Чике он все время вертел головой, боясь, что это случится. Он бы, хоть убей, не сумел ответить, как отличит чужака от землянина, даже если увидит его, но нутром чуял, что разница есть.

Входя в Институт, он оглянулся через плечо. При двухколеске он оставил талон на право шестичасовой стоянки. Разве такая расточительность не подозрительна сама по себе? Сейчас Арбин всего боялся. Кругом было полно глаз и ушей.

Только бы незнакомец не вылезал из-под заднего сиденья. Кивать-то он кивал, но вот понял ли? Арбин вдруг обозлился на самого себя. И зачем он позволил Грю втянуть себя в это безумство?

Тут перед ним открылась дверь и чей-то голос спросил:

— Что вам угодно?

В голосе звучало нетерпение — должно быть, секретарша спрашивала его уже несколько раз.

Арбин в свою очередь хрипло спросил ее — слова царапали горло, как сухой песок:

— Это здесь записывают на синапсатор?

— Распишитесь вот здесь, — сказала секретар-

ша, бросив на него острый взгляд.

Арбин заложил руки за спину и повторил:

— Где мне узнать насчет синапсатора?

Грю говорил ему, кого надо спрашивать, но фамилия, как назло, вылетела из головы.

Секретарша ответила с металлом в голосе:

— Ничем не могу помочь, пока не распишетесь в книге для посетителей. Таковы наши правила.

Арбин молча повернулся и пошел к выходу. Женщина стиснула губы и энергично нажала ногой на сигнальную кнопку рядом со стулом.

Арбин понял, что его попытка сохранить анонимность потерпела полный крах. Девушка хорошо присмотрелась к нему — она его и через тысячу лет узнает. Его обуревало желание бежать — сначала к машине, а потом на ферму.

К нему приблизилась фигура в белом халате, и он услышал слова секретарши:

— Доброволец на синапсатор, госпожа Шект. Не желает назвать себя.

Арбин посмотрел — еще одна девушка, молодая.

— Это вы занимаетесь опытами, барышня? — встревожился он.

— Нет, не я. — Она дружески улыбнулась, и тревога немного отпустила Арбина. — Но могу

вас отвести к тому, кто занимается. Вы действительно доброволец?

— Я просто хочу поговорить с человеком, который занимается опытами, — повторил Арбин словно деревянный.

— Хорошо.

Девушку как будто не смутила его несговорчивость. Она скрылась за дверью, из которой раньше вышла, и вскоре поманила Арбина пальцем. С бьющимся сердцем он прошел за ней в небольшую приемную.

— Если вы подождете с полчаса, доктор Шект вас примет, — приветливо сказала девушка. — Сейчас он очень занят. Хотите, я принесу вам книгофильмы и проектор?

Арбин потряс головой. Стены комнаты точно сомкнулись вокруг него — ему казалось, что он и пальцем не смог бы пошевелить. А вдруг он в ловушке, и сейчас за ним придут блюстители?

Никогда в жизни Арбину не приходилось так долго ждать.

Лорду Энниусу, прокуратору Земли, нетрудно было встретиться с доктором Шектом, но эта встреча стоила ему немалых волнений. На четвертом году прокураторства визит в Чику все еще оставался для Энниуса событием. Как полно-

мочный представитель далекого императора на планете он по своему положению официально стоял наравне с вице-королями огромных секторов Галактики, озарявших сотни кубических парсеков, но на деле его пост мало чем отличался от изгнания.

Живя в бесплодной пустоте Гималаев, в окружении народа, ненавидевшего бесплодной ненавистью и его, и всю Империю, прокуратор был рад даже и поездке в Чику.

Правда, он позволял себе только короткие вылазки — и неудивительно: в Чике ему приходилось все время носить пропитанную свинцом одежду, даже спать в ней, а что еще хуже — постоянно пичкать себя метаболином. Прокуратор горько жаловался на это Шекту.

— Метаболин, — говорил он, рассматривая ярко-красную пилюлю, — для меня, можно сказать, символ вашей планеты, друг мой. Он ускоряет все процессы обмена веществ, пока я сижу здесь в облаке радиации, которую вы даже не замечаете. — Он проглотил таблетку. — Ну вот. Теперь мое сердце забьется быстрее, дыхание заработает на всю катушку, а в печени забурлит химический синтез, который делает ее, как мне говорили медики, важнейшей фабрикой тела. И за все это

я потом расплачиваюсь головными болями и слабостью.

Доктор Шект в душе веселился, слушая его. Шект был близорук — это сразу бросалось в глаза. Не потому, что он носил очки или как-то страдал из-за этого, а потому, что невольно приобрел привычку тщательно рассматривать все вблизи.

Доктор был пожилой человек, высокий, тощий, слегка сутулый. Был рассудительным, основательно взвешивал факты, прежде чем что-то сказать.

Благодаря своему широкому кругозору и хорошему знакомству с галактической культурой доктор был относительно свободен от враждебности и подозрительности, которые делали среднего землянина столь отталкивающим в глазах даже такого космополита, как Энниус.

— Я уверен, что эти пилюли вам не нужны, — сказал Шект. — Метаболин — всего лишь один из ваших предрассудков, и вы это знаете. Если бы я без вашего ведома заменил его сахарным драже, хуже бы вам не стало. Более того, ваша психосоматика вызвала бы потом у вас положенные головные боли.

— Вы говорите это потому, что сами в родной среде чувствуете себя комфортно. Вы же не ста-

нете отрицать, что обмен у вас идет быстрее, чем у меня?

— Конечно, не стану, но какое это имеет значение? Я знаю, Энниус, в Империи распространен предрассудок, будто бы земляне отличаются от прочих людей, но в основе своей это не так. Впрочем, если вы прибыли сюда как миссионер антитеррализма, тогда другое дело.

Энниус застонал:

— Клянусь жизнью императора — лучших миссионеров, чем ваши сограждане, не найти. Замкнулись на своей мертвой планете, без конца растравляют свои обиды. Да вы просто незаживающая язва Галактики! Я говорю серьезно, Шект. На какой планете еще существует столько повседневных ритуалов и кто еще цепляется за них с таким мазохистским пылом? Дня не проходит, чтобы ко мне не явилась делегация из очередного органа власти, требуя смертного приговора для какого-нибудь бедняги, вся вина которого в том, что он проник в Запретную зону, или уклоняется от Шестидесяти, или просто съел больше, чем ему полагается.

— Но вы ведь почти всегда утверждаете все смертные приговоры. Вы только наигранно морщитесь, но не оказываете никакого сопро-

тивления.

— Бог свидетель — я всегда борюсь за отмену приговора. Но что я могу поделать? Император твердо настаивает на том, чтобы во всех областях его Империи соблюдались местные обычаи. И это правильно, и даже мудро, ибо лишает народной поддержки разных идиотов, которые в противном случае устраивали бы бунт каждую среду. Если я начну упираться, когда ваши советы, сенаты и палаты будут настаивать на смертной казни, то поднимется такой визг, такой вой, такое пойдет поношение Империи и всех ее дел!.. Да скорее я просплю двадцать лет посреди легиона бесов, чем выдержу такую Землю в течение десяти минут.

Шект вздохнул и пригладил свою редкую шевелюру:

— Для Галактики, если она вообще помнит о нашем существовании, Земля — всего лишь осколок Вселенной. А для нас Земля — дом, к тому же единственный, который у нас есть. И мы ничем не отличаемся от вас, обитателей иных миров, разве что своей невезучестью. Мы толпимся на еле живой планете, огороженные тюремными стенами радиации, окруженные огромной Галактикой, которая нас отвергает. Как же быть, если

нас пожирает горькая злоба? Вот вы, прокуратор, согласились бы отправлять избыток нашего населения во внешние миры?

— Мне-то что? — пожал плечами Энниус. — Против выступают люди, которые эти миры населяют. Им не хочется вымирать от земных болезней.

— Земных болезней! — сморщился Шект. — Заблуждение, которое давно пора искоренить. Мы никому не угрожаем смертью. Вот вы же не умерли, живя среди нас?

— Но я делаю все, чтобы избежать нежелательных контактов, — улыбнулся Энниус.

— Потому что сами наслушались дурацкой пропаганды ваших фанатиков.

— Но разве, Шект, наука не подтверждает, что земляне насквозь радиоактивны?

— Конечно. А как мы могли этого избежать? Вы тоже радиоактивны! Как и все обитатели сотни миллионов имперских планет. Мы радиоактивнее других, признаю, но недостаточно радиоактивны, чтобы кому-нибудь повредить.

— Боюсь, что средний житель Галактики убежден в обратном и не желает проверять на опыте, так это или не так. Кроме того…

— Кроме того, мы не такие, как все, хотите вы

сказать. Мы не люди, потому что под действием радиации мутировали и превратились неизвестно в кого. Но это тоже не доказано.

— Однако все в это верят.

— Так вот, прокуратор, пока все будут в это верить и относиться к землянам как к париям, в нас не исчезнут те качества, которые так неприятны вам. Если нас немилосердно отталкивают, как же нам не толкаться в ответ? Вы ненавидите нас — так не жалуйтесь, если мы платим вам взаимностью. Нет-нет, мы не столько злодеи, сколько жертвы.

Энниуса огорчила вызванная им же вспышка. Даже лучшие из землян, подумал он, одержимы той же слепой идеей — Земля против всей Вселенной.

— Шект, уж вы простите меня, если я был груб, — примирительно сказал он. — Примите во внимание мою молодость и скуку, от которой я страдаю. Перед вами бедный сорокалетний юноша — сорок лет для политика младенческий возраст, — отбывающий на Земле трудное время ученичества. Могут пройти годы, пока эти болваны из Департамента внешних провинций не вспомнят обо мне и не переведут в более приличное место. Поэтому мы с вами оба — узники

Земли и оба граждане великого мира разума, где нет ни планетных, ни физических различий. Дайте же мне руку и будем друзьями.

Морщины на лице у Шекта разгладились, точнее, сменились другими, более благодушными. Он от души рассмеялся.

— Вы произносите слова просителя все тем же тоном имперского дипломата. Вы плохой актер, прокуратор.

— Тогда станьте, не в пример мне, хорошим лектором и расскажите мне о вашем синапсаторе.

Шект опешил и снова помрачнел.

— Значит, вы слышали о моем приборе? Так вы еще и физик, а не только администратор?

— Мне полагается знать все. Нет, правда, Шект, я действительно хочу знать.

Физик заглянул в лицо прокуратору, помедлил, задумчиво ущипнул губу.

— Не знаю, с чего начать.

— О Боже, если вы обдумываете, как объяснить это математически, то я облегчу вам задачу. Математику оставьте в стороне. Я ничего не смыслю в ваших функциях, тензорах и прочем.

— Ну что ж, если излагать популярно, то прибор предназначен для увеличения способности человека к восприятию.

— Человека? Вот как! И он работает?

— Хотел бы я сам это знать. Нам предстоит еще много потрудиться. Я посвящу вас в суть дела, прокуратор, а там судите сами. Нервная система человека, и животных тоже, создана из нейропротеиновой ткани, а эта ткань состоит из огромных молекул, электрическое равновесие которых очень неустойчиво. Малейший стимул нарушает равновесие молекулы, она восстанавливает его, толкая другую, и так далее, пока импульс не дойдет до мозга. Сам же мозг представляет собой огромное скопище таких же молекул, соединенных между собой всеми возможными способами. Поскольку количество нейропротеинов мозга достигает примерно десяти в двадцатой степени — это единица с двадцатью нулями, — то количество возможных комбинаций достигает факториала десятой — двадцатой степени. Это такое огромное число, что если бы все электроны и протоны во Вселенной сами стали бы вселенными, и все электроны и протоны в этих новых вселенных снова стали бы вселенными, то и тогда число электронов и протонов во всех этих вселенных не сравнилось бы с числом комбинаций молекул мозга. Вам пока все понятно?

— Ни слова, благодарение небу. Если бы я пы-

тался следить за вашей мыслью, то уже залаял бы от такого напряжения ума.

— Ну, если короче, то нервным импульсом мы называем последовательное нарушение электронного равновесия, которое по нервам проникает в мозг, а из мозга опять поступает в нервы. Это понятно?

— Да.

— Ну так вы просто гений. Итак, в пределах одной нервной клетки импульс идет быстро, поскольку нейропротеины связаны между собой. Но напряженность нервных клеток ограниченна, а между двумя клетками существует тончайшая перегородка, созданная не из нейроткани. Другими словами, две смежные клетки не связаны между собой.

— Ага, — сказал Энниус, — значит, нервный импульс должен перескочить через барьер.

— Совершенно верно! Перегородка ослабляет импульс и замедляет его прохождение согласно квадрату ширины импульса. Это относится и к мозгу. Но представьте, что будет, если понизить диэлектрическую константу такой перегородки.

— Какую такую константу?

— Прочность изоляции перегородки. Вот и все. Если ее понизить, импульсу будет легче проско-

чить. Человек будет быстрее думать и быстрее усваивать.

— Тогда вернусь к своему первому вопросу. Прибор работает?

— Я испытывал его на животных.

— И каков результат?

— Большинство из них быстро умирало от денатурации мозгового протеина, другими словами, происходила коагуляция, все равно что сварить яйцо вкрутую.

— Есть какая-то невыразимая жестокость в хладнокровии ученых. Ну а те, что остались живы?

— Определенно сказать нельзя, они ведь не люди. Показатели как будто благоприятные, но мне нужен человек. Видите ли, все зависит от естественных электронных свойств отдельного мозга. Каждый мозг вырабатывает микротоки определенного типа. Точных дубликатов не бывает. Все равно что отпечатки пальцев или узор кровеносных сосудов на сетчатке глаза. Только свойства мозга еще более индивидуальны. При эксперименте нужно будет принять это во внимание, и тогда, если я прав, денатурации не произойдет. Но для эксперимента нужны люди. Я приглашал добровольцев, но... — Шект развел

руками.

— Не могу их упрекать, старина. Нет, серьезно — если прибор будет усовершенствован, что вы собираетесь с ним делать?

— Не моя забота, — пожал плечами Шект. — Это решит Большой Совет.

— А вы не хотите передать свое изобретение Империи?

— Я? Я не возражаю. Но только Большой Совет обладает правомочностью…

— Да к черту ваш Большой Совет. Я с ними уже имел дело. А вы согласитесь побеседовать с ними, когда будет нужно?

— Но какой вес может иметь мое мнение?

— Можете сказать им, что, если Земля разработает полностью безопасный для человека синапсатор и передаст его Галактике, возможно снятие некоторых ограничений, касающихся эмиграции на другие планеты.

— Неужели? — саркастически спросил Шект. — Не побоитесь эпидемий, выродков и нелюдей?

— Возможно массовое переселение на другую планету, — спокойно сказал Энниус. — Подумайте над этим.

В это время дверь открылась, и в кабинет влетела молодая девушка. В затхлой комнате сразу

повеяло весной. При виде незнакомца девушка покраснела и попятилась.

— Входи, Пола, — торопливо сказал Шект. — Милорд, вы, кажется, не знакомы с моей дочерью. Пола, это лорд Энниус, прокуратор Земли.

Прокуратор уже встал с непринужденной галантностью, предотвратив судорожную попытку Полы сделать реверанс.

— Дорогая госпожа Пола, никогда бы не поверил, что Земля способна взрастить такой прекрасный цветок. Впрочем, вы могли бы стать украшением любого известного мне мира.

Энниус взял руку Полы, которую она быстро и немного неуклюже протянула ему в ответ, и как будто собрался поцеловать ее по галантному обычаю старины. Но если он и намеревался это сделать, то раздумал и, приподняв руку, отпустил ее — может быть, чуть скорее, чем следовало.

— Меня потрясает, милорд, ваша любезность по отношению к простой землянке, — чуть нахмурившись, сказала Пола. — Как это смело и великодушно с вашей стороны — так рисковать инфекцией.

— Моя дочь, прокуратор, заканчивает курс в Чикском университете, — откашлявшись, вмешался Шект, — а необходимую практику про-

ходит у меня, работая здесь лаборантом два раза в неделю. Она способная девочка, возможно, во мне говорит отцовская гордость, но когда-нибудь она, чего доброго, займет мое место.

— Отец, — мягко прервала его Пола, — у меня для тебя важная новость. — И замялась.

— Мне уйти? — спокойно спросил Энниус.

— Нет-нет. Что такое, Пола?

— Отец, там пришел доброволец.

— На синапсирование? — выпучил глаза Шект.

— Говорит, что да.

— Вот видите, — сказал Энниус, — я принес вам удачу.

— Похоже на то. Скажи ему, Пола, пусть подождет. Отведи его в комнату С, я скоро приду туда. Вы извините меня, прокуратор? — спросил Шект, когда Пола ушла.

— Разумеется. Сколько времени будет продолжаться операция?

— Боюсь, что затянется на несколько часов. Хотите присутствовать?

— Нет, дорогой Шект, уж очень это мерзкое зрелище. Я пробуду до завтра в Доме правительства. Вы сообщите мне результат?

— Да, конечно, — с заметным облегчением сказал Шект.

— Хорошо. И подумайте о том, что я вам сказал насчет синапсатора. Перед вами открывается широкий путь.

И Энниус ушел, чувствуя себя еще хуже, чем до прихода сюда. Знания его увеличились ненамного, зато опасения порядком возросли.

Глава 5
Доброволец поневоле

Оставшись один, доктор Шект тронул кнопку звонка, и к нему тут же вошел молодой лаборант в белоснежном халате, с аккуратно связанными сзади длинными каштановыми волосами.

— Пола сказала вам? — спросил доктор.

— Да, доктор Шект. Я понаблюдал за ним по визиглазу — он безусловно настоящий. На подосланного не похож.

— Как вы думаете, доложить о нем Совету или нет?

— Право, не знаю. Там может не понравиться, что вы докладываете по общедоступным каналам — ведь это все записывается. А может, избавиться от него? Скажу, что нам нужны люди моложе тридцати. Ему-то все тридцать пять.

— Нет-нет, я сам посмотрю на него. — Голова у

Шекта бешено работала. До сих пор все шло как по маслу. Немного информации, чтобы создать видимость откровенности — и все в порядке. И вдруг приходит доброволец, да еще сразу после визита Энниуса. Вдруг это все взаимосвязано? Шект имел самое смутное представление о могущественных и таинственных силах, вступающих в единоборство на выжженном лоне Земли, но кое-что он знал. Знал достаточно, чтобы блюстители могли захотеть избавиться от него, и уж точно больше, чем они подозревали.

Как быть, если он оказался между двух огней?

Шект близоруко присматривался к стоявшему перед ним неуклюжему фермеру, который мял в руках шапку и отворачивал голову, будто избегая слишком пристального взгляда. По оценке Шекта, ему было никак не больше сорока, но тяжелая работа на земле не красит человека. Фермер побагровел под слоем грубого загара, на висках и у корней волос выступила испарина, хотя в комнате было прохладно. Руки беспокойно двигались.

— Итак, уважаемый, — приветливо сказал Шект, — вы не хотите назвать нам свое имя?

— Мне сказали, что добровольцам никаких вопросов задавать не будут, — упрямо пробубнил Арбин.

— Хм-м. Но хоть что-нибудь о себе вы скажете? Или хотите немедленно подвергнуться опыту?

— Кто, я? — в панике вскричал Арбин. — Это не я доброволец. Я ничего насчет этого не говорил.

— Так значит, доброволец кто-то другой?

— Конечно. Мне-то это на кой…

— Понимаю. Тот, другой человек, с вами?

— В общем, да, — осторожно ответил Арбин.

— Хорошо. Тогда просто скажите нам то, что считаете нужным. Все, что вы скажете, останется строго между нами, и мы поможем вам по мере наших сил. Договорились?

Фермер склонил голову, по-старинному выражая свою признательность.

— Спасибо вам. Тут вот в чем дело. У нас на ферме живет… э-э… дальний родственник. Помогает, значит… — Арбин говорил с трудом, и Шект ободряюще кивнул. — Работает он охотно, хорошо работает. Понимаете, у нас был сын, но умер, и мы с хозяйкой нуждаемся в помощи — она прихварывает. Нам без него никак не обойтись.

Арбин чувствовал, что у него ничего не получается, но долговязый ученый кивнул головой.

— Этого родственника вы и хотите подвергнуть опыту?

— Ну да, я ведь, кажется, так и сказал. Вы уж

простите, если я плохо объясняю. Видите ли, у бедняги не все в порядке с головой. — И Арбин торопливо продолжил: — Понимаете, он не больной. Не такой, которых забирают. Просто туго соображает. И не разговаривает.

— То есть как не разговаривает? — опешил Шект.

— Да нет, он умеет говорить, просто не хочет. Он плохо говорит.

— И вы хотите, чтобы он поумнел?

Арбин медленно кивнул.

— Если его немного подучить, он бы смог делать работу, которая жене не под силу.

— А вы понимаете, что он может умереть? — Арбин беспомощно смотрел на доктора, крутя пальцами. — Мне нужно его согласие, — сказал Шект.

— Он не поймет, — упрямо мотнул головой фермер. И выпалил одним духом: — Но вы-то поймите, войдите в положение. Вы не похожи на человека, который не знает жизни. Он ведь стареет. О Шестидесяти пока речи нет, но что если в следующую перепись его сочтут полоумным и заберут? Мы не хотим его терять, потому я и привез его сюда. А если я так секретничаю, то это потому, — Арбин невольно обвел глазами стены,

будто сомневаясь, нет ли за ними посторонних ушей, — потому, что вдруг блюстителям это не понравится. Вдруг они сочтут, что я, помогая убогому, нарушаю Наказ, но ведь жизнь-то тяжела… Да и вам будет польза. Вы же сами приглашали добровольцев.

— Это так. Где же ваш родственник?

— В моей двухколеске, если его еще там не нашли, — оживился Арбин. — Он не сумеет за себя постоять, если кто-то…

— Будем надеяться, что он в сохранности. Давайте поставим машину в наш подземный гараж. Я прослежу, чтобы о вашем подопечном никто не узнал, кроме моих помощников. И могу вас заверить, что никаких неприятностей с Братством у вас не будет.

Шект дружески ударил Арбина по плечу, и тот осклабился, будто у него с шеи наконец сняли петлю.

Шект смотрел на лысеющего толстяка, который спал на кушетке, дыша глубоко и мерно. Да, говорит нечленораздельно, чужих слов не понимает. Однако физические признаки слабоумия отсутствуют. И рефлексы в порядке для пожилого.

Да-а, для пожилого…

Шект покосился на Арбина, бдительно наблю-

дающего за происходящим.

— Хотите, сделаем ему костный анализ?

— Нет, — крикнул Арбин и добавил потише: — Не хочу, чтобы что-нибудь делалось для его опознания.

— Было бы неплохо, для пущей безопасности, узнать его возраст.

— Ему пятьдесят, — коротко ответил Арбин.

Физик пожал плечами — это, в конце концов, неважно. И снова посмотрел на спящего. Пациент, когда его привели, был угнетен, безразличен, замкнут. Даже гипнопилюли как будто не вызвали в нем подозрения — когда ему предложили их, он судорожно улыбнулся в ответ и проглотил.

Лаборант уже вкатывал последнюю из громоздких составляющих синапсатора. В поляризованных окнах операционной при нажатии кнопки произошла молекулярная перестройка, и они сделались матовыми. Остался только холодный белый свет над операционным столом, на который с помощью сильного магнитного поля уже переносили по воздуху пациента.

Арбин по-прежнему сидел в темноте, ничего не понимая, но твердо намереваясь вмешаться, если что пойдет не так — да только как все должно идти?

Физики, не обращая на него внимания, прикрепляли электроды к голове пациента — это дело нескорое. Шект исследовал строение черепа по Ульстеру и, обнаружив извилистые, узловатые борозды, хмуро усмехнулся про себя. По бороздам черепа нельзя безошибочно определить возраст, но в данном случае они достаточно красноречивы. Этому человеку гораздо больше пятидесяти.

Потом Шект перестал улыбаться. Что-то не так с этими бороздами…

Он готов был поклясться, что перед ним первобытный, атавистический череп, но… Может быть, это следствие умственной неполноценности пациента? Тут пораженный Шект воскликнул:

— Как я не заметил — у него же на лице растут волосы! У него всегда росла борода? — спросил он у Арбина.

— Борода?

— Волосы на лице! Идите сюда! Видите?

— Да. — Арбин вспомнил, что утром тоже заметил это, но потом позабыл. — Да, он таким и родился… вроде бы.

— Давайте-ка мы их уберем. Вы же не хотите, чтобы он смахивал на дикого зверя, верно?

— Конечно.

Лаборант, натянув перчатки, удалил щетину с

помощью депиляторной мази.

— У него и на груди волосы, доктор Шект, — сказал он.

— О небо! Дайте-ка посмотреть. Надо же, какой мохнатый! Ладно, оставим. Под рубашкой не видно. Продолжим с электродами. Ставим здесь, здесь и здесь. — Тонкие, как волоски, платиновые проволочки входили в кожу. Теперь по ним, сквозь черепные борозды, будут регистрироваться слабые микротоки, циркулирующие между клетками мозга.

Электроды подключили и выключили, и стрелки чувствительных амперметров дрогнули и опали. Иглы пишущих устройств прочертили на разграфленной бумаге несколько острых зубцов. Положив график на подсвеченное матовое стекло, физики склонились над ним и зашептались. До Арбина доносились отдельные слова:

— ...Необычайная регулярность... посмотрите на высоту пятого зубца... надо бы проанализировать... и так ясно.

Затем началась долгая и утомительная процедура настройки синапсатора. Поворачивались тумблеры, снова и снова проверялись показания приборов. Наконец Шект улыбнулся Арбину:

— Теперь уже скоро.

Машина нависла над спящим, как неповоротливое голодное чудище. Ко всем конечностям прикрепили длинные провода, под голову подложили подушку из материала, похожего на твердую черную резину, закрепив ее зажимами на плечах. И наконец челюсти двух больших электродов противоположного заряда разъединились и прилипли к бледным пухлым вискам.

Шект, не сводя глаз с хронометра, положил руку на выключатель. Щелчок — и ничего как будто не произошло, даже бдительный Арбин ничего не заметил. Через три минуты — а казалось, прошли часы, — Шект снова щелкнул выключателем.

Его ассистент поспешно нагнулся над продолжающим спать Шварцем и с торжеством объявил:

— Жив.

Еще несколько часов взволнованные физики продолжали вести график работы мозга, исписав целые тома.

Далеко за полночь пациенту сделали укол, и у него дрогнули веки.

Измученный, но счастливый Шект отошел, потирая лоб.

— Все хорошо, но придется оставить его у нас на несколько дней, уважаемый, — твердо сказал

он Арбину.

В глазах у фермера вспыхнула тревога.

— Но как же…

— Нет уж, положитесь на меня. Он будет цел и невредим, ручаюсь вам головой. Слышите — головой ручаюсь. Оставьте его нам; кроме нас, его никто не увидит. Если вы сейчас заберете его с собой, он может этого не пережить. Какой же вам прок? И потом, если он умрет, придется объяснять блюстителям, откуда взялся труп.

Последний довод доконал Арбина, и он спросил, проглотив слюну:

— А как же я узнаю, когда за ним можно приехать? Я вам своего имени не скажу!

— А я вас и не спрашиваю, — видя, что фермер сдается, сказал Шект. — Приезжайте ровно через неделю к десяти вечера. Я буду ждать вас у входа в тот самый гараж, где стоит сейчас ваша машина. Доверьтесь мне — вам нечего бояться.

Ночью Арбин выехал из Чики. Прошли сутки с тех пор, как незнакомец постучался к нему в дверь, и за это время Арбин преступил не один Наказ. Как это еще сойдет ему с рук?

Он невольно оглядывался, ведя двухколеску по пустой дороге. Вдруг за ним следят? Вдруг выследят, куда он едет? А может, его уже засняли,

и теперь в архивах Братства, в далеком Вашенне, идет неторопливый поиск? Там хранятся данные на всех живых землян, еще не достигших Шестидесяти. Шестидесяти, которые когда-нибудь приходят ко всем землянам. Арбину до них оставалась еще четверть века, но с некоторых пор он жил в постоянном ожидании — из-за Грю, а теперь еще из-за незнакомца.

Что, если вообще не возвращаться в Чику?

Нет! Они с Лоа недолго смогут тянуть лямку за троих, а если они потерпят крах, откроется их первое преступление — укрывательство Грю. Видно, если уж раз нарушил Наказ, приходится продолжать.

Арбин знал, что вернется, чем бы это ему ни грозило.

Шект собрался прилечь только глубокой ночью, и то по настоянию обеспокоенной Полы, но спать не мог. Подушку будто нарочно изобрели для того, чтобы его удушить, простыни сбивались в комок. Шект встал и подошел к окну. Город был погружен во тьму, лишь где-то за озером небо слабо светилось голубым светом смерти, охватывающим всю Землю за исключением нескольких пятачков вроде этого.

События безумного дня продолжали прокручи-

ваться в памяти. Отправив восвояси напуганного фермера. Шект первым делом отправился в Дом правительства. Энниус, должно быть, ждал его, потому что принял лично. На прокураторе по-прежнему был свинцовый костюм.

— А, Шект, добрый вечер. Эксперимент окончен?

— Окончен, и мой доброволец тоже чуть не скончался, бедняга.

— Хорошо, что я не остался, — содрогнулся Энниус. — Ученые, сдается мне, недалеко ушли от убийц.

— Он еще жив, прокуратор, и мы, возможно, спасем его, но…

— Я бы на вашем месте впредь ограничивался крысами. Но на вас просто лица нет, дружище. Вы-то давно должны были закалиться, не в пример мне.

— Старею, милорд.

— На Земле это опасное занятие, — сухо ответил Энниус. — Отправляйтесь-ка спать, Шект…

Шект все сидел у окна, глядя на темный город умирающего мира.

Два года, как он изобрел синапсатор, и все эти два года его держит в руках Общество Блюстителей Старины или Братство, как они себя

называют.

Он написал шесть или семь статей, которые, если опубликовать их в «Сирианском журнале нейрофизики», могли бы принести ему галактическую известность, а он так мечтал о ней. Но рукописи пылились в столе, а взамен в «Физическом обозрении» появилась та жалкая надувательская статейка. Таковы методы Братства: лучше полуправда, чем ложь.

Но Энниус заинтересовался синапсатором. Почему?

Может быть, он что-то знает? Вдруг Империя питает те же подозрения, что и доктор Шект?

За двести лет Земля восставала три раза. Три раза под знаменем былого величия повстанцы шли на имперские гарнизоны. Три раза терпели они поражение, чего и следовало ожидать. Если бы не высокая просвещенность Империи и не мудрые государственные мужи в галактических советах, Землю вычеркнули бы кровью из списка обитаемых планет.

Но теперь все могло обернуться по-другому. Могло — или должно было обернуться? Насколько можно полагаться на слова умирающего безумца в полубессознательном состоянии?

Впрочем, какая разница. Все равно он, Шект,

не осмелится ничего предпринять. Остается только ждать. Он стареет, а на Земле это опасное занятие, как сказал Энниус. Грядут Шестьдесят, и мало кому удается ускользнуть от их неумолимых тисков.

А Шекту хотелось жить — хотя бы на этом выжженном комке грязи, называемом Землей.

Он снова улегся в постель и перед тем, как уснуть, успел с тревогой подумать: а не засекли ли блюстители его беседу с Энниусом? Он не знал еще, что у блюстителей есть и другие источники информации.

К утру молодой ассистент Шекта принял окончательное решение.

Он восхищался Шектом, но хорошо знал, что эксперимент над безымянным добровольцем нарушает прямое указание Братства. Указание, которое носило характер Наказа — не подчиниться ему означало совершить тяжкое преступление.

Молодой человек хорошенько подумал. Откуда мог взяться доброволец? Кампания по их привлечению была тщательно продумана. Информация давалась такая, чтобы, с одной стороны, усыпить подозрения шпионов Империи, а с другой — не слишком поощрять желающих. Общество Блюстителей присылало для опытов своих людей, и

этого было достаточно.

Кто тогда прислал этого? Те же блюстители, но тайно? Чтобы проверить, насколько надежен Шект?

А может, Шект — предатель? В тот день он с кем-то беседовал взаперти, с кем-то в громоздком костюме, такие носят чужаки для защиты от радиации.

Шект в любом случае обречен, зачем же гибнуть вместе с ним? Он, лаборант, человек молодой, у него впереди почти четыре декады жизни. Зачем торопить свои Шестьдесят?

Глядишь, и повысят… Шект стар, может не пережить следующей переписи, какая же ему разница? Никакой.

Лаборант решился. Он протянул руку и набрал номер верховного министра, который, после императора и прокуратора, был властен над жизнью и смертью любого жителя Земли.

Снова настал вечер, и только тогда сквозь розовую дымку боли в мозгу Шварца стали проступать смутные образы. Он вспомнил, как они ехали к скоплению низких домов у озера, как он потом долго ждал, скрючившись на полу машины.

Что же было дальше? Что? Сознание отказывало. Да — за ним пришли. Была какая-то комната

с множеством приборов. Ему дали две пилюли… Да. Ему дали пилюли, и он охотно принял их. Что ему было терять? Смерть от яда была бы благодеянием.

А потом — ничего.

Нет, какие-то проблески сознания все же сохранились. Над ним склонялись чьи-то лица… Вдруг вспомнилось холодное прикосновение стетоскопа к груди… Какая-то девушка кормила его с ложечки.

Да ведь это же была операция, внезапно понял Шварц! В панике он отбросил простыни и сел.

Та же девушка, положив руки ему на плечи, снова заставила его лечь. Она что-то успокаивающе говорила, Шварц не понимал ее и сопротивлялся этим тонким рукам, но тщетно — сил совсем не было.

Он поднес руки к глазам — руки были на месте. Пошевелил ногами под простыней — нет, и ноги не ампутировали. Не очень надеясь на результат, он спросил у девушки:

— Вы меня понимаете? Можете сказать, где я?

И с трудом узнал собственный голос.

Девушка улыбнулась и быстро, непонятно заговорила. Шварц застонал. Вошел пожилой мужчина, тот, что давал ему пилюли, что-то ска-

зал девушке, и она стала делать Шварцу какие-то ободряющие жесты, указывая на губы.

— Что? — не понял он.

Девушка с жаром закивала, вся засветившись от радости, на нее было приятно смотреть даже в таких тревожных обстоятельствах.

— Хотите, чтобы я говорил? — спросил Шварц. Мужчина сел к нему на кровать и жестами предложил открыть рот.

— А-а, — сказал он.

И Шварц повторил за ним:

— А-а.

Одновременно тот массировал ему адамово яблоко.

— В чем дело? — сварливо осведомился Шварц, когда процедура окончилась. — Вас удивляет, что я умею говорить? За кого вы меня принимаете?

Дни шли за днями, и Шварц кое-чему научился. Мужчину звали доктор Шект — первое имя, которое Шварц услышал с тех пор, как переступил через тряпичную куклу. Девушка была его дочь, Пола. Шварц обнаружил, что можно больше не бриться — волосы на лице не росли. Это испугало его. Росли они раньше или нет?

Силы быстро возвращались к нему. Ему теперь разрешали одеваться и ходить, а есть давали не

только кашу.

Выходит, у него все-таки амнезия, и здесь его лечат? Выходит, это и есть нормальный, естественный мир, а тот мир, который он будто бы помнит — только порождение больного мозга?

Его никуда не выпускали из комнаты, даже в коридор. Значит, он в заключении? Он совершил какое-то преступление?

Нет большего одиночества, чем одиночество человека, заблудившегося в бесконечных извилистых переходах собственного разума, куда никто не может проникнуть и где никто не спасет. Нет беспомощнее того, кто ничего не помнит.

Пола забавлялась, обучая его говорить. Шварца нисколько не удивляла легкость, с которой он запоминал новые слова. Он помнил, что в прошлом отличался хорошей памятью — по крайней мере, она никогда его не подводила. Через два дня он уже мог понимать простые предложения. Через три — мог объясняться сам.

Однако на третий день его все-таки кое-что удивило. Шект показывал ему цифры и задавал задачи. Шварц решал, а Шект, посматривая на таймер, что-то быстро записывал. Потом он объяснил Шварцу, что такое логарифмы, и попросил найти логарифм числа 2.

Шварц ответил, старательно подбирая слова: его словарь был все еще очень беден, и он подкреплял его жестами:

— Я… не… знать. Нет… такой… цифра.

Шект взволнованно кивнул.

— Нет такой цифры, — подтвердил он. — Ни одна, ни другая; часть одной, часть другой.

Шварц прекрасно понял, что говорит Шект, — ответ представляет собой не целое число, а только часть его. И сказал:

— Ноль запятая три ноль один ноль три… и еще цифры.

— Достаточно!

Тогда Шварц и удивился. Откуда он знал ответ? Он был уверен, что раньше не слыхивал о логарифмах, но ответ возник у него в уме, как только был задан вопрос. Шварц не имел представления, как он это вычислил.

Точно мозг существовал независимо от него, используя его, Шварца, только для кормления.

А может, до амнезии он был математиком?

Дни казались ему невыносимо долгими. Он все сильнее ощущал, что должен выйти в широкий мир и добиться хоть какого-то ответа. В этих четырех тюремных стенах он ничего не узнает, ведь он здесь — вдруг его осенило — всего лишь

подопытный кролик.

Случай представился на шестой день. Окружающие стали полностью доверять ему, и однажды Шект, уходя, не запер дверь. Раньше она закрывалась так плотно, что не видно было даже, где она прилегает к стене, а теперь там просматривался квадратик света.

Шварц подождал, не вернется ли Шект, а потом медленно поднес руку к светлому отверстию, как это делали другие. Дверь тихо и плавно скользнула вбок. Коридор был пуст.

Так Шварц «бежал».

Откуда ему было знать, что все шесть дней его пребывания в институте агенты Общества Блюстителей вели слежку за домом, за его комнатой и за ним самим?

Глава 6
Ночные тревоги

Ночью дворец прокуратора представлял собой не менее волшебное зрелище. Ночные цветы, все неземного происхождения, раскрывались большими белыми гроздьями, и тонкий аромат доходил до самого дворца. Под поляризованным лунным светом силиконовые нити, искусно

вплетенные в алюминиевые стены, начинали излучать слабый фиолетовый свет, отражаемый блестящим металлом.

Энниус смотрел на звезды. Они казались ему воистину прекрасными — ведь это была Империя.

Звездное небо Земли представляло собой нечто среднее между ослепительно сияющими небесами Центральных Миров, где звезды состязаются друг с другом в такой тесноте, что в их сплошном костре не видно ночи, и пустынным величием небес Периферии, где сплошная чернота лишь изредка нарушается мерцанием сиротливой звезды да светится млечная линза Галактики, в которой отдельные звезды сливаются в алмазную пыль.

На Земле можно было одновременно наблюдать две тысячи звезд. Энниусу виден был Сириус, вокруг которого вращается одна из десяти самых населенных планет Империи. А вот Арктур, солнце его родного сектора. Солнце Трентора, столицы Империи, затерялось где-то среди Млечного Пути и даже в телескопе сливалось с общим сиянием.

На плечо Энниуса легла мягкая рука, и он накрыл ее своей.

— Флора? — шепнул он.

— Ты еще сомневаешься? — с нежной насмешкой ответила ему жена. — Знаешь ли ты, что не

спишь с тех самых пор, как вернулся из Чики? И знаешь ли ты, что скоро рассвет? Может быть, мы и завтракать будем здесь?

— Почему бы и нет? — Любовно улыбнувшись, Энниус нашел в темноте каштановый локон жены и легонечко потянул. — Но зачем тебе бодрствовать со мной и утомлять самые прекрасные глазки во всей Галактике?

Она ответила, высвобождая волосы:

— Ничего моим глазкам не сделается, если ты не будешь пускать в них свой сахарный сироп. Я уже видела тебя таким, и меня не проведешь. Что тебя тревожит теперь, дорогой?

— То же, что и всегда. Что я напрасно похоронил тебя здесь, в то время как в Галактике нет ни одного вице-королевского двора, который бы ты не украсила.

— Что еще? Полно, Энниус, не шути со мной.

Энниус покачал головой в темноте:

— Не знаю. Должно быть, меня одолели разные досадные мелочи, вместе взятые. Шект со своим синапсатором, Арвардан со своими теориями и всякое другое. Ах, что толку, Флора, — от меня здесь никакой пользы.

— Предутренние часы — не самое подходящее время для того, чтобы сводить счеты с совестью.

Но Энниус продолжал.

— Эти земляне! — процедил он сквозь зубы. — Такая горстка людей и так досаждает Империи! Помнишь, Флора, когда меня только назначили прокуратором, старый Фарул, мой предшественник, предупреждал меня о том, что готовит мне этот пост? Он был прав. Он еще недостаточно серьезно предостерег меня. А я тогда смеялся над ним, считая его в душе жертвой старческого бессилия. То ли дело я — молодой, дерзкий, активный. Кому и править, как не мне? — Он помолчал, погрузившись в себя, и заговорил как будто без связи с прежними словами: — Но не зависящие друг от друга доказательства убеждают меня в том, что земляне снова больны мечтой о восстании. Ты знаешь доктрину Общества Блюстителей? Она гласит, что Земля в свое время была единственным обиталищем человечества, что она избранный центр Вселенной и только здесь существует истинный человек.

— Но ведь то же самое говорил нам Арвардан два дня назад.

В такие минуты лучше всего было дать мужу выговориться.

— Да, говорил, — сумрачно согласился Энниус, — но он говорил о прошлом, а блюстители

ведут речь о будущем. Они говорят, что Земля снова станет центром Вселенной. Уверяют даже, что это мифическое Второе Царствие вот-вот наступит: Империя рухнет в некой вселенской катастрофе, а Земля восстанет во всем блеске своей древней славы… — Голос прокуратора дрогнул. — Во всей красе отсталого, варварского, зараженного мира. Эти бредовые идеи уже три раза поднимали их на восстание, и жестокие расправы ни на волос не поколебали их слепой веры.

— Они всего лишь бедные, несчастные люди, — сказала Флора. — Что им остается, кроме веры, если все остальное у них отнято — нормальный мир, нормальная жизнь. Они лишены даже сознания своего равенства со всей прочей Галактикой, потому и уходят в свои мечты. Можно ли их за это упрекать?

— Еще как можно, — вскричал Энниус. — Пусть меняют свои мечты в корне и борются за ассимиляцию. Пока что они не отрицают, что отличаются от других людей, но хотят разом получить все, что эти другие имеют. Не может же Галактика подать им это на блюде. Пусть откажутся от своего сектантства, от своих устаревших преступных Наказов. Пусть станут людьми — и

все будут считать их людьми. А останутся землянами, такими их и будут считать. Ладно, оставим это. Синапсатор — вот что не дает мне спать.

И Энниус задумчиво посмотрел на восток, где глубокая чернота неба едва начинала сереть.

— Синапсатор? Тот прибор, о котором доктор Арвардан говорил за обедом? Ты летал в Чику, чтобы узнать о нем побольше? — Энниус кивнул. — И что же ты выяснил?

— Да ничего. Я знаю Шекта — хорошо знаю. И вижу, когда он чувствует себя свободно, а когда нет. Так вот, Флора, все время, пока он говорил со мной, его терзала тревога. А когда я ушел, его прямо пот прошиб от облегчения. Тут какая-то нехорошая тайна, Флора.

— Но машина-то работает?

— Что я понимаю в нейрофизике? Шект говорит, что не работает. Он позвонил мне и сказал, что испытуемый чуть не погиб, но я ему не верю. Он был вне себя от волнения. Более того — он торжествовал! Испытуемый выжил, и эксперимент удался, иначе я уж и не знаю, что такое счастливый человек. Значит, он лгал мне? И синапсатор действует? И способен создавать гениев?

— Тогда зачем держать это в секрете?

— Зачем, зачем! Ты разве не понимаешь? По-

чему восставшие земляне каждый раз терпели поражение? Да потому, что силы были слишком неравны. А если увеличить интеллект среднего землянина в два раза? Или в три? Может быть, тогда силы перестанут быть неравными?

— Ох, Энниус.

— Мы окажемся в положении обезьян, воюющих с людьми. И каковы тогда будут наши шансы?

— Право же, ты пугаешься тени. Они не смогли бы этого скрыть. Всегда можно запросить из Департамента внешних провинций пару психологов и поручить им вести выборочное тестирование землян. Если коэффициент умственного развития резко превысит норму, это сразу же будет заметно.

— Да, наверное. Но дело, может быть, и не в синапсаторе. Я ни в чем не уверен, Флора, кроме того, что восстание назревает. Будет что-то похожее на семьсот пятидесятый год, если не хуже.

— Готовы ли мы к этому? Ведь если ты так уверен…

— Готовы ли? — рассмеялся лающим смехом Энниус. — Мы-то готовы. Гарнизон в полной боевой. Все, что можно было сделать с подручным материалом, я сделал. Но я не хочу восстания,

Флора. Не хочу войти в историю, как прокуратор эпохи восстания. Не хочу, чтобы мое имя связали с бойней и смертью. Сейчас меня наградят, а лет через сто во всех учебниках обзовут кровавым тираном. Помнишь вице-короля Сантании в шестом веке? Разве он мог поступить иначе, чем поступил, хотя при этом и погибли миллионы людей? Тогда его восхваляли, а кто теперь скажет о нем доброе слово? Я предпочел бы войти в историю как человек, предотвративший восстание и спасший бесполезные жизни двадцати миллионов глупцов.

Но видно было, что Энниус не питает на это надежды.

— А ты уверен, Энниус, что не можешь его предотвратить, хотя бы сейчас?

Флора села рядом с мужем и провела кончиками пальцев по его напряженному лицу. Энниус поймал ее руку и крепко сжал.

— А как? Все против меня. Даже Департамент сыграл на руку земным фанатикам, прислав сюда этого Арвардана.

— Но, дорогой, что такого ужасного в этом археологе? Он чудак, признаю, но чем он может тебе навредить?

— Да разве непонятно? Ведь он рвется доказать,

что Земля в самом деле родина человечества. Рвется подвести научную базу под будущий переворот.

— Ну так останови его.

— Не могу. В том-то вся и беда. Это только так считается, будто вице-король может все. У Арвардана есть письменное разрешение от Департамента внешних провинций, заверенное императором, и я бессилен. Могу только апеллировать к Центральному Совету, но на это уйдет несколько месяцев. И какие аргументы я могу привести? С другой стороны, останови я Арвардана силой — это сочтут актом неподчинения; а ты знаешь, как быстро Центральный Совет расправляется с чиновниками, которые слишком много на себя берут, так ведется с гражданской войны восьмидесятых годов. Что тогда? Меня заменит человек, вообще не понимающий ситуации, и Арвардан все равно возьмет свое. И это еще не самое худшее, Флора. Знаешь, как он собирается доказывать свою теорию? Угадай.

— Ты шутишь, Энниус, — тихо засмеялась Флора. — Ну как я могу угадать? Я же не археолог. Наверное, будет откапывать старые статуи и кости и определять их возраст по степени радиоактивности, что-то в этом роде.

— Это бы еще ничего. Но он сказал мне вчера, что намерен работать в радиоактивных зонах Земли. Надеется найти там человеческие артефакты, доказать, что они существовали еще до того, как земная почва стала радиоактивной (он настаивает на том, что земная радиоактивность — искусственного происхождения), и таким образом определить их возраст.

— Но я почти так и сказала.

— А ты знаешь, что значит проникнуть в радиоактивную зону? Запретные Зоны — это один из самых строгих Наказов землян. Ни один человек не может войти в Запретную зону, а все радиоактивные зоны — запретные.

— Вот и хорошо. Арвардана остановят сами же земляне.

— Прекрасно. Верховный министр ему запретит. Как потом убедить верховного министра, что Арвардан действует не с дозволения правительства и что Империя намеренно не потворствует святотатству?

— Неужели верховный министр такой чувствительный?

— Кто, он? — Энниус посмотрел в глаза жене: в сером предутреннем свете он уже начинал различать ее лицо. — Твоя наивность просто тро-

гательна. Еще какой чувствительный. Знаешь, что случилось тут лет пятьдесят назад? Я тебе расскажу, и можешь судить сама. Как повелось, земляне не допускают у себя на планете никаких знаков императорской власти, настаивая на том, что законным правителем Галактики должна быть Земля. Но однажды юный император Станелл Второй — он был не совсем в здравом уме, и его убили после двух лет правления, как тебе известно, — так вот он распорядился, чтобы в Зале Совета в Вашенне установили эмблему Империи. Сам по себе приказ был разумным — подобные эмблемы установлены во всех планетарных залах Совета Галактики как символ единства Империи. А что получилось на деле? Как только эмблему установили, весь город взбунтовался. Вашеннские безумцы сорвали эмблему и с оружием в руках двинулись на имперский гарнизон. У Станелла Второго хватило глупости повелеть, чтобы его приказ был выполнен любой ценой, даже если бы пришлось перебить всех землян до единого. Но его вовремя убили, и только Эдард, его преемник, отменил приказ об эмблеме. И все успокоилось.

— Ты хочешь сказать, что имперская эмблема так и не была установлена?

— Именно это я и хочу сказать. Бог свидетель — Земля единственная из миллионов планет Империи, где нет эмблемы в Зале Совета. И на этой-то планете мы с тобой и живем. Попытайся мы поставить эмблему сегодня — и они бы опять боролись до последнего. А ты сомневаешься в их чувствительности. Говорю тебе — они не в своем уме.

Они помолчали в медленно тающих предрассветных сумерках. Потом Флора заговорила вновь, тихо и неуверенно.

— Энниус?

— Да.

— Ожидаемое восстание беспокоит тебя не только потому, что ты опасаешься за свою репутацию. Я не была бы твоей женой, если б не умела хоть немного читать твои мысли, и мне кажется, ты считаешь, что Империи грозит какая-то серьезная опасность. Не надо ничего от меня скрывать, Энниус. Ты боишься, что земляне *победят.*

— Флора, я не могу говорить об этом, — с мукой в глазах сказал Энниус. — Это нельзя даже назвать предчувствием… Может быть, четыре года в таком мире — слишком много для нормального человека, но почему тогда земляне так уверены?

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. У меня тоже есть свой источник информации. Все-таки они уже трижды терпели поражение. У них просто не могло остаться никаких иллюзий. А они бросают вызов двумстам миллионам миров, каждый из которых сильнее их, и при этом уверены в победе. Неужели в них так крепка вера в некий Рок или в некую Высшую силу, которая спасет их, и только их одних? А может быть… может быть…

— Что «может быть», Энниус?

— Может быть, у них есть какое-то секретное оружие.

— Оружие, которое позволит одному миру победить двести миллионов миров? Ты просто паникуешь. Такого оружия не существует.

— Я ведь говорил тебе о синапсаторе.

— А я сказала тебе, как с ним бороться. Ведь больше ни о каком оружии тебе неизвестно?

— Нет, — неохотно сознался Энниус.

— Вот видишь. А теперь я скажу тебе, что делать, дорогой. Почему бы тебе не встретиться с верховным министром и не поделиться с ним, от своего имени, планами Арвардана? Выразишь свое неофициальное желание, чтобы ему не давали разрешения. Тогда никто не заподозрит

имперское правительство в том, что оно причастно к безрассудному надругательству над земными законами. И ты остановишь Арвардана, сам при этом оставаясь в тени. Потом запроси в Департаменте двух хороших психологов — проси лучше четырех, тогда точно пришлют двух, — и пусть они займутся проверкой синапсатора. Со всем прочим управятся наши солдаты, а потомки пусть сами заботятся о себе. Почему бы тебе не уснуть прямо здесь? Откинем спинку стула, укроешься моей меховой накидкой, а завтрак я велю подать сюда, когда ты проснешься. В солнечном свете все покажется тебе иным.

И Энниус, проведя всю ночь без сна, уснул за пять минут до восхода. А восемь часов спустя верховный министр впервые услышал из уст прокуратора о Беле Арвардане и его миссии.

Глава 7
Они что, сумасшедшие?

Что же касается самого Арвардана, то он желал лишь одного: устроить себе каникулы. Его корабль, «Змееносец», ожидался не раньше чем через месяц, и он мог провести этот месяц в свое удовольствие.

Поэтому на шестой день своего пребывания на Эвересте Арвардан распрощался с хозяевами и отправился в путь на самом большом стратолайнере Аэротранспортной компании, который совершал рейсы между Эверестом и столицей Земли — Вашенном. Он намеренно летел на пассажирском лайнере, а не на быстроходном личном стратоплане, который предоставил ему Энниус, поскольку испытывал естественное любопытство археолога и путешественника к повседневной жизни обитателей планеты Земля.

Была у него и другая причина.

Арвардан был родом из сирианского сектора, печально знаменитого своим антитеррализмом, но льстил себя надеждой, что сам этого предубеждения не разделяет. Как ученый, как археолог он просто не мог себе этого позволить. Пусть он вырос, привыкнув считать землян анекдотическими персонажами, и теперь слово «землянин» казалось ему даже каким-то противным, но убежденным антитерралистом он не был.

Так, по крайней мере, он считал. Например, если бы землянин захотел присоединиться к его экспедиции или работать с ним, обладая при этом нужной подготовкой и способностями, то Арвардан его бы принял. При наличии вакансии,

конечно. И если остальные члены экспедиции были бы не против. Вот в чем загвоздка. Если сотрудники против, что ж поделаешь?

Аврадан не раз задумывался над этим. Он мог бы спокойно есть за одним столом с землянином, даже ночевать с ним под одной крышей в случае нужды… при условии, что землянин будет достаточно чистоплотным и здоровым. В общем, Аврадан во всем обращался бы с ним как с равным. Но, нельзя отрицать, все время бы сознавал, что землянин есть землянин. Тут уж ничего не поделаешь. Вот что значит вырасти в атмосфере нетерпимости… такой всеобъемлющей, что она почти не замечается, такой насыщенной, что ее аксиомы воспринимаются как вторая натура. Только сменив атмосферу, можно оценить, что это такое.

Вот ему и представился случай испытать себя. Он летел в окружении одних только землян и чувствовал себя почти естественно — разве что чуточку напряженно.

Он смотрел на ничем не примечательные, обыкновенные лица своих попутчиков. Говорили, что земляне не такие, как все, но вот этих он не отличил бы в толпе от жителей других планет. Женщины были недурны собой. Тут Аврадан

сдвинул брови. Нет уж, всякая терпимость имеет предел. Брак с землянкой, например, вещь совершенно немыслимая.

Сам самолет, по мнению Арвардана, был тесным и несовершенным. Двигатель, конечно, был ядерный, но использовался далеко не в полную силу. Да и защита была не на высоте. Видимо, рассеянная гамма-радиация и высокая плотность нейтронов в атмосфере не так уж волнует землян.

Арвардан залюбовался видом. Из густо-багровой верхней стратосферы Земля представляла собой сказочное зрелище. Огромные, затянутые туманом и густо усеянные освещенными облаками пространства суши отливали оранжевым оттенком пустыни. Позади медленно отступала от стратоплана мягкая мохнатая ночь, где светились радиоактивные зоны.

От окна Арвардана отвлек общий смех, центром которого казалась пожилая пара, оба в теле и оба веселые.

Арвардан толкнул локтем своего соседа.

— Что там такое?

— Да вот, они уже сорок лет женаты и теперь совершают Большой тур.

— Большой тур?

— Ну да, кругосветное путешествие.

Пожилой супруг, раскрасневшись от удовольствия, без устали болтал, а жена периодически вмешивалась, дотошно поправляя его в совершенно незначительных деталях — вполне добродушно. Публика слушала их с большим участием, и Аврадану подумалось, что земляне ничуть не менее человечны, чем прочие обитатели Галактики.

— А когда вам на Шестьдесят? — спросил кто-то.

— Через месяц, — весело отвечали супруги. — Шестнадцатого ноября.

— Что ж, надеюсь, вам повезет и день будет хороший. Мой отец отправился на Шестьдесят в такой проливной дождь, которого я сроду не видывал. Я ехал с ним — надо же было составить старику компанию в такой день, — и он все время жаловался. У нас была открытая двухколеска, и мы промокли до нитки. «Слушай, папа, — говорю я ему, — ты-то на что жалуешься? Мне ведь еще и обратно ехать придется, но я молчу».

Все покатились со смеху, не отставала и пара юбиляров. Но Аврадана охватил ужас — в нем зародилось отчетливое невеселое подозрение. И он спросил человека рядом с собой:

— Шестьдесят, о которых они говорят, это ведь эвтаназия? То есть когда человеку исполняется шестьдесят, его пускают в расход, да?

Но тут Арвардану стало не по себе: сосед, подавившись собственным хохотом, устремил на него долгий подозрительный взгляд и наконец сказал:

— А что же еще-то?

Арвардан сделал неопределенный жест и глуповато улыбнулся. Он знал об этом законе, но знание было чисто академическим. Одно дело — читать об этом в книге, обсуждать это в научном журнале, и совсем другое — вдруг понять, что это касается живых людей, что все окружающие тебя мужчины и женщины не могут по закону жить дольше шестидесяти лет.

Сосед так и не сводил с него глаз.

— Эй, парень, а ты откуда? У вас там что, не знают, что такое Шестьдесят?

— У нас это называется «Время», — вывернулся Арвардан. — Я оттуда. — И указал большим пальцем себе за плечо.

Но только через четверть минуты сосед отвел от него тяжелый, испытующий взгляд.

Экая подозрительность, скривил губы Арвардан. Тот карикатурный землянин его детства был,

однако, взят с натуры.

— Она пойдет со мной, — говорил старик, кивая на свою добродушную жену. — Ей срок только через три месяца, но она решила, что ждать не стоит — лучше уж пойти вместе. Так ведь, толстушка?

— Ну да, — хихикнула она. — Дети все переженились, живут своим домом, я им буду только в тягость. Да мне и невесело будет без моего старичка, уж лучше мы уйдем вместе.

Тут все пассажиры углубились в подсчеты, сколько кому осталось времени — учитывались и месяцы, и дни. Жены спорили с мужьями.

Решительный мужичок в тесном костюме выпалил:

— Мне осталось ровно двенадцать лет, три месяца и четыре дня. Двенадцать лет, три месяца и четыре дня. Ни больше, ни меньше.

— Если, понятно, раньше не умрешь, — резонно заметил кто-то.

— Чепуха. Я не собираюсь умирать раньше. Разве я похож на такого, который умрет раньше? Мне еще жить двенадцать лет, три месяца и четыре дня, и пусть только кто попробует с этим спорить.

Стройный юноша, вынув изо рта длинную щегольскую сигарету, мрачно сказал:

— Хорошо, если кто высчитывает свой срок с точностью до дня. А много ведь таких, которые заживаются после срока.

— Это точно, — подхватил другой, и все негодующе загудели.

— Я не против, — продолжал молодой человек, то попыхивая сигаретой, то красиво смахивая с нее пепел, — не против, если человек тянет после дня рождения до следующего Дня Совета. Может, ему дела надо уладить, мало ли. Но эти трусливые паразиты, которые стараются дотянуть до следующей переписи и отнимают хлеб у молодых…

К ним, как видно, молодой человек питал личную неприязнь.

— А разве возраст всех и каждого не регистрируется? — мягко вмешался Арвардан. — Ведь трудно, должно быть, долго тянуть после дня рождения?

Все промолчали, не скрывая своего презрения к наивности вопроса, и наконец кто-то дипломатично произнес, будто закрывая тему:

— Да и несладко, по-моему, жить после шестидесяти.

— Особенно фермеру, — энергично поддержал другой. — Когда полвека проработаешь в поле, дураком надо быть, чтобы не радоваться, что

уходишь. Но если ты чиновник или, скажем, бизнесмен…

Супруг с сорокалетним стажем рискнул высказаться, считая, видимо, что ему, как скорой жертве Шестидесяти, терять уже нечего:

— Тут все зависит от того, кто у тебя знакомые. — И многозначительно подмигнул. — Я знал человека, которому исполнилось шестьдесят через год после переписи восемьсот десятого года, и он жил, пока его не накрыли в перепись восемьсот двадцатого. Тогда ему было шестьдесят девять. Шестьдесят девять, подумать только!

— Как это он ухитрился?

— Деньги водились, и брат был в Обществе Блюстителей. С этакой комбинацией все можно.

Все согласились с рассказчиком.

— Слушайте, — таинственно начал молодой человек с сигаретой, — у меня был дядя, который прожил лишний год, всего год. Он как раз был из таких эгоистов, которые нипочем не хотят уходить. На нас ему было наплевать… Я не знал, что он живет, не то, честное слово, заявил бы на него, потому что уходить надо вовремя. Надо быть честным по отношению к молодым. В общем, его засекли, и блюстители первым делом вызывают нас с братом и спрашивают, почему мы не заяви-

ли. Я им говорю: я и понятия не имел, что дядя жив, и вся наша семья тоже, мы, говорю, его уже десять лет не видели. И наш старик подтвердил, и все-таки с нас содрали пятьсот кредиток штрафу. Вот что бывает, когда связей нет.

Растерянность Арвардана все возрастала. Они что, сумасшедшие? Как можно отрекаться от друзей и родных, желающих избежать смерти? Может, он случайно попал на самолет, который везет умалишенных в лечебницу или на эвтаназию? А может, все земляне такие? Сосед снова тяжело уставился на него.

— Эй, парень, откуда это «оттуда»?

— Простите?

— Я говорю, откуда ты? Ты сказал «оттуда». Это откуда же, а?

Теперь на Арвардана смотрели все, и смотрели очень подозрительно. Может, они принимают его за одного из этих самых блюстителей? А его вопросы наверняка сочли провокаторскими. Арвардан решился откровенно во всем признаться.

— Я не землянин. Бел Арвардан с Баронны, сектор Сириуса. А вас как зовут?

И протянул руку.

С таким же успехом он мог бы кинуть в середину салона атомную гранату.

Первоначальное выражение немого ужаса на лицах тут же сменилось злобой и враждебностью. Его сосед молча встал и пересел на другое сиденье, пассажиры которого потеснились, чтобы дать ему место.

Все отвернулись. Арвардана окружали теперь только враждебные спины. И это земляне так обращаются с ним, вознегодовал он. Земляне! А он-то протянул им руку дружбы. Он, сирианин, снизошел до общения с ними, а они его отталкивают!

Он сделал усилие и взял себя в руки. Этого следовало ожидать. Как видно, нетерпимость не бывает односторонней, и ненависть рождает ненависть. Кто-то подошел к нему, он возмущенно обернулся — это был молодой человек с сигаретой, который как раз закуривал.

— Привет, — сказал он. — Меня зовут Крин. Не обращай внимания на этих недоумков.

— Я и не обращаю, — отрезал Арвардан.

Общество парня его мало устраивало, и он не был настроен принимать сочувствие от землянина.

Но Крин, видимо, не отличался тонкостью восприятия. Он раскурил сигарету, сделав несколько сильных затяжек, и стряхнул пепел в проход.

— Деревня! — презрительно зашептал он. — Сплошные фермеры. Нет у них галактического кругозора. Ты с ними не связывайся. Вот, к примеру, я — у меня совсем другие взгляды. Живи и давай жить другим, я так понимаю. Я ничего не имею против чужаков. Если они ко мне хорошо относятся, то и я к ним буду хорошо относиться. Да чего там, никто ведь не выбирает, кем ему родиться — чужаком или землянином. Как по-твоему?

И он фамильярно потрепал Арвардана по руке.

Арвардан кивнул, но по коже у него пошли мурашки от этого прикосновения. Общаться с человеком, который жалеет, что не донес на своего дядю, было неприятно, независимо от его происхождения.

— Ты в Чику? — продолжал Крин. — Как, говоришь, тебя зовут? Албадан?

— Арвардан. Да, я лечу в Чику.

— Это мой родной город. Самый обалденный городишко на Земле. Ты надолго туда?

— Не знаю, не решил еще.

— А-а, Слушай, ты извини, но уж очень мне нравится твоя рубашка. Можно я посмотрю поближе? Сирианская, наверно?

— Да.

— Отличный материал. На Земле такую не достанешь. Слушай, друг, у тебя лишней с собой нет? Я у тебя куплю, если захочешь продать. Мигом провернем.

Арвардан решительно покачал головой.

— Извините, у меня с собой почти нет багажа. Я собирался купить себе одежду здесь, на Земле.

— Я дам тебе пятьдесят кредиток, — сказал Крин и, не получив ответа, обиженно добавил: — Это хорошая цена.

— Очень хорошая, но я уже сказал — у меня нет вещей на продажу.

— Ладно. Ты ведь надолго к нам на Землю?

— Возможно.

— А чем занимаешься?

Археолог наконец дал волю своему раздражению.

— Послушайте, господин Крин, я немного устал и хочу вздремнуть, с вашего позволения. Вы уж извините меня.

— «Извините»! У вас там что, вести себя не умеют? Я тебя вежливо спрашиваю, чего же ты огрызаешься?

Крин говорил уже не тихо, а почти вопил. К Арвардану поворачивались враждебные лица, и он, плотно сжав губы, с горечью подумал: сам

напросился. Ничего бы не было, если бы он с самого начала держался в стороне и не хвастался своей несчастной терпимостью, которая никому не нужна.

— Господин Крин, — ровно сказал он, — я не просил вас составить мне компанию и вел себя вполне вежливо. Повторяю вам, я устал и хочу отдохнуть. По-моему, это вполне нормально.

— Послушай, — молодой человек вскочил, отбросил сигарету и продолжал, тыча пальцем в Арвардана, — не надо обращаться со мной, как с собакой. Вы, чужаки вонючие, являетесь сюда, все такие воспитанные и сдержанные, и думаете, что нас можно топтать ногами. Мы этого не потерпим, учти. Если тебе здесь не нравится, можешь убираться туда, откуда явился, а будешь нахальничать, так получишь. Думаешь, я тебя боюсь?

Арвардан отвернулся и уставился в окно.

Крин замолчал и ушел на свое место. В салоне стоял взволнованный гул голосов. Археолог старался не слушать, но кожей чувствовал острые злые взгляды. Потом и это кончилось, как кончается все на свете.

Свое путешествие он завершил в молчании и одиночестве.

Посадку в Чикском аэропорту Арвардан встретил с облегчением. Он улыбнулся про себя, поглядев сверху на «самый обалденный городишко на Земле», но все же лучше, чем напряженная атмосфера в салоне.

Его багаж перенесли в такси-двухколеску. Уж здесь-то он будет единственным пассажиром, и если не распускать язык перед водителем, то ничего не случится.

— Дом правительства, — сказал он таксисту.

Так Арвардан впервые появился в Чике, и было это в тот самый день, когда Джозеф Шварц бежал из Института ядерных исследований.

Крин с горькой усмешкой проследил за отъездом Арвардана, вынул свою книжечку и углубился в нее, попыхивая сигаретой. Из пассажиров не удалось вытянуть ничего особенного, несмотря на историю с дядей, которой он часто с успехом пользовался. Правда, старикан жаловался на человека, который прожил лишнее, и намекал на его связи в аппарате власти — это можно было бы оформить как клевету на Братство, но старому дураку и так через месяц на Шестьдесят. Нечего с ним и связываться.

Но вот чужак — другое дело.

Крин с удовлетворением перечел свою за-

пись: «Бел Арвардан, Баронна, сектор Сириуса — проявлял интерес к Шестидесяти — скрывает цель своего прибытия — прибыл в Чику на пассажирском стратоплане — ярко выраженные антитерральные настроения».

Может, на этот раз он напал на жилу. Вылавливать, кто что сболтнет, скучная работа, но ради таких вот моментов стоит помучиться. Через полчаса он уже представит свой рапорт.

И Крин не спеша пошел с летного поля.

Глава 8
Свидание в Чике

Доктор Шект в двадцатый раз перелистывал тетрадь своих последних записей, когда в кабинет вошла Пола. Надевая белый халат, она строго спросила:

— Ты что ж, отец, так и не ел?

— А? Ел, конечно. Ох, что это?

— Это обед. Точнее, бывший обед. То, что ты ел, наверное, было завтраком. Зачем же я покупаю продукты и приношу тебе сюда, если ты все равно не ешь? Придется, верно, перевести тебя на режим домашнего питания.

— Не волнуйся, я все это съем. Я не могу преры-

вать важнейший эксперимент каждый раз, когда ты считаешь нужным меня кормить.

За десертом доктор подобрел.

— Ты и представить себе не можешь, что за человек Шварц. Я говорил тебе про швы его черепа?

— Да, ты говорил, что у него череп первобытного человека.

— И это еще не все. У него тридцать два зуба — по три коренных вверху и внизу, справа и слева. Среди них один искусственный, сделанный каким-то кустарем. По крайней мере, я никогда не видел, чтобы мост крепили металлическими крючками к соседнему зубу вместо того, чтобы вживлять в челюсть. А ты когда-нибудь видела человека, у которого тридцать два зуба?

— Я же не пересчитываю у людей зубы, отец. А сколько их должно быть — двадцать восемь?

— Верно, как звезды. Но и это еще не все. Вчера мы делали ему просвечивание брюшной полости. И как ты думаешь, что мы там нашли? Угадай.

— Кишки.

— Пола, ты меня нарочно выводишь из себя, но я не поддамся. Можешь не угадывать, я сам скажу. У Шварца аппендикс длиной три с половиной дюйма, и он открыт. Великий Боже! Совершенно

беспрецедентный случай! Я проконсультировался с медицинским институтом, соблюдая осторожность, само собой, так вот: аппендиксы не бывают длиннее полудюйма и всегда закрыты.

— Ну и что все это означает?

— Да он же сплошной атавизм, живое ископаемое. — Шект встал и начал бегать по кабинету. — Знаешь, Пола, по-моему, мы не должны отдавать Шварца. Он слишком ценный экспонат.

— Нет, отец, так нельзя. Ты обещал тому фермеру вернуть ему Шварца, вот и верни. Ради самого же Шварца. Он такой несчастный.

— Несчастный! Да с ним тут обращаются, как с богатым иномирцем.

— Ему это безразлично. Бедняга привык к своей ферме, к своей семье, он там всю жизнь прожил. У нас он перенес сильный испуг и боль тоже, насколько я знаю, да еще и мыслить стал по-другому. Он не в силах все это понять. Надо считаться с правами человека и вернуть его семье.

— Но, Пола, наука требует…

— О, чепуха! Ничего она не требует! Что, по-твоему, скажет Братство, когда услышит о твоих подпольных экспериментах? Думаешь, их сильно волнует наука? Подумай о себе, если не хочешь думать о Шварце. Чем дольше ты его будешь

здесь держать, тем вероятнее, что тебя поймают. Ты отправишь его домой завтра ночью, как договаривался, слышишь? Пойду посмотрю, не надо ли ему чего-нибудь перед обедом.

Она вернулась через пять минут, белая, как мел.

— Отец, он ушел!

— Кто ушел? — испугался Шект.

— Шварц! — чуть не плача, крикнула Пола. — Ты, наверное, забыл запереть дверь, когда уходил.

Шект встал, держась за стол, чтобы не упасть.

— И давно он ушел?

— Не знаю. Не может быть, чтобы давно. Когда ты там был в последний раз?

— И пятнадцати минут не будет. Я здесь пробыл всего пару минут, когда ты пришла.

— Ну тогда я побежала, — решительно заявила Пола. — Может, он просто бродит где-нибудь по соседству. А ты оставайся здесь. Если он попадет в чужие руки, его не должны связывать с тобой. Ясно?

Шект мог только кивнуть.

Джозеф Шварц не ощущал никакого душевного подъема, сменив стены своей больничной тюрьмы на городские просторы. Он не обманывал себя

— никакого плана у него не было, и он прекрасно знал, что просто импровизирует.

Если нечто и управляло им, кроме слепого желания хоть как-то действовать, а не сидеть сложа руки, то это была надежда, что какое-нибудь случайное столкновение с жизнью вернет назад его заблудшую память. Теперь он был твердо уверен в том, что у него амнезия.

Однако первый взгляд на город обескуражил его. Дело было после полудня, и Чика молочно белела в солнечном свете. Дома выглядели так, точно они из фаянса, как и тот фермерский дом, на который он набрел.

Что-то внутри Шварца говорило: город должен быть красный или коричневый и намного грязнее этого — Шварц был в этом просто убежден.

Он медленно пошел вперед, зная почему-то, что розыска на него никто объявлять не станет. Он это ощущал, вот и все. В последние дни он стал особо чувствителен к «атмосфере», к своему окружению. Это входило в те странности, которые начались после… после…

Но мысли уходили в сторону.

«Атмосфера» в его тюрьме была насыщена тайной и еще страхом. Поэтому никто не погонится за ним с громкими криками. Он знал. Но откуда?

Может быть, это странное свойство мозга сопутствует амнезии?

Он перешел еще одну улицу. Машин было сравнительно мало, прохожие как прохожие. Вот только одежда на них смешная: без швов, без пуговиц, пестрая, как расцветка на попугаях. Он и сам был одет так же и не знал, куда девалась его старая одежда, не знал, вправду ли был раньше одет так, как ему помнилось. Очень трудно быть уверенным в чем-то, если принципиально не уверен в своей памяти.

Но он так ясно помнил жену, детей. Не может быть, чтобы он их выдумал. Шварц внезапно остановился — восстановить пошатнувшееся самообладание. А вдруг эти образы — искаженные контуры настоящих людей, которых он обязательно должен найти в этой реальной жизни, такой нереальной?

Люди обходили его, порой недовольно ворча. Шварц опять двинулся вперед. Его вдруг поразила мысль, что он голоден… или скоро проголодается, а денег у него нет.

Он посмотрел вокруг — ничего похожего на ресторан. Но откуда ему знать, если он не может прочесть ни одной вывески?

Заглядывая в каждую витрину, мимо которой

проходил, он увидел помещение со столиками в нишах, за которыми ели трое мужчин — двое сидели вместе, третий отдельно.

Хоть тут, по крайней мере, ничего не изменилось. Люди, которые ели, все так же жевали и глотали.

Шварц вошел и на миг остановился в растерянности, не видя ни стойки, ни признаков кухни или стряпни. Он собирался предложить помыть посуду за обед, но кому предлагать?

Робко подойдя к двум обедающим мужчинам, он с трудом произнес:

— Еда! Где? Пожалуйста.

Они озадаченно посмотрели на него, и один стал быстро и совершенно неразборчиво говорить что-то, похлопывая по ящику в конце стола у стены. Другой что-то нетерпеливо добавил.

Шварц отвел глаза и повернулся, чтобы уйти, но его удержали за рукав.

Гранц заметил пухлое растерянное лицо Шварца, когда тот заглянул в окно.

— Этому еще что надо?

Месстер, сидевший напротив него спиной к улице, оглянулся, пожал плечами и ничего не сказал.

— Он вошел, — сказал Гранц.

И Месстер ответил:

— Ну и что?

— Ничего, просто говорю.

Но вошедший, беспомощно поглядев кругом, подошел к ним и, показывая на их говяжье жаркое, спросил со странным акцентом:

— Еда! Где? Пожалуйста.

— Тут еда, друг, — сказал Гранц. — Садись к любому столику, и автомат тебе подаст. Автомат! Не знаешь, что такое автомат? Глянь только на бедного недоумка, Месстер. Смотрит на меня, точно ни слова не понимает. Эй, мужик, вот он, гляди. Суешь монетку — и кушай на здоровье, понял?

— Да брось ты его, — буркнул Месстер. — Просто попрошайка, ищет, где бы стрельнуть.

— Эй, постой. — Гранц удержал уходящего Шварца за рукав, говоря Месстеру: — Боже милостивый, давай его накормим. Ему, поди, скоро на Шестьдесят. Это самое малое, что я могу для него сделать. Эй, друг, у тебя деньги есть? Чтоб я сдох — он меня опять не понимает. Деньги, мужик, деньги! — Гранц вынул из кармана монету в полкредитки, вертя ее так, чтобы блестела. — Ну, есть?

Шварц медленно покачал головой.

— Ладно, тогда возьми! — Гранц спрятал пол-

кредитки обратно и дал Шварцу другую монету, значительно мельче. Тот неуверенно взял.

— Ну вот. Только не стой здесь. Сунь ее в автомат. Вот в эту штуку.

И Шварц понял. В автомате было несколько щелей для монет разного размера и кнопки против квадратиков молочного цвета, надписи на которых Шварц не мог прочитать. Он показал на блюдо, которое ели те двое, и стал водить пальцем вверх и вниз по кнопкам, вопросительно подняв брови.

— Бутерброда ему недостаточно, — раздраженно сказал Месстер. — Ничего себе нищие пошли. Зря ты ему потакаешь, Гранц.

— Ладно уж, потрачу восемьдесят пять… Сегодня все-таки получка. Погляди, — сказал он Шварцу, опуская свои монеты в автомат, и взял большой металлический контейнер из углубления в стене. — На, иди на другой столик… Нет, ту денежку оставь себе. Возьмешь на нее кофе.

Шварц осторожно отнес контейнер на соседний столик. При контейнере была ложка, прикрепленная сбоку прозрачной лентой, которая легко прорвалась ногтем. Крышка посуды при этом разошлась по шву и сама по себе свернулась в трубочку.

Содержимое, не в пример тому, что ели другие, было холодным — ну да ничего. Но через минуту Шварц заметил, что еда разогревается, а посуда становится горячей на ощупь, и с опаской перестал есть. От жаркого пошел пар, соус забулькал. Потом это прекратилось, блюдо снова остыло, и Шварц доел.

Когда он уходил, Гранц и Месстер еще сидели за едой, как и третий посетитель, на которого Шварц так и не обратил внимания. Как ни разу не заметил, что, с тех пор как он вышел из института, какой-то тощий человечек незаметно ведет за ним наблюдение.

Бел Аравардан, приняв душ и переодевшись, стал продолжать задуманное — наблюдать за земным подвидом человека в естественных условиях. Погода была хорошая, дул легкий ветерок, и в деревне — пардон, в городе — было свежо, тихо и чисто.

Не так уж все и плохо.

Чика — его первая остановка, самое большое скопление землян на планете. Потом Вашенн, местная столица, — Сенлу — Сенфран — Бонэр. Аравардан проложил свой маршрут по западным континентам, где жило большинство редкого земного населения. Проводя по два-три дня в

каждом пункте, он вернется в Чику как раз к тому времени, когда прибудет корабль с его экспедицией.

Это будет познавательное путешествие.

После полудня Арвардан зашел в кафе-автомат и, пока ел, стал свидетелем драматической сценки между двумя землянами и старым толстяком, пришедшим позднее. Он наблюдал за ними рассеянно, отметив только, что происходящее говорит в пользу землян и смягчает неприятное впечатление от полета. Двое обедавших были, видимо, аэротаксисты, люди небогатые, и все же проявили милосердие.

Нищий ушел, а через пару минут вышел и Арвардан.

Рабочий день подошел к концу, и на улицах стало гораздо больше народу.

Арвардан, извинившись, торопливо отступил в сторону, чтобы избежать столкновения с молодой девушкой.

Она была в белой, видимо, форменной, одежде и не очень-то обращала внимание на то, куда идет. Полностью поглощенная своей целью, она озабоченно вертела головой, словом, ситуация была вполне ясная.

— Не могу ли я вам помочь, барышня? — спро-

сил Аврдан, коснувшись ее плеча. — Вы что-то потеряли?

Она вздрогнула и обернулась к нему. На взгляд Аврдана, ей было лет девятнадцать-двадцать, у нее были каштановые волосы и темные глаза, высокие скулы и маленький подбородок, стройная талия и грациозная осанка. Сознание того, что эта девушка — землянка, придавало ей дополнительную, запретную пикантность в глазах Аврдана.

Девушка, наконец, ответила, и все ее отчаяние прорвалось наружу.

— Ах, бесполезно. Пожалуйста, не беспокойтесь. Глупо даже надеяться найти человека, если не знаешь, куда он пошел. — И со слезами на глазах, глубоко вздохнув, она спросила: — Вы случайно не видели толстяка лет пятидесяти пяти, одет в белое и зеленое, без шляпы, лысоватый?

— В белом и зеленом, говорите? — удивился Аврдан. — Невероятно… И плохо говорит?

— Да-да-да. Так вы его видели?

— Минут пять назад он здесь ел с этими двумя мужчинами. Да вот они. Эй, друзья…

— Такси, господа? — откликнулся Гранц.

— Нет, но если скажете молодой даме, куда делся человек, которого вы накормили, то можете

заработать.

— Я бы рад помочь, — опечалился Гранц, — но я его видел первый раз в жизни.

— Послушайте, навстречу вам он пойти не мог, — сказал девушке Арвардан, — иначе вы бы его увидели. Далеко он тоже не мог уйти. Не пойти ли нам на север? Я его узнаю, если увижу.

Он предложил ей помощь под влиянием минуты, хотя вообще-то не был импульсивным человеком. И поймал себя на том, что улыбается девушке.

— А что он сделал, барышня? — вмешался Гранц. — Он не нарушил Наказ, нет?

— Нет-нет, — поспешно ответила она. — Просто он немного болен, вот и все.

Месстер посмотрел вслед девушке и Арвардану.

— Болен, значит? — Он нахлобучил на голову фуражку и ухватил себя за подбородок. — Как это тебе нравится, Гранц? Немного болен.

— Ты чего? — встревожился Гранц.

— Да мне что-то тоже немного худо стало. Тот мужик, видать, прямиком из больницы. Сестра побежала его искать, и она здорово беспокоится. А с чего ей беспокоиться, раз у него ничего серьезного? Он еле говорил и еле понимал, что ему

говорят, ты сам заметил.

Гранца вдруг охватила паника.

— Ты думаешь, у него лихорадка?

— Лучевая лихорадка в тяжелой стадии. И он стоял совсем близко от нас. Вот тебе и…

К ним подошел тощий человечек. Тощий человечек с острыми яркими глазками вынырнул неведомо откуда и зачирикал:

— Вы чего, ребята? У кого это лучевая лихорадка?

— А ты кто такой? — неприветливо спросил Месстер.

— Ах, вы хотите знать, кто я такой? Служба Братства, ребята. — И он показал им яркий значок на внутреннем отвороте лацкана. — Именем Общества Блюстителей, где лучевая лихорадка?

— Мы ничего не знаем, — угрюмо сказал Месстер. — Тут медсестра искала больного, и я подумал — вдруг у него лихорадка. Это ведь не против Наказов?

— Он меня спрашивает! Занимайся-ка лучше своим делом, а за Наказами я сам присмотрю. — Человечек потер руки, оглянулся по сторонам и устремился в северном направлении.

— Вот он!

Пола порывисто сжала локоть своего спутника.

Случай быстро помог им. После недолгих поисков Шварц внезапно появился у главного входа в универмаг самообслуживания, всего в нескольких кварталах от кафе-автомата.

— Вижу, — шепнул Арвардан. — Теперь вы держитесь в стороне, а я пойду за ним. Если он вас увидит и нырнет в толпу, его уже не найти.

И началось преследование, похожее на кошмарный сон. Толпа покупателей была похожа на зыбучий песок, который мог поглотить свою добычу быстро или медленно, скрыть ее или внезапно извергнуть, поставить непреодолимый барьер на пути преследователей. Казалось, что толпа — это единое злобное существо.

Арвардан осторожно обошел прилавок, водя Шварца как рыбу на конце удилища, и своей огромной рукой схватил его за плечо.

Шварц залопотал что-то и в панике рванулся прочь, но от хватки Арвардана не ушел бы и человек посильнее Шварца. Археолог заговорил, улыбаясь, чтобы не привлекать внимания посторонних:

— Привет, старина, давно не виделись. Как дела? Вряд ли это могло кого-нибудь обмануть — стоило посмотреть на Шварца, но тут подоспела Пола.

— Шварц, — зашептала она, — пойдемте с нами. Какой-то миг Шварц еще упирался, потом уступил.

— Я… идти… с вами, — устало сказал он, но его голос потонул в реве магазинного репродуктора:

— Внимание! Внимание! Внимание! Администрация предлагает всем посетителям магазина организованно пройти к выходу на Пятую улицу. При выходе предъявляйте регистрационную карточку. Посетителям предлагается покинуть магазин немедленно.

Сообщение повторили три раза, уже под шарканье многочисленных ног, которые направлялись к выходу. Поднялся гомон — все задавали друг другу на разные лады вечный, никогда не получающий ответа вопрос: «В чем дело? Что случилось?»

— Пойдемте и мы, — пожал плечами Арвардан. — Нам все равно надо уходить.

— Нет, нам нельзя, — затрясла головой Пола.

— Почему? — нахмурился Арвардан.

Девушка отпрянула. Как ему объяснить, что у Шварца нет регистрационной карточки? Кто он собственно, такой? И зачем помогал ей? Пола изнемогала от подозрений и Отчаяния.

— Вы идите, а не то нарветесь на неприятно-

сти, — проговорила она.

Лифты без устали свозили народ с верхних этажей. Арвардан, Пола и Шварц оставались единственным островком твердой земли в человеческой реке.

Позже, оглядываясь назад, Арвардан понимал, что чуть было не бросил девушку в тот миг. Он мог тогда уйти и больше не увидеть ее, и его совесть была бы чиста. И все обернулось бы по-другому, и Великая Галактическая Империя погибла бы в хаосе и разрушении.

Но Арвардан не покинул девушку. Охваченная страхом и отчаянием, она уже не была красивой, да и никто бы не был на ее месте, но Арвардана тронул ее беспомощный вид. Он пошел было прочь, но остановился.

— Вы остаетесь?

Она кивнула.

— Но почему?

— Потому что, — залилась она слезами, — потому что я не знаю, что делать.

Перед ним была перепуганная девчонка — пусть она землянка, какая разница? Арвардан смягчился.

— Если вы скажете мне, в чем дело, я постараюсь помочь.

Она не ответила.

Все трое представляли собой живую картину. Шварц присел на корточки, слишком подавленный, чтобы следить за их разговором и удивляться, с чего это вдруг опустел универмаг, и закрыл лицо руками в немом жесте отчаяния. Пола рыдала. Раньше она никогда даже не представляла себе, что можно испытывать такой страх. Озадаченный Арвардан неуклюже поглаживал ее по плечу, пытаясь утешить, и в голове у него застряла мысль, что он впервые прикоснулся к землянке.

И тут к ним подошел маленький человечек.

Глава 9
Происшествие в Чике

Лейтенант чикского гарнизона Марк Клауди медленно зевнул и с тоской уставился в пустоту. Он дослуживал на Земле второй год и не мог дождаться, когда его переведут.

Во всей Галактике не было такой трудной службы, как на этой жуткой планете. В других мирах между военными и штатскими существовали определенные приятельские отношения, особенно если штатские были женского пола. Там солдат

чувствовал себя свободно и непринужденно.

Здесь же казарма была тюрьмой с противорадиоактивными стенами и тщательно фильтруемой атмосферой. Приходилось носить пропитанные свинцом защитные костюмы, тяжелые и холодные, их нельзя было снимать, не рискуя здоровьем. И в довершение ко всему, не могло быть и речи о братании с гражданским населением, даже если допустить, что кто-нибудь из солдат с тоски и одиночества захотел бы связаться с «земляшкой».

Что же еще оставалось, кроме как дрыхнуть или, на худой конец, кимарить, а в промежутках медленно сходить с ума?

Лейтенант Клауди потряс головой в тщетной попытке разогнать туман, сел и стал натягивать башмаки. Часы показывали, что до вечерней жратвы еще есть время. Но вдруг лейтенант как ужаленный вскочил с кровати в одном ботинке, горько сожалея о том, что не успел причесаться, и отдал честь — перед ним стоял старший по званию.

Полковник пренебрежительно оглядел его, но не сделал замечания, а сказал отрывисто:

— Лейтенант, нам сообщили о беспорядках в центре города. Отправляйтесь с дезинфек-

ционной командой к универмагу Дунхема и разберитесь, в чем там дело. Проследите, чтобы ваши люди были полностью защищены против лучевой лихорадки.

— Лучевая лихорадка?! — вскричал лейтенант. — Прошу прощения, полковник, но…

— Выступить через пятнадцать минут, — холодно сказал полковник.

Арвардан первым увидел человечка и замер, но тот сказал:

— Здорово, начальник. Здорово, верзила. Скажи дамочке, чтобы не убивалась так.

Пола вскинула голову, затаив дыхание, и машинально прижалась к внушительному на вид Арвардану, а тот так же машинально обнял ее за плечи, даже не заметив, что прикоснулся к землянке во второй раз.

— Что вам надо? — резко спросил он.

Остроглазый человечек нерешительно вышел из-за прилавка, заваленного пачками товара, говоря заискивающе-нахальным тоном:

— Там на улице заваруха, но вы, барышня, не беспокойтесь. Я проведу вашего красавца обратно в институт.

— Какой институт? — испугалась Пола.

— Да ладно вам. Я Наттер, у меня фруктовый

ларек как раз напротив Института ядерных исследований. Я вас там сто раз видел.

— Послушайте, — обратился к нему Арвардан, — а в чем дело?

Наттер весь затрясся в приступе веселья.

— Они думают, у него лучевая лихорадка.

— Лучевая лихорадка? — дуэтом повторили Арвардан и Пола.

— Ага. С ним обедали двое таксистов, от них и пошло. Слухи-то быстро расходятся.

— Значит, гвардейцы у выхода ищут человека, больного лихорадкой? — спросила Пола.

— Точно.

— А вы почему не боитесь лихорадки? — осведомился Арвардан. — Ведь администрация сама ждет снаружи, не решается войти. Ждут дезкоманду чужаков.

— А вы, значит, не боитесь.

— А чего бояться? Нет у него никакой лихорадки. Поглядите — ни болячек на губах, ни жара, глаза нормальные. Что я, лихорадки не видал? Давайте-ка пошли отсюда.

— Нет-нет. Мы не можем, — снова испугалась Пола. — Он… он…

— Я его выведу, — понимающе заверил Наттер. — Нет проблем. Безо всякой карточки.

Пола чуть не вскрикнула, и Арвардан неприязненно спросил:

— Вы настолько важная персона?

Наттер хрипло засмеялся и похлопал себя по лацкану.

— Агент Общества Блюстителей. Мне вопросов не задают.

— Но зачем вам это нужно?

— Честная сделка. Вы в затруднении, я могу вам помочь. Сотня кредиток, скажем. Вы платите, я делаю. Пятьдесят — сейчас, пятьдесят — после доставки.

— Вы заберете его в Братство! — с ужасом прошептала Пола.

— Зачем? Он им ни к чему, а я заработаю свою сотню. Смотрите — дождетесь чужаков, а они и убить мужика могут, пока разберутся, есть у него лихорадка или нет. Вы чужаков знаете — их не волнует, что они убьют землянина. Им чем больше убил, тем лучше.

— Возьмите с собой девушку, — сказал Арвардан.

— Э нет, начальник, — хитро глянул Наттер. — У меня риск учтенный. Одного-то я выведу, а двоих может не получиться. Если уж брать, так того, кто больше стоит. Разумно ведь, а?

— А я тебе ноги вырву, понял?

Наттер вздрогнул, но тут же рассмеялся.

— Ну и дурак. Все равно тебя возьмут, да еще и за убийство отвечать придется. Так что лапы прочь, начальник.

— Ну, пожалуйста, — тянула Арвардана за руку Пола, — мы должны попробовать. Пусть он делает, как знает. Вы ведь нас не обманете, правда, господин Наттер?

Наттер скривил рот.

— Твой большой дружок мне руку вывернул. Напрасно он это сделал. Я не люблю, когда меня трогают. Придется взять с вас еще сотню — всего двести.

— Мой отец вам заплатит.

— Сотню вперед, — потребовал Наттер.

— Но у меня нет с собой ста кредиток, — взмолилась Пола.

— Ничего, у меня есть, — сказал Арвардан, открыл бумажник, вынул несколько купюр и сунул их Наттеру. — Катись!

— Идите с ним, Шварц, — прошептала Пола.

Шварц молча и равнодушно подчинился — он бы сейчас и в преисподнюю отправился с таким же безразличием.

Пола и Арвардан, оставшись вдвоем, расте-

рянно уставились друг на друга. Пола, кажется, впервые по-настоящему увидела Арвардана — какой он высокий, мужественно-красивый, спокойный и уверенный в себе. Раньше она воспринимала его только как нежданного помощника, но теперь… Она вдруг засмущалась, ее сердце затрепетало, и события последнего часа перестали ее волновать.

Они даже не знали, как зовут друг друга.

— Пола Шект, — улыбнулась девушка Арвардану.

Арвардан еще не видел, как она улыбается, и заинтересовался этим явлением. Улыбаясь, Пола вся светилась, и это вызвало желание… но Арвардан грубо оборвал себя. Землянка! И представился чуть менее сердечно, чем собирался:

— Бел Арвардан.

Он протянул ей свою бронзовую руку, в которой на миг исчезла ее ручка.

— Я даже не поблагодарила вас за помощь.

Арвардан небрежно пожал плечами.

— Пойдемте? Наверное, ваш друг уже вышел, надеюсь, благополучно.

— Если бы его схватили, поднялся бы шум. Как вы думаете?

Ее взгляд умолял не отнимать у нее надежду,

и Аравардан с трудом удержался, чтобы не размякнуть.

— Пойдемте?

— Да, почему бы и нет? — с внезапным холодком ответила девушка.

Но тут вдалеке послышался вой и скрежет. Пола снова вздрогнула и в испуге раскрыла глаза.

— А это что такое? — спросил Аравардан.

— Имперские войска.

— Вы их тоже боитесь? — с лукавинкой в голосе спросил Аравардан-галактианин, сирианский археолог. Пусть это предрассудок, пусть это вопиюще нелогично, но для него имперский солдат был воплощением здравого смысла и гуманности. — Не бойтесь чужаков, — покровительственно-благодушно сказал он, снисходя даже до земного выражения. — Я с ними разберусь.

— О нет, не надо, — забеспокоилась девушка. — Лучше совсем с ними не разговаривайте. Делайте все, что они скажут, а на них даже не смотрите.

Улыбка Аравардана стала еще шире.

Гвардейцы, увидев их в дверях, отошли назад, и Аравардан с Полой в странной тишине вступили в их круг. Армейские машины выли уже совсем близко.

Вот они въехали на площадь, и из них посыпались солдаты в стеклянных шлемах. Люди в панике разбегались, подгоняемые резкими криками и тычками рукояток нейрокнутов.

Лейтенант Клауди подошел к гвардейцу-землянину и спросил:

— Эй, ты, у кого тут лучевая лихорадка? — Гермошлем слегка искажал его черты, а голос через микрофон звучал металлически. Гвардеец почтительно склонил голову.

— С вашего позволения, ваша милость, больной изолирован в здании. Те двое, что были с ним, только что вышли, вот они перед вами.

— Ах вот оно что? Пусть остаются на месте. Первым делом надо разогнать толпу… Сержант! Очистить площадь!

Все совершалось с мрачной слаженностью. Над Чикой сгущались сумерки, и толпа быстро таяла, растворяясь во мраке. На улицах включались огни, мягко освещая город.

Лейтенант Клауди постучал по сапогам рукояткой нейрокнута.

— Больной земляш точно внутри?

— Он не выходил, ваша милость. Должен быть там.

— Ладно, примем это как факт и не будем терять

времени… Сержант! Обезвредить здание!

Группа солдат, герметически защищенных от окружающей среды, прошла в универмаг и провела там долгих четверть часа. Арвардан с увлечением наблюдал за событиями, совсем не желая как профессионал прерывать взаимодействие двух разных цивилизаций. Наконец последний из солдат вышел, и здание погрузилось во мрак.

— Опечатать дверь!

Еще несколько минут, и контейнеры с дезинфектантом, расставленные в нескольких местах на каждом этаже, были вскрыты с помощью дистанционного управления. Из них повалили густые пары, они ползли по стенам, обволакивая каждый дюйм площади, наполняли воздух, проникали во все щели. Ни один вид протоплазмы, от бактерии до человека, не мог выжить при такой обработке — теперь помещением можно будет пользоваться лишь после долгой химической очистки. Лейтенант подошел к Арвардану и Поле.

— Как его звали?

В его голосе не было даже жестокости — одно только безразличие. Погиб землянин — ну и что же? Он еще и муху сегодня убил. Всего, значит,

двое.

Ему никто не ответил. Пола понурила голову, Арвардан не оставлял своей роли наблюдателя. Офицер, не отрывая от них глаз, распорядился:

— Проверить этих на инфекцию.

Подошел офицер со знаками отличия военного медика и без церемоний начал осмотр. Руками в перчатках он прощупал обоих под мышками и залез в рот, проверив внутреннюю сторону щек.

— Здоровы, лейтенант. Если они контактировали сегодня с больным, симптомы в случае заражения уже должны были проявиться.

— Угу. — Лейтенант осторожно снял шлем и с наслаждением глотнул свежего, хотя и земного, воздуха. Держа этот громоздкий предмет на сгибе левой руки, он резко спросил:

— Как твоя фамилия, земляшка?

И обращение, и тон были оскорбительны, но Пола не выразила возмущения.

— Пола Шект, офицер, — ответила она шепотом.

— Документы!

Пола достала из белого кармашка розовую книжечку.

Лейтенант взял ее и раскрыл, светя себе фонариком, потом бросил обратно девушке. Книжечка,

кружась, упала на землю, и Пола быстро нагнулась за ней.

— Стоять, — процедил офицер и отбросил удостоверение ногой в сторону.

Пола выпрямилась, вся белая. Аравдан счел, что пора вмешаться, и сказал:

— Послушайте, можно вас?

Лейтенант рывком повернулся к нему, оскалив зубы.

— Что ты сказал, земляш?

Пола бросилась между ними.

— Прошу вас, офицер, этот человек не имеет никакого отношения к тому, что случилось. Я его никогда раньше не видела…

Лейтенант оттолкнул ее.

— Что ты сказал, земляш?

Аравдан спокойно ответил, не отводя глаз:

— Я сказал: «Послушайте, можно вас?» А дальше я собирался сказать, что мне не нравится ваше обращение с женщинами и что я советовал бы вам изменить свои манеры.

Он был слишком раздражен, чтобы разубеждать офицера относительно своего происхождения. Лейтенант растянул губы в усмешке.

— А кто воспитывал тебя, земляш? Ты что, не знаешь, как разговаривать с человеком? Не

знаешь своего места? Ну что ж, давненько я не имел удовольствия поучить уму-разуму такого большого жеребца-земляша. Получи!

И он быстро, как жалит змея, ударил ладонью Арвардана по лицу — раз и другой.

Пораженный Арвардан отступил, в ушах у него зашумело. Он перехватил бьющую руку, увидел великое удивление на лице у лейтенанта, мускулы плеч напряглись…

Лейтенант с грохотом рухнул наземь, и его шлем разбился вдребезги. Арвардан со свирепой улыбочкой отряхнул руки над лежащим телом.

— Может, еще какой ублюдок хочет попробовать печь блины у меня на лице?

Но сержант поднял свой нейрокнут. Контакт щелкнул, и бледно-лиловый луч лизнул археолога.

Каждый мускул в теле Арвардана свело невыносимой болью, он медленно опустился на колени и, полностью парализованный, потерял сознание.

Первое, что ощутил Арвардан, выплыв из беспамятства, — это блаженная прохлада на лбу. Он попытался открыть глаза, но веки точно были подвешены на ржавых петлях. Арвардан оставил эту затею и очень медленно, отрывочными движениями (каждое сокращение мышц вгоня-

ло в него булавки) поднес руку к лицу: мягкое влажное полотенце, которое придерживала маленькая рука.

Он с усилием приоткрыл-таки один глаз и, посмотрев сквозь туман, произнес:

— Пола.

Та вскрикнула от радости.

— Да. Как вы себя чувствуете?

— Как будто уже умер, — проскрипел он, — только без той отрады, что не чувствуешь боли. Что случилось?

— Нас отвезли на военную базу. Сюда заходил полковник. Вас обыскали. Не знаю, что они собираются делать, но… Ох, господин Арвардан, напрасно вы ударили лейтенанта. По-моему, вы сломали ему руку.

На лице у Арвардана проступила слабая улыбка.

— Это хорошо! Жаль, что не шею.

— Но оказание сопротивления имперскому офицеру — тяжкое преступление, — полным ужаса шепотом сказала она.

— Правда? Это мы еще посмотрим.

— Шш. Они возвращаются.

Арвардан закрыл глаза и расслабился. Он слышал, будто издалека, как вскрикнула Пола, и

почувствовал, как в тело входит игла, но не мог пошевелиться.

Потом по его жилам и нервам прошла благодатная обезболивающая волна. Мускулы рук разжались, и выгнутая дугой спина легла на место. Арвардан похлопал глазами, оперся на локоть и сел.

На него с беспокойством смотрел полковник и тревожно-радостно — Пола.

— Ну-с, доктор Арвардан, у нас, кажется, произошло неприятное недоразумение, — сказал полковник.

Доктор? Пола вдруг поняла, как мало она знает о нем — не знает даже, чем он занимается. Раньше она никогда не испытывала подобного чувства.

— Неприятное, говорите? — хохотнул Арвардан. — По-моему, это не то прилагательное.

— Вы сломали руку офицеру Империи при исполнении служебных обязанностей.

— Этот офицер первый ударил меня. В его обязанности не входило наносить мне тяжкое оскорбление — и словами, и действием. Поступив так, он лишил себя права на обращение с собой как с офицером и благородным человеком. А я, как свободный гражданин Империи, имел полное право пресечь столь бесцеремонное, чтобы

не сказать беззаконное, с собой обхождение.

Полковник хмыкнул и не сразу нашелся, что сказать. Пола наблюдала за ними широко раскрытыми, неверящими глазами.

— Нет нужды говорить, что я считаю этот инцидент печальным недоразумением, — наконец примирительно сказал полковник. — Очевидно, обе стороны пострадали одинаково — и морально, и физически. Может быть, забудем об этом?

— Забудем?! Не думаю. Я в гостях у прокуратора, возможно, ему интересно будет послушать, каким именно образом его гарнизон поддерживает порядок на Земле.

— Доктор Арвардан, заверяю вас, что вам принесут публичные извинения…

— К черту. Что вы намерены делать с госпожой Шект?

— А что бы вы предложили?

— Немедленно освободить ее, вернуть ей документы и принести ей свои извинения, прямо сейчас.

Полковник покраснел, с трудом произнес:

— Да, конечно, — и начал, обращаясь к Поле: — Если молодая дама соизволит принять мои глубочайшие сожаления…

Темные стены военного городка остались поза-

ди. За десять минут они в молчании добрались до города на аэротакси и теперь стояли у погруженного во тьму института. Было уже за полночь.

— Что-то я не совсем поняла, — сказала Пола. — Наверное, вы очень важная персона. Как глупо, что я не знаю, кто вы. Я и представить себе не могла, что чужаки могут так обращаться с землянином.

Арвардану почему-то очень не хотелось открывать ей глаза, но он чувствовал, что обязан это сделать.

— Я не землянин, Пола. Я археолог из сектора Сириуса.

Она резко обернулась к нему с белым в лунном свете лицом, и за то время, что молчала, можно было медленно досчитать до десяти.

— Значит, вы так смело вели себя только потому, что вам, в сущности, ничего не грозило, и вы это знали. А я-то думала… мне следовало бы знать. — Ее переполняла горькая злоба. — Смиренно прошу у вас прощения, господин, если в невежестве своем позволила себе неуважительную фамильярность…

— Пола, — сердито крикнул Арвардан, — в чем дело? Что из того, если я не землянин? Чем это отличает меня от того, кем я был в ваших глазах

пять минут назад?

— Вам следовало сказать мне сразу, господин.

— Не обязательно называть меня «господин». Не будьте такой, как все они.

— Как кто, господин? Как все эти подлые твари, живущие на Земле?! Я должна вам сто кредиток.

— Забудьте об этом, — бросил Арвардан.

— Не могу выполнить вашего приказания. Если вы дадите мне свой адрес, я завтра вышлю вам деньги переводом.

— Вы должны мне еще кое-что, кроме ста кредиток, — с внезапной грубостью сказал Арвардан.

Пола прикусила губу и тихо ответила:

— Это единственная часть моего неоплатного долга, господин, которую я могу возместить. Ваш адрес?

— Дом правительства, — кинул через плечо Арвардан и скрылся во тьме.

А Пола разрыдалась.

Шект встретил ее у дверей кабинета.

— Вернулся, — сказал он. — Его привел какой-то тощий человечек.

— Хорошо, — с трудом выговорила Пола.

— Он спросил с меня двести кредиток. Я дал.

— Ему полагалось сто, ну да пусть его.

И Пола прошла мимо отца.

— Я ужасно беспокоился, — сказал он. — В городе что-то творилось, но я боялся наводить справки, чтобы не повредить тебе.

— Все в порядке. Ничего не случилось. Позволь, я переночую здесь, отец.

Но сон, несмотря на усталость, не шел к ней, ибо кое-что все-таки случилось. Она встретила мужчину, а он оказался чужаком.

Но у нее был адрес. Его адрес.

Глава 10
Каждый толкует по-своему

Эти два землянина представляли собой полнейший контраст — один из них обладал величайшей видимой властью на Земле, другой — величайшей реальной властью.

Верховный министр был самым главным из землян, прямым указом императора Галактики назначенный полномочным правителем планеты — обязанным, разумеется, подчиняться прокуратору. Его секретарь был, в сущности, никто, всего лишь член Общества Блюстителей. Теоретически он исполнял при верховном министре какие-то неопределенные обязанности, и, теоретически же, в любой момент мог быть от

них освобожден.

Вся Земля знала верховного министра — он был высшим арбитром по делам Наказов. Он назначал очередников на Шестьдесят, он судил уклоняющихся от закона, нарушителей правил распределения продуктов, нарушителей Запретных зон и так далее. Секретаря не знал никто, даже по имени, кроме блюстителей и, разумеется, самого верховного министра.

Верховный министр был хорошим оратором и часто выступал перед народом с речами, полными пафоса и эмоционального накала. У него были длинные светлые волосы и благородная патрицианская внешность. Курносый и косолицый секретарь долгих речей не любил, да и коротких тоже, предпочитал бурчать себе под нос, а больше молчал — по крайней мере, на людях.

Видимостью власти обладал, разумеется, верховный министр, а реальной властью — секретарь. И за дверью министерского кабинета все становилось на свои места.

Верховный министр был раздражен и озабочен, секретарь — холоден и безразличен.

— Не вижу связи между всеми этими докладами, что вы мне носите, — говорил верховный министр. — Доклады, доклады… — Он показал

воображаемую кипу бумаг выше головы. — Мне некогда ими заниматься.

— Вот именно, — холодно подтвердил секретарь. — Для того вы меня и держите, чтобы я их читал и передавал вам самую суть.

— Ну хорошо, любезный мой Балкис, говорите, что там у вас, и давайте поскорее покончим с вашими мелочами.

— Мелочами? Вы многое можете потерять, Ваше Превосходительство, если не измените своего суждения. Разберем, что означают эти доклады, а потом вы мне скажете, мелочи это или нет. Итак, неделю назад к нам поступило личное донесение от подчиненного Шекта, что и навело меня впервые на след.

— На какой след?

Балкис кисло улыбнулся.

— Могу я напомнить Вашему Превосходительству о некоем проекте, что разрабатывается у нас на Земле вот уже несколько лет?

— Шш! — Верховный министр, внезапно потеряв свой важный вид, невольно оглянулся по сторонам.

— Ваше Превосходительство, побеждает не беспокойство, а уверенность. Вы знаете, что успех этого проекта зависит от умелого использования

шектовской игрушки — синапсатора. До сих пор, насколько нам известно, он использовался исключительно под нашим руководством и в определенных целях. И вдруг Шект без предупреждения синапсирует какого-то неизвестного, грубо нарушая тем самым наши указания.

— Чего же проще, — сказал верховный министр. — Накажите Шекта, синапсированного возьмите под свою опеку — и делу конец.

— Нет-нет. Вы слишком прямолинейны, Ваше Превосходительство. От вас ускользает суть дела. Вопрос не в том, что сделал Шект, а в том, почему он это сделал. Отметим далее, что тут налицо целая серия последовательных совпадений. В тот самый день Шекта посетил прокуратор Земли, и Шект сам сообщил нам, лояльно и достоверно, о чем они беседовали: Энниус хочет получить синапсатор для Империи. Будто бы обещал большую помощь и участие со стороны императора.

— Хм-м, — произнес верховный министр.

— Вы заинтригованы? Подобный компромисс кажется вам предпочтительней нашего нынешнего небезопасного курса? А помните, как они обещали нам продукты во время голода пять лет назад? Помните? Поставки прекратились за отсутствием у нас имперской валюты, а земные

продукты были забракованы под предлогом радиоактивного загрязнения. И что же, предоставили они нам продукты безвозмездно, как обещали? Дали хотя бы в долг? Тогда у нас умерло от голода сто тысяч человек. Не надо полагаться на обещания чужаков. Но это я к слову. Итак, Шект продемонстрировал нам свою лояльность, после чего в нем было трудно сомневаться. Он мог с уверенностью полагать, что мы не заподозрим его в измене в тот же самый день, и осуществил задуманное.

— То есть свой подпольный эксперимент?

— Да, Ваше Превосходительство. Только вот над кем? У нас есть фотографии подопытного, и ассистент Шекта предоставил нам снимки сетчатки его глаза. В Планетарном Регистре о нем сведений нет. Отсюда следует, что он не землянин, а чужак. И Шект должен был это знать, ведь регистрационную карточку нельзя ни подделать, ни передать другому — достаточно сверить узор сетчатки. Все эти простые факты приводят нас к неопровержимому выводу: Шект сознательно синапсировал чужака. Но для чего? Ответ ошеломляюще прост. Шект — не идеальный инструмент для наших целей. В молодости он был ассимилянтом и даже выдвигал свою кандидатуру в Вашеннский Совет

на платформе сотрудничества с Империей, но потерпел поражение.

— Я этого не знал.

— Что он провалился на выборах?

— Нет, что он выдвигал свою кандидатуру. Почему меня об этом не информировали? Шект очень опасен на своем теперешнем посту.

— Шект изобрел синапсатор, — с мягкой терпеливой улыбкой сказал Балкис, — и он пока единственный, кто умеет с ним обращаться. Мы всегда за ним наблюдали, а теперь будем наблюдать куда более пристально. Не забудьте, что изменник в наших рядах, если он нам известен, может принести больше вреда врагу, чем лояльный человек принес бы пользы нам. Продолжим рассмотрение фактов. Шект синапсировал чужака. Для чего? Синапсатор может использоваться только для одного — для увеличения интеллекта. Зачем это делать? Зачем, чтобы кто-то мыслил наравне с нашими синапсированными учеными. Как вам это?.. Значит, Империя, пусть слабо, но подозревает о том, что готовится на Земле. И это, по-вашему, мелочи, Ваше Превосходительство?!

На лбу у верховного министра выступил пот.

— Вы действительно так думаете?

— Факты укладываются в головоломку толь-

ко так и больше никак. Синапсированный был человеком самой заурядной, неприметной внешности. Хорошо придумано — как раз такой старый лысый толстяк и может быть опытнейшим агентом Империи. Да-да. Кому бы еще доверили такую миссию? Но мы проследили за неизвестным — кстати, его псевдоним Шварц, — насколько было возможно. Перейдем ко второй стопке донесений.

— К тем, что касаются Бела Арвардана?

— Доктора Бела Арвардана, — подчеркнул Балкис, — выдающегося археолога из блестящего сектора Сириуса, скопища бравых рыцарей фанатизма. Посмотрите только — какой контраст со Шварцем! Почти поэтическое противопоставление. Тот никому не известен — этот знаменит. Тот проник к нам тайно — прибытие этого получило широкую огласку. О нем нам сообщил не скромный лаборант, а сам прокуратор Земли.

— И вы думаете, Балкис, что между ними есть связь?

— Можно предположить, Ваше Превосходительство, что один служит для того, чтобы отвлекать внимание от другого. Высшие чины Империи, искушенные во всякого рода интригах, демонстрируют нам здесь два вида камуфляжа. В

случае Шварца свет погашен. В случае Арвардана свет бьет нам в глаза. В обоих случаях полагают, что мы ничего не увидим. О чем предупреждал нас прокуратор относительно Арвардана? Верховный министр задумчиво потер нос.

— Он сказал, что Арвардан руководит экспедицией, которую финансирует Империя, и желает с научной целью получить доступ в Запретные зоны. Прокуратор сказал, что Арвардан не замышляет святотатства, и если мы сможем дипломатично попридержать его, Энниус передаст наше мнение Имперскому Совету. Что-то в этом роде.

— Итак, мы будем вести за Арварданом наблюдение, но с какой целью? С целью помешать ему проникнуть без разрешения в Запретные зоны. Вот перед нами руководитель экспедиции без людей, без корабля, без снаряжения. Перед нами чужак, который не остался на Эвересте, где ему и место, но зачем-то шатается по всей Земле — и первым делом является в Чику. Как же думают отвлечь наше внимание от столь подозрительных обстоятельств? Его просто переключают на другое. Заметьте, Ваше Превосходительство, что Шварца шесть дней прятали в Институте ядерных исследований. А потом он совершил

побег. Не странно ли это? Дверь почему-то забыли запереть. Коридор почему-то не охранялся. Какая странная небрежность. И когда же он совершает побег? Да в тот же день, когда Арвардан прибывает в Чику. Еще одно совпадение.

— И вы думаете, что…

— Я думаю, что Шварц — имперский агент, связанный через Шекта с предателями-ассимилянтами, Арвардан же — его связной. Посмотрите, с каким искусством была организована встреча Шварца с Арварданом. Шварцу разрешают бежать, и некоторое время спустя его сиделка — дочь Шекта — по уже не удивляющему нас совпадению, идет его искать. На случай, если в их расписанном по секундам графике что-то разладится, она его, конечно, найдет; любопытным он будет представлен как несчастный больной человек, и его отведут назад, чтобы повторить попытку позже. И действительно — двум не в меру любопытным таксистам сказали, что Шварц болен, но тут наши голубчики просчитались. Следите за мной внимательно, Ваше Превосходительство. Шварц и Арвардан сначала встречаются в кафе-автомате. Они друг друга будто бы не замечают. Это предварительный контакт, цель которого показать, что все пока в порядке и мож-

но сделать следующий шаг. По крайней мере, нельзя сказать, чтобы они нас недооценивали — это уже утешительно. Потом Шварц уходит, а через пять минут уходит и Аравардан. На улице он встречается с дочерью Шекта. Пауза рассчитана заранее. Разыграв небольшую сценку перед вышеупомянутыми таксистами, они идут в универмаг Дунхема, где и встречаются все трое. Где же еще, как не в универмаге? Идеальное место встречи. Конспирация соблюдается получше, чем в какой-нибудь горной пещере. Слишком на виду — никто не заподозрит. Слишком много народу — слежка невозможна. Превосходно, превосходно! Отдаю противнику должное.

— Если противник слишком умен, нам его не победить, — беспокойно шевельнулся верховный министр.

— Исключено. Мы уже победили. И вот за это надо отдать должное умнице Наттеру.

— Кто такой Наттер?

— Скромный агент, которого отныне нужно будет использовать в полную силу. Его вчерашние действия выше всяких похвал. Задание Наттера состояло в том, чтобы следить за Шектом. Для этой цели он держит напротив института фруктовый ларек. На прошлой неделе его особо

предупредили о том, чтобы он наблюдал и за Шварцем. Наттер был на посту, когда человек, известный ему по фотографиям и мельком виденный им при первом появлении в институте, сбежал. Наттер стал следить за каждым его шагом, сам оставаясь незамеченным, и вчерашние события мы воссоздаем по его рапорту. Проявив недюжинную интуицию, он догадался, что истинная цель «побега» — встреча с Арварданом, и, чувствуя, что не сможет в одиночку отработать эту встречу, решил ей помешать. Таксисты, которым Шект сказала, что Шварц болен, заговорили о лучевой лихорадке, и Наттер ухватился за это с быстротой гения. Как только он увидел, что все трое сошлись в универмаге, он заявил о лучевой лихорадке, и у чикских властей, хвала Господу, хватило ума принять нужные меры. Людей вывели из магазина, и камуфляж, на который рассчитывала наша троица, подвел их. Они остались одни, что выглядело очень подозрительно. Но Наттер на этом не остановился. Он подошел к ним и предложил свои услуги, чтобы вернуть Шварца в институт. Они согласились — а что им оставалось? И Шварцу с Арварданом так и не удалось обменяться ни единым словом. Наттер был не так глуп, чтобы арестовать Шварца. Эти

двое так и не поняли, что обнаружены, они еще выведут нас на дичь покрупнее. Наттер пошел еще дальше. Он известил имперский гарнизон — и не мог поступить иначе. Этим он поставил Арвардана в совершенно непредвиденную ситуацию. Или он должен был объявить, что он не землянин и тем потерять свою ценность, как агент, выдающий себя за землянина, или скрыть свое истинное лицо и тем подвергнуть себя различным неприятностям. Он выбрал последнее, повел себя как герой и даже сломал руку имперскому офицеру — так вжился в образ. Следует его похвалить хотя бы за это. То, что он выбрал именно такой образ действий, примечательно. Разве стал бы чужак лезть под нейрокнут ради землянки, если бы ставка не была так высока?

Верховный министр, положив кулаки на стол, свирепо нахмурился, и все складки у него на лице проступили резче.

— Как вы хорошо умеете, Балкис, ткать свою паутину из мелких фактов. Теперь я вижу, что все обстоит действительно так, как вы говорите. Логика не оставляет иного выбора. И это значит, Балкис, что они подошли близко. Слишком близко. И на этот раз пощады не будет.

— Слишком близко они не могли подойти, —

пожал плечами Балкис, — иначе уже нанесли бы удар, учитывая грозящую им опасность. Впрочем, им осталось немного времени. Встреча Арвардана со Шварцем не состоялась, и, если хотите, я предскажу, что ждет нас в будущем.

— Сделайте одолжение.

— Шварца, очевидно, уберут из города, чтобы обстановка немного разрядилась.

— Уберут? Но куда?

— Мы и это знаем. Шварца привез в институт какой-то фермер. Нам его описали и лаборант Шекта, и Наттер. Мы подняли досье на всех фермеров в радиусе шестидесяти миль от Чики, и Наттер опознал некоего Арбина Марена. Лаборант тоже опознал его — независимо от Наттера. Мы незаметно прощупали этого человека; оказывается, он укрывает от Шестидесяти своего тестя, беспомощного калеку.

— Подобные случаи слишком участились, Балкис, — стукнул по столу верховный министр. — Следует ужесточить закон.

— Не в том суть, Ваше Превосходительство. Тут главное, что если фермер преступает закон, то его можно шантажировать.

— А-а…

— Шекту и его друзьям-чужакам нужно место,

где Шварц мог бы спокойно отсидеться и где не так опасно, как в институте. Ферма Марена, который сам по себе, возможно, ни в чем и не замешан, идеально подходит для этой цели. Ну что ж, за ними будут наблюдать — глаз не спустят со Шварца. Через некоторое время он снова выйдет на встречу с Арварданом, но на этот раз мы будем наготове. Теперь понимаете?

— Да.

— Ну, слава Богу. Тогда я вас оставлю — с вашего разрешения, — с сардонической улыбкой добавил Балкис.

И верховный министр, не чувствуя сарказма, махнул рукой, отпуская его.

Когда секретарь оставался один в своем кабинетике, мысли его ускользали из-под жесткого контроля и начинали резвиться на воле.

Эти мысли почти не имели отношения к доктору Шекту, Шварцу, Арвардану и уж тем более к верховному министру.

Перед мысленным взором Балкиса вставала планета Трентор — огромная метрополия всей Галактики. И дворец, шпили и широкие пролеты которого Балкис никогда не видел наяву, как и никто из землян. Он думал о том, как тянутся от солнца к солнцу невидимые нити власти и

славы, собираясь потом в пряди, веревки, канаты, ведущие к этому дворцу и к этой абстракции — императору, который, в конце концов, всего лишь человек.

Мысль Балкиса всегда останавливалась здесь — на власти, которая одна только может сделать человека богом при жизни, на власти, сосредоточенной в одном человеке.

Он всего лишь человек! Такой же, как и Балкис!

Глава 11
Измененный разум

Джозеф Шварц никак не мог уяснить себе, когда же в нем произошла перемена. Много раз, в полной тишине ночи (какими тихими теперь стали ночи! Неужели они когда-то были полны шума, огней и неутихающей суеты миллионов людей?), в этой новой тишине, он задумывался над этим. Если бы можно было сказать с точностью: вот он, тот самый момент.

Сначала был тот раздерганный, полный страха день, когда он оказался один в незнакомом мире, — теперь воспоминания об этом дне стали такими же туманными, как воспоминания

о Чикаго. Потом была поездка в Чику, которая кончилась так странно и запутанно. Шварц часто думал о ней.

Какая-то машина, пилюли. Дни заточения, потом побег, блуждание по городу, необъяснимые события в универмаге. Шварц никак не мог припомнить, что же там произошло. И вот теперь, два месяца спустя — как все прояснилось, как четко работает память!

Ему еще и тогда многое казалось странным. Он улавливал атмосферу. Старый доктор с дочкой были встревожены, даже боялись. Знал он тогда об этом? Или это было просто мимолетное впечатление, проявившееся только сейчас при взгляде в прошлое?

В универмаге, как раз перед тем, когда его схватил тот большой человек, Шварц понял, что сейчас его схватят. Это ощущение пришло слишком поздно, чтобы он успел спастись, но было вполне ясным.

С тех пор у него начались головные боли. Не то чтобы боли — скорее пульсация в мозгу, как будто там заработало какое-то скрытое динамо и вся черепная коробка с непривычки вибрирует. В Чикаго с ним никогда такого не бывало — если допустить, что его вымысел о Чикаго был прав-

дой, — не было этого сначала и здесь, в реальном мире.

Видимо, тогда в Чике с ним что-то сделали. Какой-то препарат? Пилюли — это анестезирующее. Операция? И Шварц, в сотый раз дойдя до этой точки, снова останавливался.

Он уехал из Чики после своего неудачного побега на следующий день, и время помчалось неумолимо.

Грю в кресле на колесах учил его словам, показывая на разные предметы или изображая движения, как раньше та девушка, Пола. Однажды Грю перестал говорить на тарабарщине и заговорил по-английски. Нет, это он, Шварц, перестал говорить по-английски и заговорил на тарабарщине, которая уже не была тарабарщиной.

Все было очень легко. Читать он выучился за четыре дня. Он сам себе удивлялся. Там, в Чикаго, у него была феноменальная память — так ему казалось, однако на такое он никогда не был способен. Но Грю как будто не удивлялся.

Шварц махнул рукой и тоже перестал удивляться.

Началась настоящая золотая осень, в голове окончательно прояснилось, и Шварц стал рабо-

тать в поле. Опять-таки поразительно было, как быстро он все схватывает — никогда не ошибается. Достаточно было объяснить ему один раз, и он без хлопот мог управлять любой машиной.

Шварц ждал холодов, но по-настоящему они так и не пришли. Зимой все вместе очищали поле, удобряли его, готовились на десятки ладов к весеннему севу.

Шварц спрашивал у Грю, пытаясь понять, что такое снег, но толку добиться не мог.

— Замерзшая вода, которая падает, как дождь — снег называется? Ну, это, наверно, на других планетах, у нас такого не бывает.

Шварц стал наблюдать за температурой и обнаружил, что она почти не меняется, день же убывал, как и полагалось в северных широтах, примерно на широте Чикаго, однако Шварц не знал, на Земле он или нет.

Он попробовал читать книгофильмы Грю, но отказался от этой затеи. Люди оставались людьми, но мелочи повседневной жизни, сами собой разумеющиеся, исторические и социальные ссылки были ему совершенно чужды.

Загадок было много. Постоянные теплые дожди, строжайшие наставления держаться подальше от некоторых мест. Например, как в тот вечер,

когда он решил пойти посмотреть, что же такое светится там, на южном горизонте.

Он ускользнул из дому после ужина, но не успел пройти и мили, как послышался тихий шум мотора двухколески и в вечернем воздухе прозвучал сердитый окрик Арбина. Шварц остановился… и был доставлен домой.

Арбин, расхаживая по комнате, сказал ему:

— Держись подальше от всего, что светится ночью.

— Но почему? — мягко спросил Шварц.

— Потому что это запрещено, — был резкий ответ. — Ты правда ничего не знаешь о нашей жизни, Шварц?

Шварц развел руками.

— Откуда же ты взялся? Ты что, чужак?

— Что такое чужак?

Арбин пожал плечами и оставил его в покое.

Но этот вечер стал для Шварца важной вехой. Именно тогда, когда он шел по дороге, то неизвестное, что было в его мозгу, приняло очертания Образа. Так Шварц назвал это явление, которого не мог описать точнее ни тогда, ни потом.

Он был один в сумерках, поглощающих пурпур заката, его ноги бесшумно ступали по упругой дороге. Он никого не видел, ничего не слышал,

ничего не осязал.

Нет, не совсем так. Он будто бы коснулся чего-то, но не телом, а мозгом. Это было даже не прикосновение, а ощущение присутствия, похожее на нежную щекотку.

Потом ощущение распалось надвое — на два Образа. И второй — как он вообще мог их различать? — стал громче. Нет, это не то слово. Он стал ощутимей, определенней.

И Шварц понял, что это Арбин. Он знал это за пять минут до того, как услышал шум двухколески, и за десять до того, как увидел Арбина.

Потом это стало происходить с ним все чаще и чаще. До него вдруг дошло, что он всегда знает, когда в пределах ста футов от него находится кто-то из домашних: Арбин, Лоа или Грю, хотя ничто не предупреждало его об этом, хотя он мог с полным основанием полагать, что они далеко. Это чувство трудно было принимать как должное, но оно становилось для Шварца естественным.

Он стал экспериментировать, и оказалось, что он точно знает, где сейчас любой из троих — в любое время. Он их различал — Образы были непохожи. Но ни разу не решился сказать им об этом.

Иногда он спрашивал себя, чей же был тот

первый Образ по дороге к сиянию. Это был не Арбин, не Лоа, не Грю. Кто же тогда? А-а, не все ли равно?

Нет, не все равно. Он опять наткнулся на тот же Образ, когда однажды вечером загонял скотину. И спросил Арбина:

— Что это за лесок за Южными холмами?

— А тебе-то что? — буркнул Арбин. — Ну, министерская дача.

— Что, что?

— Не твоего ума это дело. Министерская дача — принадлежит верховному министру.

— А почему эти земли никто не обрабатывает?

— Они не для того существуют, — ответил шокированный Арбин. — Там в старину был большой город. Это священное место, и ходить туда нельзя. Слушай, Шварц, если хочешь остаться цел, не любопытничай да занимайся своим делом.

— Раз место священное, значит там никто не живет?

— Нет, конечно.

— Это точно?

— Точно. И смотри не ходи туда, не то тебе конец.

— Я и не собираюсь.

Шварц ушел, недоумевая и почему-то волнуясь.

В том-то лесу и был Образ, четкий Образ, но в нем было что-то не так. Это был неприятельский Образ, угрожающий Образ.

Кто же это? Кто?

И опять Шварц не посмел ни с кем поделиться. Они бы ему не поверили, и ничего хорошего из этого бы не вышло — Шварц знал. Он знал слишком много всего.

А еще он помолодел — не то чтобы физически, хотя подобрал брюшко и стал шире в плечах. Мускулы тоже окрепли, стали упругими, пищеварение улучшилось — все от работы на свежем воздухе. Но главное было не в этом, а в том, что он стал думать по-другому.

В старости человек забывает, как он мыслил в юности: забываются быстрые прыжки мысли, дерзкая молодая интуиция, живость и свежесть восприятия. Человек начинает привыкать к более медленной работе ума, а поскольку это сопровождается накоплением опыта, старики считают себя умнее молодых.

Но Шварц, сохранив свой опыт, с восторгом убедился, что схватывает все на лету, что опережает объяснения Арбина, заранее зная, о чем пойдет речь. И почувствовал себя снова молодым. Никакая физическая крепость не могла бы ему

этого дать.

Прошло два месяца, и настал тот знаменательный вечер, когда Шварц и Грю играли в шахматы на лужайке у дома.

Шахматы почему-то не изменились, только фигуры стали называться по-другому. Игра осталась такой же, какой ее помнил Шварц, и это всегда утешало. Хоть в этом его бедная память не подвела.

Грю сказал ему, что есть много разновидностей шахмат. Была игра в четыре руки, где доски всех четырех игроков соприкасались углами, а пятая заполняла центр, выполняя роль ничейной земли. Были трехмерные шахматы, где восемь прозрачных досок помещались одна над другой и каждая фигура ходила в трех измерениях, как раньше в двух, количество фигур и пешек удваивалось, а выигрывал тот, кто одновременно объявлял шах обоим королям противника. Были и другие вариации, например: начальное расположение фигур определяли, бросая кости, некоторые поля считались благоприятными, а другие — нет, вводились новые фигуры с особыми свойствами.

Но сами шахматы, старые и неизменные, были все те же, и Грю со Шварцем сыграли уже пятьде-

сят партий своего турнира.

Шварц, начиная играть, едва знал, как надо ходить, и проигрывал все первые партии. Потом стал проигрывать реже. Грю ходил теперь медленно и осторожно, в промежутках дымя трубкой так, что в ней оставался один пепел, но все чаще терпел поражение, ворча и бранясь при этом.

В этот раз Грю играл белыми и уже поставил пешку на e4.

— Ходи, — кисло поторопил он Шварца, зубами стиснув мундштук трубки и не сводя глаз с доски.

Начинало смеркаться. Шварц сел на свое место и вздохнул. Играть теперь, когда он мог заранее предсказать все ходы Грю, стало неинтересно. Это выглядело так, будто в черепе у Грю появилось запотевшее окошко. Не говоря уж о том, что сам Шварц тоже инстинктивно чувствовал, как надо вести игру, — одно было связано с другим.

Играли они на «ночной» доске, которая светилась в темноте синими и оранжевыми квадратами. Фигуры из красной глины, днем неказистые, ночью преображались. Одни светились кремовой белизной, холодные и блестящие, будто фарфоровые, другие искрились красными огоньками.

Первые ходы были сделаны быстро. Королев-

ская пешка Шварца выступила навстречу врагу. Грю пошел конем на f3, Шварц — на c6. Белый слон переместился на b5, и шварцевская пешка a7, передвинувшись на одно поле, прогнала его на a4. Шварц перевел своего другого коня на f6.

Светящиеся фигуры скользили по доске будто сами собой, как заколдованные, — пальцев не было видно в темноте.

Шварцу было страшно. Может быть, сейчас выяснится, что он сумасшедший. Но будь что будет — он должен наконец узнать. И он выпалил:

— Где я нахожусь?

Грю взглянул на него, решительно двигая своего коня на c3, и переспросил:

— Чего?

Шварц не знал, как сказать «страна» или «государство», и спросил:

— Что это за мир? — и поставил своего слона на e7.

— Земля, — кратко ответил Грю и картинно сделал рокировку: сначала передвинул высокого короля, потом перенес через него приземистую ладью.

Ответ был совершенно неудовлетворительный. Шварц перевел для себя как Земля, но ведь любая другая планета — это «земля» для тех, кто на ней

живет. Он передвинул пешку b7 на два поля, и слону Грю снова пришлось отступить, на этот раз на b3. Потом Шварц и Грю поочередно переставили свои пешки d на одно поле, освободив слонов для сражения в центре доски, которое скоро должно было развернуться. Шварц спросил как можно небрежнее:

— А который у нас год?

И тоже сделал рокировку.

Грю недоуменно помолчал.

— Что это на тебя сегодня нашло? Играть не хочешь, что ли? Ну, если тебе от этого легче, то восемьсот двадцать седьмой Г. Э., — саркастически добавил он, хмурясь над доской, и со стуком поставил коня на d5, предпринимая первую атаку.

Шварц быстро увернулся, противопоставив ему коня на a5. Борьба пошла всерьез. Грю взял конем шварцевского слона, который взвился вверх, сверкнув красным огнем, и со стуком упал в коробку, где будет лежать, как павший воин, до следующей игры. Но черная королева тут же расправилась с белым конем, атака Грю захлебнулась, и он отвел оставшегося коня в тихую гавань e1, где тот был сравнительно бесполезен. Конь Шварца повторил первый размен, взяв слона, и в свою очередь пал жертвой пешки a2.

Снова настала пауза, и Шварц вкрадчиво спросил:

— А что такое Г. Э.?

— Что? — сварливо переспросил Грю. — А, ты все про то же? Что за дурацкие… ладно, я все забываю, что ты и говорить-то выучился всего месяц назад. Но ты способный. Правда, не знаешь? Ну, сейчас восемьсот двадцать седьмой год Галактической Эры — вот тебе и Г. Э. Восемьсот двадцать седьмой год от основания Галактической Империи, от коронации Франкенна Первого. А теперь ходи, сделай милость.

Шварц, охваченный безумной тоской, сжал в кулаке коня, которым собирался пойти.

— Минутку, — сказал он и поставил коня на d7. — Тебе о чем-нибудь говорят слова: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа…

Трубка Грю тускло вспыхнула в темноте красным, и его легкая тень упала на светящуюся доску, точно он был призрак, а шахматы — живые. Он, должно быть, мотнул головой, но Шварц этого не видел, да и нужды не было. Он так же ясно слышал отрицательный ответ, как если бы Грю произнес его вслух. Он попытался еще раз.

— Не знаешь, где можно взять карту?

— Нету никаких карт, — проворчал Грю, — раз-

ве что в Чике можно достать, рискуя головой. Я не географ, и слов, которые ты назвал, тоже никогда не слышал. Это имена, что ли?

Рискуя головой? Почему? Шварца пронзил холод. Значит, он совершил преступление, и Грю об этом знает?

— В Солнечной системе девять планет, да? — нерешительно спросил он.

— Десять, — твердо ответил Грю.

Шварц колебался. Может, открыли еще одну, а он и не слышал? Тогда почему слышал Грю? Посчитав на пальцах, он спросил:

— А у шестой планеты кольца есть?

Грю медленно двигал пешку f через два поля, и Шварц незамедлительно ответил тем же.

— У Сатурна, что ли? Конечно, есть.

Грю размышлял. Он мог сейчас взять или пешку f5, или пешку e5, но последствия выбора были ему не совсем ясны.

— И астероидный пояс есть — такие маленькие планетки между Марсом и Юпитером? То есть между четвертой и пятой планетой?

— Есть, — проворчал Грю. Он снова разжег трубку и лихорадочно обдумывал свой ход. Шварц чувствовал его мучительные сомнения, и это раздражало его. Теперь, когда он уверился, что

живет на Земле, игра совершенно перестала его интересовать. В голове у него роилось множество вопросов, и один выскочил наружу:

— Так ваши книгофильмы говорят правду? Существуют и другие миры? Населенные миры?

На этот раз уже Грю поднял голову и вперился в темноту.

— Ты серьезно?

— Они есть?

— О, Небо! Ты, кажется, и вправду не знаешь. Шварц почувствовал себя униженным, обнаружив свое невежество.

— Пожалуйста, скажи.

— Конечно, миры существуют. Миллионы миров! У каждой звезды, которую ты видишь, есть свои миры, а большинство из них тебе не видно. И все они входят в Империю.

Где-то внутри у Шварца отдавались слабым эхом веские слова Грю, искрами разлетавшиеся по всему мозгу. Внутреннее его зрение с каждым днем улучшалось — может быть, вскоре он будет слышать слова, даже когда собеседник их не произносит?

И Шварц в первый раз подумал, что есть еще одна вероятность, кроме той, что он лишился ума. Может, он каким-то образом оказался в другом

времени? Но как? Проспал, что ли?

— Сколько времени все это существует, Грю? — хрипло спросил он. — Сколько времени прошло с тех пор, как была всего одна планета?

— Что ты такое говоришь? — вдруг насторожился Грю. — Ты что, из Общества Блюстителей?

— Из какого общества?! Ни в каком обществе я не состою. Но разве Земля не была когда-то единственной планетой? Разве нет?

— Так говорят блюстители, — мрачно сказал Грю, — а там кто ее знает. Те миры существуют на протяжении всей известной мне истории.

— Но сколько времени это продолжается?

— Тысячи лет, наверное. Пятьдесят тысяч, сто тысяч, точно не скажу.

Тысячи лет! У Шварца забулькало в горле, и он в панике прижал к нему руку. И это — всего за один шаг? Один вздох, один миг, одна песчинка времени — и он перескочил через тысячелетия? Нет, лучше уж пусть будет амнезия. То, что он опознал Солнечную систему, могло быть результатом смутных воспоминаний, пробившихся сквозь пелену.

Грю тем временем сделал свой ход, взяв шварцевскую пешку f5, и Шварц почти машинально отметил, что Грю выбрал фигуру неверно. Те-

перь оба делали ход за ходом, не задумываясь. Шварцевская ладья выдвинулась вперед, чтобы грудью встретить сдвоенные белые пешки. Белый конь скакнул на f3. Слон Шварца перешел на b7, готовясь к бою. Грю последовал примеру Шварца, пойдя слоном на d3. Шварц, помолчав перед решающей атакой, спросил:

— Земля — главная планета?

— Где главная?

— В Имп…

Тут Грю взревел так, что шахматы затряслись:

— Слушай, мне надоели твои вопросы. Ты что, совсем дурак? Разве похожа Земля на главную планету? — Кресло с шорохом объехало стол, и Грю вцепился в руку Шварца. — Смотри! Смотри туда! — хрипло прошептал калека. — Видишь сияние там, на горизонте?

— Вижу.

— Вот и вся Земля. Лишь кое-где сохранились островки вроде нашего.

— Не понимаю.

— Земная кора радиоактивна. Она светится, и всегда светилась, и всегда будет светиться. На ней ничего не растет. И никто не живет… Ты правда этого не знал? Зачем же, по-твоему, придуманы Шестьдесят? — Грю разжал пальцы и вернулся

на свое место. — Тебе ходить.

Шестьдесят! Опять какой-то Образ, несущий смутную угрозу. Фигуры Шварца ходили сами по себе, а он с тяжелым сердцем размышлял. Его пешка e5 съела белую пешку f4. Грю перевел коня на d4, и черная ладья отошла из-под удара на g5. Конь Грю снова атаковал, пойдя на f3, и черная ладья снова отступила на g4. Но потом белая пешка h2 сделала робкий шажок на одно поле, и ладья ринулась вперед, взяв пешку g2 и поставив шах белому королю. Король проворно взял ладью, но в брешь тут же ворвалась черная королева, став на g4 и вновь угрожая королю. Король отскочил на h1, а Шварц пошел конем на e5. Грю двинул свою королеву на e2, пытаясь укрепить защиту, а Шварц свою — на g3.

Схватка близилась. У Грю не было выбора, он перевел королеву на g2, и обе августейшие особы сошлись лицом к лицу. Конь Шварца отправился домой, взяв по дороге белого коня на f3. Попавший под удар белый слон быстро отошел на c3, а конь последовал за ним на d4. Грю долго колебался и наконец двинул свою вышедшую во фланг королеву по длинной диагонали, взяв шварцевского слона. И перевел дух. У коварного противника была под угрозой ладья с последующим шахом, и

белая королева готовилась ворваться в ряды врага, а белая ладья собралась проглотить пешку.

— Твой ход, — удовлетворенно произнес Грю.

— А что… что такое Шестьдесят? — решился спросить Шварц.

— Зачем спрашиваешь? — неприязненно ответил Грю. — Что у тебя на уме?

— Пожалуйста, ответь! — взмолился совсем упавший духом Шварц. — Я человек безвредный. Я не знаю, кто я и что со мной случилось. Наверное, у меня амнезия.

— На то похоже, — бросил Грю. — Скрываешься от Шестидесяти? Только честно.

— Говорю же тебе, я не знаю, что такое Шестьдесят!

Грю поверил ему, и настало долгое молчание. Образ Грю в уме Шварца приобрел зловещие черты, но слов он разобрать не мог.

— Шестьдесят — это твои шестьдесят лет, — медленно сказал Грю. — Земля может прокормить только двадцать миллионов человек, не больше. Чтобы жить, надо работать. Если ты не можешь работать, то не можешь и жить. После шестидесяти ты не можешь работать.

— Значит… — Шварц так и остался с открытым ртом.

— Тебя выводят в расход. Это не больно.

— Убивают?!

— Это не убийство, — сурово поправил Грю. — Так надо. Другие миры не принимают нас к себе — надо же уступить место детям. Старое поколение должно уступать дорогу молодым.

— А если никому не говорить, что тебе уже шестьдесят?

— Зачем? Жизнь после шестидесяти — не сахар. Каждые десять лет бывают переписи, чтобы вылавливать таких умников, которые пытаются прожить лишнее. И потом, возраст каждого землянина регистрируется.

— Кроме меня, — выпалил Шварц (сказанного не воротишь). — К тому же мне только пятьдесят исполнится.

— Не имеет значения. Сделают костный анализ, и все. Не знал? Тут не скроешься. В следующий раз меня заметут. Слушай, ходи давай.

— Ты хочешь сказать…

— Мне, конечно, только пятьдесят пять, но вот ноги… Я уже не работник, верно? У нас в семье трое, и норма рассчитана на троих работающих. Когда у меня случился удар, об этом следовало заявить, тогда бы норму снизили, но меня бы отправили на Шестьдесят раньше времени, а

Арбин с Лоа не захотели. Ну и глупо — пришлось им надрываться на работе, пока ты не появился. Все равно на будущий год меня заберут. Ходи.

— В будущем году будет перепись?

— Угу. Ходи.

— Погоди! И никому не разрешается жить дольше шестидесяти? Никаких исключений?

— Только не для нас с тобой. Верховный министр живет полный срок, блюстители тоже, и некоторые ученые да те, у кого особые заслуги. Мало кому разрешают. Где-то десятерым в год. Да ходи же ты!

— А кто это решает?

— Верховный министр, само собой. Ты будешь ходить или нет?

Шварц встал.

— Чего ходить — тебе мат в пять ходов. Моя королева берет твою пешку и ставит тебе шах; тебе придется отойти на g1, я хожу конем на e2 и ставлю тебе шах; ты отступаешь на f2, моя королева ставит тебе шах на e3; ты отходишь на g2, моя королева идет на g3, загоняет тебя на h1 и ставит тебе мат на h3. Хорошая была партия, — машинально добавил Шварц.

Грю уставился на доску и с воплем смел ее со стола. Светящиеся фигуры покатились по газону.

— Всю голову мне заморочил своей проклятой болтовней, — орал Грю.

Но Шварц его не слушал. Теперь его заботило только одно: во что бы то ни стало избежать Шестидесяти. Когда Браунинг сказал: «Пусть мы стареем, но погоди — лучшие годы еще впереди…» — Земля могла прокормить биллионы людей. А теперь лучшее, что впереди — это Шестьдесят. И смерть.

Шварцу было шестьдесят два года.

Шестьдесят два…

Глава 12
Убийственный разум

Шварц методически все обдумал. Если он не хочет умирать — надо уходить с фермы. Если он останется здесь — начнется перепись, а это смерть.

Итак, с фермой надо расстаться. Но куда идти?

Было еще то место в Чике — больница, наверно? Там за ним ухаживали. А почему? Потому что он — «интересный случай». Но ведь он не перестал быть интересным больным, да еще и говорить научился; теперь он сможет им рассказать о своих симптомах, а раньше не мог. Даже про Образы

сможет рассказать.

А может, такое внутреннее зрение есть у всех? Как бы узнать? Окружающие этим даром не обладали — ни Арбин, ни Лоа, ни Грю. Шварц точно знал. Они не могли сказать, где он сейчас, если не видели или не слышали его. Да разве сумел бы он обыграть Грю в шахматы, если бы тот…

Кстати, шахматы у них очень популярны, а в них нельзя было бы играть, будь у всех внутреннее зрение.

Значит, он феномен — психологическое чудо. Не очень-то весело быть феноменом, зато на этом можно выжить…

А если его новая идея правдива? Если он не болен амнезией, а пришел из другого времени? Тогда он не только экстрасенс, а еще и пришелец из прошлого. Исторический феномен, археологический феномен — разве можно убивать такого?

Если только ему поверят.

Вот именно, если поверят.

Тот доктор поверил бы, это точно. В то утро, когда они с Арбином поехали в Чику, Шварц весь зарос щетиной — он прекрасно это помнил. А потом борода расти перестала, наверное, с ней что-то сделали. Значит, доктор видел, что у Шварца на лице росли волосы.

Разве это не знаменательно? Грю и Арбин никогда не брились. Грю как-то сказал, что волосатые морды бывают только у животных.

Значит, надо идти к доктору.

Как его звали? Шект? Да, точно, Шект.

Но Шварц так плохо знал этот страшный мир. Если уйти ночью и двинуться напрямик, можно забрести не туда, попасть в радиоактивную зону — кто их знает, где они. И Шварц, с храбростью отчаяния, отправился в город средь бела дня прямо по дороге.

На ферме его ждут только к ужину — за это время он уйдет далеко. У них в голове нет его Образа — никто его не хватится.

Первые полчаса Шварц был на верху блаженства: впервые он испытывал подобное чувство с тех пор, как попал сюда. Наконец-то он действует, наконец восстал против обстоятельств. И теперь у него есть цель — это не то что бессмысленный побег там, в Чике.

Да, не так уж плохо для старика. Он им еще покажет.

И вдруг он стал посреди дороги — в голове возникло нечто забытое им. Чужой, неизвестный Образ, тот, на который Шварц наткнулся, идя к сиянию на горизонте, когда его перехватил

Арбин. Образ, который следил за ним с министерской дачи.

Теперь он снова был здесь, позади него, и следил.

Шварц прислушался — как иначе можно описать то, что он сделал? Образ не приближался, но был как-то связан с ним. В Образе чувствовалась настороженность и враждебность, но желания напасть не было.

Выяснилось и еще кое-что. Преследователь не должен терять Шварца из виду, и он вооружен.

Шварц невольно оглянулся, нетерпеливо вглядываясь в горизонт.

Образ сразу изменился.

Он колебался, нервничал, сомневался в собственной безопасности и в успехе своего предприятия, в чем бы оно ни состояло. Стало еще яснее, что он вооружен, как будто преследователь раздумывал — применять ему оружие в случае крайности или нет.

Шварц сознавал, что сам он безоружен и беззащитен. Знал, что преследователь скорее убьет его, чем упустит из виду, убьет при первом же неверном движении. Знал… и при этом никого не видел.

Он пошел дальше, понимая, что преследова-

тель достаточно близко, чтобы убить. Вся спина у Шварца напряглась в ожидании — кто знает чего? Как это бывает — смерть? Как это бывает? Эта мысль неотступно шла с ним в ногу, билась в его мозгу, стучала в подсознании, наконец ему стало невмоготу.

Шварц цеплялся за Образ неизвестного, как за последнюю надежду. Он должен ощутить взлет напряжения, когда тот наставит свое оружие, взведет курок, нажмет на контакт. Тогда Шварц упадет ничком или бросится бежать…

Но кому нужно его убивать? Если это Шестьдесят, почему с ним не разделаются обычным путем?

Шварц снова сомневался в том, что перескочил через время, снова склонялся в пользу амнезии. Может быть, он преступник, опасный преступник, за которым следует наблюдать. Может, он раньше был высокопоставленным лицом, и его нельзя убить просто так, без суда. Может, его амнезия — это попытка подсознания уйти от осмысления какой-то огромной вины.

Так он и шел по пустой дороге навстречу неизвестной судьбе, со смертью за спиной.

Смеркалось. Подул прохладный ветерок. Как всегда, это казалось Шварцу неправильным.

Насколько он мог судить, сейчас стоял декабрь, и закат в половине пятого как раз соответствовал этому месяцу, но налетевший ветерок никак не походил на суровую среднезападную зиму.

Шварц рассудил, что климат стал таким мягким потому, что планета (Земля?) уже не зависит от солнца. Радиоактивная почва сама излучала тепло — на площади в квадратный фут это не было бы заметно, но миллионы квадратных миль делали свое дело.

В темноте Образ преследователя стал ближе. Все еще насторожен и готов схватиться. В темноте преследовать было труднее. Он шел за Шварцем и в ту ночь, когда Шварц отправился к сиянию. Может быть, на этот раз он решил больше не рисковать.

— Эй, парень! — окликнул пронзительный гнусавый голос.

Шварц застыл на месте. И медленно, всем телом, обернулся назад. К нему шел человек небольшого роста, он махал рукой, что было трудно разглядеть в потемках. Он приближался не торопясь. Шварц ждал.

— Здорово. Рад тебя видеть. Не очень-то приятно переть по дороге в одиночку. Можно я пойду с тобой?

— Здравствуйте, — безжизненно ответил Шварц. Да, Образ тот самый. Преследователь. И он ему знаком. Как-то связан с туманными воспоминаниями о Чике. Преследователь тоже явно узнал его.

— Слушай, я ж тебя знаю. Точно. А ты меня не помнишь?

Трудно сказать, поверил бы прежний Шварц в искренность этого человека или нет. Теперешний же Шварц смотрел сквозь тонкую синтетическую пленку слов в глубины Образа, который говорил — кричал — ему, что этот остроглазый человечек с самого начала знал, кто такой Шварц. Знал и держал для него наготове смертельное оружие.

Шварц покачал головой.

— Ну как же! В универмаге-то? Я тебя тогда увел. — Он согнулся пополам в приступе деланного смеха. — Они думали, у тебя лучевая лихорадка. Ну, ты ж помнишь.

Шварц помнил, но очень смутно. Этот человек, а потом еще люди, которые сначала их задержали, а потом расступились перед ними.

— Да, — сказал он. — Рад вас видеть.

Не слишком блестящий ответ, но Шварц не был способен на большее, да и собеседник как будто не возражал.

— Меня зовут Наттер, — представился он. — Тогда нам не удалось поговорить — обстановка была уж больно напряженная. Хорошо, что снова встретились. Дай пять.

И он сунул Шварцу влажную руку.

— Шварц, — сказал тот, едва коснувшись его ладони.

— Что это ты пешком? Идешь куда?

— Да так…

— Гуляешь? Я тоже. Круглый год гуляю, это здорово проветривает старую рухлядь.

— Что?

— Ну, жить становится охота. Воздухом дышишь, кровь играет. Вот сегодня далековато зашел, а ночью неохота шагать одному. В компании всегда лучше. Ты куда направляешься?

Наттер спрашивал это уже во второй раз, и Образ показывал, что ему очень важно это знать. Шварц понимал, что недолго сможет уклоняться от ответа — Образ был очень настойчив. А лгать бесполезно: Шварц недостаточно хорошо знал этот мир, чтобы лгать.

— В больницу, — сказал он.

— В больницу? В какую больницу?

— В Чике, я там лежал.

— А, в институт, да? Туда я отвел тебя в тот раз.

Беспокойство и нарастающее напряжение.

— К доктору Шекту, — сказал Шварц. — Вы его знаете?

— Слышал. Большая шишка. Значит, ты болен?

— Нет, но мне велели иногда показываться.

Кажется, убедительно звучит?

— Что ж ты пешком? Почему он не пришлет за тобой машину?

Видимо, неубедительно.

Шварц ничего на это не ответил — замкнулся, как устрица. Но Наттер не сдавался.

— Слушай, друг, давай я закажу такси из города. Как встретится коммуникатор, пусть выезжает нам навстречу.

— Коммуникатор?

— Ну да. Они тут по всей дороге. Да вот и он. Наттер сделал шаг в сторону, и Шварц вдруг весь подобрался.

— Стой! Ни с места.

— Что это тебя укусило? — холодно произнес Наттер.

Шварц быстро заговорил, едва управляясь с новым языком:

— Надоело мне притворяться. Я тебя знаю и знаю, что ты собираешься делать. Сейчас позвонишь и скажешь, что я иду к доктору Шекту, и

они пришлют за мной машину. А если я попытаюсь уйти, ты меня убьешь.

Наттер нахмурился и сказал:

— Вот уж что верно, то верно. — Эти слова не предназначались для ушей Шварца, но плавали на самой поверхности Образа. Вслух он произнес: — Что-то я вас не пойму, господин. Мудреное что-то говорите.

А сам отступал назад, и рука его тянулась к бедру. Шварц выйдя из себя в ярости замахал руками.

— Оставь меня в покое, что тебе надо? Что я тебе сделал? Уйди! Уйди!

Его голос сорвался, лоб собрался в морщины от ненависти и страха перед тем, кто следил за ним и был так враждебно к нему настроен. Волна эмоций накатила на чужой Образ, стремясь смыть его, избавиться от него…

И он исчез. Исчез без следа. Пришло мгновенное ощущение невыносимой боли, но испытал ее не Шварц, а его враг. А потом все: Образа не стало. Как будто бессильно разжался крепко стиснутый кулак.

Скрюченный Наттер валялся на темной дороге. Шварц осторожно подошел к нему. Наттер был маленький, и его легко было перевернуть. С лица

не сходило запечатлевшееся на нем выражение муки. Шварц нащупал сердце, оно не билось.

Он выпрямился в ужасе от себя самого.

Он убил человека!

А потом нахлынуло изумление.

Ведь он его и пальцем не тронул! Он убил его одной только ненавистью, нанеся каким-то образом удар по его Образу в своем мозгу.

Кто знает, на что еще он способен?

Шварц быстро принял решение, обшарил карманы мертвеца, нашел там деньги. Они ему пригодятся. Потом оттащил труп в поле, в высокую траву.

Он шел еще два часа, и никаких Образов больше не появлялось.

Заночевал он в открытом поле и утром, прошагав еще два часа, дошел до окраины Чики.

Она казалась Шварцу просто деревней по сравнению с тем Чикаго, который он помнил. Прохожих на улицах было еще мало, однако многочисленные Образы сразу заполнили мозг. Шварца это и удивляло, и сбивало с толку.

Как их много! Некоторые мимолетные и неясные, другие направленные и четкие. У одних мозги булькали, как крохотные гейзеры, у других в голове было пусто, разве что любовные воспо-

минания о недавнем завтраке.

Поначалу Шварц вздрагивал и оборачивался на каждый Образ, думая, что они как-то затрагивают его, но через час научился не обращать на них внимания.

Теперь он слышал слова, даже если они не произносились. Это было для него внове, и он невольно стал прислушиваться. Фразы были причудливые, бессвязные и обрывочные — едва внятные, а за словами тянулись эмоции и еще разное, чего словами не расскажешь. Весь мир был панорамой бурлящей жизни, видимой только ему.

Он открыл, что может проникать сквозь стены зданий, мимо которых шел. Стоит только спустить с поводка свое сознание, а уж оно обрыщет все потаенные щели и принесет ему косточки скрытых людских дум.

Перед большим каменным домом Шварц остановился и поразмыслил: за ним охотятся какие-то люди, одного он убил, но были и другие — те, кому тот собирался звонить. Хорошо бы затаиться на пару дней, но как? Подыскать работу?

Он исследовал здание, у которого стоял, — там внутри был отдаленный Образ, как будто обещавший работу. Требовались текстильщики, — а

ведь Шварц раньше был портным.

Шварц вошел. Никто внутри не желал обращать на него внимания. Он тронул кого-то за плечо.

— Скажите, пожалуйста, где мне узнать насчет работы?

— Вот в эту дверь!

Образ был раздраженный и подозрительный. За дверью сидел тощий, остролицый служащий, который засыпал Шварца множеством вопросов. Ответы он вводил в классификационную машину, нажимая на клавиши.

Шварц мямлил, говоря и ложь и правду с одинаковой неуверенностью. Кадровик, впрочем, был к этому вполне безразличен. Вопросы быстро следовали один за другим:

— Возраст? Пятьдесят два? Хм-м. Состояние здоровья? Женаты? Чем занимались раньше? Работали с тканями? Какого типа? Термопласты, эластомеры? То есть как — всех типов? Последнее место работы? Имя руководителя по буквам… Вы ведь не живете постоянно в Чике? Где ваши документы? Нужно брать с собой, если хотите устроиться… Ваш регистрационный номер?

Шварц понял, что пора уходить. Он не предвидел всего этого. Да и Образ его собеседника

изменился. Его что-то насторожило, и он опасался. Поверхностный слой приветливости и дружелюбия был таким тонким и так плохо прикрывал злобу, что становилось просто страшно.

— Мне кажется, я вам не подойду, — нервно сказал Шварц.

— Нет-нет, вернитесь непременно. У нас кое-что для вас есть. Сейчас посмотрю в картотеке. — Он улыбался, но Образ сделался еще яснее и еще враждебнее.

И он нажимал кнопку у себя на столе. Шварц в панике ринулся к двери.

— Держи его! — тут же закричал кадровик, выскакивая из-за стола.

Шварц всей силой сознания хлестнул по его Образу и услышал позади стон. Он оглянулся через плечо — кадровик сидел на полу с искаженным лицом, сжав руками голову. Над нам склонился другой человек, который тут же выпрямился и бросился к Шварцу. Тот не стал дожидаться и выбежал на улицу, полностью сознавая теперь, что на него, должно быть, объявлен розыск и его приметы обнародованы. Кадровик, по крайней мере, его узнал.

Шварц стал вслепую петлять по улицам. На него обращали внимание, тем более что на

улицах становилось людно. Везде он читал подозрение — он был подозрителен, потому что бежал и одежда на нем была мятая и не по размеру.

Обуреваемый смятением и страхом, Шварц не сумел различить во множестве Образов истинных врагов, в ком было не только подозрение, но и уверенность. Удар нейрокнута был для него полнейшей неожиданностью.

Страшная боль обрушилась на него со свистом и придавила, как обвал. Несколько секунд Шварц скользил по склону, все глубже погружаясь в боль, а потом провалился в черноту.

Глава 13
Вашеннская паутина

В Вашеннской Коллегии Блюстителей все чинно и благопристойно. На всем лежит отпечаток суровости, и есть что-то невыразимо мрачное в тесных стайках новичков, гуляющих вечером под деревьями внутреннего двора, куда нет доступа никому, кроме блюстителей. Порой через лужайку проходит один из старших в зеленом платье, благосклонно принимая приветствия младших собратьев.

А время от времени там появляется и сам вер-

ховный министр. Только не в таком виде, как сейчас — запыхавшийся, чуть ли не в поту, не замечающий ни вскинутых в приветствии рук, ни осторожных взглядов вдогонку, ни недоуменно поднятых бровей.

Он влетел в Законодательный Зал через служебный вход и помчался по гремящему под ногами спуску вниз. Дверь, в которую он барабанил, открылась нажатием ноги изнутри, и верховный министр вошел.

Его секретарь едва удостоил министра взглядом. Балкис сидел за своим простым маленьким столом, сгорбившись над портативным полевым телевизором, порой бросая взгляд на кипу бумаг перед собой.

Верховный министр резко постучал по столу.

— В чем дело? Что происходит?

Секретарь холодно взглянул на него и отставил телевизор в сторону.

— Приветствую Вас, Ваше Превосходительство.

— Нечего меня приветствовать! Я хочу знать, что происходит.

— Если быть кратким, то наш подопечный бежал.

— Тот, кого синапсировал Шект? Чужак? Шпион? Который жил на ферме под Чикой?

Неизвестно, сколько бы еще обозначений для этого лица нашел премьер-министр, если бы секретарь не прервал его равнодушным: «он самый».

— Почему меня не информировали? Почему меня никогда не информируют?

— Требовалось действовать немедленно, вы же были заняты.

— Вы всегда очень внимательны к тому, занят я или нет, когда хотите обойтись без меня. Но я больше этого не потерплю. Я не позволю, чтобы от меня отмахивались и оттирали меня в сторону. Я…

— Мы теряем время, — спокойно ответил секретарь, и премьер-министр тоже понизил голос, кашлянул, помялся и примирительно спросил:

— Есть подробности, Балкис?

— Почти никаких. Терпеливо выждав два месяца и ничем не выказывая своих намерений, Шварц вдруг ушел. За ним следили, но потеряли его.

— Каким образом?

— Не могу сказать в точности, могу лишь изложить факты. Наш агент, Наттер, прошлой ночью трижды не вышел на связь в установленные часы. Его сменщики отправились искать по дороге

в Чику и на рассвете нашли. Он лежал в придорожном кювете — мертвый.

— Его убил чужак? — побледнел верховный министр.

— Предполагаем, что да, хотя с уверенностью сказать нельзя. Видимых следов насилия нет, только на лице застыло выражение страдания. Разумеется, будет вскрытие. Возможно, он умер от удара в самый неподходящий момент.

— Это было бы невероятным совпадением.

— Я того же мнения, — прозвучал ответ, — но если его убил Шварц, тогда последующие события представляются загадочными. Если помните, Ваше Превосходительство, мы предвидели, что Шварц отправится в Чику на свидание с Шектом, а Наттера нашли на дороге между фермой Марена и Чикой. Поэтому в городе три часа назад объявили тревогу, и он был схвачен.

— Кто, Шварц?

— Разумеется.

— Что ж вы сразу не сказали?

— Ваше Превосходительство, есть дела поважнее, — пожал плечами Балкис. — Итак, Шварц в наших руках. Его взяли с легкостью, и это как-то не совмещается со смертью Наттера. Как может один и тот же человек быть настолько умен,

чтобы обнаружить и убить Наттера — способнейшего агента — и настолько глуп, чтобы войти в то же утро в Чику и открыто явиться на фабрику в поисках работы?

— А он это сделал?

— Да. Здесь напрашиваются два варианта: или он уже передал свою информацию Шекту с Арварданом и позволил схватить себя, чтобы отвлечь наше внимание, или есть еще и другие агенты, кроме него, которых мы пока не обнаружили и которых он прикрывает. В любом случае нам надо быть начеку.

— Не знаю, — сказал верховный министр, и его красивое лицо собралось в унылые складки. — Это для меня слишком тонко.

Балкис улыбнулся, не слишком скрывая свое презрение, и объявил:

— Через четыре часа у вас встреча с профессором Белом Арварданом, Ваше Превосходительство.

— Встреча? Зачем? Что я ему скажу? Я не хочу его видеть.

— Успокойтесь, Ваше Превосходительство. Вы непременно должны с ним встретиться. Мне представляется очевидным, что, коль скоро срок его фиктивной экспедиции приближается,

он должен разыгрывать свою роль и дальше, обратившись в Вам за допуском в Запретные Зоны. Энниус предупредил нас об этом, а Энниус должен быть посвящен во все детали комедии. Надеюсь, Вы сумеете стать Арвардану достойным партнером на подмостках?

— Постараюсь, — понурил голову верховный министр.

Бел Арвардан явился на прием заблаговременно и успел все рассмотреть. Для человека, знакомого с архитектурными шедеврами всей Галактики, Коллегия Блюстителей была всего лишь архаической гранитной коробкой со стальными вкраплениями, археолог же мог счесть ее мрачную, почти дикарскую простоту отражением мрачного, почти дикарского образа жизни. Самая примитивность строения символизировала обращенность к далекому прошлому.

Арвардан думал о своем. Двухмесячная экскурсия по западным континентам Земли получилась не такой забавной, как он предполагал. Тот первый день все испортил. Арвардан вновь и вновь вспоминал его.

Он злился на себя за эти воспоминания. Она была грубой, вопиюще неблагодарной, настоящая землянка. Откуда же в нем это чувство вины? И

все же…

Ее можно было бы оправдать шоком, который она испытала, узнав, что Арвардан — чужак, такой же, как оскорбивший ее офицер, поплатившийся за грубость и наглость сломанной рукой. Откуда ему знать, в конце концов, что ей пришлось вытерпеть от чужаков в прошлом? И вдруг, без всякой подготовки, узнать, что и Арвардан тоже чужак… Как обухом по лбу.

Будь он терпеливее… Зачем он так грубо оборвал ее? Он даже имени ее не помнит. Пола! А дальше? Странно! Обычно он не жаловался на память. Или он подсознательно пытается забыть ее?

Что ж, это имело смысл. Забыть! Было бы что помнить, подумаешь. Землянка. Обыкновенная землянка.

Между прочим, она медсестра. Можно попробовать отыскать больницу, где она работает. Ночью он не очень-то разобрался, куда ее провожал, но это где-то недалеко от кафе-автомата.

Арвардан со злостью загнал подальше эту крамольную мысль. Он что, с ума сошел? Чего он этим добьется? Она же землянка. Красивая, милая, очаровательная…

Землянка!!!

В дверь входил верховный министр, и Арвардан порадовался, что можно отдохнуть от воспоминаний. Но в глубине души он знал — они все равно вернутся. Они всегда возвращались.

Верховный министр переоделся и весь сиял чистотой и свежестью. На челе его не отражалось ни суеты, ни сомнений, и разве пришло бы кому-нибудь в голову, что это чело может вспотеть?

Дружеская беседа началась. Арвардан старательно передал наилучшие пожелания высоких лиц Империи народу Земли. Верховный министр не менее тщательно выразил благодарность, которую долженствовала испытывать вся Земля к щедрому и просвещенному правительству Империи.

Арвардан остановился на значении археологии для имперской философии, на ее вкладе в великую концепцию о братстве людей всех миров Галактики. Верховный министр вежливо заметил, что Земля давно согласна с этой концепцией и надеется, что вскоре настанет время, когда Галактика претворит ее в жизнь.

Арвардан слегка улыбнулся на это.

— Ради этого я и посетил Вас, Ваше Превосходительство. Все различие между Землей и соседними с ней доминионами Империи состоит,

возможно, в разном образе мышления. Возможно, удастся избавиться от многих разногласий, если будет доказано, что земляне, как раса, ничем не отличаются от прочих галактиан.

— Как же вы намерены это доказать, доктор?

— В двух словах не объяснишь. В археологии, как, возможно, известно Вашему Превосходительству, существуют два основных течения, обычно называемых теорией Мергера и радиальной теорией.

— Я имею представление об этих теориях, хотя и дилетантское.

— Очень хорошо. Итак, теория Мергера говорит, что разные виды человечества, развившись независимо друг от друга, перемешались между собой в раннюю, почти не оставившую документов эпоху первобытных космических путешествий. Иначе невозможно объяснить тот факт, что современные люди так схожи между собой.

— Да, — сухо ответил верховный министр, — и приходится также предположить, что сотни или тысячи независимо развившихся гуманоидных видов настолько хорошо совмещались в химическом и биологическом плане, что смогли перемешаться в единое целое.

— Совершенно верно, — с удовлетворением

сказал Арвардан. — Вы сразу подметили слабое место этой теории. Однако большинство археологов игнорирует этот момент и твердо придерживается теории Мергера, из которой вытекает также, что в изолированных областях Галактики могут существовать подвиды человечества, которые не влились в общую расу, оставшись обособленными.

— Например, Земля.

— Да, Землю всегда приводят в пример. С другой стороны, радиальная теория…

— Считает нас всех потомками однопланетной группы гуманоидов.

— Совершенно верно.

— Мой народ, опираясь на свидетельства своей истории и на наше священное писание, запретное для иномирцев, верит в то, что родиной человечества была Земля.

— Я тоже в это верю и прошу вашей помощи, чтобы доказать это всей Галактике.

— Вы оптимист. Что же для этого требуется?

— Я убежден, Ваше Превосходительство, что там, где теперь, к несчастью, зона радиоактивного заражения, осталось большое количество первобытных артефактов и архитектурных памятников. Возраст находок можно будет точно

определить по степени радиоактивного распада и сравнить…

Верховный министр уже качал головой.

— Об этом не может быть и речи.

— Но почему? — в полнейшем недоумении нахмурился Арвардан.

— Прежде всего, — начал мягко урезонивать верховный министр, — чего вы этим добьетесь? Ну, докажете свою гипотезу к вящей радости многочисленных миров Галактики. Но что из того, если вы все миллион лет назад были землянами? В конце концов, биллион лет назад мы все были обезьянами, однако современных обезьян своей родней не признаем.

— Ваше Превосходительство, это не слишком удачное сравнение.

— Отчего же, доктор. Разве не напрашивается вывод, что земляне в своей долгой изоляции очень изменились по сравнению со своими кузенами-эмигрантами, особенно под действием радиации, и теперь представляют собой особую расу?

Арвардан прикусил губу:

— Хороший аргумент в пользу ваших врагов.

— Потому что я заранее представляю себе, что скажут наши враги. Вы ничего не достигнете,

доктор, разве что вызовете новую вспышку ненависти к Земле.

— Но ведь есть еще интересы чистой науки, человеческого знания…

— Мне искренне жаль, что я вынужден стать на пути у науки. Сейчас я говорю с вами, доктор, как образованный человек с образованным человеком. Я лично с радостью помог бы вам, но мой народ упрям и закоснел в предрассудках — он ведь веками варится в собственном соку из-за огорчительного отношения к нам Галактики. Существуют разные табу, разные незыблемые Наказы, и даже я не могу себе позволить нарушить их.

— И радиоактивные зоны…

— Одно из наиболее строгих табу. Если бы я дал вам разрешение, чего желал бы всей душой, это вызвало бы массовые бунты и беспорядки. В итоге не только ваша жизнь и жизнь членов вашей экспедиции оказалась бы под угрозой, но и Земля навлекла бы на себя карательные акции Империи. Я оказался бы недостоин своего поста и доверия своего народа, если бы допустил подобное.

— Но я готов принять все разумные меры предосторожности. Если пожелаете послать со мной

наблюдателей… и я, разумеется, проконсультируюсь с вами, прежде чем публиковать результаты своих изысканий.

— Вы меня искушаете, доктор. Это интересное предложение. Но вы переоцениваете мои возможности, даже если оставить в стороне реакцию народных масс. Я не обладаю абсолютной властью. Фактически моя власть строго ограничена — все вопросы представляются на рассмотрение Общества Блюстителей, и только потом принимается окончательное решение.

— Очень жаль. Прокуратор предупреждал, что меня ждут препятствия, но я надеялся… Когда же вы намерены представить мой вопрос законодательной власти, Ваше Превосходительство?

— Президиум Общества Блюстителей собирается через три дня. Менять повестку дня не в моей власти, так что может пройти еще несколько дней, прежде чем ваше дело будет рассмотрено. Скажем, через неделю.

— Ну что ж… — рассеянно кивнул Арвардан. — Кстати, Ваше Превосходительство…

— Да?

— У Вас на планете есть один ученый, с которым я бы хотел встретиться. Доктор Шект из Чики. Я в Чике уже был, но уехал оттуда, ничего не успев, и

хотел бы исправить свою оплошность. Поскольку доктор, конечно, человек занятой, не могли бы Вы дать мне рекомендательное письмо к нему?

Верховный министр будто остолбенел и несколько мгновений ничего не отвечал Арвардану.

— Могу ли я узнать, по какому поводу вы хотите с ним встретиться?

— Разумеется. Я читал, что он изобрел один прибор, синапсатор. Изобретение касается нейрохимии мозга и очень бы пригодилось для другого моего проекта. Я занимаюсь классификацией человечества, разбивая людей на группы согласно энцефалографическим данным, или мозговым токам.

— Гм… Я тоже слышал об этом приборе. Кажется, он не оправдал ожиданий.

— Возможно, но Шект, как эксперт в своей области, может быть мне очень полезен.

— Да-да. Вам немедленно подготовят рекомендательное письмо. Разумеется, не следует упоминать при нем о ваших намерениях относительно Запретных зон.

— Разумеется, Ваше Превосходительство. — Арвардан встал. — Благодарю Вас за Вашу любезность и внимательное отношение. Могу лишь

надеяться, что Общество Блюстителей отнесется к моему проекту благосклонно.

Сразу после ухода Арвардана вошел секретарь, растянув губы в своей холодной свирепой улыбке.

— Прекрасно. Вы очень хорошо провели разговор, Ваше Превосходительство.

— С чего он вдруг заговорил о Шекте? — мрачно спросил министр.

— Вы удивлены? Напрасно. Все идет как надо. Вы заметили — никаких бурных протестов, когда вы наложили вето на его проект? Разве так должен был вести себя истинный ученый, которому без видимой причины отказывают в том, к чему он стремится? Скорее это поведение актера, который рад поскорей отыграть свою роль. И опять — какое странное совпадение! Шварц совершает побег и направляется в Чику. А на следующий же день является Арвардан и, закинув сначала для виду удочку насчет экспедиции, мимоходом упоминает о Шекте.

— Но зачем, Балкис? По-моему, это неразумно.

— Вы слишком прямолинейны. Поставьте-ка себя на его место. Он ведь думает, что мы ни о чем не подозреваем, а смелость города берет. Он собирается к Шекту. Отлично! Почему бы не сказать

об этом прямо? Он даже берет у вас рекомендательное письмо. Чем лучше доказать честность и невинность своих намерений? И тут выясняется еще кое-что. Возможно, Шварц обнаружил, что за ним следят. Возможно, он убил Наттера. Но он не успел предупредить остальных! Иначе вся комедия была бы разыграна по-другому. — Секретарь, прикрыв глаза, продолжал плести свою паутину. — Нельзя предугадать, сколько времени пройдет, пока отсутствие Шварца не покажется им подозрительным, но мы можем смело позволить Арвардану увидеться с Шектом. Возьмем их вместе, тогда им труднее будет отрицать очевидное.

— А сколько времени есть у нас? — спросил верховный министр.

— У нас гибкий график, а с тех пор, как мы раскрыли измену Шекта, там работают в три смены, и все идет хорошо. Ждем только, когда будут рассчитаны орбиты, — нас задерживает несовершенство наших компьютеров. Однако теперь это уже вопрос нескольких дней.

— Дней! — В голосе верховного министра звучало торжество, смешанное с ужасом.

— Дней! — повторил секретарь. — Но помните — достаточно одной бомбы за две секунды до на-

чала операции, чтобы нас остановить. И остается период от одного до шести месяцев, когда могут быть предприняты репрессии. Так что полной безопасности у нас нет.

Несколько дней! А потом разразится самая невероятная наступательная война в истории Галактики, когда Земля атакует всю Империю.

У верховного министра слегка дрожали руки.

Аравдан снова сидел в стратоплане, обуреваемый мятежными мыслями. Ясное дело, нечего было и ожидать, что верховный министр со своими психопатами-подданными даст ему официальный доступ в радиоактивные зоны. Аравдан был готов к отказу и даже не очень сожалел о нем. Если бы его больше волновало разрешение верховного министра, он бы боролся упорнее.

Нет — и не надо. Он войдет туда без разрешения, прости его, Господи! Вооружит свой корабль и будет драться, если понадобится. Ему даже хотелось подраться.

Проклятые идиоты!

Кем они, собственно, себя возомнили?

Да-да, конечно. Они считают себя первыми людьми, жителями той самой планеты…

Хуже всего — Аравдан знал, что они правы.

Стратоплан поднимался в воздух, и Арвардана прижало к мягкой спинке кресла. Через час он увидит Чику.

Не то чтобы он так жаждал ее увидеть, но синапсатор может оказаться очень ценным изобретением. Раз уж он оказался на Земле, надо извлечь из этого хоть какую-то пользу. Больше он сюда не вернется.

Что за дыра! Энниус был прав.

Но вот доктор Шект… Арвардан нащупал рекомендательное письмо — солидная бумага, ничего не скажешь.

И вдруг он выпрямился, точнее, попытался выпрямиться. Не пускала инерция, прижимавшая его к креслу, — машина продолжала стремиться вверх, и синеву неба сменял густой пурпур.

Арвардан вспомнил, как звали девушку. Пола Шект.

Как же он мог забыть? Арвардан сердился так, как будто его надули. Память сыграла с ним шутку, упрятав подальше фамилию девушки, а теперь уже поздно.

Но в глубине души он был рад.

Глава 14
Вторая встреча

За два месяца, прошедшие с того дня, как шектовский синапсатор испробовали на Джозефе Шварце, физик сильно изменился. Не внешне — разве что еще чуть-чуть ссутулился и похудел. Изменилось его поведение — он стал отрешенным и боязливым, замкнулся в себе, избегал даже своих коллег и так неохотно выходил из этого состояния, что и слепой бы заметил.

Только Поле изливал он душу, может быть, потому, что и она стала какой-то замкнутой в эти последние месяцы.

— Они за мной следят, — говорил он. — Я чувствую. Знаешь, что это за чувство? В институте недавно провели перестановку штатов и убрали как раз тех, кого я любил и кому доверял. Я ни минуты не бываю один — всегда кто-то рядом. Даже отчеты мне не дают писать.

Пола то сочувствовала ему, то смеялась над ним, повторяя:

— Да что у них есть против тебя? Пусть даже ты произвел эксперимент над Шварцем. Подумаешь,

какое преступление. Тебя вызвали бы на ковер, вот и все.

Но Шект, похудевший, желтый, настаивал:

— Они не позволят мне жить. Мои Шестьдесят приближаются, и мне не позволят жить.

— После всего, что ты сделал? Чепуха!

— Я слишком много знаю, Пола, а они не верят мне.

— Что ты можешь знать?

В ту ночь он слишком устал, он жаждал снять с себя это бремя — и рассказал ей все. Сначала Пола не поверила, потом застыла на стуле, оцепенев от ужаса.

Назавтра она позвонила по общественному коммутатору с другого конца города в Дом правительства и, говоря через платок, спросила доктора Арвардана. Его не было в городе. Предполагали, что он в Бонэре, в шести тысячах миль от Чики. Впрочем, он не так уж строго придерживается своего маршрута. Да, его ожидают в Чике, но когда — точно неизвестно. Может быть, она оставит свои координаты? Они попробуют выяснить.

Пола отключилась и прижалась щекой к стеклянному колпаку, испытывая благодарность за то, что он холодный. В глазах стояли невыплаканные слезы разочарования.

Дура. Вот дура!

Он ей помог, а она наговорила ему горьких слов и прогнала его. Он навлек на себя нейрокнут — хорошо, что не хуже, защищая достоинство несчастной земляночки перед чужаком, и вот как она ему отплатила. Сто кредиток, которые она тогда отослала в Дом правительства, вернулись к ней без комментариев. У Полы был порыв найти его и извиниться, но она побоялась. Дом правительства существовал только для чужаков, как же она может явиться туда? Она и видела-то этот дом только издали.

Но теперь она бы пошла хоть во дворец самого прокуратора.

Только один Аравдан может помочь им. Чужак, умеющий говорить с землянами, как с равными. Она даже не догадывалась, что он чужак, пока он сам не сказал. Он такой внушительный и так уверен в себе. Он наверняка подскажет, что надо делать.

Должен же хоть кто-то знать выход из этой ситуации, иначе вся Галактика погибнет.

Конечно, многие чужаки это заслужили, но ведь не все же? Как же женщины, дети, больные, старики? Как же добрые, хорошие люди? Такие, как Аравдан? Те, кто никогда и не слыхивал

о Земле? Они ведь тоже люди. Такая страшная месть потопит какую угодно правоту (хотя дело Земли и правое) в море крови и гниющей плоти.

И вдруг, откуда ни возьмись, позвонил сам Аравардан.

— Не могу я ему это сказать, — сокрушался доктор Шект.

— Ты должен, — свирепо сказала Пола.

— Здесь? Это погубит нас обоих.

— Тогда где-нибудь еще. Предоставь это мне.

Ее сердце пело, как безумное, несомненно оттого, что представилась возможность спасти несметные мириады человеческих жизней. Она вспомнила широкую белозубую улыбку Аравардана. Вспомнила, как он заставил полковника императорской армии склонить голову и принести извинения ей, землянке, а она была вольна простить или не простить его!

Бел Аравардан может все!

Аравардан всего этого знать, конечно, не мог. В поведении Шекта он усмотрел лишь необъяснимую резкость и грубость, с которой сталкивался повсюду на Земле.

В приемной внезапно обезлюдевшего учреждения он чувствовал себя нежеланным гостем, это раздражало.

Он старательно подбирал слова:

— Я не стал бы беспокоить вас своим визитом, доктор, если бы не профессиональный интерес к вашему синапсатору. Мне говорили, что вы, не в пример многим землянам, не питаете вражды к иномирцам.

Должно быть, он неудачно выразился — доктор Шект так и подскочил.

— Кто бы вам это ни говорил, он ошибается, приписывая мне какую-то особенную любовь к инопланетянам. Я ко всем отношусь одинаково. Я землянин…

Арвардан сжал губы и стал смотреть в сторону.

— Поймите, доктор Арвардан, — торопливо зашептал физик, — я сожалею, если показался вам грубым, но я действительно не могу…

— Я все понимаю, — холодно ответил археолог, хотя не понимал ровным счетом ничего. — Всего хорошего, доктор.

— У меня столько работы… — слабо улыбнулся Шект.

— Я тоже очень занят, доктор Шект.

Арвардан пошел к выходу, злясь на все племя землян и невольно вспоминая эпитеты, принятые в его родном мире. И пословицы: «Вежливость на Земле — все равно что сушь в океане», «Землянин

все тебе отдаст, что ему самому не нужно».

Он уже протянул руку к фотоэлементу, открывавшему входную дверь, как сзади послышались торопливые шаги, ему предостерегающе прошипели что-то на ухо и сунули в руку клочок бумаги. Когда Арвардан обернулся, никого уже не было, лишь мелькнуло вдали что-то красное.

Он сел в свою взятую напрокат машину и лишь тогда развернул бумажку. На ней было нацарапано: «В восемь вечера спросите, как проехать к Игорному дому. Убедитесь, что за вами не следят».

Арвардан свирепо нахмурился и перечел записку раз пять подряд, а потом стал рассматривать ее, точно ожидая, что на ней проявятся невидимые чернила. Он невольно оглянулся назад. Улица была пуста. Арвардан хотел выкинуть записку в окно, но передумал и сунул ее в жилетный карман.

Одно несомненно: если бы вечер у Арвардана был бы хоть чем-то занят, тут бы делу и конец, как, скорее всего, и нескольким триллионам людей. Но, как выяснилось, делать Арвардану было нечего. Кроме того, его очень интересовало, кто же прислал ему записку. Неужели?..

В восемь часов вечера он влился в медленный

поток машин, едущий по серпантину в одном направлении. Прохожий, у которого он спросил дорогу, подозрительно уставился на него (видно, никто из землян не свободен от этого всеобъемлющего чувства) и коротко сказал:

— В ту же сторону, куда и все машины.

Видимо, все машины и вправду ехали к Игорному дому — вскоре Аврадан увидел, как они одна за другой исчезают в зияющей пасти подземной стоянки. Выбившись из очереди, он объехал здание и стал ждать, сам не зная чего.

По пандусу для пешеходов сошла стройная тень и прилипла к окну его машины. Аврадан присмотрелся и вздрогнул, но тень уже открыла дверцу и забралась в машину.

— Простите, но… — сказал Аврадан.

— Шш! — сказала тень, низко пригнувшись на сиденье. — За вами никто не следил?

— А должны были?

— Бросьте шутить. Поезжайте вперед. Я скажу, когда повернуть. Силы небесные, чего же вы ждете?

Он узнал голос. Капюшон соскользнул на плечи, открыв легкие каштановые волосы. На него смотрели темные глаза.

— Не надо медлить, — мягко сказала она.

Аравардан тронулся с места, и все пятнадцать минут они ехали молча, если не считать сдавленных коротких указаний девушки.

Аравардан то и дело косился на нее, с удовольствием отмечая, что она еще красивее, чем ему запомнилось. Как ни странно, сейчас его ничто не возмущало.

Они остановились на углу пустынной улицы, застроенной особняками. Выждав из предосторожности некоторое время, девушка снова указала Аравардану, куда ехать, и они медленно проползли по аллее к пологому спуску в гараж.

За ними закрылась дверь — свет горел только в машине.

— Доктор Аравардан, — серьезно произнесла Пола, — я сожалею, что мне пришлось проделать все это ради того, чтобы встретиться с вами наедине. Я знаю, что в вашем мнении мне уже нечего терять...

— Вы напрасно так думаете, — неловко сказал Аравардан.

— Я не могу думать иначе. Хочу, чтобы вы поверили, — я полностью сознаю, какой мелкой и злой была в ту ночь. У меня нет даже слов, чтобы извиниться...

— Пожалуйста, не надо, — сказал он, глядя в

сторону. — Мне тоже следовало быть дипломатичнее.

— Что ж… — Пола помолчала, пытаясь хоть немного овладеть собой. — Но я вас не для того сюда привезла. Вы единственный известный мне иномирец, который может быть добрым и благородным. Мне нужна ваша помощь.

Аравардана пронзило холодом. Значит, все дело в этом? Свое чувство он выразил холодным:

— Вот как?

— Нет, — крикнула она. — Дело не во мне, доктор Аравардан. Помощь нужна Галактике. Мне ничего не надо, ничего!

— Но в чем же дело?

— Сначала… кажется, за нами никого не было, но если услышите какой-нибудь шум, то, пожалуйста, — она опустила глаза, — пожалуйста, обнимите меня… и… ну, вы знаете.

— Полагаю, что сумею сымпровизировать, — сухо кивнул Аравардан. — А нам обязательно ждать, когда будет шум?

— Пожалуйста, не шутите так, — покраснела Пола, — и поймите меня правильно. Это единственный способ избежать подозрений. Убедительнее всего.

— Неужели все так серьезно? — мягко спросил

Аравдан, с любопытством глядя на девушку. Она казалась такой юной и нежной — даже нечестно. Аравдан никогда в жизни не совершал необдуманных поступков и гордился этим. Он умел сильно чувствовать, но всегда боролся с собой и побеждал. А теперь только потому, что девушка казалась такой слабенькой, он чувствовал безрассудную потребность защищать ее.

— Очень серьезно, — сказала она. — Сейчас я вам что-то скажу и знаю, что вы мне сначала не поверите. Но хочу, чтобы вы постарались поверить. Хочу, чтобы вы настроились на то, что я говорю искренне. А больше всего хочу, чтобы вы, узнав все, объединились с нами и помогли. Вы постараетесь? Даю вам пятнадцать минут, и, если к концу этого срока вы сочтете, что мне нельзя доверять и не надо иметь со мной дела, я уйду, и на этом все кончится.

— Пятнадцать минут? — Он невольно скривил губы в улыбке, снял ручные часы и положил их перед собой. — Хорошо.

Она стиснула руки на коленях и устремила взгляд за ветровое стекло, где ничего не было, кроме голой стены гаража.

Аравдан задумчиво смотрел на нее: плавная, мягкая линия подбородка отвергала твердость,

которую Пола пыталась ему придать; прямой, тонко очерченный нос, яркий цвет лица, характерный для Земли.

Она взглянула на Арвардана краем глаза и тут же отвела взгляд.

— В чем дело? — спросил он.

Она прикусила губу.

— Так, смотрю на вас.

— Я заметил. У меня что, нос испачкан?

— Нет. — Она едва заметно улыбнулась, впервые с тех пор как села в машину. Его внимание почему-то притягивали разные мелочи. Например, как разлетаются ее волосы, когда она качает головой. — Просто меня уже давно, с той ночи, занимает вопрос, почему вы не носите свинцовый костюм, как все чужаки. Потому-то я вас и не раскусила. Чужаки обычно похожи на мешки с картошкой.

— А я нет?

— О нет, — с внезапным пылом ответила она, — вы похожи на древнюю мраморную статую, только вы живой и теплый. Извините, я забылась.

— Думаете, я считаю вас землянкой, которая не знает своего места? Не надо так думать обо мне, иначе мы никогда не станем друзьями. Я

не верю в эти басни о радиации. Я замерил радиоактивность в атмосфере Земли и производил опыты на животных. Полностью убежден, что в нормальных условиях радиация для меня безвредна. Я пробыл здесь два месяца и пока здоров. Волосы не выпадают, — он подергал их, — шишек на животе нет. Думаю, что и бесплодие мне не грозит, хотя тут я, должен сознаться, кое-какие меры предпринимаю. Просто моих свинцовых трусов никому не видно.

Он говорил серьезно, и Пола снова улыбнулась.

— По-моему, вы немножко сумасшедший.

— Правда? Вы удивитесь, когда узнаете, сколько мудрых именитых археологов разделяет ваше мнение, только они выражают его более пространно.

— Так вы будете меня слушать? Пятнадцать минут на исходе.

— А вы как думаете?

— Мне кажется, будете. Иначе вы бы тут не сидели — после всего, что я натворила.

— Вы действительно думаете, что мне стоит больших усилий сидеть рядом с вами? Тогда вы ошибаетесь. Знаете, Пола, я никогда не видел — убежден, что не видел, — такой красивой де-

вушки, как вы.

Она быстро, испуганно взглянула на него.

— Пожалуйста, не надо. Я этого вовсе не хотела. Вы мне не верите?

— Верю, Пола. Расскажите мне то, что собирались. Я поверю всему и помогу вам.

Аврадан искренне был убежден в том, что говорил. В этот миг он бы с радостью взялся даже за то, чтобы свергнуть с престола императора. Он никогда еще не любил… но тут Аврадан попридержал себя. Раньше он не произносил этого слова.

Любовь? К землянке?

— Вы говорили с моим отцом, доктор Аврадан?

— Доктор Шект — ваш отец? Пожалуйста, зовите меня Бел, а я вас — Пола.

— Если вы так хотите, я постараюсь. Вы, наверное, очень сердитесь на него.

— Он был не очень-то вежлив.

— Это вполне объяснимо. За ним следят. Мы с ним так и договорились: он отделается от вас, а я встречусь с вами здесь. У нас дома. Знаете, — таинственно зашептала она, — на Земле готовится восстание.

Аврадан не мог удержаться.

— Неужели вся Земля восстанет? — спросил он, широко раскрыв глаза.

Пола тут же разъярилась.

— Не смейтесь надо мной. Вы сказали, что будете слушать и верить моим словам. Земля готовится к восстанию, и это серьезно, потому что Земля может уничтожить всю Империю.

— Земля?! — Аврадан с трудом подавил смех. — Пола, у вас были хорошие отметки по галактографии?

— Не хуже, чем у других, учитель, но при чем тут галактография?

— А вот при чем. Объем Галактики — несколько миллионов кубических светолет. В ней находится двести миллионов обитаемых планет, а ее население — примерно пятьсот квадриллионов. Верно?

— Думаю, что да, раз вы так говорите.

— Уж поверьте мне, это так. А Земля — всего лишь планета с двадцатимиллионным населением, не обладающая больше никакими ресурсами. Значит, на каждого землянина приходится двадцать пять биллионов жителей Галактики. Что же может Земля сделать с противником, который превосходит ее в двадцать пять биллионов раз?

Если уверенность Полы и поколебалась, то

ненадолго.

— Бел, — твердо сказала она, — я не могу вам на это ответить, но мой отец сможет. Он не сказал мне самого главного, потому что опасается за мою жизнь, но теперь наверняка скажет, если вы пойдете со мной. Отец говорил, что Земля знает, как уничтожить все живое за пределами планеты, и он не может ошибаться. Он всегда бывает прав. — Ее щеки запальчиво порозовели, и Арвардан сгорал от желания прикоснуться к ним. Неужели раньше прикосновение к Поле внушало ему ужас? Как он мог? — Уже есть десять часов? — спросила Пола.

— Да.

— Тогда он уже должен быть наверху, если только его не схватили. — Она невольно вздрогнула. — Мы можем пройти в дом прямо отсюда, и если вы согласны… — Она взялась за ручку дверцы, но вдруг замерла и быстро шепнула: — Кто-то идет… Скорее…

Больше ничего она сказать не успела. Арвардан, незамедлительно вспомнив ее указания, обхватил Полу руками, и вот она в его объятиях, теплая и мягкая. Ее губы трепетали на его губах, и в них заключалось целое море наслаждения. Первые десять секунд Арвардан еще косил глазами и

прислушивался в ожидании проблеска света или звука шагов, но потом волнение захлестнуло его с головой. Перед глазами пылали звезды, биение собственного сердца оглушало.

Ее губы отдалились, но он вновь, не скрываясь, потянулся к ним… и нашел их. Объятие становилось все теснее, она таяла в его руках, и вот ее сердце забилось в лад с его сердцем.

Наконец они разомкнули руки, но не могли расстаться сразу и посидели еще немного, прижавшись щекой к щеке.

Арвардан никогда еще не любил, теперь это слово уже не пугало его.

Что из того, если она землянка, в Галактике равных ей нет.

— Наверное, кто-то просто проехал по улице, — в сладком забытьи пробормотал он.

— Да я ничего и не слышала.

Он отодвинул ее на расстояние вытянутой руки, но она не отвела глаз.

— Ах ты, чертенок. Ты это серьезно?

Она сверкнула глазами.

— Я хотела, чтобы ты меня поцеловал, и не жалею об этом.

— Ты думаешь, я жалею? Поцелуй меня еще, безо всякого предлога. Теперь я хочу этого.

Еще одно долгое-долгое мгновение — и она оторвалась от него, аккуратно поправляя волосы и ворот платья.

— Пойдем-ка лучше в дом. Выключи фары — у меня есть фонарик.

Он вышел вслед за ней из машины. Стало совсем темно, и фигура Полы едва маячила в кружочке света от фонарика-карандаша.

— Держись за мою руку. Тут ступеньки.

— Я люблю тебя, Пола, — прошептал он в ответ. Это получилось у него так естественно и так верно. И он повторил: — Я люблю тебя, Пола.

— Ты меня едва знаешь, — мягко ответила она.

— Нет. Я тебя знаю всю жизнь. Клянусь! Всю жизнь. Два месяца, Пола, я думал и мечтал только о тебе. Клянусь.

— Я землянка, господин.

— Тогда я тоже стану землянином. Испытай меня. Он удержал ее и осторожно направил ее руку с фонариком вверх, осветил лицо, пылающее и заплаканное.

— Почему ты плачешь?

— Потому что, когда отец тебе все расскажет, ты поймешь, что тебе нельзя любить землянку.

— И снова скажу: испытай меня.

Глава 15
Рухнувшее превосходство

Аравдан и Шект встретились в задней комнате третьего этажа. Окна были тщательно поляризованы, так что стекла стали совершенно матовыми. Пола сидела внизу, пристально вглядываясь в темную пустую улицу.

Длинный сутулый Шект был уже не тот, с кем Аравдан разговаривал десять часов назад. Доктор оставался таким же изможденным и бесконечно усталым, но утром он был неуверен и робок, теперь же все его существо выражало отчаянную браваду.

— Доктор Аравдан, — твердо начал он, — я должен извиниться за свое утреннее поведение. Я надеялся, что вы поймете…

— Должен сознаться, что тогда ничего не понял, но теперь, кажется, понимаю.

Шект присел к столу и предложил Аравдану вина. Тот жестом отказался:

— С вашего позволения, я лучше попробую фрукты. А что это? Я таких, по-моему, никогда не видел.

— Это нечто вроде апельсина. Кажется, он нигде, кроме Земли, не растет. Его легко очистить.

Шект показал, и Арвардан, с любопытством понюхав плод, вонзил зубы в его винную мякоть.

— Превосходный вкус, доктор Шект! Земля не пробовала экспортировать их?

— Блюстители не желают торговать с чужаками, — мрачно сказал физик. — А наши соседи по Галактике не желают торговать с нами. Это только одна из многих наших проблем.

— До чего глупо, — в приступе раздражения сказал Арвардан. — Можно навсегда разочароваться в человеческом разуме, когда вдруг увидишь, что у людей в голове.

Шект пожал плечами с бесконечным терпением много пережившего человека.

— Боюсь, это лишь часть неразрешимой проблемы, имя которой — антитеррализм.

— Она почти не разрешима потому, что никто по-настоящему не хочет ее решать! Разве мало землян отвечает на антитеррализм ненавистью ко всем галактианам без разбору? Просто какая-то повальная болезнь — ненависть за ненависть. Разве ваш народ стремится к равенству и взаимной терпимости? Нет! Большинство землян хочет одного — в свою очередь одержать над

нами верх.

— В ваших словах, наверное, много правды, — грустно ответил Шект, — не могу этого отрицать. Но это не вся правда. Дайте нам только шанс, и новое поколение землян вырастет, не зная, что такое изоляция, и всей душой веря в единство человечества. На Земле не раз бывали у власти ассимилянты, проповедующие терпимость и компромисс. Я принадлежу к ним — точнее, принадлежал. Теперь Землей правят изоляционисты — оголтелые фанатики, грезящие о прошлом и будущем величии. Вот от кого надо спасать Империю.

— Пола говорила о каком-то восстании, вы это имеете в виду? — нахмурился Аврадан.

— Доктор Аврадан, не слишком легко убедить человека в том, что на первый взгляд просто смешно: в том, что Земля может победить Галактику. Однако это правда. Я не обладаю физической храбростью и очень хочу жить — судите же сами, какой страшной должна быть опасность, чтобы толкнуть меня на измену, да еще когда я под надзором у местных властей.

— Ну что ж, если все так серьезно, скажу вам сразу: я сделаю все, что смогу, но лишь в своем качестве гражданина Галактики. Я не занимаю

здесь официальной должности и не пользуюсь каким-то особым влиянием ни при императорском дворе, ни даже при дворе прокуратора. Я только тот, кем и кажусь — археолог, прибывший сюда с экспедицией в своих собственных интересах. Раз уж вы решились на измену, почему бы вам не встретиться с прокуратором? Вот кто вам нужен.

— Этого я как раз и не могу, доктор Арвардан. Этого мне блюстители никогда не позволят. Когда вы утром пришли ко мне, я подумал даже, не Энниус ли вас прислал. Мне казалось, он что-то подозревает.

— Может быть, не могу отвечать за него. И он не посылал меня, к сожалению. Если вы согласитесь довериться мне, обещаю все ему передать.

— Спасибо. Это все, чего я прошу. И еще вашего заступничества, чтобы оградить Землю от слишком суровых репрессий.

— Разумеется. — Арвардан чувствовал себя неловко. Он был убежден, что перед ним старый параноик — может, и безобидный, но совершенно тронутый. Однако выбора не было, придется остаться, выслушать его и попытаться вывести из буйного состояния. Ради Полы.

— Вы ведь слышали о синапсаторе, доктор Арвардан? Утром вы так сказали.

— Да. Я читал вашу статью в «Физическом обозрении». И говорил о вашем изобретении с прокуратором и с верховным министром.

— С верховным министром?!

— Ну конечно. От него я и получил рекомендательное письмо, которое вы… боюсь… отказались читать.

— Сожалею. Но лучше бы вы… Что вы, собственно, знаете о синапсаторе?

— Что изобретение, само по себе интересное, не оправдало ожиданий. Прибор предназначен для повышения восприятия, и опыты на крысах были довольно удачны, но для человека синапсатор не подходит.

— Да, из той статьи вы и не могли извлечь ничего другого, — опечалился Шект. — Свои неудачи я там расписал, а свой огромный успех намеренно скрыл.

— Это не очень вяжется с профессиональной этикой, доктор Шект.

— Признаю. Но мне пятьдесят шесть лет, и, если вы что-то знаете о порядках на Земле, мне недолго осталось жить.

— Шестьдесят. Да, я слышал… больше, чем хотелось бы. — Арвардан с унылым чувством припомнил свой полет на стратолайнере. — Но

ведь для выдающихся ученых делают исключение, насколько я знаю.

— Конечно. Только это решает верховный министр и Совет Блюстителей, и их приговор обжаловать бесполезно, даже перед императором. Мне сказали, что моя жизнь зависит от соблюдения тайны вокруг синапсатора и от напряженной работы над его усовершенствованием. — Физик беспомощно развел руками. — Разве я знал тогда, на что способна моя машина, как ее можно использовать?

— И как же?

Аврадан достал из портсигара сигарету и предложил Шекту, но тот отказался.

— Сейчас объясню. Как только я довел синапсатор до той стадии, когда его стало можно применять на человеке, ко мне один за другим начали поступать для обработки некоторые наши биологи. Я знал их всех как сочувствующих нашим изоляционистам. Все они выжили, хотя потом у них проявились некоторые побочные эффекты. Одного из них прислали для повторной обработки. Я не смог его спасти. Но в предсмертном бреду он сказал…

Время близилось к полуночи. День был длинный и полный событий.

Аравдан начинал смотреть на вещи по-другому.

— Нельзя ли ближе к делу? — жестко спросил он.

— Еще немного терпения. Я должен объяснить все подробно, чтобы вы поверили мне. Вы, конечно, знаете, что на Земле мы живем в необычной среде обитания, радиоактивной среде.

— Да, мне это достаточно хорошо известно.

— И как влияет радиоактивность на Землю и ее экономику — тоже?

— Да.

— Тогда я не стану останавливаться на этом. Скажу только, что вероятность мутаций на Земле выше, чем где-либо в Галактике. Теория наших врагов о различии между землянами и другими людьми не совсем беспочвенна. Мутанты, конечно, малочисленны и в большинстве своем нежизнеспособны. Если земляне в чем-то действительно изменились, так это относится только к нашей биохимии, дающей возможность выжить в окружающей среде. Например, у землян выше выносливость к радиации, у нас быстрее заживают ожоги…

— Доктор Шект, я все это знаю.

— А вы когда-нибудь задумывались над тем,

что на Земле мутирует не только человек?

— Да нет, не задумывался, — помолчав, сказал Арвардан, — хотя это, конечно, неизбежно.

— Да. Мутации происходят. Наши домашние животные более разнообразны, чем в других обитаемых мирах. Апельсин, который вы ели, это мутация, и она существует только на Земле. Потому-то эти фрукты и не годятся на экспорт, помимо всего прочего. Чужаки к ним относятся так же подозрительно, как и к нам, а мы их ценим, как свое, особенное… Ну а то, что касается животных и растений, касается и микроорганизмов.

И вот тут-то Арвардану стало страшно.

— То есть бактерий? — спросил он.

— Я говорю о всех видах микроорганизмов. К ним относятся и простейшие, и бактерии, и самовоспроизводящиеся протеины, которые еще называют вирусами.

— К чему вы ведете, доктор?

— Думаю, вы и сами уже догадываетесь. Мой рассказ начал вас интересовать. Знаете, у вас верят, что земляне несут в себе смерть, что все, кто общается с землянами, умирают, что земляне приносят несчастье, что у них дурной глаз…

— Да, знаю. Это только суеверия.

— Не совсем, и в этом самое страшное. Во всех

поверьях, даже самых невежественных, диких и извращенных, есть зерно истины. Видите ли, в организмах землян иногда встречаются микроскопические паразиты, которые больше нигде не известны, поэтому у иномирцев к ним нет сопротивляемости. А дальше начинается простая биология, доктор Арвардан. — Арвардан молчал. — Мы тоже, разумеется, иногда болеем, — продолжал Шект. — Из радиоактивных туманов выходят новые формы бактерий, и планету охватывает эпидемия, но землянам удается выстоять. Мы поколениями вырабатывали иммунитет против всех этих бактерий и вирусов — у иномирцев же не было такой возможности.

— Вы хотите сказать, — промолвил Арвардан, чувствуя внезапную слабость, — что я, контактируя с вами…

Он отодвинулся вместе со стулом. Ему вспомнились недавние поцелуи.

— Нет, конечно. Болезни не сидят в нас, мы их только переносим и то редко. Живи я в вашем мире, бактерий на мне было бы не больше, чем на вас. Я их не развожу. Даже теперь опасность для человека представляет всего лишь одна бактерия из квадриллиона, если не из квадриллиона квадриллионов. Вероятность того, что вы сейчас

заразитесь, не больше той, что сейчас крышу пробьет метеорит и ударит вас по голове. Но если бактерии специально подобрать, выделить и сконцентрировать, тогда другое дело.

Помолчав на этот раз подольше, Арвардан спросил странно сдавленным голосом:

— И на Земле это делается?

Он забыл и думать о паранойе. Он начинал верить.

— Да. Сначала причины были самые невинные. Наших биологов, разумеется, интересуют особые формы земных микроорганизмов, и недавно им удалось выделить вирус простой лихорадки.

— Что это за болезнь?

— Это легкое местное заболевание. Она никогда нас не покидает. Большинство землян переносит ее в детстве, и симптомы не очень мучительны. Легкий жар, небольшая сыпь, воспаление суставов и губ да еще непрестанная жажда. Через четыре-шесть дней лихорадка проходит, и у человека вырабатывается иммунитет. Я ею болел, Пола тоже. Но встречается и более опасная форма того же заболевания, вызываемая предположительно несколько иным штаммом вируса, и она называется лучевой лихорадкой.

— Лучевая лихорадка?! Да, я слышал о ней.

— Правда? Ее называют лучевой из-за ошибочного мнения, будто ею заболевают те, кто входит в радиоактивную зону. И действительно, после посещения радиоактивной зоны часто начинается лучевая лихорадка, поскольку в этих зонах вирус более подвержен опасным мутациям. Но болезнь вызывает не радиация, а вирус. При лучевой лихорадке симптомы проявляются в течение двух часов после заражения. Губы поражаются так сильно, что человек едва может говорить, и через несколько дней возможен смертельный исход. Сейчас я перехожу к главному, доктор Арвардан. Земляне адаптировались к простой лихорадке, а иномирцы — нет. Иногда ею заболевают солдаты имперского гарнизона, и больные реагируют на нее так же, как земляне на лучевую лихорадку. Обычно через двенадцать часов следует смерть. Тогда тело сжигают. Это делают земляне, потому что все солдаты, которые приближаются к трупу, тоже умирают. Вирус простой лихорадки, как я уже говорил, был выделен десять лет назад. Это нуклеопротеин, как и большинство фильтруемых вирусов, но есть у него одна особенность: чрезвычайно высокая концентрация радиоактивного углерода, серы и фосфора. Предполагается, что на организм боль-

ного действует не столько токсичность вируса, сколько его радиоактивность. Естественно, что земляне, адаптированные к гамма-излучению, легко переносят болезнь. Сначала исследователи вируса пытались установить, каким образом он концентрирует свои радиоактивные изотопы. Ведь, как вам известно, в химии изотопы можно выделить лишь в итоге долгого кропотливого труда. И ни один известный нам организм, кроме этого вируса, тоже этого не умеет. Но потом исследования стали вестись в другом направлении. Буду краток, доктор Арвардан. Думаю, остальное вам уже ясно. Проводились, должно быть, эксперименты — на животных других миров, не на самих иномирцах. Их на Земле слишком мало, чтобы исчезновение хотя бы одного прошло незамеченным. Да и нельзя было преждевременно выдавать свои планы. Зато группу бактериологов прислали на синапсирование с целью во много раз увеличить их творческий потенциал. Они-то и атаковали вновь химию протеинов и иммунологию, пользуясь математическими методами. В итоге им удалось получить искусственный штамм вируса, который действует только на иномирцев. И уже изготовлены тонны этого кристаллизированного вируса.

У оглушенного Арвардана стекали по вискам капли пота.

— И вы хотите сказать, что Земля собирается напустить этот вирус на Галактику, что Земля вот-вот начнет гигантскую бактериологическую войну?!

— Которой нам не проиграть, а вам… не выиграть. Да, это правда. Как только начнется эпидемия, ежедневно будут умирать миллионы людей, и ничто их не спасет. Перепуганные беженцы разнесут вирус по всей Вселенной, а если вы начнете взрывать зараженные планеты, эпидемия вспыхнет в новых точках Галактики. Никто даже не догадается, что это связано с Землей. К тому времени, когда наше нормальное состояние начнет вызывать подозрения, опустошение Галактики достигнет таких пределов, что отчаявшимся иномирцам будет не до нас.

— И в Галактике умрут все до единого?

Весь ужас ситуации еще не дошел до Арвардана — это просто невозможно было осмыслить.

— Не обязательно. Наша новая бактериология работает в двух направлениях. Выделен также и антитоксин, который может производиться в больших количествах. Он будет выдаваться в случае добровольной сдачи. И потом, могут уцелеть

разные медвежьи углы Галактики, могут быть и случаи естественного иммунитета.

Арвардана охватило какое-то жуткое отупение — он ни на минуту не усомнился в правдивости слов Шекта, в этой страшной правде, которая одним махом уничтожила превосходство двадцати пяти биллионов против одного человека. В ушах у него продолжал звучать тихий усталый голос физика.

— Не Земля все это выдумала, а горсточка лидеров, искалеченных мощным отпором Галактики, не допускающей нас к себе. Они с безумной настойчивостью стремятся отплатить ей любой ценой. Но когда они начнут, за ними пойдет вся Земля — что нам остается делать? Наша вина будет так огромна, что мы будем просто вынуждены завершить то, что начали — оставить в живых как можно меньше иномирцев, чтобы некому было потом отомстить. Но я прежде всего человек, а потом уже землянин. Неужели ради торжества миллионов должны погибнуть триллионы? Неужели цивилизация, завоевавшая всю Галактику, должна рухнуть в угоду мщению, хотя бы и справедливому, одной-единственной планеты? И неужели нам от всего этого станет лучше жить? Центральными мирами Галактики

по-прежнему останутся миры, имеющие для этого необходимые ресурсы. Допустим, на Тренторе в течение целого поколения будут править земляне, но их дети уже станут тренторианами и будут смотреть свысока на тех, кто остался на Земле. И какая польза человечеству, если тирания Империи сменится тиранией Земли? Нет, нет! Должен быть какой-то общий для всех выход, который ведет к свободе и справедливости.

Шект закрыл лицо руками и стал горестно раскачиваться взад и вперед.

Аврадан слышал все это, как сквозь пелену.

— То, что вы сделали, это не измена, доктор Шект. Я немедленно отправляюсь на Эверест. Прокуратор поверит мне. Должен поверить.

Послышались бегущие шаги, и в комнату, распахнув дверь, влетела испуганная Пола.

— Отец, по аллее идут какие-то люди. Лицо доктора Шекта стало серым.

— Быстрее, доктор Аврадан, через гараж, — сказал он, выталкивая археолога из комнаты. — Берите Полу. Обо мне не беспокойтесь. Я задержу их.

Но за спиной у них уже возник человек в зеленом, с хищной улыбкой на губах и с нейрокнутом в руке. В парадную дверь ломились, вот она с

треском поддалась, и по лестнице затопали тяжелые сапоги.

— Вы кто такой? — вызывающе спросил Арвардан человека в зеленом, загораживая собой Полу.

— Я? Я, — бросил тот в ответ. — Всего лишь скромный секретарь Его Превосходительства премьер-министра, который ждал чуть дольше, чем следовало, но все же успел вовремя. Хм, и девушка здесь. Неразумно…

— Я гражданин Галактики, — ровным голосом сказал Арвардан, — и вы не имеете права задерживать меня да и входить в этот дом, если на то пошло, без разрешения властей.

— Я, — похлопал себя по груди секретарь, — представляю собой и власть, и закон на этой планете, а вскоре буду представлять власть и закон во всей Галактике. Мы взяли всех, и Шварца тоже.

— Шварца? — одновременно вскрикнули Пола и Шект.

— Удивлены? Пойдемте, я отведу вас к нему.

Последним, что видел Арвардан, была улыбка секретаря и вспышка кнута. Багровый ожог боли, и археолог рухнул в беспамятстве.

Глава 16
Выбор стана

В этот момент Шварц беспокойно ворочался на жесткой скамье в одной из подземных камер чикского Исправительного дома.

Большой дом, как его обычно называли, воплощал здесь власть верховного министра и его правительства. Эта мрачная, угловатая громада высилась над имперскими казармами, затмевая их собой и тем самым символизируя, что землянину-правонарушителю гораздо больше следует опасаться земного закона, чем либеральной власти Империи.

Немало землян за последние несколько веков ожидало в этих стенах суда — за то, что не выполняли норму или занимались приписками, за то, что жили лишний срок или покрывали других, а то и за попытку свергнуть правительство. Иногда, если заскоки земного правосудия представлялись особенно бессмысленными тогдашнему прокуратору, как правило, лицу искушенному, он мог отменить приговор, но за этим сразу же следовало восстание или стихийные беспорядки.

Обычно, когда Совет требовал смерти, прокуратор утверждал приговор. В конце концов, приговоренные были всего лишь земляне.

Джозеф Шварц об этом, естественно, ничего не знал. Он видел перед собой только камеру, очень тускло освещенную, вся обстановка которой состояла из двух твердых скамеек и стола плюс углубления в стене, служившего умывальником и туалетом. Не было ни окна, ни клочка неба в нем, только из вентиляционной шахты сочилась слабая струйка воздуха.

Шварц потер волосы, окружавшие плешь, и уныло сел. Его попытка бежать неизвестно куда (ибо где на Земле он мог укрыться?) длилась недолго, далась ему несладко и закончилась вот здесь.

Правда, у него осталось внутреннее зрение.

Только вот к добру или к худу?

На ферме оно было для Шварца странным, тревожным даром, природы которого он не понимал и не задумывался о том, что этот дар может ему принести. Теперь своими возможностями стоило заняться.

Если день-деньской ничего не делать, кроме как размышлять о своей участи, недолго и свихнуться. А так Шварц ловил в свои сети про-

ходивших мимо камеры надзирателей, находил охранников в ближайших коридорах, дотягивался даже до коменданта в его дальнем кабинете.

Он вертел их Образы так и сяк, рассматривал их, катал, как орехи — сухие скорлупки, из которых со свистом били эмоции и суждения.

Он многое узнал о Земле и об Империи, больше, чем за два месяца на ферме.

По крайней мере, одно он узнал наверняка, и ошибки тут быть не могло — его приговорили к смерти.

В этом не было сомнений. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

Сегодня ли, завтра, но он умрет.

Порой Шварц, упав духом, думал об этом почти с благодарностью.

Дверь открылась, и Шварц от страха вскочил мгновенно. Со смертью можно примириться в уме, но тело — это скотское начало и разуму не подчиняется. Вот оно!

Нет, не оно. Образ вошедшего не содержал в себе смерти. Это был стражник с металлическим стержнем наизготовку — Шварц уже знал, что это такое.

— Выходи, — приказал охранник.

Шварц подчинился, думая о том, какой властью

обладает. Стражник не успел бы воспользоваться оружием, даже не сообразил бы, что пора пускать его в ход, как уже упал бы без звука, ничем не выдав своей гибели. Шварц мысленно держал его Образ в руках. Нажать немножко — и конец.

Да только зачем? Ведь есть и другие. Со сколькими зараз он смог бы управиться? Сколько пар рук у него в мозгу?

И Шварц покорно шел, куда его вели.

Стражник привел его в какой-то большой зал, где на очень высоких скамьях лежали двое мужчин и девушка — неподвижно, как трупы. Но это были не трупы, что доказывали три живых и активно мыслящих Образа.

Парализованы! И он их, кажется, знает?

Шварц остановился посмотреть, но стражник тронул его за плечо.

— Сюда.

Четвертая лежанка была свободна. В Образе стражника не было смерти, поэтому Шварц подчинился, хотя и знал, что сейчас произойдет.

Стражник прикоснулся своим стержнем по очереди к обеим рукам и к обеим ногам Шварца — они онемели и отнялись, одна только голова плавала в пустоте. Шварц повернул ее и окликнул:

— Пола! Вы ведь Пола? Девушка, которая…

Она кивала в ответ. Он не узнал ее Образа — два месяца назад Образ для Шварца еще не существовал. В то время он только-только начал чувствовать «атмосферу». Сейчас он очень ясно это помнил.

Образ Полы о многом сказал ему. Человек рядом с ней был доктор Шект; тот, что подальше, — доктор Бел Арвардан. Шварц раскрыл для себя думы Полы, ощутил ее отчаяние, измерил всю глубину испуга и ужаса, осевшего в уме девушки.

На миг он пожалел их, но вспомнил, кто они, и ожесточился сердцем.

Пусть умирают!

Трое арестованных пробыли здесь уже почти час. Зал, в который их привели, предназначался, видимо, для заседаний и мог вместить несколько сот человек.

Узники чувствовали себя в нем одинокими и потерянными. Говорить было не о чем. У Арвардана горело в горле, и он в тщетных поисках облегчения ворочал головой — только ею он и мог шевелить.

Шект лежал, закрыв глаза, сжав бледные губы.

— Шект. Слушайте, Шект, — яростно зашептал ему Арвардан.

— Что? — еле слышно откликнулся тот.

— Вы что, спите? Думать надо, думать!

— Зачем? И о чем?

— Кто такой Джозеф Шварц?

— Разве вы не помните, Бел? — раздался тонкий голосок Полы. — В универмаге, когда мы впервые встретились… Как давно это было!

Аравдан яростно дернулся и с болью приподнял голову на два дюйма, чтобы мельком увидеть Полу.

— Пола! Пола! — Если бы он только мог приблизиться к ней, как два месяца назад, когда он мог, но не захотел. Она смотрела на него, улыбаясь застывшей улыбкой, похожей на улыбку статуи, и он сказал: — Мы еще победим. Вот увидите.

Пола отрицательно мотала головой, и Аравдан вернулся обратно — его связки не выдерживали мучительной боли.

— Шект, — снова начал он, — откуда взялся этот Шварц? Как он стал вашим пациентом?

— Он добровольно вызвался синапсироваться.

— И вы синапсировали его?

— Да.

Аравдан обдумал этот факт.

— Что заставило его прийти к вам?

— Не знаю.

— Так, может, он и вправду имперский агент?

Шварц проследил за его мыслью и улыбнулся про себя, но ничего не сказал, решив и дальше молчать.

— Имперский агент? — недоуменно переспросил Шект. — Потому что так сказал секретарь министра? Чепуха. И какая теперь разница? Он так же беспомощен, как и мы. Слушайте, Арвардан, может, состряпаем какую-нибудь басню, чтобы потянуть время? Может, нам удастся…

Археолог коротко рассмеялся, и горло обожгло еще сильнее.

— Выжить, вы хотите сказать? При том, что вся Галактика погибнет и цивилизация рухнет? Нет, уж лучше умереть.

— Я думал о Поле, — пробормотал Шект.

— Я тоже. Давайте спросим ее. Как, Пола, сдадимся на милость победителя? Попробуем спасти свою жизнь?

— Я выбрала, на чьей стороне быть, — твердо ответила девушка. — Я не хочу умирать, но если те, за кого я стою, погибнут, то и я с ними.

Арвардан испытал некоторое торжество. Когда он привезет ее на Сириус, пусть говорят, что она землянка — она равна им во всем, и он с великим удовольствием вобьет зубы в глотку любому,

кто…

И Арвардан вспомнил, что вряд ли сможет привезти на Сириус ее или кого бы то ни было. Никакого Сириуса не будет. Пытаясь отогнать эту мысль, он крикнул:

— Эй! Как вас там! Шварц!

Шварц на миг приподнял голову и взглянул на него, но ничего не ответил.

— Кто вы? — спрашивал Арвардан. — Как попали в эту историю? И какое имеете к ней отношение?

Его вопросы пробудили в Шварце острое ощущение несправедливости всего, что с ним произошло. Прошлое, в котором он никому не делал зла, и невыразимый ужас настоящего переполнили его, и он яростно выпалил:

— Как я сюда попал, говорите? Слушайте. Я был маленький человек. Я был честный, работящий портной. Я никого не трогал, никому не докучал, я кормил свою семью. А потом, ни с того ни с сего — ни с того ни с сего! — попал сюда.

— В Чику? — спросил Арвардан, не совсем понимая его.

— Нет, не в Чику! — с безумной насмешкой вскричал Шварц. — А в этот ваш сумасшедший мир! Мне все равно, верите вы мне или нет. Мой

мир остался в прошлом. В моем мире были и земля, и еда на всех, и два биллиона человек, и это был единственный мир.

— Вы понимаете, что он говорит? — спросил озадаченный Арвардан у Шекта.

— А знаете, — с проблеском интереса ответил тот, — ведь его аппендикс три с половиной дюйма длиной. Помнишь, Пола? И зубы мудрости. И волосы на лице.

— Вот-вот, — вызывающе крикнул Шварц. — Жаль, у меня хвоста нет, я бы вам показал. Я человек из прошлого, я совершил путешествие во времени. Сам не знаю как и почему. А теперь оставьте меня в покое. Скоро за нами придут — они дали нам это время, чтобы мы вернее сломались.

— Откуда вы знаете? — спросил Арвардан. — Кто вам сказал? — Шварц молчал. — Секретарь? Такой курносый коротышка?

Шварц не мог сказать, как выглядит тот, кого он знал только по Образу. Секретарь? Образ промелькнул у него в мозгу и тут же пропал — мощный Образ властителя, но да, кажется, он был секретарем.

— Балкис?

— Что? — не понял Арвардан.

Но Шект вмешался:

— Так зовут секретаря.

— А-а. И что же он сказал?

— Ничего, — ответил Шварц. — Я и так знаю. Всех нас ждет смерть, и от нее не уйти.

— Вам не кажется, что он сумасшедший? — понизил голос Аврдан.

— Не знаю… У него такие черепные швы… прямо первобытные.

— Вы думаете… — удивился Аврдан. — Да бросьте, это невозможно.

— Я тоже всегда так думал. — Голос Шекта обрел подобие нормального звучания, как будто наличие научной проблемы переключило его на другой канал, где личные дела не имеют значения. — Согласно расчетам, количество энергии, необходимое для перемещения материала вдоль временной оси, превышает бесконечность, поэтому путешествия во времени всегда считались невозможными. Но некоторые ученые признают возможность «временных аномалий», аналогичных геологическим. Ведь были случаи, когда космические корабли исчезали на глазах у наблюдателей. Был в древности известный случай с Хором Деваллоу, который однажды вошел в свой дом и больше не вышел оттуда, и внутри его

тоже не оказалось. В галактографических атласах прошлого века можно найти планету, которую посетили три экспедиции, составив полное ее описание, а потом она исчезла неизвестно куда. Некоторые достижения ядерной химии ставят под сомнение закон сохранения массы и энергии, и это пытаются объяснить утечкой массы вдоль оси времени. Например, ядро урана в сочетании с микроскопическим, но точным количеством меди и бария, подвергнутое легкому гамма-облучению, создает резонирующую систему…

— Перестань, отец! — прервала его Пола. — Что теперь толку…

— Погодите-ка, — вмешался Аравдан. — Дайте подумать. Если кто и может решить эту задачу, то только я. Всего несколько вопросов… Слушайте, Шварц. Ваш мир был единственным в Галактике?

— Да, — угрюмо ответил тот.

— Это вы так думаете. У вас ведь не было космических путешествий, чтобы это проверить? В Галактике могло существовать множество обитаемых миров.

— Чего не знаю, того не знаю.

— Да, конечно. А жаль. Скажите, а ядерной энергией вы пользовались?

— У нас была атомная бомба. Уран, плутон — вот что, наверное, сделало ваш мир радиоактивным. Наверное, после моего ухода все-таки была еще одна война. Атомная. — Шварц снова перенесся в свой старый мир, в Чикаго, еще не знавший бомб, и ему стало жаль. Не себя, а того прекрасного мира.

— Ладно, — пробормотав что-то себе под нос, продолжил Арвардан. — У вас ведь был какой-то язык?

— На Земле? У нас было много языков.

— На каком говорили вы?

— На английском, с тех пор как стал взрослым.

— Ну-ка, скажите что-нибудь.

Шварц больше двух месяцев не говорил по-английски и теперь медленно, любовно произнес:

— Я хочу вернуться домой, к своим родным.

— Он говорил на этом языке, когда вы его синапсировали? — спросил Арвардан у Шекта.

— Не могу ручаться, — ответил озадаченный Шект. — Он произносил такие же бессвязные слова, но я не могу связать их с этими.

— Ну, ничего… Как по-вашему будет «мать», Шварц? А-га… Теперь «отец», «брат», «один» — числительное, да? — «два», «три», «дом», «человек», «жена»… — Арвардан называл все

новые и новые слова, и его лицо приобретало благоговейное выражение. — Шект, — сказал он наконец, — или этот человек настоящий, или мне снится самый фантастический на свете кошмар. Он говорит на языке, идентичном языку древних надписей, найденных на Сириусе, Арктуре, альфе Центавра и еще в двадцати мирах. Этим надписям пятьдесят тысяч лет, а он *говорит* на том языке. Надписи расшифровали только в прошлом поколении, и в Галактике, кроме меня, не найдется и десятка человек, способных понять их.

— Вы уверены?

— Надо полагать. Я же археолог. Это моя профессия.

Шварц почувствовал, как трещит броня безразличия. Впервые он снова обрел свою потерянную индивидуальность. Его тайна раскрылась: он был человек из прошлого, и что самое главное — другие согласились с этим. Выходит, он в здравом уме, и можно больше не терзать себя сомнениями. Шварц был благодарен за это, но остался безучастным.

— Да он мне просто необходим. — Арвардан уже загорелся священным пламенем науки, — Шект, вы даже понятия не имеете, что он значит для археологии. Человек из прошлого! О, великий Боже!

А может, мы заключим сделку с землянами? Они ищут доказательств — вот им и доказательство.

— Знаю, о чем вы думаете, — язвительно прервал его Шварц. — Вы думаете, что если я выступлю с подтверждением того, что Земля — источник цивилизации, то нас за это отблагодарят. Так я вам скажу — нет! Я бы и сам не прочь выкупить у них свою жизнь. Но они не поверят ни мне, ни вам.

— Вы представляете собой неоспоримое доказательство.

— Они и слушать не станут. Знаете почему? Потому что у них свои устойчивые представления о прошлом. Тот, кто посягнет изменить эти представления, будет в их глазах святотатцем, хотя бы и говорил чистую правду. Им нужна не правда, а традиции.

— Бел, по-моему, он прав, — сказала Пола.

— Но попытаться все же стоит, — стиснул зубы Арвардан.

— Все равно ничего не выйдет.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и все! — Это прозвучало так пророчески, что Арвардан умолк.

Теперь уже Шект смотрел на Шварца со странным огнем в глазах.

— Вы испытывали какие-нибудь неприятные ощущения после синапсатора? — мягко спросил он.

Шварц не знал этого слова, но понял его значение. Значит, ему все-таки сделали мозговую операцию. Подумать только, сколько он всего узнал!

— Нет, не испытывал.

— Но, как я вижу, вы быстро усвоили наш язык и очень хорошо говорите на нем, будто всю жизнь говорили. Это вас не удивляет?

— Память у меня всегда была хорошая, — холодно ответил Шварц.

— Значит, вы совсем не изменились после эксперимента?

— Нет.

— Зачем вы притворяетесь? — пристально глядя на Шварца, спросил физик. — Я уверен, что вы знаете, о чем я думаю.

— Стало быть, я умею читать мысли? — хмыкнул Шварц. — Ну и что из этого?

Но бледный потрясенный Шект уже повернулся к Арвардану.

— Он чувствует чужие мысли. Чего бы я с ним только не добился!.. А я вот здесь — совершенно беспомощный…

— Что-что? — опешил Арвардан.

Даже Пола заинтересовалась.

— Вы правда это умеете? — спросила девушка у Шварца.

Шварц подтвердил: она ухаживала за ним, а теперь ее убьют. Но она предательница и заслужила это.

— Арвардан, — говорил Шект, — помните, я рассказывал вам о бактериологе, который умер после синапсатора? Первым признаком его умственного расстройства было заявление, что он умеет читать мысли. И это было правдой. Я понял это перед самой его смертью и держал в тайне. Но это возможно, Арвардан, возможно. Видите ли, с понижением сопротивления между клетками мозга они обретают способность воспринимать магнитные волны, индуцированные микротоками чужих мыслей, и превращать их в понятные им колебания. Этот принцип лежит в основе любого записывающего устройства. Телепатия в полном смысле слова.

Шварц по-прежнему хранил упорное, враждебное молчание.

— Если так, Шект, то мы сможем его использовать. — В голове у Арвардана бешено прокручивались самые невероятные варианты. — У нас

появился выход. И для нас, и для Галактики.

Но Шварц остался холоден к его взбудораженному Образу.

— И все это с помощью чтения мыслей? Чем же оно может помочь? Впрочем, я умею не только читать мысли. Что вы скажете, к примеру, на это? — Легкий толчок, и Аравардан взвизгнул от боли. — Это сделал я. Хотите еще?

— Вы и охранников можете так? — ахнул Аравардан. — И секретаря?.. Как же вы позволили им затащить вас сюда? Ей-Богу, Шект, теперь все будет в порядке. Слушайте, Шварц…

— Нет, это вы слушайте. Какой мне смысл бежать отсюда? Где я окажусь? Все в том же мертвом мире… Я хочу домой — и не могу туда попасть. Хочу вернуться к своим родным, в свой мир — и не могу… Лучше уж умереть.

— Речь идет обо всей Галактике, Шварц! Нельзя думать только о себе!

— Почему это нельзя? На что мне ваша Галактика? Пусть себе гниет… и погибает. Мне известно, что замышляет Земля, и я этому рад. Девушка сказала недавно, что выбрала, на чьей стороне быть. Вот и я тоже выбрал — я за Землю.

— Что?

— А что тут такого? Я землянин или кто?

Глава 17
Смена стана

Час назад Аравардан, с трудом придя в себя, обнаружил, что лежит, точно туша говядины в ожидании мясника. С тех пор он ничем не занимался, кроме лихорадочной, бессодержательной болтовни, неумолимо отнимавшей бесценное время.

Но и в ней была своя польза — Аравардан это сознавал. Лежать просто так беспомощной колодой, которая не стоит даже того, чтобы ее охранять, значило поддаться слабости. Ни один, самый упрямый, дух не смог бы этого вынести, и если инквизитор все-таки явился бы, то не встретил бы никакого сопротивления. И Аравардан сказал, чтобы прервать затянувшееся молчание:

— Здесь, должно быть, полно подслушивающих устройств. Слишком уж мы разговорились.

— Нет, — равнодушно ответил Шварц, — нас никто не подслушивает.

Аравардан чуть было не спросил машинально: «Откуда вы знаете?», но удержался.

Какая сила! К сожалению, она принадлежит не

ему, а человеку из прошлого, который говорит, что он землянин и хочет умереть!

У Арвардана перед глазами был только потолок. Поворачивая голову, он мог видеть или угловатый профиль Шекта, или голую стену. Приподняв голову, мог увидеть на миг бледную, изнуренную Полу.

Ему не давало покоя то, что его — гражданина Империи, гражданина Галактики, звезды ясные! — смеют держать в тюрьме не кто-нибудь, а земляне. Это было особенно унизительно.

Могли бы тогда положить его рядом с Полой. Нет, лучше уж так. Не очень-то вдохновляющее зрелище он собой представляет.

Потом и эта мысль ушла.

— Бел?

Этот дрожащий звук был странно сладок Арвардану в водовороте близкой смерти.

— Что, Пола?

— Как ты думаешь, скоро они придут?

— Наверное, скоро, милая. Вот жалость какая. Мы потеряли целых два месяца.

— Это я виновата. Я. И мы могли бы оставить себе хотя бы несколько минут напоследок. Все равно все было впустую.

Арвардан не смог ей ответить. Его ум работал

вхолостую, крутя все то же «подмазанное колесо». Казалось это ему или он действительно начинал чувствовать спиной жесткий пластик, на котором лежал? Сколько времени продолжается паралич?

Шварца нужно заставить помочь. Арвардан попытался скрыть свои мысли, но знал, что это бесполезно.

— Шварц, — позвал он.

Шварц лежал такой же беспомощный, как и все, но ему невольно устроили более жесткую и утонченную пытку, чем остальным: у него в голове было четыре разума вместо одного.

Будь он один, он сумел бы сохранить свое стремление к бесконечному покою смерти и преодолеть остатки любви к жизни, которая всего два дня назад — или три? — толкнула его уйти с фермы. Но как он мог это сделать теперь, если над Шектом пеленой висел леденящий душу ужас, если сильный, полный жизни разум Арвардана исходил мятежной тоской, если девушка переживала трагическое крушение своих надежд?

Закрыть бы от них свой разум. Зачем ему знать о страданиях других? У него своя жизнь и своя смерть.

Но они продолжали напирать, просачиваясь во

все щели его сознания.

«Шварц», сказал Арвардан, и Шварц знал: Арвардан хочет, чтобы он их спас. Но зачем ему это? Зачем?

— Шварц, — настойчиво повторил Арвардан, — вы могли бы жить, и жить героем. Зачем вам умирать за этих людей?

Шварц вспомнил свою юность. Ему стоило отчаянных усилий удержать воспоминания в своем колеблющемся уме, и странный сплав прошлого с настоящим вызвал у него взрыв негодования. Но ответил он спокойно и сдержанно:

— Да, я мог бы стать героем… и предателем заодно. Да, эти *люди* хотят убить меня. Вы назвали их людьми, но это слово у вас было на языке, а в уме вы назвали их по-другому — не знаю как, но это дурное слово. И не потому, что они дурные люди, а просто потому, что они земляне.

— Ложь, — горячо возразил Арвардан.

— Нет, не ложь, и все здесь это знают. Да, они хотят убить меня, но только потому, что считают меня одним из ваших, которые огульно осуждают всю планету, обливают ее презрением, душат своим несносным высокомерием. Вот и спасайтесь сами от этих жалких червей, которые вздумали угрожать своим богоравным властителям. Не

просите о помощи одного из них.

— Вы говорите как фанатик, — удивился Арвардан. — Но почему? Вы-то чем пострадали? Вы говорите, что были жителем большой независимой планеты. Были землянином в то время, когда Земля была единственным оплотом человечества. Вы принадлежите к нам — к правящей расе. Зачем же причислять себя к жалким отбросам? Это не та планета, которую вы помните. Моя планета больше похожа на старую Землю, чем этот умирающий мир.

— Так значит, я принадлежу к правящей расе? — засмеялся Шварц. — Не будем на этом останавливаться — не стоит. Возьмем лучше вас. Вы прекрасный экземпляр того, что посылает нам Галактика. Вы терпимы, восхитительно великодушны и восхищаетесь собой потому, что обращаетесь с доктором Шектом, как с равным. Но в глубине души — и не так уж глубоко, чтобы мне не было видно, — вы себя чувствуете с ним неловко. Вам не нравится, как он говорит и как он выглядит. Вы вообще не любите его, хоть он и предал Землю. А недавно вы целовались с земной девушкой и сейчас смотрите на это как на слабость. Вам стыдно…

— Клянусь Всевышним, нет… Пола, не верь ему,

не слушай его.

— Не надо отрицать, Бел, — спокойно сказала Пола, — и не надо из-за этого расстраиваться. Он видит то, что осело в тебе с детских лет. Если бы он заглянул в мой разум, то увидел бы то же самое. А если бы он заглянул в себя так же беззастенчиво, как в нас, результат был бы тот же. — Шварц почувствовал, что краснеет. Пола ровно, не повышая голоса, продолжала: — Шварц, если вы умеете читать мысли, прочтите мои. И скажите, похожа ли я на предательницу. Посмотрите на моего отца. Разве неправда, что он мог бы спокойно избежать Шестидесяти, если бы сотрудничал с безумцами, которые хотят погубить Галактику? Что же он выиграл своим предательством? Скажите также: хочет ли кто-нибудь из нас причинить зло Земле или землянам? Вы говорили, что мельком заглянули в мысли Балкиса. Не знаю, насколько глубоко вы сумели проникнуть в эту грязь, но когда он вернется и будет уже поздно, займитесь им поближе. Вы поймете, что он сумасшедший, и умрете с этим.

Шварц молчал.

— Можете и во мне читать, Шварц, — вмешался Арвардан. — Копайте поглубже, если хотите. Я родился на Баронне в секторе Сириуса и воспи-

тывался в атмосфере антитеррализма — я не отвечаю за те комплексы и отклонения, что засели в моем подсознании. Но проверьте верхний слой и скажите: разве я, став взрослым, не старался искоренить в себе эти предрассудки? Не в других — это легко, но в самом себе — насколько мог. Шварц, вы не знаете нашей истории! Не знаете о тысячелетиях и десятках тысячелетий, за которые человек расселился по всей Галактике, о войнах и бедствиях, которые он испытал. Не знаете о первых веках Империи, когда деспотизм сменялся хаосом. Только в последние два века галактическое правительство обрело реальную силу. При этом всем мирам позволено сохранять культурную автономию, самоуправление, и все они могут участвовать в органах управления Галактикой. Еще ни разу за всю историю человечество не было настолько свободно от войн и бедности, как сейчас; никогда еще так мудро не ретушировалась экономика Галактики; никогда еще у нас не было таких светлых видов на будущее. Хотите уничтожить все это и начать сначала? Но на какой основе? С помощью деспотической теократии, взращенной на ненависти и подозрительности? Жалобы Земли удовлетворят когда-нибудь законным путем, если будет жить

Галактика. То, что делают сторонники Балкиса, это не выход. Вы ведь знаете, что они задумали?

Если бы у Арвардана был тот же дар, что и у Шварца, он увидел бы, какая борьба происходит у того в голове. Но и не видя, он инстинктивно почувствовал, что теперь лучше помолчать.

Шварца тронула его речь. Все эти миры, обреченные умереть, сгнить от страшной болезни… Да землянин ли он? Только землянин — и больше никто? В юности он уехал из Европы в Америку, но разве от этого он перестал быть собой? И если потом люди стали покидать разоренную, израненную Землю ради поднебесных миров, разве они перестали от этого быть землянами? Разве ему не принадлежит вся Галактика? Разве все ее жители — все до одного — не произошли от него и от его собратьев?

— Ладно, я с вами, — тяжело произнес он. — Чем я могу помочь?

— На каком расстоянии вы воспринимаете мысли? — торопливо, словно боясь, что Шварц передумает, спросил Арвардан.

— Трудно сказать. Я вижу, например, что за дверью есть люди — охрана, наверное. Пожалуй, смогу достать даже до улицы, но чем дальше, тем менее четко я вижу.

— Это естественно. Но где секретарь? Вы можете отличить его от других?

— Не знаю, — заколебался Шварц.

Все затихли. Минуты тянулись невыносимо.

— Мне мешают ваши мысли, — сказал Шварц. — Не надо следить за мной так пристально. Думайте о другом.

Все остальные попытались выполнить его просьбу, но это им не удалось.

— Нет, не могу, не могу.

— Я уже оживаю, — вдруг заявил Арвардан. — Ноги начинают слушаться. У-ух! — каждое движение причиняло ему острую боль. — А можете вы ударить человека сильно, Шварц? Сильнее, чем меня?

— Одного я убил.

— Да ну? Как это вы так?

— Не знаю. Это делается само собой. Это… это… Шварц делал почти комические усилия, пытаясь облечь невыразимое в слова.

— А с несколькими сразу сможете управиться?

— Не пробовал, но думаю, что нет. Я не могу держать в уме двух человек одновременно.

— Не нужно убивать секретаря, — вмешалась Пола. — Это бесполезно.

— Почему?

— А как мы отсюда выйдем? Даже если нам удастся захватить секретаря одного и убить, снаружи мы столкнемся с целыми сотнями. Разве ты сам не понимаешь?

— Поймал, — внезапно вскрикнул Шварц.

— Кого? — хором спросили все, и даже Шект впился в него обезумевшим взглядом.

— Секретаря. Кажется, это его Образ.

— Не выпускайте его.

Арвардан так разволновался, что дернулся слишком сильно, скатился со своей плиты и грохнулся на пол, тщетно пытаясь опереться на парализованную наполовину ногу и встать.

— Ты ушибся! — вскрикнула Пола, внезапно приподняв руку в локте, точно подались проржавевшие петли.

— Ничего страшного. Не отвлекайтесь, Шварц! Выжмите его досуха. Добудьте из него все, что можно.

Шварц напрягся до головной боли. Водя вслепую щупальцами своего мозга, он тянулся к цели — так ребенок, растопырив пальцы, которыми еще плохо владеет, тянется к предмету, до которого с трудом может достать. До сих пор он подбирал то, что ему попадалось, теперь вникал в суть, не упуская самых мельчайших подробностей.

— Триумф! Он уверен в результате. Какие-то космические снаряды. Он их запустил. Нет, не то — готовится запустить.

— Автоматические ракеты с вирусом, Арвардан, — простонал Шект. — Они нацелены на планеты в разных точках Галактики.

— А где он их держит, Шварц? Ищите, ищите…

— В здании, которое я вижу неясно… Пять башен… звезда… название похоже на Слу…

— Так и есть, — снова вмешался Шект. — Клянусь всем святым, так и есть. Это собор в Сенлу. Его со всех сторон окружают радиоактивные зоны. Никто там не бывает, кроме блюстителей. Это место находится у слияния двух больших рек, Шварц?

— Сейчас… Да. Да.

— Время, Шварц, время? Когда собираются запустить ракеты?

— Не могу назвать день, но скоро — скоро! Это так и рвется из него — очень скоро. — Голова Шварца тоже разрывалась от напряжения.

Взбудораженному Арвардану удалось наконец подняться на четвереньки, хотя руки и ноги подкашивались.

— Он идет сюда?

— Да, — понизил голос Шварц, — он уже за

дверью. — В этот момент дверь открылась, и вошел Балкис, торжествующий Балкис, Балкис-победитель.

— Доктор Арвардан, не лучше ли вам вернуться на свое место? — с холодной насмешкой сказал он.

Арвардан посмотрел на него снизу вверх, остро сознавая всю неприглядность своей позы, но промолчал — ответить было нечего. Он ослабил свои наболевшие мышцы и распластался на полу, тяжело дыша. Если бы он владел телом хоть немного получше, если бы он мог сделать последний рывок, отнять у врага оружие…

На блестящем флексипластовом поясе секретаря висел не привычный нейрокнут, а внушительных размеров бластер, способный в мгновение ока разнести человека на атомы. Балкис со свирепым удовлетворением оглядел всех четверых. Девушка не в счет, и без нее полный набор: предатель-землянин, имперский агент и таинственная личность, за которой они следили целых два месяца. Существует ли еще кто-нибудь, кроме них?

Остается, разумеется, Энниус, а с ним и вся Империя. Этим шпионам и предателям крылья подрезали, но где-то работает мозговой центр, готовясь заслать сюда других.

Секретарь стоял в небрежной презрительной позе, нисколько не заботясь о том, чтобы держать руки поближе к оружию.

— Пора внести ясность, — заговорил он тихо и ласково. — Между Землей и Галактикой идет война — пока необъявленная, но все же война. Вы — наши пленные, и с вами поступят так, как потребуют обстоятельства. Шпионов и предателей на войне принято казнить.

— Если война объявлена и легальна, — гневно возразил Арвардан.

— Легальная война? — с неприкрытой насмешкой повторил секретарь. — Что такое легальная война? Земля всегда воевала с Галактикой, удостаивали мы объявлять об этом или нет.

— Не связывайся с ним, — мягко сказала Пола Арвардану. — Пусть он скажет, что хотел сказать, и закончим перебранку.

Арвардан улыбнулся ей странной судорожной улыбкой и вдруг с огромным усилием, задыхаясь и пошатываясь поднялся с пола. Балкис снисходительно засмеялся и не спеша подошел к нему. Все так же неторопливо он положил ладонь на широкую грудь Арвардана и толкнул его.

Непослушные руки не успели защитить Арвардана, онемевшие ноги, державшие его, лишь пока

он двигался со скоростью улитки, подкосились, и он снова рухнул на пол.

Пола ахнула. Преодолев сопротивление собственного тела, она медленно-медленно слезла со своей плиты. Балкис позволил ей подползти к Арвардану.

— Вот он, твой любовник! Твой могучий иномирец. Скорей беги к нему, девушка! Чего ждешь? Обними своего героя покрепче — что из того, если на нем пот и кровь биллиона замученных землян? Вот он лежит, храбрый и благородный рыцарь, поверженный одним толчком землянина.

Пола уже стояла на коленях рядом с Арварданом, ощупывая его голову под волосами — нет ли там крови или грозной мякоти разбитого черепа. Арвардан медленно открыл глаза и шевельнул губами, сказав:

— Ничего.

— Только трус может драться с парализованным и хвастаться победой. Поверь мне, дорогой, среди землян мало таких.

— Я знаю, иначе ты не была бы землянкой.

— Итак, — надменно продолжал секретарь, — ваша жизнь у нас в руках, однако ее можно выкупить. Хотите знать цену?

— Вы бы, на нашем месте, захотели, я знаю, — гордо сказала Пола.

— Шш, Пола… — Арвардан еще не совсем отдышался. — Что вы предлагаете?

— Ага. Желаете продаться? Как на вашем месте сделал бы я, подлый землянин?

— Вам лучше знать, кто вы такой. А что до продажи, то я не продаюсь — я выкупаю ее. Что вы предлагаете? — повторил Арвардан.

— Я предлагаю следующее. Очевидно, кое-какая информация о наших планах все же просочилась наружу. Как она попала к доктору Шекту, догадаться нетрудно, но вот как она стала известна Империи? Нам хотелось бы знать, что именно известно Империи. Не то, что узнали вы, доктор Арвардан, но то, что известно Империи в данный момент.

— Я археолог, а не шпион, — огрызнулся Арвардан. — Не имею понятия, что именно известно Империи, но надеюсь, что чертовски много.

— Воображаю себе. Что ж, может быть, еще передумаете. Подумайте — все подумайте.

Шварц до сих пор не принимал участия в беседе и даже не поднимал глаз. Секретарь подождал и довольно злобно сказал:

— Тогда я назову вам цену вашего отказа. Это

будет не просто смерть — ведь я уверен, что к этой неприятной, но неизбежной процедуре вы все приготовились. Доктор Шект с дочерью, которая, к несчастью, серьезно замешана в этом деле, — граждане Земли. Их было бы неплохо синапсировать. Вы поняли меня, доктор Шект? — Глаза физика наполнились безграничным ужасом. — Вижу, что поняли. Синапсатор вполне способен нарушить мозговые ткани так, чтобы превратить человека в безмозглого идиота. Жалкая участь: если его не кормить, он умрет с голоду; если не мыть, он будет гнить в собственных нечистотах; если не держать взаперти, будет внушать ужас всем окружающим. Ну а вы, Арвардан, и ваш друг Шварц — граждане Галактики и потому годитесь для одного интересного эксперимента. Мы еще ни разу не испытывали наш концентрированный вирус на галактических собаках. Любопытно будет проверить, верны ли наши расчеты. Мы введем небольшую дозу, чтобы смерть наступила не слишком скоро. Болезнь может развиваться целую неделю, если соответственно разбавить вирус. Это очень мучительный процесс. — Секретарь помолчал, оглядев всех прищуренными глазами. — Вот что вас ждет, если вы сейчас не произнесете несколько хорошо продуманных

слов. Что известно Империи? Действуют ли на Земле другие агенты, кроме вас? Собираются ли они воспрепятствовать нам, и если да, то как?

— Откуда нам знать, — сказал доктор Шект, — что вы нас все равно не убьете, получив то, что нужно?

— Я уже заверил вас, что в случае отказа вы умрете страшной смертью. Придется рискнуть. Что скажете?

— Вы дадите нам время подумать?

— А разве я вам его не даю? Я здесь уже десять минут, и все еще готов выслушать вас. Итак, что скажете?.. Как, ничего? Время не терпит, поймите. А вы все напрягаете мускулы, Арвардан? Думаете добраться до меня раньше, чем я успею вытащить бластер? Допустим, вам это удалось. Ну и что? Здесь сотни людей, а мои планы осуществятся и без меня. Как и те виды казни для каждого из вас, о которых я вам говорил. Шварц! Вы убили нашего агента. Ведь это вы сделали? И думаете, что можете убить и меня?

Шварц впервые взглянул на Балкиса и холодно ответил:

— Могу, но не стану.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Наоборот. Очень жестоко. Вы сами говорили,

что есть вещи и похуже смерти.

В душе Арвардана вспыхнула безумная надежда.

Глава 18
Поединок

Мозг Шварца работал на полных оборотах. Шварц был возбужден, но и странно спокоен в то же время. Какая-то частица его сознания полностью контролировала ситуацию, а остальное сознание отказывалось в это поверить. Шварца парализовали позже остальных — даже доктор Шект уже сидел, а он едва мог двинуть рукой.

Вглядываясь в изворотливый ум секретаря, полный всяческой мерзости и зла, Шварц начал свой поединок.

— Сначала я был на вашей стороне, — сказал он, — хотя вы и собирались меня убить. Мне казалось, я понимаю ваши чувства и ваши намерения. Но у тех, кто здесь со мной, мысли сравнительно невинные и чистые, а ваши не поддаются описанию. Вы боретесь даже не за Землю, а за свою личную власть. Я вижу — вы мечтаете не о свободной Земле, а о порабощенной. Не о свержении императорской власти, а об установлении

собственной диктатуры.

— Видите, значит? Что ж, на здоровье. Не так уж я нуждаюсь в ваших показаниях, чтобы ради них стал терпеть вашу наглость. Похоже, мы сумеем нанести удар раньше, чем планировали. Не ожидали?.. Просто удивительно, на что только способны люди, если на них чуть-чуть нажать. Или ты это тоже видишь, ясновидящий мой?

— Пока нет. Я не искал эту информацию специально, и она от меня ускользала. Но теперь вижу. Два дня — нет, меньше. Вторник, шесть утра по чикскому времени.

Секретарь, выхватив свой бластер, большими шагами приблизился к Шварцу и навис над ним.

— Откуда ты знаешь?!

Шварц застыл, только щупальца его мозга сжимались и разжимались. Стиснутые челюсти и сдвинутые брови лишь в малой степени выражали испытываемое им усилие. Мысленно он протянул руку… и вцепился ею в Образ Балкиса.

Аврардану, который считал драгоценные, уходящие зря секунды, эта сцена ничего не сказала, даже внезапная неподвижность и молчание секретаря не удивили его.

— Я держу его… — задыхаясь, проговорил Шварц. — Заберите у него пистолет. Я не смогу

долго…

И его голос сорвался.

Тогда Арвардан понял. Перевернувшись и встав на четвереньки, он медленно, со скрипом принял неустойчивое вертикальное положение. Пола тоже попыталась встать, но не смогла. Шект сполз со своей плиты и стоял на коленях. Только Шварц остался лежать — напряженно работало лишь его лицо.

Секретарь замер, точно под взглядом Медузы. На его гладком, без морщин лбу медленно проступала испарина, но лицо ничего не выражало. Правая рука, сжимавшая бластер, не подавала признаков жизни. Если присмотреться, было заметно, что она слегка подергивается, что палец пытается нажать на кнопку контакта — упорно, но тщетно.

— Держите крепче, — выдохнул Арвардан, охваченный свирепой радостью. Он взялся за спинку стула, пытаясь выровнять дыхание. — Сейчас я до него доберусь.

Волоча ноги, он двинулся, словно в кошмарном сне, когда бредешь по патоке или по липкой смоле. Плохо слушались оцепенелые мускулы, медленно-медленно он двигался вперед.

Он не представлял себе, да и не мог предста-

вить, какой страшный поединок ведет сейчас Шварц.

Секретарь стремился только к одному: чуть-чуть подвинуть свой большой палец и слегка нажать им на контакт. Совсем немножко, не больше трех унций силы было бы достаточно, чтобы бластер сработал. Все, что для этого требовалось, это чтобы послушалось дрожащее сухожилие, уже наполовину сократившееся. Ну… Ну…

Шварц стремился лишь к одному — не дать ему нажать на контакт. Не зная, какой именно участок в мешанине чужого мозга управляет большим пальцем правой руки, всю свою силу он направил на то, чтобы держать Балкиса в неподвижности, в полнейшей неподвижности.

Образ Балкиса напрягался и дыбился, пытаясь вырваться. Острый, необычайно сильный ум сопротивлялся нетренированной хватке Шварца. Выждав несколько секунд, Балкис снова и снова посылал мощный волевой импульс в нужный ему мускул.

Шварц походил на борца, которому любой ценой нужно удержать противника, как бы тот ни бился и ни извивался.

Со стороны ничего такого не было видно. Только сжимал челюсти Шварц, и кровь проступала

на его дрожащих прикушенных губах, да едва заметно напрягался палец секретаря.

Арвардан поневоле остановился передохнуть — пришлось. Он уже мог дотронуться вытянутой рукой до спины секретаря, но чувствовал, что силы его иссякли — измученные легкие отказывались качать воздух в омертвелое тело. Глаза от напряжения заволокло слезами, а мозг — болью.

— Еще пару минут, Шварц, — простонал он. — Держите его, держите.

Шварц медленно качнул головой.

— Не могу.

Весь мир перед ним сливался в тусклый, смазанный хаос. Щупальца мозга теряли эластичность.

Палец секретаря снова нажал на контакт. Он не уступал, и давление потихоньку нарастало.

Шварц чувствовал, как глаза у него лезут из орбит, как вздулись жилы на лбу, чувствовал, как растет торжество в Образе врага.

Тогда Арвардан прыгнул, точнее, обрушился вперед всем своим застывшим, непослушным телом, вытянув перед собой руки со скрюченными пальцами.

Секретарь рухнул под его тяжестью. Бластер отлетел в сторону, ударившись об пол.

Сознание Балкиса тут же вырвалось на свободу,

оттолкнув Шварца, в голове у которого царил полный хаос.

Балкис бешено извивался под мертвым грузом придавившего его тела, двинул Арвардана коленом в пах, кулаком сбоку в челюсть — и выбрался. Арвардан откатился в сторону, корчась от боли.

Взъерошенный секретарь, тяжело дыша, поднялся, но снова замер на месте: перед ним стоял полусогнутый Шект. Поддерживая одной рукой другую, он держал бластер, дуло которого, хотя и дрожащее, указывало на секретаря.

— Идиоты, — завопил взбешенный Балкис, — чего вы думаете этим добиться? Стоит мне только позвать…

— Хоть с вами разделаемся, по крайней мере, — слабо ответил Шект.

— Вы ничего не добьетесь, убив меня, ведь сами это знаете. Империю, которой вы нас выдали, вам не спасти, даже себя вы не спасете. Отдайте бластер, и я отпущу вас.

Он протянул руку, но Шект только невесело рассмеялся.

— Я не настолько обезумел, чтобы поверить вам.

— Может, и не настолько, но вы почти парализованы. — И секретарь резко метнулся вправо,

куда слабая кисть физика не могла повернуть оружие. Но при этом прыжке его мозг целиком и полностью сосредоточился на бластере, от которого он стремился уйти. Шварц мысленно собрался и нанес удар, секретарь споткнулся и рухнул на пол, точно его оглушили.

Арвардан с трудом разогнулся. Его покачивало, щека покраснела и вздулась.

— Вы можете двигаться, Шварц? — спросил он.

— Чуть-чуть, — устало ответил тот, соскальзывая с плиты.

— Сюда никто не идет?

— Нет, насколько я вижу.

Арвардан сначала сверху вниз, сурово посмотрел на Полу, затем печально улыбнулся, опустив руку на ее красивую голову, а она подняла на него полные слез глаза. Последние два часа он был уверен, что никогда больше не коснется ее мягких каштановых волос и не встретится с ней взглядом.

— Может, впереди еще кое-что есть, а, Пола?

— У нас совсем нет времени, — ответила она, покачав головой. — Только до вторника, и то до шести утра, а потом все.

— Это мы еще посмотрим. — Арвардан нагнулся над телом блюстителя и не слишком

бережно откинул его голову назад. — Жив он или нет? — Тщетно попытавшись прощупать пульс нечувствительными пальцами, Арвардан просунул ладонь под зеленый балахон на груди. — Сердце бьется… Какой опасной силой вы обладаете, Шварц. Но почему вы сразу не сделали этого?

— Потому что хотел управлять им. — По лицу Шварца было видно, чего ему это стоило. — Я думал, что если удержу его, мы сможем выйти отсюда, прикрываясь им — спрячемся за его юбку.

— Хорошо бы, — воодушевился Шект. — Имперский гарнизон стоит в форте Диббурн, всего в полумиле отсюда. Там мы будем в безопасности и сможем связаться с Энниусом.

— Там! Здесь сотня охранников, не говоря уже о дороге. И что нам теперь делать с этим зеленым бревном? Нести его, что ли? Или на тачке везти? — невесело засмеялся Арвардан.

— Да и я не смогу держать его слишком долго, — угрюмо заметил Шварц. — Вы же видели: у меня не получилось.

— Потому что вам это непривычно, — серьезно сказал Шект. — Я представляю себе, Шварц, что происходит у вас в мозгу: вы принимаете электромагнитные колебания чужого разума. А вы

попробуйте передать, понимаете?

Шварца терзала мучительная неуверенность.

— Вы должны это сделать, — настаивал Шект. — Сосредоточьтесь на том, что вы от него хотите. И первым делом надо отдать ему бластер.

— Что?! — возмущенно вскричали трое остальных.

— Он должен вывести нас отсюда. Иначе нам не выйти, правильно? Так вот, он должен быть вооружен, чтобы не вызывать подозрений.

— Но я не сумел его удержать, говорю вам. — Шварц разгибал руки и бил одной о другую, пытаясь вернуть им чувствительность. — Это все хорошо в теории, доктор Шект. Вы не знаете, какое это скользкое, болезненное, трудное дело.

— Знаю, но надо рискнуть. Попробуйте еще раз, Шварц. Заставьте его пошевелить рукой, когда он придет в себя, — упрашивал Шект.

Секретарь застонал, и Шварц почувствовал, как оживает его Образ. С опаской дав ему окрепнуть, Шварц обратился к нему без слов — так обращаются к собственной руке, приказывая ей сделать то или другое и даже не сознавая, что отдают ей приказ.

Но рука Шварца оставалась неподвижной — вместо него шевельнул рукой секретарь. Шварц

с ошалелой улыбкой взглянул на остальных, но они смотрели только на Балкиса — как он поднимает голову, как становятся осмысленными его глаза и как нелепо, под прямым углом к телу, он держит руку.

Шварц принялся за дело. Секретарь рывками поднялся, с трудом удержав равновесие, и вдруг пустился в пляс.

Пляске недоставало ритма и грации, но трое, которые видели только движения тела, и Шварц, который видел еще и работу ума, следили за ней, как зачарованные. Ведь теперь телом секретаря управлял мозг, не связанный с ним материально.

Шварц медленно и осторожно подошел к обращенному в робота секретарю и не без опаски протянул ему бластер рукояткой вперед.

— Пусть возьмет, Шварц, не бойтесь, — настойчиво произнес Шект.

Балкис неуклюже взял оружие. На миг в его глазах вспыхнул жадный огонек, но тут же померк. Медленно-медленно вернул он бластер себе на пояс и уронил руку.

— Чуть было не ускользнул, — нервно рассмеялся побелевший Шварц.

— И как же? Вы его держите?

— Вырывается, как черт. Но дело не так плохо, как в прошлый раз.

— Потому что теперь вы знаете, что делаете, — не слишком убежденно заверил его Шект. — Передавайте. Не пытайтесь держать его, просто притворитесь, что все это делаете сами.

— А вы можете заставить его говорить? — спросил Арвардан.

Секретарь издал тихий скрипучий звук. Молчание — и снова такой же скрип.

— Не получается, — с трудом выговорил Шварц.

— Но почему? — забеспокоилась Пола.

— Слишком тонкая и сложная мышечная работа, — пожал плечами Шект. — Это не то что дергать за мускулы рук или ног. Ничего, Шварц. Обойдемся и так.

Никто из участников невероятной одиссеи не мог потом вспомнить в точности, что происходило с ними в последующие два часа. Доктор Шект позабыл все свои страхи, всей душой сочувствуя невидимой борьбе Шварца и не имея возможности помочь ему. Его взгляд был прикован к истерзанному усилиями круглому лицу своего пациента. На других он почти не обращал внимания.

Часовые у дверей вскинули руки, приветствуя секретаря, — его зеленое платье символизировало государственную власть. Секретарь ответил им, неуклюже воспроизведя такой же жест, и вся группа прошла дальше, никем не остановленная.

Только при выходе из здания Арвардан осознал все безумие их затеи. Огромная, невыдуманная опасность, грозившая Галактике, и хлипкий мосток через пропасть, по которому они шли. Но и тогда не встревожился, ему было не до того — он тонул в глазах Полы. Потому ли, что у него хотели отнять жизнь, потому ли, что его будущее рушилось, или потому, что блаженство, которое он едва вкусил, продолжало быть недоступным, но никого еще не желал он с такой полнотой и страстью, как эту девушку.

Впоследствии он ничего не мог вспомнить, только ее.

Что касается Полы, то ей это ясное утро затмевало взбудораженное лицо Арвардана. Она улыбалась ему, легко опираясь на его сильную, крепкую руку. Только это ей и запомнилось — твердые мускулы под блестящим пластиком рукава, гладким и холодным.

Шварц обливался потом. Изогнутая подъездная

аллея, на которую они вышли через боковую дверь, была почти пуста, и он был бесконечно благодарен за это.

Он один знал, чего им будет стоить провал, читая в Образе Балкиса бесконечное унижение, невыразимую ненависть и самые жуткие намерения. Отыскивая нужную информацию — где стоит служебная машина, как пройти к ней, — Шварц познал заодно всю желчь мстительных дум Балкиса, готовую вырваться наружу, ослабь только Шварц свою хватку на десятую долю секунды.

Стойкость и неподатливость интеллекта, в котором Шварц принужден был рыться, навсегда запомнилась ему. Не раз потом в сумеречные предрассветные часы повторял он этот путь, направляя шаги безумца через вражескую цитадель.

На подходе к стоянке машин — Шварц не мог позволить себе расслабиться настолько, чтобы произносить связные фразы, — он отрывисто заговорил:

— Не могу… вести машину… не могу… заставить его… вести… сложно… не могу.

Шект успокаивающе почмокал губами, не смея ни дотронуться до Шварца, ни заговорить с ним,

не смея ни на секунду отвлечь его.

— Сажайте его назад, Шварц, — прошептал он. — Я поведу. Я умею. Пусть он сидит тихо — и все, а бластер я заберу.

Секретарская машина была особой модели и привлекала к себе всеобщее внимание. Зеленые фары ритмически бросали изумрудные снопы света то вправо, то влево. Прохожие останавливались посмотреть, а встречные машины почтительно сторонились, уступая дорогу. Если бы машина не так бросалась в глаза, прохожие могли бы заметить бледного, неподвижного блюстителя на заднем сиденье, заинтересоваться, почувствовать неладное. Но они замечали только машину, и все проходило сносно.

У блестящих хромированных ворот, отличавшихся внушительностью и размахом всех имперских строений, не в пример приземистой и мрачной земной архитектуре, им преградил дорогу часовой, горизонтально держа свое силовое ружье.

— Я гражданин Империи, солдат, — высунулся из окна Аврадан. — Мне нужен ваш командир.

— Попрошу документы.

— У меня их отобрали. Я Бел Аврадан с Баронны, Сириус. По делу императора! Очень срочно.

Солдат что-то тихо сказал в передатчик у себя на руке, подождал ответа и отступил в сторону. Ворота медленно распахнулись.

Глава 19
К роковой черте

В последующие часы и в стенах форта Диббурн, и за его стенами начались бурные события. То же происходило и в самой Чике.

В полдень верховный министр захотел связаться со своим секретарем, но того не смогли найти. Верховный министр остался недоволен, а начальство Исправительного дома забеспокоилось.

Пустились в розыск, и часовые у дверей конференц-зала заявили, что секретарь вышел оттуда вместе с арестованными в десять тридцать утра. Нет, никаких распоряжений он не оставил. И не сказал, куда направляется, а спрашивать им не полагается.

Прочие охранники также не смогли сказать ничего вразумительного. Общая тревога нарастала.

В два часа дня поступило первое сообщение о том, что машину секретаря утром видели в городе, но никто не мог сказать, был в ней секретарь или нет. Предполагали, что он сидел за рулем, но

наверняка никто не знал.

В два тридцать стало известно, что машина въехала в ворота форта Диббурн.

Около трех решились позвонить командиру форта. Ответил дежурный лейтенант и сказал, что в данный момент сообщить ничего не может, однако командование имперскими вооруженными силами требует соблюдать порядок и не распространять слухи об исчезновении члена Общества Блюстителей.

Этих слов было достаточно, чтобы добиться прямо противоположного результата.

Люди, замешанные в заговоре, не могут не встревожиться, если за двое суток до начала операции один из главных участников заговора вдруг оказывается в руках врага. Это или провал, или измена, то есть две стороны одной медали: и то, и другое несет заговорщикам смерть.

Поэтому в народ бросили клич, и народ заволновался.

На всех углах появились профессиональные демагоги. Открыли тайные арсеналы, и всем желающим раздавали оружие. Толпы людей потянулись к форту, и в шесть часов вечера к коменданту снова обратились — на этот раз через посланника.

В самом форте события развивались своим чередом. Началось с того, что молодой офицер, вышедший навстречу машине, протянул руку за секретарским бластером.

— Оружие отдайте мне, — приказал он.

— Пусть отдаст, Шварц, — сказал Шект.

Рука секретаря сняла бластер с пояса и протянула офицеру. Оружие унесли, и Шварц с рыданием освобождения отпустил секретаря. Арвардан был наготове. Когда секретарь взвился, как обезумевшая стальная пружина, археолог навалился на него и заработал кулаками.

Офицер выкрикнул приказ, и к машине побежали солдаты. Когда Арвардана оттащили, секретарь уже обмяк на сиденье — изо рта у него стекала темная струйка крови. Поврежденная щека Арвардана тоже кровоточила. Он ослабевшей рукой поправил волосы и твердо сказал, указывая на секретаря:

— Я обвиняю этого человека в заговоре с целью свержения имперского правительства. Мне нужно немедленно увидеться со старшим офицером.

— Мы ему сообщим, — вежливо ответил офицер. — А пока не угодно ли всем пройти со мной?

Тем дело временно и кончилось. Четверых поместили отдельно от секретаря в довольно

удобной комнате. Впервые за двенадцать часов они получили возможность поесть, чем охотно и занялись, несмотря на обстоятельства. Можно было воспользоваться даже таким благом цивилизации, как ванная.

Комната, однако, охранялась, и через несколько часов терпение Арвардана лопнуло:

— Да мы просто сменили одну тюрьму на другую.

Вокруг шла бессмысленная, размеренная жизнь военного лагеря, не имевшая к ним никакого отношения. Шварц спал. Арвардан выразительно посмотрел на него, но Шект покачал головой.

— Нельзя. Есть предел человеческим силам. Он весь вымотался, пусть отоспится.

— Но у нас осталось всего тридцать девять часов.

— Знаю, но придется подождать.

— Кто тут утверждает, будто он гражданин Империи? — спросил холодный, слегка саркастический голос.

— Я! — вскочил Арвардан и осекся, узнав того, кто задал вопрос. Тот улыбался застывшей улыбкой, и его левая рука, еще скованная в движении, напоминала об их последней встрече.

— Бел, это тот офицер, — тихо подсказала По-

ла, — из универмага.

— Которому он сломал руку, — резко добавил тот. — Я лейтенант Клауди, а вы тот самый человек. Значит, вы из миров Сириуса? И с кем связались! Кошмар, как низко может пасть человек! И девчонка эта при вас. — Он помедлил и подчеркнуто произнес: — Земляшка!

Аравдан ощетинился, но овладел собой. Нельзя… не сейчас…

— Могу я видеть полковника, лейтенант? — как можно смиренней спросил он.

— Боюсь, что полковник отсутствует.

— Его нет в городе?

— Я этого не сказал. С ним можно связаться, если дело действительно срочное.

— Очень срочное. А дежурного офицера можно видеть?

— Я дежурный офицер.

— Тогда позвоните полковнику.

— Вряд ли смогу это сделать, не ознакомившись с ситуацией.

Аравдана трясло от нетерпения.

— Бога ради, перестаньте играть словами! Это дело жизни и смерти.

— Вот как? — Лейтенант с видом денди помахивал своим стеком. — Тогда просите меня, чтобы

я вас принял.

— Хорошо, примите вы.

— Я сказал: просите.

— Могу я просить вас, чтобы вы меня приняли, лейтенант?

— Я сказал: просите. Почтительно. В присутствии девушки, — без улыбки сказал лейтенант.

Арвардан сглотнул и отступил назад. Пола положила руку ему на рукав.

— Пожалуйста, Бел. Не надо его сердить.

— Бел Арвардан из сектора Сириуса почтительно просит дежурного офицера принять его, — прорычал археолог.

— Посмотрим, — сказал лейтенант, сделал шаг вперед и неожиданно, со злостью ударил Арвардана по перевязанной щеке. Арвардан еле удержался, чтобы не вскрикнуть. — Раньше вас это возмущало. А теперь — нет? — Арвардан молчал. — Я приму вас, — высокомерно произнес лейтенант и вышел. А за ним — Арвардан в сопровождении четырех солдат…

— Что-то я его не слышу, а ты? — сказал Шект Поле через некоторое время.

— Я тоже. Отец, как ты думаешь, он ничего не сделает Белу?

— Что он может сделать? — мягко сказал

Шект. — Не забывай, что он гражданин Галактики, не нам чета. Я вижу, ты по-настоящему влюблена в него?

— Ужасно влюблена, отец. Это глупо, я знаю.

— Не стану спорить, — горько усмехнулся Шект. — Он человек порядочный, ничего не скажешь, но разве сможет он остаться с тобой в этом мире? Или взять тебя туда? Представить своим друзьям, своей семье?

Пола плакала.

— Я знаю. Но, может быть, у нас вообще ничего нет впереди.

Шект встал, точно ее последние слова напомнили ему о чем-то, и снова сказал:

— Его что-то не слышно. — Он имел в виду секретаря, которого поместили в соседней комнате. Тот все время метался там, как лев в клетке, но теперь перестал. Казалось бы, пустяк, но секретарь в их глазах воплощал собой ту злобную волю, которая грозила мором и опустошением всей Вселенной. Шект легонько потряс Шварца:
— Проснитесь.

— Что такое? — встрепенулся Шварц.

Он не успел отдохнуть. Усталость въелась в него так глубоко, что прошла насквозь и выступила на лице сеткой багровых прожилок.

— Где Балкис? — спросил его Шект.

— А, да, сейчас.

Шварц дико повел вокруг глазами, вспомнил, что лучше видит без их помощи, и зашевелил щупальцами мозга в поисках хорошо знакомого Образа.

Вскоре он нашел его, но не стал трогать. Недавняя близость не вызывала в нем никакого желания вновь погружаться во всю эту гнусность.

— Он на другом этаже, — объявил Шварц. — С кем-то разговаривает.

— С кем?

— Образ мне не знаком. Сейчас послушаю. Может быть, Балкис скажет… да, он его называет полковником.

Шект с Полой переглянулись.

— Неужели измена? — прошептала Пола. — Ведь не станет же имперский офицер сговариваться с землянином против императора, правда?

— Не знаю, — махнул рукой Шект. — Я теперь во что угодно могу поверить.

Лейтенант Клауди улыбался, сидя за столом. Руку он держал на бластере, а позади него стояло четверо солдат — это придавало его речи боль-

ший вес.

— Не люблю я земляшей. И никогда не любил. Отбросы Галактики. Больные, суеверные и ленивые. Тупые дегенераты. Правда, место свое они знают. Конечно, на месте императора я не стал бы терпеть от них того, что он терпит. Изничтожил бы все их мерзкие порядки и традиции. Ну ничего. Когда-нибудь мы научимся…

— Ну вот что, — взорвался Арвардан, — я пришел не для того, чтобы слушать…

— Будешь слушать, потому что я еще не закончил. И как раз хотел сказать, что чего я не понимаю — это как работает голова у тех, кто любит земляшей. Как это человек — настоящий человек вроде бы — может опуститься до того, чтобы якшаться с ними и путаться с их бабами. Я таких не уважаю. Они еще хуже земляшей.

— Да катись ты в космос вместе со своим уважением! — заорал Арвардан. — Ты знаешь, что замышляется против Империи? Знаешь, какая опасность грозит всем нам? Каждая минута твоего промедления ставит под угрозу квадриллионы галактиан…

— Не знаю, не знаю, доктор Арвардан. Ты ведь доктор, да? Нельзя забывать о вежливости. У меня есть своя теория насчет таких, как ты. Может, ты

и родился на Сириусе, но душонка у тебя черная, как у земляша. Ты такой же, как они, и ты используешь свое гражданство, чтобы заступаться за них. Похитил их чиновника, блюстителя. Это само по себе неплохо, и я за него глотку драть не собираюсь, но земляне его ищут и уже звонили в форт.

— Уже? Чего же мы тут разговариваем? Мне обязательно нужно видеть полковника…

— Думаешь, будет бунт? Может, ты его и запланировал как первый шаг к мятежу, а?

— Ты с ума сошел! Зачем мне это надо?

— Значит, не будешь против, если мы отпустим блюстителя?

— Нельзя этого делать. — Арвардан встал с таким видом, точно собирался кинуться через стол на лейтенанта, но тот вынул бластер.

— Нельзя, значит? Ну ладно. Я уже малость отыгрался. Я дал тебе по морде и заставил унижаться перед твоими земляшами. Заставил тебя выслушать, какая ты низменная тварь. Теперь я не прочь отстрелить тебе руку за то, что ты сделал с моей. Ну давай — еще одно движение.

Арвардан замер. Лейтенант засмеялся и убрал бластер.

— К сожалению, тебя надо сберечь для полков-

ника. Он примет тебя в пять пятнадцать.

— И ты знал об этом, все время знал.

Горькая обида сделала горло Арвардана сухим, а голос — хриплым.

— Само собой.

— Если мы с тобой потеряли слишком много времени, лейтенант Клауди, значит, нам обоим недолго осталось жить. — Ледяной гнев Арвардана был страшен. — Но ты умрешь первым, потому что в свои последние минуты я разнесу тебе башку, чтобы кости смешались с мозгами.

— К твоим услугам, землянский прихвостень. В любое время!

Командир форта Диббурн был старый имперский служака. В мирной обстановке последних поколений армейскому офицеру трудно было отличиться, и полковник, подобно многим другим, не отличился ничем. За его долгий путь от кадета до полковника ему довелось послужить во всех частях Галактики, так что даже командование гарнизоном на психопатке-Земле было для него только будничной рутиной. Он хотел одного — спокойно исполнять свои обязанности и больше ни к чему не стремился. Спокойствия ради он готов был даже унизиться до извинений перед землянкой.

Когда Арвардан вошел, у полковника был усталый вид — он сидел, расстегнув ворот, его мундир с желтой имперской эмблемой «Звездолет и Солнце» висел на спинке стула. Рассеянно хрустнув пальцами, он многозначительно посмотрел на Арвардана.

— Очень запутанная история, очень. Я хорошо вас помню, молодой человек. Вы Бел Арвардан с Баронны и уже не первый раз попадаете в неприятные происшествия. Вы что, не можете без этого?

— На этот раз не я один попал в неприятную ситуацию, полковник, в ней находится вся Галактика.

— Знаю, — нетерпеливо оборвал полковник. — Точнее, знаю, что вы это утверждаете. Мне сказали, у вас нет при себе документов?

— Их у меня отобрали, но на Эвересте меня знают. Сам прокуратор может опознать меня, и надеюсь, сделает это еще до вечера.

— Посмотрим. — Полковник сложил руки на груди и качнулся вместе со стулом. — Что ж, выслушаем вашу версию этой истории.

— Мне стало известно, что группа землян замышляет опасный заговор с целью свержения имперского правительства. Если своевременно

не известить об этом власти, может погибнуть не только правительство, но и большая часть Империи.

— Слишком скоропалительное и необоснованное заявление, молодой человек. Готов признаться — земляне способны устроить нежелательный бунт, осадить форт, нанести значительный урон, но ни на минуту не поверю, что они способны даже прогнать имперский гарнизон за пределы планеты, не говоря уж о свержении правительства. Хорошо — что же вам известно об этом… э-э… заговоре?

— Дело, к несчастью, настолько серьезное, что я считаю необходимым доложить о нем лично прокуратору. И просил бы, с вашего разрешения, немедленно соединить меня с ним.

— М-м… Давайте не будем торопиться. Знаете ли вы, что захваченный вами человек — секретарь верховного министра Земли, блюститель и очень важная персона?

— Прекрасно знаю.

— И вы же утверждаете, что он — зачинщик этого самого заговора.

— Так и есть.

— А доказательства?

— Я уверен, вы поймете меня, если я скажу, что

могу обсуждать это только с прокуратором.

Полковник нахмурился и стал разглядывать свои ногти.

— Сомневаетесь в моей компетенции?

— Нисколько. Но только один прокуратор обладает властью, чтобы предпринять необходимые в данном случае решительные действия.

— Что это за решительные действия?

— В ближайшие тридцать часов нужно разбомбить одно здание, полностью уничтожив его, иначе большинство жителей Галактики, если не вся Галактика, погибнет.

— Какое здание? — устало спросил полковник.

— Прошу вас, свяжите меня с прокуратором! — крикнул в ответ Аврадан.

Разговор снова уперся в стену. Полковник бесстрастно произнес:

— Вы отдаете себе отчет, что, похитив землянина, подлежите уголовной ответственности на Земле? Обыкновенно Империя защищает своих граждан, настаивая на том, чтобы их судил галактический суд. Однако с Землей нужно быть поосторожней, и мне даны строгие указания избегать всяческих трений. А посему, если вы не будете отвечать на мои вопросы, я буду вынужден выдать вас и ваших спутников местной

полиции.

— И это будет означать для нас смертный приговор… И для вас тоже. Полковник, я гражданин Империи, и я требую встречи с прокуратором…

На столе зажужжал селектор, и полковник щелкнул переключателем:

— Да.

— Полковник, — произнес четкий голос, — толпа туземцев окружила форт. Кажется, они вооружены.

— Насильственные действия с их стороны имеются?

— Пока нет.

На лице полковника не отразилось никаких эмоций — с такими-то ситуациями он сталкивался не впервые.

— Артиллерию и авиацию привести в боевую готовность. Всем занять свои места. Стрелять только при самообороне. Ясно?

— Так точно. Землянин под белым флагом просит принять его.

— Ведите его сюда… и пришлите ко мне опять секретаря министра. — Полковник гневно взглянул на Арвардана. — Убедились, что вы натворили?

— Я требую присутствия при вашем разговоре

с секретарем, — закричал Аврардан, не помня себя от ярости, — и требую объяснить, почему вы часами гноите меня под замком, а сами беседуете с изменником-туземцем. Как видите, я в курсе, что вы уже говорили с ним.

— Вы меня в чем-то подозреваете, доктор? — тоже повысив голос, спросил полковник. — Тогда объяснитесь.

— Я вас ни в чем не обвиняю. Позвольте только напомнить вам, что вы несете ответственность за свои дальнейшие действия и можете войти в историю, если она будет продолжаться, как человек, из упрямства погубивший свой народ.

— Молчать! Уж перед вами, во всяком случае, я никакой ответственности не несу. И впредь буду делать только то, что сочту нужным. Вам ясно?

Глава 20
У роковой черты

Секретарь прошел в распахнутую солдатом дверь с беглой холодной улыбкой на распухших, багровых губах. Он поклонился полковнику и сделал вид, что не замечает присутствия Аврардана.

— Сударь, — сказал полковник землянину, — я сообщил верховному министру, почему вы ока-

зались здесь. Ваше пребывание здесь, разумеется, совершенно… э-э… ненормально, и я намерен освободить вас, как только смогу. Однако у меня находится господин, который, как вам должно быть известно, выдвигает против вас очень серьезное обвинение — в данных обстоятельствах мы должны его рассмотреть.

— Понимаю, полковник, — спокойно ответил секретарь. — Однако этот человек, как я уже говорил вам, пробыл на Земле всего каких-то два месяца и не может иметь никакого понятия о наших внутренних делах. Как он может строить свои обвинения на столь шаткой основе?

— Я по профессии археолог, — гневно ответил Арвардан, — и в последнее время специализируюсь по Земле. Так что кое-какое понятие имею. Во всяком случае, обвинение выдвигаю не я один.

Секретарь, ни разу не взглянув на Арвардана, обращался только к полковнику:

— Да, здесь замешан и один наш ученый, который, почти дожив до положенных шестидесяти лет, страдает манией преследования. Есть и еще один — некая личность с темным прошлым, явный идиот. Эти трое не могут выдвинуть никакого пристойного обвинения.

— Я требую, чтобы меня выслушали, — вскочил

Аравардан.

— Сядьте, — холодно и без всякого сочувствия сказал полковник. — Вы отказались обсуждать дело со мной, на этом и остановимся. Введите сюда парламентера.

Блюститель-парламентер даже бровью не повел при виде секретаря. Полковник встал.

— Вы пришли от имени тех, кто собрался снаружи?

— Да, полковник.

— Надо полагать, это сборище требует возвращения вашего соотечественника?

— Да. Он должен быть немедленно освобожден.

— Вот как? Позвольте вам заметить, что в интересах закона и порядка я, как представитель его императорского величества на этой планете, ничего не могу обсуждать в присутствии вооруженных толп. Прикажите вашим людям разойтись.

— Полковник совершенно прав, брат Кори, — сладким голосом ввернул секретарь. — Пожалуйста, успокойте людей. Я здесь в полной безопасности, и ничто не угрожает ни мне, ни кому бы то ни было. Понимаете? Кому бы то ни было. Я говорю вам это как блюститель.

— Прекрасно, брат. Я благодарен за то, что у вас все благополучно.

Парламентера вывели.

— Мы проследим, чтобы вы вышли отсюда в полной сохранности, как только обстановка в городе нормализуется. Спасибо за помощь в переговорах, — сказал полковник секретарю.

— Я запрещаю, — снова вскричал Аврадан. — Вы отпускаете этого истребителя человечества, а мне отказываете в беседе с прокуратором, хотя я имею на это право как гражданин Галактики. — И добавил в приступе отчаяния: — Значит, вы больше считаетесь с презренным землянином, чем со мной?

— Полковник, — перекрыв крик Аврадана, сказал секретарь, — я охотно останусь здесь до тех пор, пока мое дело не будет рассмотрено прокуратором, раз уж этот человек так настаивает. Обвинение в измене — это не шутка, и даже малейшее подозрение, коснувшееся меня, может помешать мне служить моему народу. Буду счастлив, пользуясь случаем, доказать прокуратору, что нет более преданного Империи человека, чем я.

— Ценю ваши чувства, сударь, — церемонно произнес полковник, — и признаюсь, что на ва-

шем месте поступил бы по-другому. Вы делаете честь своей расе. Попробую связаться с прокуратором.

Умолкнувшего Арвардана отвели обратно в камеру.

Он сидел молча, прикусив костяшки пальцев и не глядя в глаза остальным.

— Ну что? — спросил наконец Шект.

— Я только все испортил, — потряс головой Арвардан.

— Почему?

— Вышел из себя, оскорбил полковника — на этом все и кончилось. Я не дипломат, Шект. И к тому же, — вскричал он в порыве самооправдания, — Балкис уже говорил с полковником, и теперь полковнику нельзя доверять. Может, Балкис предложит ему жизнь? Может, полковник был в заговоре с самого начала? Я знаю, это дикая мысль, но я не мог рисковать — слишком подозрительно. Я хотел говорить с самим Энниусом.

Физик встал, заложив руки за спину.

— Так что же, Энниус прибудет сюда?

— Наверное, да. Причем по требованию Балкиса — вот этого я не понимаю.

— По требованию Балкиса? Значит, Шварц прав.

— А что говорит Шварц?

Шварц, сидевший на своей койке, развел руками.

— Я поймал Образ секретаря, когда его только что провели мимо нашей комнаты. Он действительно долго беседовал с тем офицером.

— Я знаю.

— Но в Образе офицера нет измены.

— Значит, я неправильно угадал, — опечалился Арвардан. — Придется выкручиваться перед Энниусом. А что на уме у Балкиса?

— Ни страха, ни тревоги — одна только ненависть. Теперь в основном к нам — за то, что мы захватили его и привезли сюда. Мы страшно ранили его гордость, и он намерен с нами расквитаться. Я уловил, о чем он мечтает. Хочет выйти один против всей Галактики и не дать ей остановить его, несмотря на все наши обвинения. Он дает нам шанс, позволяет разыграть все наши козыри, чтобы потом сокрушить нас и восторжествовать.

— Как?! Он рискует своими планами, своими мечтами об Империи только ради того, чтобы утереть нам нос? Это же безумие.

— Знаю. Так он и есть сумасшедший.

— И он думает, что возьмет верх?

— Да, думает.

— Тогда нам без вас не обойтись, Шварц, Вот слушайте…

— Нет, Арвардан, не пойдет, — вмешался Шект. — После вашего ухода я разбудил Шварца, и мы все обсудили. Он нечетко представляет себе, на что он способен, и не слишком хорошо владеет своим даром. Он может заставить человека замереть, может парализовать человека, даже убить. Более того, он умеет управлять крупными двигательными мышцами против воли человека, но на этом и все. Помните, он не сумел заставить секретаря говорить — мышцы, управляющие голосовыми связками, ему не подчинились. Он не смог координировать движения Балкиса так, чтобы тот вел машину, и даже равновесие при ходьбе Балкис сохранял с трудом. Так что нам не удастся, например, заставить Энниуса отдать приказ или написать его на бумаге. Видите, я тоже думал об этом…

Арвардан приуныл.

— А где Пола? — вдруг обеспокоился он.

— Спит вон там, в нише.

Как желал бы Арвардан разбудить ее!.. Как желал бы!.. Чего бы только он не пожалел! Он посмотрел на часы — почти полночь. У них оста-

лось всего тридцать часов.

Арвардан долго спал, потом потянулся длинный день. Никто не приходил к ним, и в душу закрадывались тоска и уныние. Он посмотрел на часы — почти полночь. У них осталось лишь шесть часов.

Арвардан обвел комнату мутным, безнадежным взглядом. Наконец-то все в сборе — даже прокуратор здесь.

Энниусу позвонили из чикского гарнизона часов восемнадцать назад, и он в спешке отправился в путь через всю планету, подгоняемый неясными, но оттого не менее сильными мотивами. В сущности, говорил он себе, дело только в досадном похищении зеленого, одного из идолов замороченной, суеверной Земли. Да еще эти дикие, ничем не подтвержденные обвинения. Ничего такого, с чем не мог бы справиться командир гарнизона.

Но в деле был замешан Шект, причем в качестве обвинителя, а не обвиняемого. Это смущало.

Пола сидела тихо, держа Арвардана за руку теплыми пальчиками, и ее испуганный, измученный вид заставлял его злиться на всю Галактику больше, чем все остальное.

Они заслужили свою участь — глупцы… глуп-

цы…

Шекта и Шварца, сидевших слева, ему почти не было видно. Был тут и Балкис, проклятый Балкис. Губы все еще опухшие, на щеке синяк — ему, наверное, чертовски больно говорить. Губы Арвардана сами собой сложились в злорадную улыбку, кулаки сжались, и даже перевязанная щека стала меньше болеть.

Нерешительный Энниус сидел хмурый, немного смешной в своем тяжелом, бесформенном свинцовом костюме.

Еще один глупец. Арвардана затрясло от ненависти к галактическим приспособленцам: ничего им не надо, лишь бы их не трогали, не нарушали их покоя. Где герои-завоеватели былых времен? Где они?

Осталось шесть часов.

Прокуратор в задумчивости сидел лицом ко всем остальным, полностью сознавая, что его решение может развязать бунт, подорвать его положение при дворе, уничтожить его надежды на выдвижение. Насколько серьезно следует воспринять длинную речь Арвардана о вирусах и эпидемии? Если он, прокуратор, начнет действовать только на основе слов археолога, как он объяснит это потом вышестоящим лицам?

Однако Арвардан — выдающийся ученый.

И прокуратор, временно отложив решение, обратился к секретарю:

— Вам, разумеется, тоже есть что сказать по этому поводу?

— Как ни странно, очень мало, — непринужденно сказал секретарь. — Я хотел бы спросить, какими доказательствами располагают мои обвинители?

— Ваше Превосходительство, — теряя терпение, сказал Арвардан, — я уже говорил вам, что этот человек сам во всем признался позавчера, когда мы были в тюрьме.

— Вы вольны верить или не верить, Ваше Превосходительство, но это опять-таки голословное утверждение. Факты, которые могут подтвердить свидетели, говорят о том, что захвачен силой был я, а не они, что опасности подвергалась моя жизнь, а не их. Я хотел бы спросить своего обвинителя, каким образом он сумел раскрыть все это за девять недель своего пребывания на Земле, в то время как вы, прокуратор, занимающий свой пост уже несколько лет, ничего подобного не обнаружили?

— То, что говорит брат-блюститель, имеет смысл, — сурово произнес Энниус. — Откуда вы

можете знать?

— Еще до того как обвиняемый признался, мне рассказал о заговоре доктор Шект, — сухо ответил Арвардан.

— Это так, доктор Шект?

— Да, Ваше Превосходительство.

— Откуда узнали вы?

— Доктор Арвардан исключительно точно и правильно рассказал вам о том, как использовался синапсатор, и о предсмертных показаниях бактериолога Ф. Смитко. Смитко состоял в заговоре. Я записал его слова, и запись можно прослушать.

— Но, доктор Шект, предсмертные слова человека в бреду, если рассказ доктора Арвардана верен, не могут иметь большого веса. Больше вы ничем не располагаете?

— Здесь что, судебный процесс? — взревел Арвардан, ударив кулаком по ручке кресла. — Кто-то нарушил правила движения? Тут некогда анализировать, насколько вески улики, и мерить их микрометром. Говорю вам — у нас времени только до шести утра, то есть пять с половиной часов. Только за эти часы мы можем покончить с нависшей над нами чудовищной угрозой. Вы ведь знали доктора Шекта и раньше, Ваше Пре-

восходительство. Неужели вы считаете, что он лжет?

— Никто не обвиняет доктора Шекта в заведомой лжи, Ваше Превосходительство, — вмешался секретарь. — Просто наш славный доктор уже пожилой человек, и в последнее время его очень волнует приближение шестидесятой годовщины. Боюсь, что возраст в сочетании со страхом вызвали у него легкую паранойю, что нередко случается у нас на Земле… Посмотрите на него! Как вам кажется, он нормален?

Нет, доктор никому бы не показался нормальным. Слишком он был напряжен, слишком потрясло его случившееся и слишком страшило будущее. Однако он сделал над собой усилие, чтобы говорить разумно и даже спокойно:

— Могу на это сказать, что два последних месяца нахожусь под неусыпным наблюдением блюстителей; что все письма, адресованные мне, вскрываются, а мои ответы подвергаются цензуре. Все мои жалобы, очевидно, припишут паранойе. Но здесь со мной Джозеф Шварц, который добровольно вызвался подвергнуться синапсированию в тот самый день, когда вы посетили мой институт.

— Да, помню. — Энниус испытал легкое облегче-

ние от смены разговора, хотя бы и временно. — И это тот самый человек?

— Да.

— Эксперимент, на мой взгляд, не причинил ему никакого вреда.

— Напротив, синапсирование имело потрясающий успех. Ведь Шварц от природы обладал фотографической памятью, о чем я не знал, приступая к операции. Во всяком случае, теперь он умеет ощущать чужие мысли.

— Как? Он читает мысли? — в полнейшем изумлении подался вперед Энниус.

— И может это продемонстрировать, Ваше Превосходительство. Но думаю, брат-блюститель подтвердит.

Секретарь бросил на Шварца быстрый, как молния, ненавидящий взгляд и с почти неуловимой дрожью в голосе сказал:

— Истинная правда, Ваше Превосходительство. Этот человек обладает способностью к гипнозу — синапсирование тут причиной или нет, сказать не берусь. Должен добавить, что сведения об эксперименте над ним отсутствуют, и это, согласитесь, крайне подозрительно.

— Вести какие-либо записи было мне запрещено верховным министром, — спокойно заметил

Шект.

Секретарь на это только пожал плечами.

— Ближе к делу, — потребовал Энниус. — Оставьте вашу перебранку. При чем здесь Шварц? Какое отношение ко всей истории имеет его ясновидение, или способность гипнотизировать, или что там еще?

— Шект хочет сказать, что Шварц читает мои мысли, — сказал Балкис.

— Вот как? О чем же он думает? — спросил прокуратор, впервые обращаясь к Шварцу.

— Он думает, что нам не удастся убедить вас в своей правоте.

— Совершенно верно, — усмехнулся секретарь, — и для этого не обязательно быть ясновидящим.

— А еще он думает, — продолжал Шварц, — что вы жалкий болван, что вы боитесь действовать, боитесь нарушить мир, надеетесь победить землян своим беспристрастием и справедливостью. Ну и дурак, думает он, надейся себе.

— Отрицаю, — покраснел секретарь. — Это неприкрытая попытка настроить вас против меня.

— Меня не так легко настроить, — возразил Энниус. — Ну а я о чем думаю?

— Вы думаете, что, если я и вправду могу видеть, что у человека в черепе, необязательно говорить вслух обо всем, что видишь.

— Верно, совершенно верно! — вскинул брови прокуратор. — Вы подтверждаете показания доктора Арвардана и доктора Шекта?

— Подтверждаю каждое слово!

— Но нам нужен еще один человек с вашими способностями, не замешанный при этом в деле, иначе суд не будет учитывать ваших показаний, даже если все поверят, что вы телепат.

— Да при чем тут суд! — вскрикнул Арвардан. — Решается судьба Галактики!

— Ваше Превосходительство, — привстал секретарь, — я хотел бы потребовать, чтобы Джозефа Шварца удалили из комнаты.

— Почему?

— Этот человек обладает не только гипнотическими способностями, но и даром внушения. Меня схватили, пользуясь параличом, который вызвал у меня Шварц. Я боюсь, как бы он снова не предпринял нечто подобное против меня или даже вас, Ваше Превосходительство, потому и прошу его удалить.

Арвардан поднялся с кресла, но секретарь успел прокричать:

— Разбор дела не может вестись беспристрастно, если один из присутствующих способен влиять на судью, используя для этого свой признанный дар внушения.

Это убедило Энниуса. Вошел часовой, и Джозефа Шварца вывели. Он удалился, не оказав никакого сопротивления, безо всякого выражения на лунообразном лице.

Арвардана это окончательно добило.

Поднялся секретарь — приземистый и мрачный в своем зеленом наряде, безгранично уверенный в себе.

— Итак, Ваше Превосходительство, все утверждения доктора Арвардана основаны на показаниях доктора Шекта. Показания доктора Шекта, в свою очередь, основаны на предсмертных словах некого ученого, сказанных тем в бреду. И все это, Ваше Превосходительство, все это почему-то явилось на свет лишь тогда, когда был синапсирован Джозеф Шварц. Кто же такой Джозеф Шварц? Пока он не появился на сцене, доктор Шект был нормальным человеком, не преследуемым навязчивой идеей. Вы сами видели его в тот день, когда явился Шварц. Разве он проявлял тогда признаки психического расстройства? Разве говорил он вам об изменническом заговоре? Или о

бредовых речах биохимика? Разве был он тогда обеспокоен? Подозревал что-то? Сейчас он говорит, будто это верховный министр распорядился фальсифицировать результаты опытов и не записывать имен испытуемых. А тогда… сказал он об этом хоть слово? Или заговорил так только после эксперимента над Шварцем? Я снова спрашиваю: кто такой Джозеф Шварц? Впервые появившись здесь, он говорил на неизвестном языке. Мы выявили это позже, когда начали сомневаться в здравом рассудке доктора Шекта. Привез Шварца фермер, который ничего о нем не знал, как и до сих пор никто не знает. Однако этот человек обладает необыкновенной силой. Он может парализовать кого угодно на расстоянии сотни ярдов, а на более близком расстоянии — убить. Он подчинил меня своей воле и манипулировал моими конечностями, а при желании он мог бы манипулировать и моим мозгом. В том, что он манипулирует умами этих троих, я не сомневаюсь. Они говорят, что я их схватил, что я угрожал им смертью, что я сознался в измене, что я злоумышляю против Империи… Однако задайте им вопрос, Ваше Превосходительство. Разве они не находились все это время под влиянием Шварца — человека, способного управлять чужими ума-

ми? Может быть, это Шварц предатель? А если нет, то кто он такой?

Секретарь сел на место, спокойный, почти благодушный.

Арвардан чувствовал себя так, будто его мозг поместили в центрифугу и крутят все быстрей и быстрей.

Что возразить на это? Что Шварц — человек из прошлого? А чем это доказать? Тем, что Шварц говорит на языке, давно уже мертвом? Но за это может поручиться только он, Арвардан, мозгом которого якобы манипулируют. Кто знает, может, и вправду манипулируют? В самом деле, кто такой Шварц? И почему он, Арвардан, так сразу и уверовал в план завоевания Галактики?

Вот-вот. Почему он так убежден, что заговор существует на самом деле? Он, археолог, привыкший подвергать все сомнению? Потому что так сказал один человек? Потому что его поцеловала одна девушка? Или потому что Джозеф Шварц…

Арвардан окончательно запутался.

— Итак? — неторопливо спрашивал Энниус. — Имеете сказать еще что-нибудь, доктор Шект? Вы, доктор Арвардан?

Тишину вдруг нарушил голос Полы.

— Зачем вы их спрашиваете? Разве вы не ви-

дите, что все это ложь? Не понимаете, что он оклеветал нас всех своим лживым языком? Теперь мы все умрем — я уже с этим смирилась, а ведь мы могли бы предотвратить беду… могли бы… А вместо этого сидим и говорим, говорим…

И Пола бурно разрыдалась.

— Только истеричных девиц нам здесь не хватало, — сказал Балкис. — Ваше Превосходительство, предлагаю следующее. Мои обвинители утверждают, что запуск ракет с пресловутым вирусом назначен на определенное время, кажется, на шесть утра. Я готов остаться под вашей опекой на неделю. Если они говорят правду, вести об эпидемии в Галактике за это время дойдут до Земли. Имперские войска будут еще полностью сохранять контроль над планетой…

— Неплохой обмен: Земля на всю обитаемую Галактику, — промолвил бледный, как мел, Шект.

— Я ценю свою жизнь и жизнь своего народа. И предлагаю Землю в заложницы нашей невиновности. Готов сообщить Обществу Блюстителей, что останусь здесь на неделю по собственной воле, чтобы пресечь возможные беспорядки.

И секретарь умолк, скрестив руки на груди. Хмурый Энниус поднял глаза и объявил:

— Я не могу считать этого человека виновным.

Этого Аврадан уже не вынес. В тихом бешенстве он встал и пошел к прокуратору. Неизвестно, что было у него на уме. Впоследствии он и сам не мог вспомнить. Об этом так никто и не узнал. У Энниуса был нейрокнут, и он им воспользовался.

В третий раз за пребывание Аврадана на Земле все вокруг полыхнуло болью, закружилось и исчезло.

Пока Аврадан лежал без сознания, время подошло к роковой черте — к шести часам утра…

Глава 21
За роковой чертой

…И миновало ее.

Свет.

Мутный свет и хаотические тени — они движутся, постепенно обретая четкость. Чье-то лицо… Глаза…

— Пола! — в глазах Аврадана мгновенно прояснилось. — Который час? — Он вцепился ей в руку так, что она невольно поморщилась.

— Больше семи, — прошептала она. — Роковой час прошел.

Аврадан дико обвел глазами комнату, приподд-

нявшись на локте, хотя все суставы жгло огнем. Длинный Шект, скрючившийся на стуле, скорбно кивнул ему.

— Все кончено, Арвардан.

— Значит, Энниус…

— Энниус не стал рисковать. Странно, правда? — Шект рассмеялся безумным, скрипучим смехом. — Мы втроем раскрываем страшный заговор против человечества, захватываем главаря и отдаем его в руки правосудия. Прямо видеороман, где герои одерживают победу в последний момент. На этом фильм обычно кончается. А в нашем случае он продолжается, причем героям, оказывается, никто не поверил. В фильмах такого не бывает, правда? Там все кончается хорошо, да? Смешно…

Речь Шекта прервали тяжелые, сухие рыдания.

Арвардан с тоской отвел взгляд. Глаза Полы были как две вселенные, наполненные слезами, и Арвардан на миг затерялся в них — это и вправду были вселенные, полные звезд, и к этим звездам стремительно приближались стальные цилиндрики, пожирая световые годы на своих выверенных орбитах через гиперпространство. Скоро они долетят — если они еще не долетели, — войдут в атмосферу планет, раскроются и

прольют свой смертоносный вирусный дождь.

Да, всему конец.

Уже не остановишь.

— Где Шварц? — с трудом выговорил он.

— Он так и не вернулся, — ответила Пола.

Дверь раскрылась. Аравардан не настолько еще примирился со смертью, чтобы с проблеском надежды не взглянуть туда.

Но это был Энниус, и Аравардан отвернулся от него с застывшим лицом.

Энниус посмотрел на отца с дочерью. Но они и сейчас продолжали помнить, что они земляне, и ничего не могли сказать прокуратору, хотя и знали: каким бы коротким и мучительным ни было их будущее, жизнь прокуратора будет еще короче и еще мучительнее. Энниус потряс за плечо Аравардана.

— Доктор Аравардан?

— Ваше Превосходительство? — с горечью передразнил его Аравардан.

— Шесть часов уже позади.

Энниус провел бессонную ночь. Официально оправдав Балкиса, он все же не испытывал абсолютной уверенности в том, что обвинители были не в своем уме или действовали под гипнозом, и следил, как бездушный хронометр отщелкивает,

возможно, последние минуты жизни Галактики.

— Да, — сказал Арвардан. — Шесть часов уже позади, а звезды еще светят.

— Так вы продолжаете настаивать на своей правоте?

— Ваше Превосходительство, через несколько часов умрут первые жертвы. Этого никто не заметит — люди умирают каждый день. Через неделю умрут сотни и тысячи. Число выздоровевших будет близко к нулю. Никакие средства не помогут. Несколько планет подадут сигналы бедствия, прося о помощи. Через две недели о помощи начнут взывать десятки планет, и в ближайших секторах объявят чрезвычайное положение. Через месяц эпидемия охватит всю Галактику. Через два — в ней не останется и двадцати незараженных планет. Через шесть — Галактика погибнет. И что будет с вами, когда вы получите первые сообщения? Если хотите, предскажу и это. Вы начнете рассылать депеши, оповещая всех, что виновница эпидемии — Земля, но никого этим не спасете. Вы объявите войну Обществу Блюстителей, но никого этим не спасете. Вы сотрете землян с лица планеты, но никого этим не спасете… А может быть и так, что вы станете посредником между вашим другом Балкисом и Галактическим

советом — если совет еще будет существовать. Тогда вам достанется честь вручить Балкису жалкие остатки Империи в обмен на антитоксин, который могут вовремя доставить в тот или иной мир, а могут и не доставить.

— Вы не находите, что это просто мелодрама? — скептически улыбнулся Энниус.

— Ну разумеется. Я мертвец, а вы труп, но будем сохранять имперское хладнокровие, не так ли?

— Если вы обиделись за нейрокнут…

— Что вы, что вы. Я к нему уже привык. Почти не чувствую.

— Тогда будем рассуждать логически. Дело это скверное, и убедительный отчет о нем составить будет трудно, но и замалчивать его нельзя. Все обвинители, кроме вас, земляне, и только ваш голос имеет вес. Вы согласитесь подписаться, что выдвинули это обвинение, будучи не совсем… ну, мы придумаем что-нибудь, не упоминая о внушении.

— Чего проще. Пишите, что я был не в своем уме, или пьян, или накачан наркотиками, или под гипнозом. Любое сойдет.

— Образумьтесь же. Говорю вам, вас одурманили, — зашептал прокуратор. — Вы ведь родом с Сириуса. Как же иначе могли бы вы влюбиться

в землянку?

— Что?

— Не кричите. Разве в нормальном состоянии вы связались бы с туземкой? Разве польстились бы на такое? — И прокуратор чуть заметно мотнул головой в сторону Полы.

Аравдан какой-то миг удивленно смотрел на него, потом выбросил руку и схватил имперского вельможу за горло. Энниус тщетно пытался оторвать от себя его мощные пальцы.

— На такое? Это вы о госпоже Шект? В таком случае я требую должного уважения. А, ладно, убирайтесь. Вы и так уже мертвец.

— Доктор Аравдан, считайте, что вы под ар… — задыхаясь, начал прокуратор, но тут открылась дверь, и вошел полковник.

— Ваше Превосходительство, мятежники снова осаждают форт.

— Что? Разве Балкис не говорил со своими? Он же хотел предупредить их, что остается тут на неделю.

— Говорил… и остался. Но и толпа налицо. Мы готовы стрелять, и я бы как военный советовал незамедлительно приступить к этому. Ваши предложения, милорд?

— Подождите стрелять, пока я не поговорю с

Балкисом. Пришлите его сюда. Доктор Арвардан, вами я займусь позже.

Балкис явился с улыбкой на лице и поклонился Энниусу по всем правилам этикета. Тот едва кивнул ему в ответ.

— Послушайте, мне доложили, что ваши люди идут на форт Диббурн. Мы так не договаривались. Мы не хотим кровопролития, но наше терпение имеет предел. Можете вы заставить их мирно разойтись?

— Если захочу. Ваше Превосходительство.

— Если захотите? Тогда захотите и поскорей.

— Ну уж нет, Ваше Превосходительство! — с дикой насмешкой, которая наконец-то вырвалась наружу, взвинтился секретарь. — Глупец! Ты слишком долго тянул и поэтому умрешь. Или живи рабом, но помни — это будет нелегкая жизнь.

Энниус не дрогнул. Даже в этот миг, получив самый сокрушительный удар за всю свою карьеру, имперский дипломат сохранил свою выдержку. Только серая бледность легла на лицо и как будто глубже запали глаза.

— Значит, я напрасно осторожничал? Вся эта история с вирусом — правда? — довольно безразлично поинтересовался он. — Однако вся Земля и вы вместе с ней у меня в руках.

— Ничего подобного. Это вы у меня в руках — вы и ваши люди. Вирус, который сейчас распространяется по всей Вселенной, не минует и Землю. Он уже введен в атмосферу всех имперских гарнизонов Земли, в том числе и на Эвересте. У нас, землян, иммунитет! А как чувствуете себя вы, прокуратор? Слабость? Сухость в горле? Жар? Ничего, страдать придется недолго. Антитоксин же вы можете получить только от нас.

Энниус долго молчал, и его худое лицо приобрело неожиданно надменное выражение.

— Доктор Арвардан, — холодно, с интонациями воспитанного человека заговорил он, — кажется, я должен извиниться за то, что усомнился в ваших словах. Доктор Шект, госпожа Шект, примите мои извинения.

— Спасибо, — оскалился Арвардан. — Много нам проку от ваших извинений.

— Я заслужил ваш сарказм. С вашего позволения, я вернусь на Эверест, чтобы умереть вместе со своей семьей. Ни о каком компромиссе с этим… человеком, разумеется, не может быть и речи. Прокураторские солдаты, я уверен, успеют отплатить за свою смерть, и немало землян отправится освещать нам дорогу на тот свет. До свидания.

— Подождите, подождите. Не уходите. Энниус

медленно обернулся на этот новый голос. Медленно-медленно, чуть пошатываясь от усталости, через порог переступил хмурый Джозеф Шварц.

Секретарь отскочил и с внезапным подозрением уставился на человека из прошлого.

— Ну нет, — проскрежетал он, — секрет антитоксина ты от меня не получишь. Его знают всего несколько человек, и только они умеют правильно им пользоваться. Тебе их сейчас не достать, а тем временем вирус сделает свое дело.

— Не достать, — согласился Шварц, — но вирус не успеет сделать свое дело. Потому что никакого вируса нет.

Никто не понял, о чем он говорит. Арвардану пришла в голову ошеломляющая мысль. А вдруг он действительно был одурманен? Вдруг это какой-то гигантский розыгрыш, в который был втянут не только он, Арвардан, но и секретарь? Только кому это было нужно?

— Говорите скорее, — приказал Энниус. — Что вы имеете в виду?

— Очень просто. Прошлой ночью я понял, что если буду сидеть тут и слушать вас, то ничего не выйдет. Тогда я стал потихоньку внушать секретарю то, что мне было нужно… осторожно, чтобы он этого не обнаружил. Наконец он по-

просил, чтобы меня вывели из комнаты. Я того и добивался, дальше все было легко. Я вывел из строя конвоира и пошел на аэродром. В форте была объявлена суточная боевая готовность, и все самолеты стояли заправленные горючим и боезапасом. Пилоты ждали рядом с машинами. Я взял одного, и мы с ним полетели в Сенлу.

Секретарь хотел что-то сказать, но только беззвучно двигал челюстями. Заговорил Шект:

— Но как же вы сумели заставить пилота вести самолет, Шварц? Балкиса вы с трудом заставляли идти.

— Да, потому что делал это против воли Балкиса. Но по настроению доктора Арвардана я знал, как сириане ненавидят землян, поэтому искал пилота из сектора Сириуса. И нашел — лейтенанта Клауди.

— Лейтенанта Клауди? — вскричал Арвардан.

— Да. Вы его знаете? Впрочем, что же я спрашиваю. И так ясно.

— Еще бы. Продолжайте, Шварц.

— Этот офицер ненавидел землян так, что даже мне было трудно понять почему, а я ведь был внутри его мозга. Ему хотелось бомбить. Хотелось уничтожить их. Его сдерживала только дисциплина, не то он уже поднял бы свой самолет в

воздух. Так это же совсем другое дело! Немножко внушения, маленький толчок — и дисциплина перестала сдерживать лейтенанта. По-моему, он даже не понял, что я сижу рядом с ним в самолете.

— Но как вы нашли Сенлу? — прошептал Шект.

— В мое время был такой город Сент-Луис, который стоял у слияния двух больших рек. Мы нашли Сенлу. Была ночь, но он выделялся темным пятном в море радиации, а доктор Шект говорил, что собор находится в оазисе посреди радиоактивных зон. Мы сбросили световую ракету — я, во всяком случае, так распорядился — и увидели под собой здание с пятью башнями. Оно совпадало с картиной, которую я видел в уме у секретаря… Теперь на том месте дыра глубиной в сотню футов. Это произошло в три часа утра. Никакого вируса — Вселенная спасена.

У секретаря вырвался звериный вой — такой звук мог издать разве что демон. Он подобрался, как для прыжка, и упал. С его нижней губы медленно стекала струйка слюны.

— Я его и пальцем не тронул, — мягко сказал Шварц. И задумчиво продолжал: — Я вернулся еще до шести, но знал, что нужно подождать,

пока не пройдет установленный срок. Балкис неминуемо выдал бы себя. Я знал из его мыслей, что он сделает это, и ждал, чтобы он сам осудил себя. И вот он лежит.

Глава 22
Лучшие годы еще впереди

Тридцать дней прошло с тех пор, как Джозеф Шварц взлетел с военного аэродрома в ночь, назначенную для уничтожения Галактики, а за спиной у него бешено выли сирены, и эфир трещал от приказов вернуться назад.

Но он не вернулся, пока не сравнял с землей собор в Сенлу.

Теперь он был официально признан героем. В кармане у него лежал орден «Звездолет и Солнце» первого класса — только двое человек в Галактике, кроме него, получили его при жизни.

Неплохо для старого портного.

Правда, никто, за исключением самых высших чинов, не знал, какой именно подвиг он совершил, но это неважно. Когда-нибудь это на вечные времена запишут в учебниках истории.

Под покровом тихой ночи Шварц шел к дому

доктора Шекта. Город был мирным, таким же мирным, как сияние звезд над ним. Кое-где на Земле еще орудовали банды фанатиков, но их лидеры были уже убиты или арестованы, а об остальном здравомыслящие земляне позаботятся сами.

Уже шли к Земле первые гигантские корабли с нормальной почвой. Энниус повторил свое предложение переселить землян на другую планету, но земляне отказались. Благотворительность им не нужна. Земляне хотят заново создать свою планету, заново построить свой отчий дом, где зародилось человечество. Хотят своими руками убрать зараженную почву и заменить ее здоровой, и увидеть зеленый покров там, где все было мертво, и заставить пустыню вновь зацвести.

Это громадный труд, на него уйдет целый век. Ну и что ж? Пусть Галактика даст машины, пусть Галактика поставляет продукты, пусть Галактика обеспечит почвой. При ее неисчислимых ресурсах это пустяк. И потом, все это будет возмещено.

Когда-нибудь земляне снова станут людьми среди людей, будут жить на такой же, как все, планете и на равных, с достоинством, смотреть в глаза всему человечеству.

Сердце Шварца билось при мысли об этом чуде,

когда он всходил на парадное крыльцо Шекта. На будущей неделе он улетает с Арварданом в великие центральные миры Галактики. Кто из его сверстников мог вот так улететь с Земли?

И он подумал о старой Земле, своей Земле, которой давно уже нет… Нет уже давно.

А ведь прошло всего каких-то три с половиной месяца.

Шварц помедлил перед тем как позвонить, прислушиваясь, о чем говорят в доме. Теперь чужие мысли звучали в нем как колокольчики. Вот Арвардан — у него мыслей всегда больше, чем могут выразить слова.

— Пола, я ждал и думал, много думал и долго ждал. Больше не стану. Ты летишь со мной.

А вот Пола, которая хочет этого не меньше Арвардана, но говорит совсем другое:

— Не могу, Бел. Это невозможно. Мои неловкие манеры и поведение… Я буду просто глупо выглядеть в тех больших мирах. И я всего лишь зем…

— Не говори так. Ты моя жена, вот и все. Если спросят, кто ты и откуда — ты уроженка Земли и гражданка Империи. А если будут и дальше любопытствовать, то ты моя жена.

— Хорошо, вот ты сделаешь доклад на Тренторе, в своем Археологическом обществе, а что потом?

— Потом? Для начала мы возьмем годовой отпуск и посмотрим все главные миры Галактики. Ни одного не пропустим, даже если придется летать на почтовых кораблях. Ты вдоволь наглядишься на Галактику и получишь лучший медовый месяц, который можно устроить на казенные деньги.

— А потом?

— А потом вернемся на Землю, запишемся в трудовой батальон и ближайшие сорок лет своей жизни будем таскать грязь, заменяя радиоактивную почву.

— Но зачем тебе это нужно?

— Затем, — Образ Арвардана перевел дух, — затем, что я тебя люблю и это нужно тебе, а еще я патриот-землянин, на что у меня имеется почетное свидетельство.

— Ну, хорошо…

На этом разговор прекратился, но Образы, разумеется, продолжили его без слов, и Шварц, полностью удовлетворенный и немножко смущенный, удалился. Он может и подождать. Успеет еще потревожить их — пусть договорятся как следует.

Он ждал на улице под холодными звездами — все они, видимые и невидимые, были частью

Галактики.

И Шварц тихо повторил — для себя, для новой Земли и для миллионов всех этих планет — старые стихи, которые знал теперь только он один из квадриллионов людей:

Пусть мы стареем, но погоди —

Лучшие годы еще впереди.

Ранние годы жизни даны лишь ради них...

Звезды как пыль

ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ

Глава 1
Спальня бормотала

Спальня негромко бормотала. Звук был еле слышен, однако таил в себе смертельную угрозу, и перепутать его нельзя было ни с чем.

Но не это разбудило Байрона Фаррила и прервало его тяжелый, мутный сон. Он беспокойно заворочался, пытаясь отогнать от себя назойливое жужжание, доносившееся со стороны стола. Потом, не открывая глаз, поднял отяжелевшую руку и нажал на кнопку.

— Алло, — промямлил он.

Из передатчика зазвучал громкий голос. Он был резким и пронзительным, но у Байрона не было сил уменьшить громкость.

— Могу я поговорить с Байроном Фаррилом?

— Я слушаю. Чего вы хотите? — сонно пробурчал Байрон.

— Могу я поговорить с Байроном Фаррилом? — настойчиво повторил голос.

Байрон открыл глаза в полной темноте. Он почувствовал неприятную сухость во рту и какой-то слабый запах, витавший в воздухе.

— Говорите. Кто это? — снова спросил Байрон.

Громкий голос продолжал звучать в ночи все более беспокойно, не реагируя на слова Байрона:

— Есть здесь кто-нибудь? Мне нужно поговорить с Байроном Фаррилом.

Байрон нажал на другую кнопку, приподнялся на локте и взглянул на засветившийся экран визиофона.

— Я здесь, — сказал он, узнав на экране гладкое, слегка асимметричное лицо Сандера Джонти. — Позвоните утром, Джонти.

Он уже нащупал рукой выключатель, когда Джонти снова произнес:

— Алло! Есть здесь кто-нибудь? Это университетское общежитие, комната пятьсот двадцать шесть?

Внезапно Байрон понял, что маленькая лампочка обратной связи не горит. Он негромко выругался и нажал на клавишу, но лампочка не загорелась. Тут Джонти сдался, и экран опустел, остался маленьким светлым прямоугольником.

Байрон выключил его, свернулся калачиком и попробовал снова зарыться в подушку. В нем закипела злость. Во-первых, какого черта его будят среди ночи. Он взглянул на светящиеся цифры настольных часов: три пятнадцать. Еще четыре

часа в доме будет темно.

Кроме того, было очень неприятно просыпаться в кромешной тьме. За четыре года он так и не свыкся с земным обычаем строить здания из усиленного бетона, приземистые, с толстыми стенами и без окон. Такова была тысячелетняя традиция, восходящая к временам, когда примитивной ядерной бомбе еще не противостояла защита из силовых полей.

Но все это осталось в далеком прошлом. Атомная война нанесла Земле непоправимый ущерб, превратив большую ее часть в безнадежно радиоактивную и бесплодную пустыню. Терять было уже нечего, однако архитектура до сих пор отражала старые страхи. Поэтому Байрон и проснулся в полной темноте.

Он снова приподнялся на локтях. Странно… Он замер, прислушиваясь. И снова не смертельное бормотание спальни привлекло его внимание, а нечто другое — может быть, даже менее явное и несомненно не столь опасное.

В затхлой атмосфере спальни не ощущалось ни малейшего движения воздуха. Байрон попытался сглотнуть слюну — и не смог. Атмосфера сгущалась с каждой секундой, и он понял почему. Вентиляция не работала. Это уже действительно

черт знает что! И он даже не может сообщить о случившемся по визиофону.

Чтобы окончательно убедиться, он попробовал включить аппарат еще раз. Вновь загорелся молочный квадрат, бросив на постель слабый жемчужный отблеск. Принимает, но не передает… Ладно, это уже неважно. Все равно до утра никто ничего исправлять не будет.

Байрон зевнул и нащупал шлепанцы, потирая кулаками опухшие веки. Значит, вентиляция не работает? Вот откуда этот странный запах. Байрон нахмурился и шумно втянул носом воздух. Бесполезно. Запах знакомый, но он его не узнавал.

Байрон направился в ванную и автоматически потянулся к выключателю, хотя свет ему был не нужен: стакан воды можно выпить и в темноте. Выключатель щелкнул, но свет не загорелся. Байрон раздраженно попробовал еще раз. Безрезультатно. Черт побери, да работает тут *хоть что-нибудь?* Пожав плечами, он выпил в темноте воды и почувствовал себя лучше. Зевнул и на обратном пути попробовал главный выключатель: не работает.

Байрон сел на постель, уперся руками в колени и задумался. Вообще-то по этому поводу стоило

закатить хороший скандал обслуживающему персоналу. Конечно, университетское общежитие — не первоклассный отель, но совесть-то надо иметь! Впрочем, теперь это уже их проблемы. Скоро выпуск, и через три дня он распрощается с этой комнатой, с университетом, да и вообще с Землей…

И все-таки нужно сообщить об этом безобразии: достаточно просто выйти в коридор и позвонить по телефону. Пусть принесут какую-нибудь лампу и вентилятор, чтобы можно было спать не задыхаясь. А нет — так пошли они все в космос! Осталось-то всего две ночи.

При свете бесполезного визиофона Байрон отыскал шорты, натянул джемпер и решил, что для ночного времени этого достаточно. Сунул ноги в шлепанцы и зашаркал к двери. Впрочем, даже если выйти в коридор в подкованных сапогах, толстые бетонные перекрытия не дадут разбудить соседей.

Байрон потянул за дверную ручку. Замок щелкнул, но не сработал. Байрон дернул за ручку изо всех сил, но ничего не изменилось.

Он отступил назад. Это уже просто смешно. Может, какая-то авария с энергией? Хотя нет… Часы идут, и визиофон принимает сигналы…

Постой-ка! Должно быть, все это дело рук приятелей-сокурсников, пропади они пропадом со своими дурацкими шуточками! Такое порой случалось. Ребячество, конечно, но он и сам иногда принимал участие в таких забавах. Один из шалопаев запросто мог днем проникнуть в комнату и все подстроить.

Хотя — нет, когда он засыпал, вентиляция и свет были в порядке.

Что ж, значит, они проделали все это ночью. Общежитие старое, и не надо быть гением, чтобы вывести из строя систему вентиляции и освещения или заклинить дверной замок. А теперь они ждут, что произойдет, когда старина Байрон начнет ломиться в закрытую дверь. Небось выпустят его не раньше полудня и будут покатываться со смеху.

— Ха-ха, — мрачно сказал Байрон.

Ладно, с этим все ясно. Но что-то все-таки надо предпринять.

Повернувшись, он нечаянно задел какой-то предмет, и тот с металлическим звоном покатился по полу. Байрон с трудом проследил его путь в призрачном свете визиофона и полез под кровать, ощупывая в темноте пол. Поднял предмет и поднес его к экрану. (Не так уж они хитры, эти

шутники. Им следовало вывести из строя весь визиофон, а не только передающее устройство!)

Байрон обнаружил, что держит в руках небольшой цилиндр с маленьким отверстием наверху. Он поднес находку к носу и понюхал. По крайней мере, теперь понятно, откуда этот запах. Гипнайт. Конечно же, приятели должны были использовать его, чтобы он не проснулся, пока они «работают».

Байрон живо представил себе, как все это происходило. Итак, когда он уснул, они открыли дверь. Для них это был единственный рискованный шаг, он ведь мог и проснуться. Но, должно быть, они еще днем постарались, чтобы дверь по-настоящему не закрылась. Он же ее не проверял. Значит, они просунули сюда цилиндр с гипнайтом и снова закрыли дверь. Снотворное медленно просачивалось, пока не создалась концентрация один к десяти тысячам, достаточная, чтобы Байрон как следует вырубился. Тогда они вошли — в масках, конечно. Космос их подери! Влажный носовой платок предохраняет от действия гипнайта в течение пятнадцати минут, а больше времени им и не требовалось.

Но тогда и с вентиляцией все понятно. Ее необходимо было вывести из строя, чтобы гипнайт не

рассеялся слишком быстро. Вентиляцию отключили прежде всего. А потом испортили визиофон, чтобы Байрон не смог позвать на помощь. Испорченный замок не дает ему выйти, а темнота усиливает панику. Веселые ребятки!

Байрон фыркнул. Злиться на это всерьез просто неприлично. В конце концов, шутка есть шутка. Ему вдруг отчаянно захотелось выломать дверь и покончить со всем этим. Мускулы тренированного тела непроизвольно напряглись. Бесполезно. Дверь конструировали в расчете на атомные удары. Черт бы побрал эти традиции!

Но должен же существовать какой-то выход. Нельзя, чтобы им все так просто сошло с рук. Прежде всего, нужен свет, настоящий свет, а не тусклое свечение экрана. К счастью, это не проблема: в платяном шкафу есть фонарик.

Нащупывая замок шкафа, он подумал: а что, если закрыли и его? Но дверца легко отъехала в сторону, и Байрон облегченно вздохнул. Разумеется, у шутников не было причин закрывать шкаф, да и времени на это не оставалось…

И вот в тот самый момент, когда он поворачивался с фонариком в руке, вся нарисованная им картина рассыпалась в прах. Он затаил дыхание и застыл, прислушиваясь.

Впервые после своего пробуждения Байрон услышал негромкое бормотание спальни, услышал, как она тихонько кудахчет себе под нос — и сразу же узнал этот звук.

Его невозможно было не узнать. Это бормотала «земная смерть» — звук, придуманный тысячу лет назад.

Точнее говоря, это был звук счетчика радиации, который еле слышно щелкал, когда регистрировал пролет заряженных частиц или жестких гамма-лучей. Негромкое щелканье сливалось в бормотание. Прибор отсчитывал единственное, что он умел считать, — смерть!

Байрон на цыпочках попятился и с расстояния шести футов осветил внутренность шкафа. Счетчик лежал здесь, в углу, но само по себе это еще ни о чем не говорило.

Он лежал здесь с первого курса. Большинство первокурсников из Внешних Миров в первую же неделю после прибытия на Землю приобретают такие счетчики. Они остро ощущают радиоактивность Земли и испытывают необходимость в защите. Обычно уже на втором курсе от счетчиков избавляются, но Байрон со своим не расстался. Теперь он был рад этому обстоятельству…

Он повернулся к столу, куда клал на ночь часы,

и слегка дрожащей рукой поднес их к фонарику. В циферблат была вмонтирована контрольная полоска из гибкого пластика почти прозрачной белизны. И она была *белой.* Как он ни крутил часы, рассматривая их под разными углами, полоска оставалась *белой.*

Эту полоску тоже приобретали все первокурсники. Под воздействием жесткого излучения полоска голубела, а голубой цвет ассоциировался на Земле со смертью. Забрести случайно в радиоактивную зону было легче легкого. Конечно, правительство ограждало опасные участки, и никому даже в голову не приходило забредать в бескрайнюю смертоносную пустошь, начинавшуюся в нескольких милях за городом, но все же с полоской было спокойнее.

Если полоска становилась слегка голубоватой, необходимо было сразу ложиться в больницу на обследование. Спорить тут было не о чем. Полоска была сделана из материала, столь же чувствительного к радиации, как и человеческий организм, поэтому с помощью фотоэлектронных приборов можно было сразу определить интенсивность цвета и соответственно тяжесть облучения.

Ярко-синий цвет означал конец. Он был так

же необратим, как и происшедшие в организме изменения; он не оставлял надежды. Оставалось лишь ждать день или неделю, а больница могла помочь только подготовкой к кремации…

Но сейчас полоска была белой, и у Байрона отлегло от сердца.

Значит, доза радиации пока невелика. Может, все-таки шутка? Поразмыслив, Байрон отказался от такого предположения. Никто не станет так шутить. По крайней мере, на Земле, где незаконное хранение радиоактивных материалов считалось тягчайшим преступлением. Здесь, на Земле, к радиации относятся серьезно. С этим приходится считаться, поэтому без крайне важной причины никто не стал бы так «шутить».

Байрон спокойно и трезво взглянул в лицо реальности. Такой причиной, например, могло быть желание убить… Но почему? За что? За свои двадцать три года он не нажил ни одного серьезного врага. По крайней мере, *настолько* серьезного. Убийственно серьезного.

Байрон обхватил руками свою коротко подстриженную голову. Мысль была нелепой, но другого объяснения он не находил. Он снова осторожно приблизился к шкафу. Где-то здесь должен находиться источник радиации, что-то

такое, чего не было четыре часа назад.

Да вот же она — маленькая коробочка с ребрами не более шести дюймов! Байрон сразу понял, что это такое, и губы его задрожали. Он слыхал о таких устройствах, но сталкиваться с ними ему еще не приходилось.

Байрон взял счетчик и отнес его к кровати. Негромкие щелчки почти прекратились. Однако стоило Байрону повернуть слюдяное окошечко счетчика, через которое проникала радиация, в сторону шкафа, и щелканье возобновилось. Сомнений не оставалось: это была радиационная бомба.

Пока ее радиация не смертельна, это всего лишь запал. Где-то внутри находится маленький реактор. Неустойчивые искусственные изотопы медленно разогревают его, снабжая соответствующими частицами. Когда будет достигнут критический уровень, начнется реакция. Не взрыв — хотя тепловая волна будет достаточно сильной, чтобы расплавить коробочку, — но выброс смертоносного излучения, которое убьет все живое вокруг в радиусе от шести футов до шести миль, в зависимости от размеров бомбы.

Но когда этот критический уровень будет достигнут — определить невозможно. Может,

через несколько часов, а может, и в следующую секунду.

Байрон беспомощно стоял, сжимая в руке фонарик. Полчаса назад, когда его разбудил визиофон, все было так мирно. И вот теперь он должен умереть.

Байрон не хотел умирать, но он попал в ловушку и не представлял, как из нее выбраться.

Его комната располагалась в самом конце коридора, гранича таким образом с соседней лишь с одной стороны. Их разделяли ванные, так что сбоку его вряд ли услышат. Были комнаты наверху и внизу. Верхняя отпадала сразу.

Оставалась комната внизу.

У него было несколько складных стульев, предназначенных для гостей. Байрон взял один из них и, размахнувшись, ударил об пол. Раздался глухой стук. Байрон перевернул стул и принялся колотить спинкой — звук стал громче и резче. Он отчаянно стучал в пол, надеясь разбудить нижнего соседа и разозлить его настолько, чтобы тот пошел наверх разбираться, в чем дело.

Неожиданно он услышал слабый звук и замер с поднятым над головой разбитым стулом. Звук, похожий на слабый крик, доносился от двери.

Байрон выронил стул и тоже закричал. Потом

прижался ухом к дверной щели, но дверь была пригнана плотно, и даже здесь почти ничего не было слышно.

Однако он разобрал, что кто-то зовет его: «Фаррил! Фаррил!» И потом что-то вроде: «Вы здесь?» или «Вы живы?»

— Откройте дверь! — крикнул он и почувствовал, как весь покрывается липким потом. Бомба могла взорваться в любую минуту.

Наконец его услышали. Снаружи донесся приглушенный крик: «Осторожно, бластер!» Он понял, что это значит, и торопливо попятился от двери.

Послышался резкий треск. Байрон почувствовал, как вздрогнула комната. Потом раздался шипящий звук — и дверь распахнулась. Из коридора хлынул свет. Байрон выбежал, широко разведя руки.

— Не входите! — закричал он. — Во имя любви к Земле, не входите! Там радиационная бомба!

Перед ним стояли двое — Джонти и полуголый комендант общежития Эсбак.

— Рад-диационная бомба? — запинаясь, проговорил Эсбак.

— Какого размера? — спросил Джонти.

В руке он держал бластер, который резко дис-

гармонировал с элегантным костюмом, надетым на Джонти даже в это время ночи.

Байрон смог лишь показать руками.

— Ясно, — сказал Джонти и спокойно обратился к коменданту: — Вам лучше эвакуировать жильцов прилегающих комнат и перекрыть коридор свинцовыми щитами. И никого не пускать сюда до утра.

Потом снова повернулся к Байрону:

— Радиус действия, очевидно, от двенадцати до восемнадцати футов. Как она к вам попала?

— Не знаю, — ответил Байрон, вытирая пот со лба. — Мне нужно присесть.

Он хотел было взглянуть на часы и обнаружил, что они остались на столе в комнате. И вдруг ощутил дикое желание вернуться за ними.

В коридоре поднялась суматоха. Студентов торопливо выпроваживали из комнат.

— Идемте со мной, — сказал Джонти. — Я тоже думаю, что вам следует присесть.

— Как вы очутились здесь? — спросил Байрон. — Я, конечно, вам очень благодарен, но все же?

— Я позвонил, ответа не было, а мне нужно было повидать вас.

— Но зачем?

Байрон старался говорить спокойно, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

— Чтобы предупредить, что ваша жизнь в опасности.

Байрон криво усмехнулся:

— Да, мне тоже так показалось.

— Ну, это была лишь первая попытка. Они предпримут и вторую.

— Кто «они»?

— Не здесь, Фаррил, — ответил Джонти. — Нам нужно поговорить наедине. Вы — меченый человек, и я подвергаюсь опасности вместе с вами.

Глава 2
Сеть, протянутая через космос

Студенческая гостиная оказалась пустой и темной. Трудно было ожидать иного в полпятого утра. Но Джонти, открыв дверь, все же внимательно прислушался.

— Не надо, — негромко сказал он, — не включайте свет. Для разговора он нам не нужен.

— За сегодняшнюю ночь я по горло сыт темнотой, — проворчал Байрон.

— Оставим открытой дверь.

У Байрона не было сил спорить. Он плюхнулся

в ближайшее кресло, глядя, как сужается прямоугольник света из двери, превращаясь в тонкую линию. Теперь, когда все кончилось, его по-настоящему затрясло.

Джонти ткнул своей щегольской тросточкой в полоску света, тянувшуюся от двери.

— Следите за ней. Она подскажет нам, если кто-нибудь пройдет мимо или приоткроет дверь.

— У меня нет настроения играть в конспирацию, — сказал Байрон. — И, пожалуйста, говорите побыстрей то, что хотели сказать. Вы спасли мне жизнь, и завтра я буду благодарен вам за это, но сейчас мне больше всего на свете нужно немного выпить и как следует отоспаться.

— Могу представить ваше состояние, — согласился Джонти. — Но вы сейчас чуть было не уснули навеки. Этого удалось избежать — пока. В следующий раз вам может повезти гораздо меньше. Вы знаете, что я знаком с вашим отцом?

Вопрос был настолько неожиданным, что у Байрона изумленно вытянулось лицо.

— Отец никогда не упоминал о вас.

— Это неудивительно. Он знает меня под другим именем. Кстати, давно вы не получали известий об отце?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что он тоже в большой опасности.

— Что?

Джонти в темноте крепко сжал руку собеседника.

— Пожалуйста, говорите тише.

До Байрона вдруг дошло, что они все время говорят шепотом.

— Выскажусь более определенно, — продолжал Джонти. — Ваш отец арестован. Вы понимаете, что это значит?

— Нет, не понимаю. Кто его мог арестовать и, вообще — к чему вы клоните? Почему бы вам не оставить меня в покое?

В висках у Байрона стучало. Гипнайт и недавняя близость смерти не давали возможности уклониться от ответа на вопросы этого невозмутимого денди, сидевшего так близко, что его шепот казался криком.

— Вы, конечно, имеете представление о том, чем занимался ваш отец?

— Если вы знаете моего отца, то знаете и то, что он Ранчер Вайдемоса. Это его основное занятие.

— Конечно, у вас нет причин верить мне, — сказал Джонти. — Разве только та, что я спас вам жизнь. Но все, что вы можете мне сказать, я знаю и так. Например, я знаю, что ваш отец тайно

боролся против тиранитов.

— Это неправда! — возмутился Байрон. — Даже ваша услуга мне этой ночью не дает вам права так говорить.

— Из-за вашей дурацкой скрытности, молодой человек, мы только зря теряем время. Неужели вы не видите, что сейчас просто некогда переливать из пустого в порожнее! Говорю вам: ваш отец в тюрьме у тиранитов. Может быть, он уже мертв.

— Я вам не верю!

— И совершенно напрасно.

— Хватит, Джонти! Мне надоели все эти загадки! Я прекрасно понимаю, что вы пытаетесь…

— Что пытаюсь? — Голос Джонти слегка утратил свою светскую невозмутимость. — Что я выигрываю, говоря вам это? Могу напомнить, что сведения, которым вы не хотите верить, полностью объясняют попытку убить вас. Подумайте о случившемся, Фаррил!

— Начинайте сначала и говорите все как есть, — устало сказал Байрон. — Я слушаю.

— Это уже лучше. Вероятно, Фаррил, вы догадываетесь, что я ваш сосед из Затуманных королевств, хотя и выдавал себя за жителя Веги.

— Я догадывался, из-за акцента. Но это не так уж важно.

— Как раз наоборот, друг мой. Я прибыл сюда, потому что, подобно вашему отцу, попавшему в руки врагов, ненавижу тиранитов. Они угнетают наши народы пятьдесят лет. Это слишком долго.

— Я не интересуюсь политикой.

В голосе Джонти снова послышались нотки раздражения.

— А я не из числа агентов, пытающихся навлечь на вас неприятности. Говорю вам правду. Меня схватили год назад, как сейчас вашего отца. Но мне удалось уйти, и я прилетел на Землю, чтобы в относительной безопасности готовиться к возвращению. Это все, что я могу сказать вам о себе.

— И больше, чем я просил, сэр.

Байрон не смог скрыть неприязни к собеседнику. Претенциозные манеры Джонти действовали ему на нервы.

— Я знаю. Но мне пришлось сказать вам это, чтобы вы поняли, как я мог встретиться с вашим отцом. Он работал со мной, вернее я с ним. Естественно, в нашей совместной деятельности он выступал отнюдь не в своем официальном ранге самого знатного аристократа планеты Нефелос. Вы меня понимаете?

— Да, — сказал Байрон, кивнув во тьму.

— Не стоит углубляться в детали. У меня пре-

красные источники информации, и я знаю, что ваш отец арестован. Это абсолютно достоверно. Но даже если бы это было простое подозрение, покушения на вашу жизнь вполне достаточно, чтобы оно превратилось в уверенность.

— То есть?

— Если тираниты схватили отца, неужели они оставят в покое сына?

— Вы хотите сказать, что тираниты подложили мне в комнату радиационную бомбу? Это невозможно!

— Почему? Разве вы не понимаете, чего они добиваются? Тираниты управляют пятьюдесятью планетами. Мы в сотни раз превосходим их численностью, поэтому они не могут действовать только грубой силой. Вероломство, интриги, убийства — вот их методы. Они опутали весь космос широкой сетью с густыми ячейками. Не удивлюсь, если эта паутина дотягивается и до Земли через пространство в пятьсот световых лет.

Байрон все еще переживал свой ночной кошмар. Из коридора доносился шум передвигаемых свинцовых щитов. Должно быть, счетчик в его комнате все еще щелкает…

— Это не имеет смысла, — сказал он. — На этой

неделе я возвращаюсь на Нефелос. Они должны знать об этом. Зачем им убивать меня здесь? Подождав немного, они схватили бы меня там.

Ему отчаянно хотелось верить своей собственной логике.

Джонти наклонился ближе, и от его дыхания зашевелились волосы на виске у Байрона.

— Ваш отец популярен. Его смерть — а раз уж он попал к ним в лапы, нельзя не учитывать и такую возможность, — вызовет негодование в народе, несмотря на всю его рабскую приниженность и трусость. Вы, как новый Ранчер Вайдемоса, можете возглавить бунт, а казнить вас вслед за отцом для тиранитов слишком опасно. В их планы не входит создавать мучеников. Но если вы погибнете в далеком мире случайно, для них это будет очень удобно.

— Я вам не верю, — упрямо повторил Байрон. Это стало его единственной защитой.

Джонти встал, расправляя тонкие перчатки.

— Вы переигрываете, Фаррил. Ваша роль выглядела бы намного убедительнее, если бы вы не строили из себя святую невинность. Возможно, ваш отец и не посвящал вас во все подробности, ради вашей же безопасности, но я не верю, чтобы его убеждения совершенно не затронули

вас. Ваша ненависть к тиранитам должна быть отражением его ненависти. В вас должно жить желание бороться с ними.

Байрон пожал плечами.

— Я даже думаю, — продолжал Джонти, — что отец уже успел привлечь вас к своей деятельности, сочтя достаточно взрослым. Весьма вероятно, что вы совмещаете обучение на Земле с выполнением специального задания. Настолько важного, что тираниты готовы пойти на убийство, лишь бы не дать вам выполнить его.

— Все это похоже на дешевую мелодраму.

— Неужели? Допустим. Если правда не убеждает вас сейчас, события убедят позже. Будут и другие покушения, и одно из них окажется удачным. С этого момента, Фаррил, вы покойник!

Байрон поднял голову:

— Постойте, а какое вам до этого дело?

— Я — патриот. Я хочу увидеть королевства свободными, с добровольно избранными правительствами.

— Нет, каков ваш *личный* интерес? Не могу принять такого объяснения, потому что не верю в ваш идеализм. Простите, если вас это оскорбляет, — упрямо проговорил Байрон.

Джонти снова сел.

— Мои земли конфискованы, — сказал он. — Но еще до изгнания мне претила необходимость подчиняться приказам этих карликов. Я хочу быть человеком, каким был мой дед до прихода тиранитов. Как вы считаете, это достаточно серьезная причина для того, чтобы желать революции? Ваш отец должен был стать вождем этой революции, а вы его предаете!

— Я? Мне двадцать три года, и я ничего не знаю об этом. Вы могли бы найти более подходящего человека.

— Разумеется, мог бы. Но он не будет сыном вашего отца. Если его убьют, вы станете Ранчером Вайдемоса, а потому мне нужны именно вы, даже если бы вы оказались двенадцатилетним идиотом! Поймите же, наконец: вы нужны мне по той же причине, по которой тираниты пытаются избавиться от вас. И если мои доводы вас не убеждают, то уж их-то доводы должны были вас убедить! В вашей комнате заложена радиационная бомба. Единственная ее цель — убить вас. А кому еще нужно вас убивать?

Джонти терпеливо ждал, пока не услышал ответный шепот:

— Никому. Насколько мне известно, ни у кого нет причины меня убивать… Значит, это правда…

о моем отце?

— Правда. Считайте это военной потерей.

— Думаете, мне от этого легче? Благодарные народы воздвигнут ему памятник, да? Со светящейся надписью, видной из космоса за десятки тысяч миль? — В голосе Байрона звучала горечь. — Думаете, это меня осчастливит?

— Что вы собираетесь делать? — подождав немного, спросил Джонти.

— Отправлюсь домой.

— Вы так ничего и не поняли!

— А что вы от меня хотите? Если отец жив, я постараюсь его освободить, а если он мертв, я… я…

— Спокойно! — В голосе старшего прозвучало холодное раздражение. — Вы ведете себя как ребенок. На Нефелос вам нельзя. Разве непонятно? Я говорю с младенцем или взрослым человеком?

— Что вы от меня хотите? — пробормотал Байрон.

— Вы знаете Правителя Родии?

— Друга тиранитов? Знаю. Я знаю, кто он такой. Все жители королевств знают это. Хинрик V, Правитель Родии.

— Вы с ним не встречались?

— Нет.

— Значит, вы его не знаете. Он слабоумный,

Фаррил. В буквальном смысле слова. Но когда Ранчо Вайдемоса будет конфисковано тиранитами — а так оно и будет, без сомнения, — его получит в награду Хинрик. Тогда тираниты успокоятся, решив, что никакие восстания им больше не угрожают. К нему-то вы и отправитесь.

— Зачем?

— Хинрик — всего лишь марионетка, но он пользуется у тиранитов определенным доверием. Он может добиться восстановления в правах.

— С какой стати? Скорее, он выдаст меня.

— Не исключено. Но вы будете начеку и постараетесь этого не допустить. Помните: ваш титул важен и почетен, но он не сможет служить вам защитой. Ваше имя привлекает на вашу сторону людей, но вам понадобятся деньги, чтобы удержать их.

Байрон задумался.

— Мне нужно время, чтобы принять решение.

— У вас его нет. Ваше время кончилось в тот момент, когда к вам в комнату подложили радиационную бомбу. Пора действовать. Я могу дать вам рекомендательное письмо к Хинрику Родийскому.

— Значит, вы хорошо его знаете?

— А вы никак не можете отделаться от подозре-

ний на мой счет? Просто я однажды возглавлял миссию Автарха Лингейна при дворе Хинрика. Этот полудурок наверняка не сможет вспомнить меня, но сделает вид, что помнит все отлично. Впрочем, письмо только представит вас, а дальше будете импровизировать. Письмо будет готово к утру. В полдень на Родию улетает корабль. Билет для вас уже взят. Я тоже улетаю, но другим рейсом. Не медлите. Вы ведь закончили здесь все дела.

— Осталось получить диплом.

— Этот клочок пергамента? Он вам так необходим?

— Уже нет.

— А деньги у вас есть?

— Немного.

— Хорошо. Много денег — это тоже подозрительно. — Джонти помолчал, затем резко окликнул собеседника: — Фаррил!

— Что? — очнулся от оцепенения Байрон.

— Возвращайтесь к остальным. Никому не говорите, что вы улетаете. Пусть ваши действия говорят сами за себя.

Байрон тупо кивнул. Где-то в глубине сознания возникла мысль, что он не выполнил задания и тем самым подвел отца. Его переполняла бессиль-

ная горечь. Им давно следовало рассказать ему обо всем. Он мог бы разделить с отцом опасность. Он не должен был жить в неведении.

Теперь, когда он знал правду или по крайней мере часть ее, касавшуюся отца, тем важнее отыскать документ, запрятанный где-то в земных архивах. Но на это тоже нет времени. Нет времени на поиски документа, нет времени для спасения отца. А может быть, не осталось времени и для жизни…

— Я сделаю все, как вы сказали, Джонти, — тихо промолвил он.

Сандер Джонти, задержавшись на ступенях, с явным неодобрением окинул взглядом университетский городок.

Выйдя на кирпичную дорожку, которая причудливо вилась в псевдодеревенской атмосфере, усвоенной всеми университетскими поселениями со времен античности, он увидел впереди огни единственной большой улицы города. А за ней, незаметная днем, но отчетливо различимая в ночи, сияла вечная радиоактивная голубизна горизонта — немой свидетель доисторических войн.

Джонти поднял глаза к небу. Вот уже более пятидесяти лет прошло с тех пор, как тираниты

одним ударом положили конец существованию двух дюжин постоянно враждовавших между собой политических объединений, расположенных далеко за туманностью. Теперь там царит мир — ценой удушения свободы.

Буря застала их врасплох, обрушилась одним громовым ударом, от которого они так и не оправились. Однако время от времени в каком-нибудь из побежденных миров начиналось слабое брожение. Организовать сопротивление, объединить недовольных — задача трудная и длительная. Ну что ж, он и так уже слишком засиделся на Земле. Пора возвращаться. Наверное, сейчас с ним пытаются связаться из дома. Джонти слегка ускорил шаг.

Войдя в свою комнату, он сразу поймал сигнал. Луч был личный, предназначенный только ему. Можно было не опасаться, что его подслушают. Ему не нужен никакой приемник, никакой прибор из металла и проводов, чтобы уловить слабый поток электронов, плывущий через гиперпространство с планеты, удаленной от Земли на пятьсот световых лет.

Само пространство в комнате поляризовано, его структура освобождена от случайных помех и настроена на прием. Эту поляризацию обнаружить

не может никто, кроме принимающего передачу из космоса. А единственным принимающим устройством здесь был его мозг; только клетки нервной системы Джонти могли резонировать в ответ на вибрацию луча, несущего информацию.

Послание было таким же личным, как уникальная характеристика его мозговых волн, и вероятность того, что во всей Вселенной с ее квадриллионами человеческих существ кто-то мог уловить адресованную ему информацию, была не более единицы, деленной на число с двадцатью нулями.

Мозг Джонти уловил призыв, несущийся в бесконечной пустоте гиперпространства:

— …вызов… вызов… вызов…

Передавать было значительно сложнее, чем принимать. Необходимо было сложное механическое устройство для создания особого типа волн, несущих ответную информацию. Такое устройство находилось в большой декоративной пуговице на правом плече Джонти. Когда он ступил в поляризованное пространство, устройство автоматически включилось, и после этого ему оставалось только думать, сосредоточенно и устремленно.

— Я здесь.

Представляться было излишне. Монотонное повторение вызова прекратилось и стало словами, которые обретали в мозгу Джонти нужную форму.

— Приветствую вас, сэр. Вайдемос захвачен. Новость, разумеется, не стала еще достоянием общественности.

— Это меня не удивляет. Взяли еще кого-нибудь?

— Нет, сэр. Ранчер никого не выдал. Он храбрый и верный человек.

— Одной храбрости и верности мало, иначе бы его не схватили. Немного осмотрительности ему бы не помешало. Ладно! Я говорил с его сыном, новым Ранчером, который тоже едва не погиб. Он будет нам полезен.

— Каким образом, сэр?

— Поживем — увидим. Не хочу ничего предсказывать. Завтра он вылетает к Хинрику Родийскому.

— К Хинрику? Молодой человек подвергает себя ужасному риску. Знает ли он, что…

— Я сказал ему столько, сколько мог, — резко ответил Джонти. — Мы не можем слишком доверять ему, пока он не проявит себя. В нынешних обстоятельствах он для нас такой же человек,

как все остальные, и тоже должен подвергаться риску. Больше не вызывайте меня здесь. Я оставляю Землю.

Джонти резко прервал мысленный контакт. Спокойно и тщательно обдумал он последние события дня и ночи, взвешивая каждое из них. Губы его расплылись в улыбке. Все организовано превосходно; дальше комедия будет развиваться сама по себе.

И тут не должно быть никаких случайностей!

Глава 3
Случайности и наручные часы

Первый час подъема космического корабля, вылетающего из планетного рабства, наиболее прозаичен. Суматоха отъезда в принципе ничем не отличается от той, что сопровождала отталкивание выдолбленного из дерева челна от берега какой-нибудь первобытной реки. Надо разместиться, позаботиться о багаже; пережить первые напряженные моменты отчужденности и бессмысленной суеты; последние прощальные напутствия, вопросы, глухой стук закрывающихся люков, сопровождаемый негромким свистом всасываемого воздуха.

Затем зловещая тишина и красные вспышки надписей: «Наденьте противоперегрузочные костюмы!»

Стюарды снуют по коридорам, стучат во все двери и распахивают их: «Прошу прощения. Наденьте костюм».

Вы сражаетесь с костюмом — холодным, жестким, неудобным, но помещенным в гидравлическую систему, которая смягчает мучительные перегрузки при взлете.

Потом раздается приглушенный рев атомных двигателей, работающих на низких оборотах при прохождении через атмосферу, и костюм мгновенно оседает в колыбели с густым масляным раствором. Сила тяжести давит и давит на вас, кажется, конца этому не будет; но вот ускорение начинает падать — и костюм медленно подается вперед. Если в этот момент вам удастся справиться с тошнотой, можете считать себя застрахованным от космической болезни…

В первые три часа полета смотровая комната была закрыта для пассажиров. Образовалась длинная очередь ожидающих, когда атмосфера останется позади и двойные двери наконец откроются. Тут была не только обычная публика, никогда раньше не бывавшая в космосе, но и

опытные путешественники. Вид Земли из космоса никому не хотелось пропустить.

Смотровое помещение представляло собой пузырь в обшивке корабля, пузырь из прозрачного пластика толщиной в два фута.

И вот подвижная иридиевая крышка, защищавшая пузырь от воздействия атмосферы и частиц пыли, скользнула в сторону. Свет погас, и галерея заполнилась людьми. Лица собравшихся были ясно видны в сиянии Земли.

Земля висела внизу — гигантский светящийся оранжево-бело-синий шар. Видимое полушарие было залито солнечным светом, и континенты в разрывах облаков, оранжевые пустыни с тонкими полосками зелени, голубые моря резко вырисовывались на фоне черного неба, усеянного звездами.

Пассажиры терпеливо ждали. Они хотели увидеть неосвещенное Солнцем полушарие. Полярная шапка, ослепительно белая, перемещалась все ближе к центру по мере того, как корабль незаметно ускорял свой полет, отклоняясь от плоскости земной орбиты. На глобус медленно наползала ночная тень; и наконец в поле зрения оказался огромный евроафриканоазиатский материк, расположенный «вверх ногами», то есть

северной частью вниз.

Под жемчужным покровом ночи скрывалась мертвая, пораженная почва, над которой разливалось голубоватое сияние. Оно вспыхивало причудливым узором над теми местами, где в свое время приземлялись атомные бомбы — за поколение до того, как была создана защита из силовых полей, чтобы больше никогда ни одна планета не могла совершить ядерное самоубийство.

Много часов зрители не отрываясь смотрели на Землю, пока она наконец не превратилась в яркую маленькую монету на фоне бесконечной тьмы.

Среди зрителей был и Байрон Фаррил. Он сидел в переднем ряду, сжимая поручни, глядя печально и задумчиво. Не так он надеялся покинуть Землю. Не таким способом, не на таком корабле и не в том направлении.

Загорелой рукой он потер щетину на подбородке и почувствовал неловкость оттого, что не успел утром побриться. Скоро он пойдет в свою каюту и там исправит эту ошибку. Но пока уходить не хотелось. Тут люди, а в каюте он будет один.

Хотя — кто знает, может, именно поэтому лучше уйти? Байрон чувствовал себя крайне

подавленным. Впервые в жизни ему пришлось испытать ощущение преследуемой дичи — беспомощной, одинокой и загнанной. Мир вокруг внезапно переменился, стал недружелюбным и угрожающим, начиная с того момента, когда ночную тишину взорвал сигнал визиофона.

Даже в общежитии он стал помехой.

Стоило ему вернуться после разговора с Джонти в студенческой гостиной, как на него набросился взвинченный до предела Эсбак:

— Мистер Фаррил, я искал вас! Какое неприятное происшествие! Я не понимаю, в чем дело. У вас есть какие-нибудь объяснения?

— Нет! — резко оборвал его Байрон. — Когда я смогу пройти в свою комнату и забрать вещи?

— Утром, я думаю. Мы только что доставили оборудование для проверки комнаты. Сейчас радиоактивность в ней, должно быть, не больше обычного уровня. Для вас все кончилось чрезвычайно удачно. Вероятно, не хватило всего нескольких минут…

— Вероятно. Но, если вы не возражаете, я хотел бы отдохнуть.

— Пожалуйста. До утра можете воспользоваться моей комнатой, а потом мы поместим вас куда-нибудь на оставшиеся несколько дней…

Кстати, мистер Фаррил, — Эсбак вдруг заговорил чрезвычайно вежливо. Байрон почти физически ощущал, как вкрадчиво и осторожно подбирается его собеседник к главной теме разговора. — Будьте любезны, вы не могли бы ответить мне еще на один вопрос?

— Что еще? — устало спросил Байрон.

— Вы случайно не догадываетесь, кто бы мог так… э-э… подшутить над вами?

— Подшутить?! Конечно, нет.

— Понимаю. Но каковы же тогда ваши намерения? Администрация будет крайне огорчена, если этот инцидент получит огласку.

Он называет случившееся инцидентом!

— Я тоже понимаю вас, — сухо сказал Байрон. — Не беспокойтесь, я и сам не хочу, чтобы это дело расследовала полиция. Я скоро покину Землю, и пока моим планам ничто не помешало. Я никого не собираюсь обвинять. В конце концов, меня ведь не убили.

Облегчение, отразившееся на лице Эсбака, было явным до неприличия. От Байрона больше ничего не хотели. Никаких неприятностей. Случайный эпизод, который должен быть забыт…

В семь утра он зашел в свою прежнюю комнату. Все было тихо, не доносилось щелканья из шкафа.

Бомбы здесь больше не было, не было и счетчика. Должно быть, Эсбак унес их и выбросил в озеро. Строго говоря, это не что иное, как уничтожение вещественных доказательств, но пусть администрация сама разбирается со своими проблемами. Байрон покидал вещи в чемоданы, позвонил портье и запросил другую комнату. Он заметил, что свет снова горит, визиофон тоже, конечно, действует. О ночном происшествии напоминала лишь дверь с расплавленным замком.

Ему выделили новую комнату. Если кого-то это интересует, пусть думают, что он намерен остаться. Байрон вышел в коридор и заказал по телефону аэротакси. Никто, похоже, его не заметил. Пусть теперь в университете гадают о его таинственном исчезновении хоть до посинения.

В космопорту он на мгновение увидел Джонти. Они встретились взглядами. Джонти ничего не сказал, даже не подал вида, что они знакомы, но, когда он прошел мимо, в руке у Байрона остался маленький черный шарик — билет до Родии и личная капсула.

Она не была закрыта. Позже он прочитает в своей каюте вложенное туда послание — простую рекомендацию с минимумом слов.

Какое-то время он думал о Сандере Джонти, гля-

дя, как съеживается в смотровом иллюминаторе Земля. Он знал Джонти совсем мало, пока тот не ворвался в его жизнь, чтобы сначала спасти, а потом отправить его неведомо куда.

В университете Байрон поддерживал с ним поверхностное знакомство: кивал при встречах, обменивался незначительными фразами — и все. Ему не нравился этот человек, не нравились его холодность, манерность и щегольство. Однако все это теперь не имеет никакого значения.

Байрон пригладил ежик на голове и вздохнул. Сейчас ему явно не хватало Джонти. Тот был, по крайней мере, хозяином положения. Он знал, что делает, знал, что нужно делать Байрону, и умел убедить его. И вот теперь Байрон остался один. И чувствует себя совсем маленьким, беспомощным, одиноким и почти напуганным.

Все это время он упорно избегал мыслей об отце. Мысли, увы, не помогут.

— Мистер Мелейн!

Имя повторили два или три раза, затем Байрон вздрогнул от вежливого прикосновения к плечу и повернул голову.

Робот-курьер повторил:

— Мистер Мелейн!

Несколько секунд Байрон тупо смотрел на него,

пока не вспомнил, что таково его временное имя. Оно было написано на билете, который дал ему Джонти. На это имя была заказана каюта.

— Да? Я Мелейн.

Голос робота слегка свистел, пока катушка пленки сматывалась, излагая послание.

— Я должен сообщить, что вам поменяли каюту и ваш багаж уже перемещен. Интендант даст вам новый ключ. Мы надеемся, что это не причинит вам неудобства.

— Что все это значит? — Байрон развернулся в кресле, и несколько его соседей, наблюдавших за Землей, оглянулись, привлеченные резким движением. — Что за ерунду вы говорите?

Конечно, бесполезно спорить с машиной, которая лишь выполняет свои функции. Курьер вежливо склонил металлическую голову, не меняя выражения, отдаленно похожего на застывшую человеческую улыбку, и ушел.

Байрон вышел из смотровой комнаты и направился к дежурному офицеру, хлопнув дверью немного сильнее, чем намеревался.

— Послушайте, я хотел бы видеть капитана.

— Это важно, сэр? — бесстрастно поинтересовался дежурный.

— Это важно, космос вас подери! Я узнал, что

без моего ведома и согласия мне поменяли каюту, и хотел бы выяснить, что все это значит.

Байрон понимал, что реагирует на случившееся неоправданно бурно, но слишком уж много у него накопилось. Его чуть не убили; его вынудили тайком покинуть Землю, словно он какой-то преступник; он летит черт знает куда и зачем; и вот теперь его еще гоняют взад-вперед по кораблю!

Чаша терпения Байрона была переполнена.

В то же время его не покидало неприятное ощущение, что Джонти на его месте действовал бы иначе. Может быть, более мудро. Ну что ж, он не Джонти.

— Я вызову интенданта, — сказал дежурный.

— Мне нужен капитан, — настаивал Байрон.

— Как вам угодно.

После коротких переговоров через корабельный коммутатор офицер вежливо сказал:

— Вас вызовут. Пожалуйста, подождите.

Капитан Харм Корделл, низенький плотный человек, учтиво встал и, наклонившись через стол, пожал Байрону руку.

— Мистер Мелейн, мне очень жаль, что мы вас побеспокоили.

У него было прямоугольное лицо, седые волосы, короткие ухоженные усы чуть более темного

цвета и кривая улыбка.

— Мне тоже очень жаль, — подхватил Байрон. — Для меня заказана каюта, и я считаю, сэр, что даже вы не имеете права менять ее без моего согласия.

— Разумеется, мистер Мелейн. Но, понимаете, случай весьма неожиданный. В последнюю минуту прибыл очень важный пассажир, и он настаивал, чтобы ему предоставили каюту ближе к гравитационному центру корабля. У него слабое сердце, и важно, чтобы в его каюте сила тяжести была как можно меньше. У нас не было выбора.

— Хорошо, но почему переместили именно меня?

— Так получилось. Вы путешествуете один, вы молоды. Нам показалось, что вы без труда перенесете несколько большую силу тяжести. — Его глаза машинально смерили мускулистую шестифутовую фигуру Байрона. — К тому же ваша новая каюта гораздо удобнее. Вы ничего не потеряли при обмене.

Капитан вышел из-за стола.

— Позвольте, я вам лично покажу ваше новое помещение.

Дальнейшее сопротивление было бесполезно. Все казалось вполне логичным. И все же Байрон

чувствовал, что здесь что-то не так.

Выходя из каюты, капитан сказал:

— Не окажете ли вы мне честь пообедать за моим столом завтра вечером? На это время назначен наш первый прыжок.

Байрон услышал свой ответ:

— Спасибо. С удовольствием.

Приглашение показалось ему странным. Конечно, капитан старается успокоить его, но он явно выбрал слишком сильное средство…

Капитанский стол растянулся в салоне вдоль целой стены. Байрона посадили почти посредине. Слишком почетное место. И все же именно здесь лежала карточка с его именем. Стюард был тверд: никакой ошибки быть не может.

Байрон никогда не был слишком застенчив, для сына Ранчера Вайдемоса в этом не было необходимости. Но Байрон Мелейн всего лишь обыкновенный человек, а с обыкновенными людьми такие вещи не происходят.

В одном капитан оказался прав: его новая каюта оказалась гораздо удобнее. Прежняя, в соответствии с билетом, была второго класса и состояла из одной комнаты. Новая была двухкомнатной, первого класса, с отдельной ванной, душем и горячей воздушной сушилкой.

Каюта находилась рядом с помещением для офицеров, и перед Байроном постоянно мелькали люди в мундирах. Ленч принесли ему в каюту на серебряном подносе. Перед обедом неожиданно появился парикмахер и предложил свои услуги. Все это естественно, когда путешествуешь первым классом на роскошном космическом лайнере, но для Байрона Мелейна это было чересчур шикарно. К тому времени, когда пришел парикмахер, Байрон едва успел вернуться с прогулки. Он передвигался сознательно запутанным маршрутом, и всюду ему встречались члены экипажа — вежливые, но слегка навязчивые. Ему с трудом удалось отделаться от них и добраться наконец до своей прежней каюты 140Д.

Там он остановился, чтобы зажечь сигарету. Коридор был пуст; лишь один пассажир показался вдали и свернул за угол. Байрон слегка коснулся светового сигнала на двери каюты. Ответа не было.

Что ж, ключ от каюты у него еще не отобрали — по недосмотру, конечно. Он вставил тонкий металлический прутик в скважину, структура поверхности ключа привела в действие фотореле, дверь открылась, и он шагнул внутрь.

Быстро оглядевшись, Байрон тут же вышел

из каюты и захлопнул дверь. Самое главное он увидел сразу: его прежняя каюта не была занята ни важным пассажиром с больным сердцем, ни кем-нибудь другим. Слишком аккуратно заправлена постель, никаких чемоданов, туалетных принадлежностей, вообще никаких признаков обитаемости.

Итак, окружающая его роскошь преследовала только одну цель: не допустить, чтобы он настаивал на возвращении сюда. Кто-то очень хочет, чтобы он спокойно сидел в своей новой роскошной каюте и не рыпался. Но зачем? Интересно, в чем тут дело — в каюте или в нем самом?

И вот он сидит за капитанским столом, а ни на один из этих вопросов нет ответа…

Байрон вместе со всеми вежливо встал, когда капитан, поднявшись на возвышение, занял свое место.

Почему же все-таки его переселили?

На корабле играла музыка. Перегородка, которая отделяла салон от смотрового помещения, была убрана. Горел приглушенный оранжево-красный свет. Последствия космической болезни, возникающие при переходе от ускорения к низкой гравитации, миновали, салон был полон.

Капитан слегка откинулся назад и сказал, обра-

щаясь к Байрону:

— Добрый вечер, мистер Мелейн. Как вам понравилась ваша новая каюта?

— Слишком хороша, сэр. Я не привык к такой роскоши.

Он произнес это равнодушно, и ему показалось, что капитан слегка смутился.

Во время десерта матовый покров смотрового колпака соскользнул, свет почти погас. На большом темном экране не было видно ни Солнца, ни Земли, ни других планет. Перед ними сиял Млечный Путь, прочертивший гигантскую изогнутую полосу между яркими блестящими звездами. Гул разговоров стих, задвигались стулья: усаживались так, чтобы все могли видеть звезды. Обедавшие превратились в зрителей, музыка — в слабый фон.

Четкий, спокойный голос, усиленный динамиками, нарушил сгустившуюся тишину:

— Леди и джентльмены! Мы готовы к нашему первому прыжку. Я думаю, что большинство из вас знает, хотя бы теоретически, что такое прыжок. Но многие — вероятно больше половины — никогда его не испытывали. К ним я и обращаюсь в первую очередь.

Прыжок есть именно то, что означает это слово.

В структуре пространства-времени невозможно двигаться быстрее скорости света. Это закон природы, впервые открытый древним ученым, возможно Эйнштейном. Впрочем, ему приписывают чересчур много открытий… Но даже со скоростью света потребуются многие годы, чтобы достичь хотя бы ближайших звезд. Поэтому приходится покидать структуру пространства-времени и вторгаться в малоизвестное царство гиперпространства, где время и расстояние не имеют смысла. Это все равно что перебраться по узкому перешейку из одного океана в другой: оставаясь в море, приходится огибать весь континент, чтобы достичь того же места.

Разумеется, чтобы вторгнуться в «пространство внутри пространства», как его иногда называют, требуется огромное количество энергии. Необходимо также проделать сложные вычисления, чтобы выйти в обычное пространство в нужном месте. В результате применения этой энергии и разума человека невообразимые расстояния преодолеваются в нулевое время. Только прыжок сделал возможными межзвездные путешествия.

Прыжок, который предстоит нам, произойдет через десять минут. Вас специально предупредят. При этом вы можете почувствовать легкое и

мгновенное неудобство. Надеюсь, однако, что вы сохраните спокойствие. Благодарю вас.

Свет погас, остались только звезды. Казалось, прошла вечность, прежде чем послышалось резкое объявление:

— Осталась одна минута!

Затем тот же голос начал отсчитывать секунды:

— Пятьдесят… сорок… тридцать… двадцать… десять… пять… три… два, один!

Это было похоже на мгновенный разрыв непрерывности бытия, незаметный толчок, отдавшийся где-то глубоко внутри организма, проникший до мозга костей.

В неизмеримо малую долю секунды пролетело сто световых лет и корабль, находившийся на окраине Солнечной системы, оказался в глубине межзвездного пространства.

Кто-то рядом с Байроном потрясенно выдохнул:

— Посмотрите на звезды! Комната наполнилась шепотом:

— Звезды! Смотрите!

В ту же ничтожно короткую долю секунды картина звездного неба совершенно изменилась.

Центр огромной Галактики протяженностью

свыше тридцати тысяч световых лет от одного края до другого был теперь ближе, количество звезд увеличилось. Блестящей пылью раскинулись они по черному бархату пустоты, и на их фоне ослепительно сверкали ближайшие крупные звезды.

Байрон невольно вспомнил начало стихотворения, написанного им в сентиментальном девятнадцатилетнем возрасте по случаю первого космического полета; тогда он впервые увидел Землю, которую теперь покидал. Его губы тихонько зашевелились:

Звезды, как пыль, мерцают кругом,
Взгляд в их тумане тонет,
И космос лежит, свернувшись клубком,
Весь у меня на ладони.

Но тут зажегся свет, и мысли Байрона вернулись из космоса так же внезапно, как и ушли в него. Он снова сидел в салоне космического лайнера, обед приближался к концу, гул голосов вновь стал прозаическим.

Байрон мельком взглянул на часы, поднял глаза и вновь опустил их, пристально разглядывая циферблат. Смотрел — и не мог оторвать взгляда. Часы он оставил прошлой ночью в спальне; они

выдержали убийственную радиацию бомбы, а утром он забрал их вместе с другими своими вещами. Сколько раз он смотрел на них с тех пор, сколько раз мысленно отмечал время — и ни разу не обратил внимания на то, что просто само бросалось в глаза!

Пластиковая полоска на них была белой, а не синей. *Белой!*

Внезапно события прошедшей ночи, все события, встали на свои места. Удивительно, как один, казалось бы, незначительный факт может разом сорвать покров загадочности со всех необъяснимых тайн.

Байрон резко встал, пробормотав: «Простите». Конечно, уходя раньше капитана, он нарушал этикет, но теперь для него это не имело значения.

Он торопился в свою каюту, сбегая по лестнице, не дожидаясь тихоходного лифта. Закрывшись в каюте, он быстро осмотрел ее, включая ванную и встроенные шкафы. Впрочем, найти что-нибудь он не надеялся. То, что здесь сделали, сделали много часов назад.

Осторожно и тщательно Байрон осмотрел свой багаж. Работа была выполнена аккуратно. Не оставив практически никаких следов своего пре-

бывания здесь, они изъяли все его документы, пачку отцовских писем и даже капсулу с рекомендательным письмом к Хинрику Родийскому.

Так вот зачем они переселили его! Ни старая каюта, ни новая их не интересовала, важен был сам процесс переселения. Почти целый час у них была законная возможность заниматься его багажом — *законная,* ничего не скажешь! — и своей цели они достигли.

Байрон рухнул на двуспальную кровать и принялся лихорадочно искать выход из положения. Но что толку! Ловушка захлопнулась. Все было рассчитано точно. Если бы он не оставил часы в спальне, то и теперь не подозревал бы, насколько густую сеть раскинули в космосе тираниты.

Его мысли прервало тихое жужжание дверного сигнала.

— Войдите, — сказал он.

Вошедший стюард вежливо поинтересовался:

— Капитан спрашивает, не нужно ли вам чего? Вы как будто были нездоровы, когда выходили из-за стола.

— Спасибо, я здоров.

Да, слежка у них поставлена что надо! В этот момент Байрон с пронзительной ясностью ощутил, что спасения нет, что корабль вежливо, но

неуклонно несет его к смерти.

Глава 4
Свободен?

Сандер Джонти холодно взглянул на собеседника:

— Вы говорите, исчез?

Риззет провел рукой по пылающему лицу.

— *Что-то* исчезло. Не знаю, что именно. Возможно, тот документ, который мы разыскиваем. Мы знаем о нем только то, что он датирован периодом с пятнадцатого по двадцать первое столетие первобытного земного календаря и что он опасен для нас.

— Какие основания считать, что исчез именно этот документ?

— Только косвенные. Исчезнувший документ тщательно охранялся Земным Правительством.

— Этот факт еще ни о чем не говорит. Земляне благоговеют перед любым документом, относящимся к догалактическому прошлому. Их поклонение традициям просто смешно.

— Но документ украден, а земляне не объявляют об этом. Зачем им охранять пустой ящик?

— А я вполне готов поверить, что они просто не

решаются во всеуслышание объявить о пропаже своей бесценной реликвии. Однако не могу себе представить, как это юному Фаррилу удалось стащить документ. Мне казалось, вы тщательно следите за мальчишкой.

— У него нет документа, — улыбнулся Риззет.

— Откуда вы знаете?

Агент Джонти с триумфом выложил свой главный козырь:

— Потому что документ исчез двадцать лет назад.

— Что?

— Его никто не видел вот уже двадцать лет.

— Не может быть! Всего шесть месяцев назад Ранчер узнал о его существовании.

— Значит, кто-то опередил его на девятнадцать с половиной лет.

Джонти задумался, потом сказал:

— Теперь это уже неважно.

— Почему?

— Потому что я на Земле уже много месяцев. До прибытия сюда легче было поверить, что на этой планете скрывается какая-то важная информация. Но теперь прикиньте: когда Земля была единственной населенной планетой в Галактике, она представляла собой примитивный регион с

военной точки зрения. Единственное оружие, достойное упоминания, — грубая и неэффективная атомная бомба, от которой они даже не удосужились изобрести защиту.

Джонти показал рукой на горизонт, синевший смертельной радиацией, и продолжал:

— Будучи временным резидентом на Земле, я занимался этим. Трудно вообразить, что можно перенять что-то ценное от общества, стоящего на таком примитивном технологическом уровне. Конечно, можно предположить, что здесь существуют забытые искусства или науки; в мире полно идиотов, готовых возвести примитивизм в культ и навыдумывать всякого вздора о доисторических земных цивилизациях.

— Но Ранчер был умным человеком, — возразил Риззет. — И он определенно заявил, что это самый опасный из всех известных ему документов. Вы помните его слова? Я даже могу процитировать их: «Этот документ означает гибель для тиранитов, да и для нас тоже; но одновременно он принесет новую жизнь всей Галактике».

— Ранчер, как и любой человек, мог ошибаться.

— Подумайте, сэр, мы ведь не имеем понятия о содержании документа. Возможно, это какие-то

никогда не публиковавшиеся научные записи. Может быть, запись об оружии, которое земляне никогда не считали оружием, — нечто, внешне не похожее на него…

— Ерунда! Вы военный человек и должны бы понимать! Если и существует наука, которой люди занимаются с непрерывным успехом, то это военная технология. Ни одно потенциальное оружие не может оставаться нереализованным в течение десяти тысяч лет… Думаю, Риззет, нам пора возвращаться на Лингейн.

Риззет пожал плечами, он не был удовлетворен. Но не был удовлетворен и Джонти. Документ украден, следовательно, он важен. Настолько важен, что его не побоялись украсть. Ищи его теперь по всей Галактике!

Невольно он подумал, что документ может быть у тиранитов. Ранчер скрытничал, даже Джонти он не доверял полностью. Ранчер заявил, что этот документ несет смерть, что это обоюдоострое оружие. Джонти плотно сжал губы. Глупец с его идиотскими намеками! К тому же сейчас он во власти тиранитов.

А что, если в документе действительно содержится важная информация? И если он попадет, например, в руки Аратапа? Аратап! Теперь, после

ликвидации Ранчера, это единственный человек, чьи поступки невозможно предугадать; самый опасный из всех тиранитов.

Саймак Аратап был низкорослым, узкоглазым, слегка кривоногим. У него была обычная для тиранитов приземистая фигура с толстыми руками и ногами. Однако, хотя перед ним стоял очень высокий и мускулистый представитель подчиненных миров, Аратап был абсолютно уверен в себе. Он был наследником (во втором поколении) тех, кто оставил ветреную и неплодородную родину и пронесся через пустоту, чтобы захватить и поработить богатые, густонаселенные планеты в районе туманности.

Отец Аратапа командовал флотилией маленьких быстрых кораблей, которые нападали и исчезали, а потом неожиданно нападали снова, превращая в груды металлолома противостоящие им огромные корабли.

Затуманные королевства воевали по-старому, а тираниты избрали новый способ. Когда огромные сверкающие корабли противников пытались начать сражение, они лишь впустую тратили время и энергию, встречая вакуум. Тираниты, рассчитывая не столько на мощь, сколько на скорость и согласованность действий, побеждали

королевства поодиночке, одно за другим. А до этого каждое королевство, чуть ли не радуясь неприятностям соседей, считало себя в безопасности, пока не наступала его очередь.

Но все эти войны окончились пятьдесят лет назад. Теперь районы туманности превратились в сатрапию, в которой тиранитам оставалось лишь поддерживать порядок да вовремя взимать ежегодную дань. «Раньше мы сражались с целыми планетами, а теперь приходится воевать с отдельными людьми», — устало подумал Аратап.

Он взглянул на стоявшего перед ним юношу. Совсем молодой человек, высокий, широкоплечий. Напряженное лицо, смешная стрижка ежиком — явная дань нелепой университетской моде. Чисто по-человечески Аратапу было даже немного жаль его.

Молодой человек был явно испуган.

Но Байрон не назвал бы свои ощущения страхом. Если бы его попросили определить свое внутреннее состояние, он сказал бы о нем так: напряжение. Всю жизнь он знал, что тираниты — это господа. Его отец, сильный и властный человек, которому беспрекословно повиновались в его владениях и к мнению которого с почтением прислушивались в соседних королевствах, в

присутствии тиранитов становился покорным и приниженным.

Тираниты изредка наносили в Вайдемос вежливые визиты по делам, касающимся ежегодной дани, которую они называли налогом. Ранчер Вайдемоса был ответственным за сбор налогов на планете Нефелос, и тираниты небрежно проверяли его отчеты.

Ранчер сам встречал их маленькие корабли. Тираниты сидели во главе стола за парадным обедом, им подавали блюда в первую очередь. Когда они начинали говорить, остальные мгновенно замолкали.

Ребенком Байрон удивлялся, почему с такими маленькими уродцами обращаются столь почтительно. Но, повзрослев, узнал, что для его отца они то же самое, что отец — для стада коров. Байрон научился говорить с тиранитами почтительно и обращаться к ним, добавляя неизменное «Ваше превосходительство».

Он так хорошо научился этому, что, стоя теперь перед одним из повелителей, чувствовал, как дрожит от напряжения.

Корабль, который он не без основания считал своей тюрьмой, стал таковой официально в день прибытия на Родию. В дверь его каюты позво-

нили, и два рослых офицера встали в проеме. Капитан, вошедший следом, сказал ровным голосом:

— Байрон Фаррил, властью, данной мне как капитану этого корабля, я подвергаю вас аресту. Вас будет допрашивать наместник Великого Повелителя.

Наместником оказался маленький тиранит, сидевший теперь перед ним с отсутствующим видом. А Великий Повелитель — это Хан Тираниийский, живущий в легендарном каменном дворце на родной планете тиранитов.

Байрон украдкой огляделся. Его окружали четыре охранника в серо-голубых мундирах тиранитской внешней полиции. Они были вооружены. Пятый, со знаками отличия майора, сидел рядом с наместником.

Первым заговорил наместник. Голос его звучал тонко и немного визгливо:

— Вы, очевидно, знаете, что прежний Ранчер Вайдемоса, ваш отец, казнен за измену.

Его выцветшие глаза были устремлены на Байрона. Казалось, в них не было ничего, кроме жалости.

Байрон ничего не ответил. Что он мог поделать? Внутри у него все кипело, ему хотелось заорать,

наброситься на них с кулаками — но ведь отца-то этим не воскресить! Байрон понимал, что наместник не зря начал разговор именно с этого утверждения. Они хотели сломить его, заставить выдать себя. Ну уж нет — такого удовольствия он им не доставит.

— Я Байрон Мелейн с Земли, — спокойно ответил он. — Если вы сомневаетесь в моей личности, можете связаться с Земным консулом.

— Разумеется. Но у нас сейчас не формальное расследование. Вы утверждаете, что вы Байрон Мелейн с Земли. Однако вот письма, адресованные Ранчером своему сыну. — Аратап указал на бумаги, лежавшие перед ним. — Вот квитанция регистрации в колледже, вот пригласительный билет на церемонию присуждения ученой степени, — все на имя Байрона Фаррила. Их обнаружили в вашем багаже.

Байрона охватило отчаяние, но он ничем не выдал его.

— Мой багаж обыскан незаконно, и я отказываюсь признавать ваши доказательства.

— Мы не в суде, мистер Фаррил или Мелейн. Как вы все это объясните?

— Если вы обнаружили их в моем багаже, значит, их туда подложили.

Наместник принял это объяснение. Байрон удивился: объяснение было шито белыми нитками и не выдерживало никакой критики. Однако наместник не возразил, а лишь указал пальцем на черную капсулу.

— А эта рекомендация Правителю Родии тоже не ваша?

— Как раз моя. — Байрон обдумал ответ заранее. В рекомендации его имя не упоминалось. — Существует заговор против Правителя…

Он внезапно оборвал свою заготовленную речь, почувствовав, насколько неубедительно она звучит. Сейчас наместник цинично улыбнется…

Но Аратап не улыбнулся. Он только вздохнул, привычным быстрым движением извлек контактные линзы из глаз и осторожно положил их в стакан с соляным раствором, стоявший перед ним на столе. Без линз его глаза немного слезились.

— И вы узнали об этом на Земле, за пятьсот световых лет отсюда? — спросил он. — Наша полиция здесь, на Родии, ничего не слышала.

— Полиция здесь, а заговор задуман на Земле.

— Понятно. Вы их агент? Или, наоборот, хотите предупредить Хинрика об опасности?

— Хочу предупредить, разумеется.

— Вот как? И почему же вы хотите это сделать?

— Я рассчитываю на значительное вознаграждение.

Аратап улыбнулся:

— По крайней мере, это звучит правдоподобно и придает некую достоверность вашим прежним утверждениям. Каковы же подробности заговора?

— Их я сообщу только Правителю.

Мгновенное колебание, затем пожатие плечами.

— Хорошо. Тираниты не вмешиваются в местную политику. Мы организуем вам встречу с Правителем и тем самым внесем вклад в обеспечение его безопасности. Мои люди задержат вас, пока не будет собран ваш багаж, затем вы будете свободны. Уведите его!

Последние слова относились к вооруженным стражникам, которые тут же увели Байрона. Аратап вставил контактные линзы, и взгляд его мгновенно обрел былую проницательность.

— С юного Фаррила не спускайте глаз, — сказал он оставшемуся в комнате майору.

— Разумеется, — коротко кивнул офицер. — Сначала мне даже показалось, что вы поверили ему. На мой взгляд, его рассказ абсолютно неубе-

дителен.

— Конечно. Поэтому мы можем манипулировать им какое-то время. Всеми этими юными глупцами, насмотревшимися шпионских видеотриллеров о межзвездных интригах, легко управлять. Конечно же, он сын экс-Ранчера.

— Вы уверены? — заколебался майор. — У нас на этот счет лишь одни подозрения.

— Вы хотите сказать, что все эти документы и впрямь сфабрикованы? Но зачем?

— Возможно, он только приманка, принесенная в жертву, чтобы отвлечь наше внимание от подлинного Байрона Фаррила.

— Вряд ли. Слишком уж театрально. К тому же у нас есть фотокуб.

— Кого? Этого парня?

— Сына Ранчера. Хотите взглянуть?

— Безусловно.

Аратап приподнял пресс-папье, стоявшее на столе. Это был простой стеклянный кубик с трехдюймовыми гранями, черный и непрозрачный.

— Если потребуется, я в любой момент могу припереть его к стенке с помощью этой штуковины. Это хитрая штука, майор. Не знаю, знакомы ли вы с ней. Изобретена недавно во Внутренних Мирах. Кажется обычным кубиком, но стоит

перевернуть его вверх ногами, как молекулы автоматически перестраиваются и он становится абсолютно прозрачным. Забавный фокус, а?

Он повернул кубик. Матовые грани замерцали и прояснились, как рассеивается густой туман под налетевшим внезапно порывом ветра. Аратап спокойно ждал, скрестив руки на груди.

Кубик стал прозрачным как слеза, и из него улыбнулось юное лицо — живое, ясное, схваченное в момент вздоха.

— Из вещей экс-Ранчера, — заметил Аратап. — Что скажете?

— Несомненно, это наш молодой человек.

— Да. — Наместник задумчиво разглядывал фотокуб. — Слушайте, а почему бы не поместить в куб шесть фотографий? Снятые с разных точек шесть связанных между собой фотографий, при повороте переходящих одна в другую. Они превратили бы статику в динамику, дали бы жизнь изображению. Майор, да ведь это была бы новая форма в искусстве!

В его голосе звучало неподдельное воодушевление. Однако скептический взгляд молчаливого майора прервал этот короткий экскурс в область искусства, и Аратап, помрачнев, резко спросил:

— Итак, вы будете следить за Фаррилом?

— Разумеется.

— Следите и за Хинриком.

— За Хинриком?

— Конечно. В этом весь смысл освобождения мальчишки. Я хочу получить ответы на некоторые вопросы. Зачем Фаррилу встречаться с Хинриком? Какая между ними связь? Покойный Ранчер не мог действовать в одиночку, за ним *должно* стоять хорошо организованное тайное общество. А мы пока его не обнаружили.

— Но Хинрик не может в нем участвовать. Ему не хватит на это ума, даже если бы хватило мужества.

— Согласен. Но именно в качестве полуидиота он и может служить их оружием. В таком случае он окажется слабым звеном в нашей системе. Мы не должны исключать такую возможность.

Он махнул рукой. Майор отдал честь, повернулся и вышел.

Аратап вздохнул, задумчиво повертел в руках фото-куб, наблюдая, как его снова заполняет чернильная мгла.

Во времена его отца жизнь была проще. В завоевании планет есть какое-то величие; но в этом продуманном манипулировании ничего не подозревающим юношей нет ничего, кроме

жестокости.

И все же это необходимо.

Глава 5
Тревога клонит голову вниз

Директорат Родии значительно моложе Земли. По древности он не может сравниться даже с мирами Центавра или Сириуса. Планеты Арктура были заселены, например, свыше двухсот лет назад, когда первые космические корабли, обогнув туманность Конской Головы, обнаружили за ней несколько сотен кислородно-водных планет, которые тесно жались друг к другу. Это была драгоценная находка, потому что, хотя космос и кишит планетами, среди них редко встречаются такие, которые отвечают требованиям человеческого организма.

В Галактике около двухсот миллиардов светящихся звезд, вокруг которых вращается порядка пятисот миллиардов планет. Но сила тяжести на многих из них или выше ста двадцати, или ниже шестидесяти процентов земной, и поэтому они непригодны для обитания. Одни планеты слишком горячи, другие слишком холодны. У некоторых ядовитая атмосфера. Существуют

атмосферы, почти целиком состоящие из неона, метана, аммиака, хлора и даже тетрафторида кремния. На некоторых планетах не хватает воды, на других вся поверхность занята океанами из двуокиси серы. На многих отсутствует углерод.

Любое из этих свойств делает планету непригодной для человека. И все же существует примерно Четыре миллиона планет, на которых люди могут жить.

Точное число заселенных планет неизвестно. Согласно «Галактическому альманаху», основывающемуся на приблизительных данных, Родия — тысяча девяносто восьмая планета, заселенная людьми.

Ирония заключалась в том, что Тиран, будущий завоеватель Родии, был заселен тысяча девяносто девятым по счету.

История колонизации района за туманностью не отличалась своеобразием, в точности воспроизводя любой период человеческой экспансии. Как грибы, возникали планетарные республики, каждая со своим правительством. С развитием экономики заселялись все новые планеты, включаясь в сообщество. Основывались маленькие «империи», которые неизбежно сталкивались между собой.

То одно, то другое правительство, в зависимости от военных удач и случайного везения, захватывало власть над всем сообществом.

Только Родия оставалась стабильной под управлением династии Хинриадов. Весьма вероятно, что на протяжении еще одного столетия возникла бы мощная Затуманная империя, если бы не появились тираниты, проделавшие эту работу за десять лет.

И вновь ирония судьбы заключалась в том, что это были именно тираниты.

Ведь на протяжении семисот лет своего существования Тиран еле удерживал ненадежную автономию, и то в основном благодаря бесплодности планеты, которая из-за недостатка воды представляла собой почти сплошную пустыню.

Но даже после прихода тиранитов Директорат Родии сохранился; мало того, он даже вырос. Хинриады были популярны в народе, поэтому с их помощью поддерживать порядок было нетрудно. Пока тиранитам исправно платили дань, их не волновало, кто формально считается правителем.

Разумеется, Правители не были прежними Хинриадами. Раньше Правителя выбирали внутри семейного клана, стараясь возвести на престол

самого способного. С той же целью всячески приветствовалось усыновление.

Но теперь на выборы влияли тираниты, и поэтому двадцать лет назад Правителем был избран Хинрик, пятый носитель этого имени. Для тиранитов это был наилучший вариант.

Во время своего избрания Хинрик был красив, да и теперь, когда он обращался к Совету Родии, его внешность производила впечатление. Пусть волосы у него слегка поседели, зато усы оставались на удивление черными, как глаза его дочери.

Сейчас он смотрел на дочь, а она была в ярости. Всего на два дюйма ниже Правителя, которому до шести футов не хватало двух дюймов, черноглазая и черноволосая, она была прекрасна и в гневе.

— Я этого не сделаю! Я не могу это сделать! — упорствовала непокорная дочь.

— Но, Арта, это неразумно, — уговаривал Хинрик. — Что я могу сделать? В моем положении просто нет другого выхода.

— Если бы мама была жива, она нашла бы выход! Арта топнула ногой. Полное ее имя было Артемизия — королевское имя, которое носила по крайней мере одна представительница из

каждого поколения.

— Да, несомненно. Да покоится ее душа с миром! Какая женщина была твоя мать! Иногда мне кажется, что ты ее копия и в тебе нет от меня ничего. Но, Арта, ты ведь даже не дала ему возможности завоевать себя! А потом, в каждом положении есть свои выгодные стороны…

— Да? И какие же, например?

— Ну например…

Хинрик сделал рукой неопределенный жест, подумал немного и сдался. Он подошел к дочери и хотел положить ей руку на плечо, но она отшатнулась так, что ее свободное алое платье взметнулось от резкого движения.

— Я провела с ним вечер, — с горечью сказала она. — Он попытался поцеловать меня. Это отвратительно!

— Но все целуются, дорогая! Так было и во времена твоей бабушки. Поцелуй — это ерунда, сущая ерунда. Молодая кровь, Арта, молодая кровь!

— Молодая кровь? К дьяволу! За последние пятнадцать лет этот ужасный уродец имел молодую кровь лишь однажды — когда ему сделали переливание. Он на четыре дюйма ниже меня, отец! Как мне показываться в обществе с пигмеем?

— Он значительный человек. Очень значительный!

— Это не добавляет ни одного дюйма к его росту. Он кривоногий, как все они, и у него воняет изо рта.

— Воняет изо рта?

Артемизия сморщила носик:

— Вот именно, воняет. Просто смердит. Мне это не понравилось. Я так ему и сказала.

У Хинрика отвисла челюсть. Постояв так пару секунд, он хрипло прошептал:

— Ты сказала ему об этом? Ты сказала, что высокий представитель Королевского Дворца в Тиране имеет неприятную личную особенность?

— Конечно, имеет! Ты знаешь, у меня есть нос! Поэтому, когда он приблизился ко мне, я его оттолкнула. Ну и видик же был у него! Представляешь, лежит себе на спине, как жук, и дрыгает в воздухе ногами!

Арта увлеченно жестикулировала, описывая эту сцену, но Хинрик уже ничего не видел. Он со стоном согнул плечи, закрыв лицо руками. Потом сквозь пальцы жалобно взглянул на дочь.

— Что же теперь будет? Как ты могла так поступить?

— Ничего я этим не добилась. Знаешь, что он

сказал? Нет, ты представляешь, что он сказал?! Это было последней каплей! Я поняла, что не вынесла бы этого человека, даже если бы он был десяти футов ростом.

— И… и что же он сказал?

— Он сказал… Держись за что-нибудь, отец! Он сказал: «Ха! Горячая девушка! Такой мне она нравится еще больше». Двое слуг помогли ему встать на ноги. Больше он не пытался дышать мне в лицо.

Хинрик согнулся в кресле, наклонившись вперед, и уставился на Артемизию.

— Ты ведь выйдешь за него? Не стоит относиться к этому слишком серьезно. Почему бы ради политической выгоды…

— Что значит «несерьезно», отец? Скрестить пальцы левой руки, подписывая брачный контракт?

Хинрик выглядел смущенным.

— Конечно, нет. Что это даст? Скрещенные пальцы не отразятся на законности брачного контракта… Ну, Арта, я удивлен твоей непонятливостью.

— Тогда что ты имеешь в виду? — вздохнула Артемизия.

— Что я имею в виду? Ты меня совсем запутала.

Я не могу заниматься делом, когда ты со мной споришь… О чем это я говорил?

— О моем замужестве. Вспомнил?

— Ах да. Я говорил, что ты не должна относиться к этому слишком серьезно.

— Значит, я могу завести любовника?

Хинрик фыркнул, потом нахмурился:

— Арта, мы с матерью воспитывали тебя скромной, сдержанной девушкой. Как ты можешь говорить такие вещи? Стыдно!

— Но разве ты не это имел в виду?

— Я могу так говорить! Я мужчина и взрослый человек. Но девушкам негоже такое повторять.

— Пусть так. Однако, если меня принуждают выйти замуж по политическим мотивам, я, вероятно, все-таки заведу любовника. Всему есть предел. — Она уперлась кулаками в бедра, пелерина скользнула вниз, обнажив загорелые плечи и округлые руки. — Но что мне делать, когда я останусь с ним наедине? Он же будет моим мужем, а мне противно даже думать об этом!

— Он стар, дорогая. Жизнь с ним будет недолгой.

— И на том спасибо, хотя как знать? Пять минут назад ты говорил, что у него молодая кровь. Помнишь?

Хинрик беспомощно развел руками:

— Арта, он тиранит, и весьма влиятельный. Он пользуется доверием при дворе Хана.

— Возможно, Хану нравится его запах. Наверное, он и сам вонючка.

Рот Хинрика от ужаса округлился в виде буквы «О». Он невольно оглянулся, потом хрипло сказал:

— Никогда не повторяй этого.

— Буду, если почувствую, что он воняет. У него было уже три жены. Я имею в виду не Хана, а своего жениха, — предупредила Артемизия возражения отца.

— Но они мертвы, — сказал отец. — Арта, их уже нет в живых. Не думай об этом. Неужели ты считаешь, что я выдам свою дочь за многоженца? Мы попросили его показать документы. Он женился последовательно, а не одновременно, и теперь они мертвы, совершенно мертвы, все три.

— Неудивительно.

— Нет, я этого не вынесу. — Хинрик сделал последнее усилие: — Арта, приходится платить за право быть членом семьи Хинриадов и дочерью Правителя.

— Я никого не просила об этом.

— Но тут уж ничего не поделаешь. Вся история

Галактики, Арта, показывает, что государственные интересы, безопасность планет и их народов требуют… э-э…

— Чтобы бедная девушка продавала себя?

— О, какая вульгарщина! Когда-нибудь, вот увидишь, когда-нибудь ты выдашь что-то вроде этого при всем народе.

— Однако по сути я совершенно права. И я скорее умру, чем пойду на это.

Правитель вскочил и протянул к Артемизии руки. Губы его дрожали, но он не говорил ни слова. Она в слезах подбежала к нему и отчаянно обняла.

— Я не могу, папа, не заставляй меня! Он неуклюже погладил ее по спине.

— Но если ты не согласишься, подумай, что может произойти. Тираниты будут недовольны. Они сместят меня, посадят в тюрьму, может быть, даже каз… — Он поперхнулся и сглотнул остаток слова. — Настали тяжелые времена, Арта. Ранчера Вайдемоса приговорили на прошлой неделе. Я думаю, он уже казнен. Ты помнишь его, Арта? Он был у нас при дворе полгода назад. Высокий человек с круглой головой и глубоко посаженными глазами. Вначале ты его даже испугалась.

— Помню.

— Да, скорее всего, он мертв. Кто знает, может быть, следующая очередь за мной? Твой бедный, беззащитный старенький папа… Плохие времена! Ранчер был у нас при дворе, а это очень подозрительно.

Она отодвинулась от него:

— Почему подозрительно? Ты ведь не был связан с ним?

— Я? Конечно, нет. Но если мы открыто оскорбим Хана Тиранитского отказом его фавориту, они могут подумать что угодно…

Речь Хинрика была прервана гудением сигнала связи. Он беспокойно заерзал.

— Я поговорю из своей комнаты, а ты отдыхай. Поспав, ты почувствуешь себя лучше. Сама увидишь. Сейчас ты немного взвинчена.

Артемизия посмотрела ему вслед и нахмурилась. Лицо ее стало напряженно-задумчивым, и в течение минуты только легкое, в такт дыханию, волнение груди выдавало ее смятение.

В дверях послышались шаги. Она обернулась:

— Что?

Вопрос прозвучал тревожнее, чем ей хотелось.

У Хинрика было желтое от страха лицо.

— Вызывал майор Андрос.

— Из внешней полиции?

Хинрик кивнул.

— Но это не значит… — Артемизия замолчала, не в силах облечь ужасное подозрение в слова и ожидая разъяснений.

— Какой-то молодой человек просит аудиенции. Я его не знаю. Зачем он появился здесь? Он с Земли…

Хинрик тяжело дышал и говорил запинаясь, словно голова у него шла кругом и он не поспевал за ее вращением.

Девушка подбежала к нему и схватила за локоть:

— Садись, отец! Расскажи толком, что случилось. Она встряхнула его, и Хинрик понемногу пришел в себя.

— Не знаю точно, — прошептал он. — Молодому человеку известны подробности заговора с целью покушения на мою жизнь. Они велели мне выслушать его. — Он глупо улыбнулся. — Меня любит народ. Никто не захочет убивать меня. Зачем? Зачем?

Он испуганно смотрел на нее и вроде слегка успокоился, когда она сказала:

— Конечно, никто не захочет убивать тебя, отец.

— А вдруг это они? — снова затрясся Хинрик.

— Кто «они»?

Он перешел на шепот:

— Тираниты. Ранчер Вайдемоса был здесь вчера, и они убили его. А теперь они подослали кого-то убить меня.

Артемизия сжала его плечо с такой силой, что он вздрогнул от боли.

— Отец, сиди спокойно. Ни слова! Только слушай меня. Никто не хочет убивать тебя. Ты меня слышишь? Никто. Ранчер был здесь не вчера, а полгода назад. Полгода! Вспомнил?

— Так давно? — прошептал Правитель. — Да, да, ты права!

— Оставайся здесь и отдыхай. Ты переутомился. Я сама поговорю с этим молодым человеком и приведу его к тебе, если это будет безопасно.

— Ты, Арта? Ты? Да, он не причинит вреда женщине. Он не посмеет…

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Будь осторожнее, — пробормотал он и устало закрыл глаза.

Глава 6

Тот, кто носит корону

Байрон Фаррил с беспокойством ждал в одном из внешних зданий дворцового комплекса. Впервые в жизни испытывал он унизительное ощущение провинциала.

Замок Вайдемоса, где он вырос, всегда казался ему прекрасным. И теперь память воскресила все его варварское великолепие. Резные линии филигранной работы, причудливо изогнутые башенки, разукрашенные декоративные окна. Он поморщился при этом воспоминании.

Здесь все было по-другому.

Родийский Дворец не был похож на кичливую глыбу, воздвигнутую тщеславными лордами коровьего королевства; не было в нем, однако, и наивной изнеженности, свойственной дряхлым и умирающим культурам. Это было каменное воплощение династии Хинриадов.

Строения спокойно и твердо стояли на земле. Строгие вертикальные линии устремлялись ввысь, нигде не переходя при этом в острые нервные шпили. В них была прямота и открытость, которая странным образом производила поистине одухотворенный эффект. Здания были сдержанны, самоуверенны и горделивы.

Так выглядело каждое строение и весь дворцовый комплекс в целом, в котором доминировал Центральный Дворец. В облике Дворца не осталось ни одной искусственной детали, подобной тем, что украшали местами прочие здания, построенные в мужественном родийском стиле. Не было даже декоративных окон, столь ценимых в качестве архитектурных украшений, но совершенно бесполезных для здания с искусственным освещением и вентиляцией. И их отсутствие ничуть не вредило внешнему виду Дворца.

Только линии и плоскости, геометрическая абстракция, уводившая глаза к небу…

Внезапно рядом с Байроном остановился тиранитский майор.

— Сейчас вас примут, — сказал он.

Байрон кивнул, и вскоре перед ним щелкнул каблуками огромный человек в алом мундире. Байрону вдруг пришло в голову, что те, кто обладает реальной властью, не нуждаются в ее внешних проявлениях и довольствуются тусклоголубыми мундирами. Он вспомнил великолепие жизни ранчеров и прикусил губу при мысли о ее тщете.

— Байрон Мелейн? — спросил родийский стражник.

Байрон встал, чтобы следовать за ним.

Маленький блестящий монорельсовый вагон был подвешен диамагнитными силами над красно-коричневой полоской металла. Байрон никогда не видел таких. Он задержался в дверях.

Вагон, рассчитанный на пять-шесть человек, покачивался от ветра — грациозная капля, отражающая блеск ослепительного солнца Родии. Единственный рельс, тонкий и более похожий на кабель, проходил под вагоном, не касаясь его. Байрон наклонился и увидел между вагоном и рельсом полоску голубого неба. В этот момент порыв ветра приподнял вагон на целый дюйм, тот задрожал, как бы от нетерпения, потом снова опустился над рельсом, все ниже и ниже, но так и не коснулся его.

— Входите же! — нетерпеливо произнес стражник.

Байрон по двум ступенькам поднялся в вагон. Стражник последовал за ним, ступеньки поднялись и легли на место, не оставив даже тончайшей щели в монолитной поверхности стенки.

Внешний вид вагона был обманчиво матовым. Внутри он оказался прозрачным как пузырь. При нажатии на кнопку вагон поднялся. Он ловко

скользил по горам, со свистом рассекая воздух. С вершины дуги Байрон охватил взглядом всю панораму дворцового комплекса.

Строения слились в единое целое (может быть, их и задумывали для обозрения с вершины), украшенное сверкающими медными нитями, по которым неслись изящные шарики вагонов.

Байрон почувствовал толчок, и вскоре вагон остановился. Перелет занял менее двух минут.

Дверь, ведущая во Дворец, была открыта. Он вошел, и она автоматически закрылась. В маленькой пустой комнате никого не было. Наконец-то его никто не подгоняет… Но это ощущение не успокоило его: иллюзий на свой счет он не питал. С той самой проклятой ночи им все время кто-то манипулировал.

Джонти поместил его на корабль. Наместник-тиранит переместил сюда, и каждое передвижение лишь усиливало в нем ощущение безысходности.

Байрону было ясно, что тиранитов он не обманул. Слишком легко удалось ему уйти. Наместник мог связаться с Земным консулом, мог по гиперсвязи поговорить с Землей или узнать рисунок его сетчатки.

Это были обычные, рутинные процедуры —

невероятно, чтобы о них могли случайно забыть.

Он вспомнил, как Джонти анализировал события. Возможно, его анализ еще не утратил актуальности. Тираниты не станут открыто убивать его, чтобы не создавать мученика. Но Хинрик — их марионетка, он тоже способен отдать приказ о казни. А потом сам будет убит кем-нибудь из приближенных. И при этом тираниты останутся в стороне.

Байрон крепко сжал кулаки. Он высок и силен, но безоружен. У людей, которые придут за ним, будут бластеры и нейронные хлысты.

Он прижался к стене и быстро обернулся, услышав звук открывающейся двери. Вошли двое — вооруженный человек в форме и девушка.

Байрон слегка расслабился. При других обстоятельствах он постарался бы повнимательнее рассмотреть девушку, тем более что она действительно заслуживала внимания, но сейчас ему было не до того.

Они приблизились и остановились в шести футах от него. Он не сводил глаз с бластера стражника.

Девушка сказала своему спутнику:

— Я буду разговаривать с ним первая, лейтенант. Небольшая вертикальная морщинка

появилась у нее на лбу.

— Вы обладаете сведениями о заговоре против Правителя?

— Мне обещали, что я увижусь с самим Правителем, — сказал Байрон.

— Это невозможно. Если у вас есть что сказать, говорите мне. Если информация будет правдивой и ценной, вас наградят.

— Позвольте узнать: кто вы такая? Откуда я знаю, что вы имеете право говорить от имени Правителя?

Вопрос, казалось, вызвал у девушки раздражение.

— Я его дочь. Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы. Откуда вы прибыли?

— С Земли. — Байрон помолчал немного и добавил: — Ваша милость.

Добавление понравилось ей.

— Где это? — спросила она.

— Маленькая планета в секторе Сириуса, Ваша милость.

— Как вас зовут?

— Байрон Мелейн, Ваша милость.

Она задумчиво посмотрела на него.

— С Земли? Вы можете управлять космическим кораблем?

Байрон сдержал улыбку. Его испытывали. Она прекрасно знает, что космическая навигация — запретное искусство в подвластных тиранитам мирах.

— Да, Ваша милость, — ответил он.

Он мог бы доказать это на деле, если только проживет достаточно долго. Космическая навигация на Земле не запрещена, а за четыре года можно изучить многое.

— Очень хорошо, — сказала она. — А теперь рассказывайте.

Он неожиданно принял решение. Со стражником он бы на такое не решился, но эта девушка, если она действительно дочь Правителя, может выступить в его защиту.

— Никакого заговора нет, Ваша милость, — выпалил он.

Девушка нахмурилась и нетерпеливо повернулась к своему спутнику:

— Займитесь им, лейтенант. Выбейте из него всю правду.

Байрон сделал шаг вперед и наткнулся на холодный ствол бластера.

— Подождите, Ваша милость! — воскликнул он. — Выслушайте меня! Это был единственный способ увидеться с Правителем. Неужели вы не

понимаете?

Видя, что она все-таки уходит, он крикнул ей вдогонку:

— По крайней мере скажите Его превосходительству, что я Байрон Фаррил и заявляю свои священные права на убежище.

Он хватался за последнюю соломинку. Старые феодальные обычаи начали утрачивать силу еще за поколение до прихода тиранитов и давно уже стали архаизмом, но у него не было в запасе ничего другого. Ничего.

Девушка обернулась и подняла брови:

— Вы утверждаете, что принадлежите к аристократическому роду? Только что вас звали Мелейн…

Неожиданно прозвучал новый голос:

— Точно, но второе имя более верно. Вы действительно Байрон Фаррил, сэр! Сходство несомненное.

В дверях стоял маленький улыбающийся человечек. Глаза его, яркие, широко расставленные, с интересом рассматривали Байрона. Он запрокинул голову, разглядывая высокого юношу, и спросил:

— Разве ты не узнаешь его, Арта?

Артемизия торопливо подошла к нему:

— Дядя Джил, что ты здесь делаешь?

— Забочусь о своих интересах, Артемизия. Вспомни: если произойдет убийство, я буду наиболее вероятным преемником Хинрика. — Джилберт Хинриад подмигнул и добавил: — Я тебя прошу, убери отсюда этого лейтенанта. Никакой опасности нет.

Не обращая внимания на его слова, она спросила:

— Ты опять прослушиваешь коммутатор?

— Да. А ты хочешь лишить меня этой забавы? Так приятно подслушивать их.

— Но если они поймают тебя?

— Опасность — это часть игры, моя дорогая. Причем самая забавная часть. В конце концов, тираниты не задумываясь прослушивают Дворец. Мы и шагу не можем ступить, чтобы они тотчас не прознали об этом. Почему бы и нам не узнать об их намерениях? Ты не хочешь представить меня?

— Нет, — отрезала она. — Это не твое дело.

— Тогда я представлю тебе нашего гостя. Услышав его имя, я бросил подслушивать и побежал сюда. — Он подошел к Байрону, осмотрел его с неопределенной улыбкой и подтвердил: — Это Байрон Фаррил.

— Я уже сам представился, — ответил Байрон, не спуская глаз с лейтенанта, который по-прежнему держал бластер наготове.

— Но вы не добавили, что вы сын Ранчера Вайдемоса.

— Я сделал бы это, если бы не ваше вмешательство. Вы слышали все, что я сказал. Но я должен уйти от тиранитов, не выдавая им своего настоящего имени.

Байрон ждал. Если не последует немедленного ареста, значит, у него еще есть шанс.

— Ясно, — сказала Артемизия. — Но это действительно должен решать Правитель. Вы уверены, что заговора нет?

— Уверен, Ваша милость.

— Хорошо. Дядя Джил, побудь с мистером Фаррилом. Лейтенант, идемте со мной.

Байрон почувствовал слабость. Ему хотелось сесть, но Джилберт, по-прежнему рассматривая его с почти циничным любопытством, не предложил ему кресла.

— Сын Ранчера! Забавно.

Байрон взглянул на него. Он устал от осторожных восклицаний и обдуманных фраз.

— Да, сын Ранчера. Очень смешно, не так ли? Чем еще я могу вас развлечь?

Джилберт не обиделся. Наоборот, его улыбка стала еще шире.

— Вы можете удовлетворить мое любопытство. Вы действительно явились в поисках убежища? Сюда?

— Этот вопрос я буду обсуждать с Правителем, сэр.

— Оставьте, молодой человек! Вы увидите сами, что с Правителем мало что можно обсуждать. Как вы считаете, почему сейчас вы разговаривали с его дочерью? Вам это не показалось забавным?

— А вы все на свете считаете забавным?

— Почему бы и нет? Жизнь вообще забавна. Это единственное прилагательное, которое ей соответствует полностью. Взгляните на мир, молодой человек. И если вы не увидите, что в нем все забавно, можете тут же перерезать себе горло, поскольку в нем не останется ничего хорошего. Кстати, я не представился. Я двоюродный брат Правителя.

— Примите мои поздравления, — холодно сказал Байрон.

— Вы правы, — пожал плечами Джилберт. — Это не впечатляет. Но я готов оставаться в таком положении бесконечно, тем более что убийства не предвидится, насколько я понимаю.

— Если только вы не состряпаете заговор сами.

— Мой дорогой сэр, где ваше чувство юмора? Вам придется привыкать к тому, что никто не принимает меня всерьез. Мои замечания — лишь проявление свойственного мне цинизма. Вы считаете, что Директорат чего-нибудь стоит в наши дни? Конечно, Хинрик не всегда был таким. Он, правда, и раньше был не очень умен, но с каждым годом становится все невыносимее. Ах да, я и забыл! Вы же его еще не видели. Ничего, сейчас увидите! Я слышу, он идет. Когда будете разговаривать с ним, помните, что перед вами Правитель величайшего из Затуманных королевств. Это вас позабавит.

Хинрик нес свой высокий сан с непринужденностью, выработанной многолетней практикой. Он снисходительно принял церемонный поклон Байрона и спросил:

— У вас к нам дело, сэр?

Артемизия стояла рядом с отцом, и Байрон с удивлением заметил, что она очень хороша собой.

— Ваше превосходительство, — сказал он. — Я пришел по поводу своего отца. Вы должны знать, что казнь его была несправедливой.

Хинрик отвел взгляд.

— Я немного знал вашего отца. Он пару раз бывал на Родии… — Он помолчал и продолжил слегка дрожащим голосом: — Вы очень похожи на него. Очень. Но его судили, знаете ли. По крайней мере, я так думаю. И в соответствии с законом… Честно говоря, подробностей я не знаю.

— Вот именно, Ваше превосходительство! А я хотел бы узнать эти подробности. Я уверен, что мой отец не предатель…

Хинрик нетерпеливо прервал его:

— Как сын вы, конечно, должны защищать отца, но сейчас не время обсуждать этот вопрос. Почему бы вам не увидеться с Аратапом?

— Я не знаю его, Ваше превосходительство.

— Аратапа? Наместника тиранитов?

— Я видел его, и он послал меня сюда. Вы понимаете, я не мог сказать тираниту…

Хинрик вдруг застыл, потом поднес руку к губам, как бы унимая дрожь. Слова зазвучали приглушенно:

— Вы говорите, вас сюда прислал Аратап?

— Я счел необходимым сообщить ему…

— Не повторяйте того, что вы ему сказали. Я знаю. Я ничего не могу сделать для вас, Ранчер… э-э… мистер Фаррил. Это не только моя юрисдикция. Исполнительный Совет… Перестань дергать

меня, Арта! Как я могу заниматься делами, когда ты отвлекаешь меня? Исполнительный Совет должен быть поставлен в известность. Джилберт, позаботьтесь пока о мистере Фарриле! Я посмотрю, что можно сделать. Да, я проконсультируюсь с Исполнительным Советом. Таков закон, видите ли. Это важно, очень важно.

Он отвернулся, продолжая что-то бормотать, и вышел.

Артемизия задержалась и коснулась рукава Байрона.

— Минутку. Вы правду сказали, что можете управлять космическим кораблем?

— Совершенную правду, — улыбнулся Байрон.

После мгновенного колебания она тоже улыбнулась ему в ответ.

— Джилберт, — сказала она, — мне надо будет с тобой поговорить.

И вышла. Байрон смотрел ей вслед, пока Джилберт не дернул его за рукав.

— Вы голодны? Хотите пить, умыться? — спросил он. — Жизнь продолжается, а?

— Спасибо, да, — ответил Байрон Фаррил. Напряжение его спало. Он мгновенно расслабился и почувствовал себя удивительно хорошо. Она была красива. Очень красива.

Но Хинрику расслабиться не удалось. Мысли его лихорадочно путались. Он пришел к неизбежному заключению: это ловушка! Аратап прислал его, а значит, это ловушка!

Хинрик закрыл лицо руками, пытаясь успокоиться и унять биение сердца. Он знал, что надо делать.

Глава 7
Музыкант мозга

Ночь приходит в свое время на все обитаемые планеты. Не через одинаковые интервалы, потому что известные периоды обращения колеблются от пятнадцати до пятидесяти двух часов. Это требует серьезного психологического приспособления от тех, кто путешествует от планеты к планете.

На некоторых планетах такие приспособления уже сделаны и периоды бодрствования и сна соответствуют биоритмам человеческого организма. На других планетах повсеместное использование кондиционированных атмосфер и искусственного освещения сделало вопрос о смене дня и ночи второстепенным. На многих планетах принято произвольное деление, игнорирующее обычную

смену света и тьмы.

Но какими бы ни были социальные условия, наступление ночи всюду имеет серьезное психологическое значение, восходящее к существованию первобытного предка человека. Ночь — всегда время страха и неуверенности; заходит солнце — и вместе с ним уходит в пятки человеческое сердце.

В Центральном Дворце не было видимых признаков наступления ночи, но Байрон ощутил ее приход каким-то инстинктом, спрятанным в неизведанных закоулках сознания. Он знал, что снаружи чернота ночи едва нарушается редкими искорками звезд. Он знал, что рваная «дыра в космосе», известная как туманность Конской Головы (прекрасно знакомая всем Затуманным королевствам), закрывает половину звезд, которые иначе были бы видимыми.

И снова его охватило отчаяние.

После короткого разговора с Правителем он больше не виделся с Артемизией и понял, что жалеет об этом. Он с нетерпением ждал обеда — может быть, удастся поговорить с ней. Но ему пришлось есть в одиночестве, если, конечно, не принимать в расчет двух стражников, маявшихся у дверей. Даже Джилберт покинул его,

по-видимому, чтобы пообедать в более подходящем обществе.

Поэтому, когда Джилберт вернулся и сказал: «Мы с Артемизией говорили о вас», его слова встретили мгновенную и заинтересованную реакцию. Это позабавило его, о чем он не преминул сообщить Байрону.

— А сейчас я хочу показать вам свою лабораторию, — объявил Джилберт и жестом отослал стражников.

— Что за лаборатория? — спросил Байрон без малейшего интереса.

— Я делаю там разные безделушки, — последовал уклончивый ответ.

Внешне это вовсе не напоминало лабораторию, скорее библиотеку с богато инкрустированным столом в углу.

Байрон неторопливо огляделся.

— Вы здесь делаете свои безделушки? А что они из себя представляют?

— Ну, например, специальные подслушивающие устройства, чтобы ловить шпионские лучи тиранитов. Это совершенно новая технология, их невозможно засечь. С их помощью я узнал о вас, когда о вашем появлении доложили Хинрику. У меня есть и другие забавные штучки. Мой визио-

сонар, например. Вы любите музыку?

— Не всякую.

— Прекрасно. Я изобрел инструмент, только не знаю, можно ли назвать его музыкальным. — Джилберт коснулся панели, и полка с книгофильмами скользнула в сторону. — Не очень надежный тайник, но меня никто не воспринимает всерьез, и у меня ничего не ищут. Забавно, не правда ли? Впрочем, я забыл, что вас ничто не забавляет.

Он вынул из тайника прямоугольный ящик топорной работы без полировки. Одна сторона ящика была усеяна маленькими светящимися кнопками.

— Не очень красив, — заметил Джилберт, — но разве в этом дело? Выключите свет. Нет, нет, никаких выключателей или контактов! Просто пожелайте, чтобы свет погас. Сильнее желайте! Вы очень хотите, чтобы свет погас.

Свет потускнел. Только с потолка исходило слабое жемчужное сияние, озарявшее их лица призрачными отблесками. Джилберт негромко засмеялся, услышав удивленное восклицание Байрона.

— Одна из шуток моего визиосонара. Он настроен на мозг, как личные капсулы. Понимаете,

что я имею в виду?

— Если честно — абсолютно ничего не понимаю.

— На инструмент воздействует электрическое поле ваших мозговых клеток. Математически это очень просто, но, насколько мне известно, еще никому не удавалось втиснуть все необходимые цепи в ящик такого размера. Обычно для такой цели нужно пятиэтажное здание… Мой инструмент работает и в обратном направлении тоже. Я могу переключить его прямо на ваш мозг, так что вы будете видеть и слышать без глаз и ушей. Смотрите!

Вначале смотреть было не на что, потом Байрон уловил краем глаза какое-то слабое движение. В воздухе повис голубовато-фиолетовый шар. Байрон отодвинулся от него, но шар поплыл за ним. Байрон закрыл глаза — шар по-прежнему висел перед ним. Его сопровождала ясная, чистая мелодия; она была частью шара, вернее, шар и *был* этой мелодией.

Он рос, расширялся, и Байрон вдруг понял, что он расширялся внутри его мозга. Это был не цвет, а скорее цветной бесшумный звук. Он был ощутим, хотя и без участия органов чувств.

Шар поворачивался, переливался радужными

оттенками, а музыкальный тон повышался, пока не повис над ним, как тончайший шелк… Потом вдруг взорвался, и цветные пятна разлетелись во все стороны, обжигая без боли.

Пузыри цвета омытой дождем зелени поднимались вверх с тихим жалобным стоном. Байрон в смятении устремился к ним и обнаружил, что не видит и не чувствует своих рук. Вокруг ничего не было — только пузыри, заполнившие мозг.

Он беззвучно закричал, и фантазия кончилась. Перед ним в освещенной комнате стоял Джилберт и смеялся. У Байрона сильно кружилась голова. Он вытер холодный пот со лба и резко опустился на стул.

— Что со мной было? — спросил он, стараясь придать голосу твердость.

— Не знаю. Я оставался вне этого. Не понимаете? Произошло нечто такое, в чем ваш мозг не имел предшествующего опыта. Мозг ощущал непосредственно и не знал, как интерпретировать такой феномен. Он мог лишь пытаться применить старые знакомые способы: перевести все это в зрительные, слуховые и осязаемые образы. Кстати, вы ощущали запах? Иногда мне кажется, что я чувствую аромат. У собак, надо полагать, почти все превратится в запахи. Мне хочется

испытать это на животных. С другой стороны, если вы постараетесь игнорировать этот эффект, он поблекнет, что я и делаю, когда хочу наблюдать его действие на других. Это несложно. — Он положил маленькую руку с выпуклыми венами на инструмент, бесцельно перебирая кнопки. — Иногда мне кажется, что на этой штуке можно сочинять симфонии в новой манере и добиться таких эффектов, которые невозможны с одним зрением или слухом. Боюсь, что мне для этого не хватает способностей.

Байрон неожиданно сказал:

— Я хотел бы задать вам вопрос.

— Пожалуйста.

— Почему бы вам не направить свои способности на полезное дело, вместо того чтобы…

— Тратить их на бесполезные игрушки? Не знаю. Может быть, чувствую, что они не совсем бесполезны… Вы знаете, а ведь они противозаконны.

— Что именно?

— Визиосонар. И мои шпионские устройства. Если бы тираниты узнали о них, мне грозил бы смертный приговор.

— Вы, разумеется, шутите.

— Вовсе нет. Сразу видно, что вы выросли на

отдаленном ранчо. Я знаю, молодежь не помнит того, что было в старину. — Неожиданно он склонил голову набок, лукаво прищурив глаза: — Вы против власти тиранитов? Говорите прямо. А я так же прямо скажу, кто я и кем был ваш отец.

— Да, против, — спокойно ответил Байрон.

— Почему?

— Они чужаки, пришельцы. Какое право они имеют распоряжаться на Нефелосе или на Родии?

— И вы всегда так думали?

Байрон не ответил.

Джилберт фыркнул:

— Иными словами, вы пришли к выводу, что они чужаки, лишь после того, как они казнили вашего отца. Что, кстати, было их правом. О, не надо, не горячитесь! Поверьте, я на вашей стороне. Но задумайтесь. Ваш отец был Ранчером. Какие права имели его подданные? Если один из них крал скот для себя или для продажи, как его наказывали? Сажали в тюрьму как вора. А если бы он задумал убить вашего отца — по любой причине, может быть, оправданной с его точки зрения, — что бы его ожидало? Несомненно, казнь. А какое право имел ваш отец устанавливать законы и наказывать других людей? Он был

для них тиранитом.

Ваш отец в собственных глазах, да и в моих тоже, настоящий патриот. Но что с того? Для тиранитов он был предателем, и они убили его. Вы ведь не станете отрицать необходимость самозащиты? В свое время Хинриады тоже пролили немало крови. Изучайте историю, молодой человек. Для любого правительства убийство — часть его существования.

Поэтому отыщите для ненависти к тиранитам причину получше. Не думайте, что достаточно будет сменить одних хозяев другими. Такая смена не принесет свободы.

Байрон ударил кулаком по ладони.

— Прекрасная философия! Особенно для человека, стоящего в стороне. А что, если бы они убили вашего отца?

— Но именно это они и сделали! Мой отец был Правителем до Хинрика, и его убили. Убили не открыто, а исподволь, изнутри. Его сломили духовно, как сейчас сломили Хинрика. Мне не позволили стать Правителем после смерти отца: мои поступки, видите ли, трудно предсказуемы. Хинрик был высок, красив, а главное уступчив. Но, очевидно, все же недостаточно уступчив. Они постоянно травили его, превращая в марионетку,

и добились того, что он даже икнуть не может без позволения. Вы его видели. Он деградирует с каждым днем, постоянно дрожит от страха. Но это… все это вовсе не причина, по которой я хочу уничтожить тиранитов.

— Да? Вы изобрели какую-то новую причину?

— Наоборот, очень старую. Тираниты уничтожили право двадцати миллиардов человеческих существ принимать участие в развитии расы. Вы учились в школе, изучали экономический цикл. Когда заселяется новая планета… — Он начал по пальцам перечислять пункты: — Ее первая задача — прокормиться. Она становится аграрным миром, начинает раскапывать недра, добывая сырье на экспорт, и продает излишки сельхозпродукции, чтобы покупать предметы роскоши и технику. Таков ее второй этап. По мере роста населения и увеличения иностранных инвестиций расцветает индустриальная цивилизация. Это третья ступень. Постепенно планета становится все более механизированной, она ввозит пищу, вывозит технику, инвестирует более примитивные планеты. Вот вам и четвертый этап.

Механизированные миры всегда более густо населены, милитаризованы, сильны и окружены кольцом аграрных зависимых планет…

Что же случилось с нами? Мы находимся на третьей стадии — этапе роста индустрии. Однако рост остановился, застыл, был заморожен. Это связано с контролем тиранитов над нашей промышленностью. Мы постепенно обеднеем и перестанем приносить прибыль, но пока они снимают сливки.

К тому же, продолжая индустриализацию, мы могли бы создать мощное оружие. Поэтому индустриализацию остановили, на научные исследования наложили запрет. И постепенно люди так привыкли к этому, что даже не осознают, чего лишились. Поэтому вы удивились, когда я сказал, что могу быть казнен за создание визиосонара…

Конечно, когда-нибудь мы победим тиранитов. Это совершенно неизбежно. Они не могут править вечно. Никто этого не может. Они разленятся, станут покладистее. Начнутся смешанные браки, утратятся их особые традиции… Но на это могут уйти столетия, потому что история не торопится. И когда минут эти столетия, Родия по-прежнему останется аграрной планетой без промышленности, без науки. А наши соседи со всех сторон, те, что не находятся под контролем тиранитов, будут сильными и прогрессивными. Королевства навсегда останутся отсталыми по-

луколониями. Они никогда не поднимутся. Мы обречены быть лишь наблюдателями в великой драме развития человечества.

— То, что вы говорите, мне отчасти знакомо, — сказал Байрон.

— Естественно. Вы ведь учились на Земле. Земля занимает совершенно особое место в социальном развитии.

— В самом деле?

— Представьте себе, Со времен открытия межзвездных полетов Галактика постоянно заселялась. Мы всегда были растущим, а потому незрелым обществом. И совершенно очевидно, что человеческое общество достигло зрелости только в одном месте и только однажды, а именно на Земле, перед самой ее катастрофой. Это было общество, временно утратившее возможность экспансии и потому столкнувшееся с проблемами перенаселения, истощения ресурсов и так далее, — проблемами, с которыми не сталкивались больше ни в одной части Галактики.

Люди *вынуждены* были внимательно изучать социальные науки… Многое из этого мы, к сожалению, утратили. Но вот что забавно: в молодости Хинрик был ярым примитивистом. У него была уникальная, самая обширная в Галактике биб-

лиотека о земных явлениях. Став Правителем, он выбросил ее за борт, как и многое другое. Однако мне удалось сохранить часть ее. Земная литература — уцелевшие ее фрагменты — удивительна. В ней есть какой-то особый привкус углубленного самоанализа, которого лишена наша центробежная галактическая цивилизация. Да, эта литература поистине *крайне* забавна!

— Вы меня обрадовали, — сказал Байрон. — А то вы так долго были серьезны, что я уже начал беспокоиться, не утратили ли вы свое знаменитое чувство юмора.

Джилберт пожал плечами:

— Я позволил себе расслабиться, и это чудесно. Впервые за многие месяцы. Вы знаете, каково это — все время играть роль? Притворяться двадцать четыре часа в сутки, даже с друзьями, даже в одиночестве, чтобы не выдать себя ненароком? Быть недотепой, вечным шутом? Чтобы тебя не принимали всерьез. Быть таким слабым, чтобы все убедились в твоей безвредности? И все это для сохранения жизни, которая вряд ли того стоит. И все же пока я порой сражаюсь с ними! — Он поднял голову. Голос его звучал почти умоляюще: — Вы можете управлять кораблем. Я не могу. Разве это не странно? Вы говорите о моих научных

способностях, а я не могу справиться с простейшей космической шлюпкой. Но вы можете, а следовательно, должны покинуть Родию.

— Почему? — холодно нахмурился Байрон.

— Как я уже упоминал, — торопливо сказал Джилберт, — мы с Артемизией говорили о вас и все устроили. Выйдя отсюда, идите прямо в ее комнаты. Она вас ждет. Я нарисовал вам план, чтобы вы не расспрашивали никого в коридоре. — Он сунул Байрону в руку маленькую металлическую пластинку. — Если вас кто-нибудь остановит, скажите, что вас вызвал Правитель, и идите дальше. Если будете действовать уверенно, все сойдет…

— Подождите, — остановил его Байрон.

Он больше не собирался продолжать в том же духе. Джонти послал его на Родию и тем самым отправил прямо в лапы тиранитов. Тиранитский наместник послал его в Центральный Дворец и тем самым подверг капризам неустойчивой марионетки. С него довольно! Отныне его шаги, быть может, будут и неверными, но, космос их всех разрази, это будут его собственные шаги!

— Я здесь по важному делу, сэр, и не собираюсь улетать, — сказал он упрямо.

— Что?! Послушайте, не стройте из себя идиота! — На мгновение в голосе Джилберта про-

клюнулась прежняя интонация. — Вы думаете чего-нибудь добиться здесь? Вы думаете, что сумеете выйти из Дворца живым, если дождетесь утреннего солнца? Хинрик свяжется с тиранитами, и вы в течение двадцати четырех часов окажетесь за решеткой. Он не сделал этого до сих пор только потому, что ему трудно шевелить мозгами, чтобы принять какое бы то ни было решение. Он мой двоюродный брат, и я хорошо его изучил, можете мне поверить.

— А если и так, вам-то что до этого? — не сдавался Байрон. — С какой стати вы так печетесь обо мне?

Он разозлился не на шутку. С него довольно! Он больше не будет плясать под чью-то дудку! Джилберт встал и заглянул ему в глаза:

— Я хочу, чтобы вы взяли меня с собой. Я забочусь исключительно о себе. Я больше не могу. Лишь потому, что ни я, ни Артемизия не умеем управлять кораблем, мы еще здесь. Речь идет о спасении нашей жизни.

Байрон почувствовал, что его решимость ослабевает.

— Дочь Правителя? Какое отношение имеет она ко всему этому?

— Она в еще более отчаянном положении, чем

мы. У женщин более тяжелая доля. Что ждет юную, привлекательную и незамужнюю дочь Правителя, когда она станет такой же юной, привлекательной, но замужней? И кто в наши дни является желанным женихом? Ну конечно же, старый, распутный тиранитский придворный, похоронивший трех жен и мечтающий вернуть себе огонь юности в объятиях молодой девушки.

— Правитель никогда этого не допустит!

— Правитель допустит все, что угодно, да никто и не ждет его благословения.

Байрон представил себе Артемизию такой, какой видел последний раз. Волосы, убранные со лба, пышными волнами спадают на плечи. Чистая гладкая кожа, черные глаза, алые губы. Высокая, юная, улыбающаяся…

Такое описание подходит сотням миллионов девушек в Галактике. Просто смешно позволять такой глупости как-то повлиять на его решимость.

Однако он спросил:

— Корабль готов?

Лицо Джилберта сморщилось от внезапной улыбки. Но прежде чем он смог произнести хотя бы слово, послышался стук в дверь. Не мягкое жужжание фотолуча, не легкий щелчок пальца-

ми по пластику, а именно стук, сопровождаемый звоном металла и оружия.

Стук повторился, и Джилберт сказал:

— Вам лучше открыть дверь.

Байрон так и сделал. Два человека в форме вошли в комнату. Первый деловито отсалютовал Джилберту, потом повернулся к Байрону.

— Байрон Фаррил, именем наместника тиранитов и Правителя Родии вы арестованы.

— В чем меня обвиняют? — спросил Байрон.

— В государственной измене.

Выражение бесконечной горечи исказило лицо Джилберта. Он отвернулся.

— Хинрик оказался проворней, чем я ожидал. Забавно, забавно!

Это был прежний Джилберт, смеющийся и равнодушный. Брови слегка приподняты, как будто он рассматривал нечто отвратительное и в то же время интересное.

— Следуйте за мной! — приказал стражник. В руке его Байрон увидел нейронный хлыст.

Глава 8

Женские юбки...

У Байрона пересохло в горле. В честном бою он запросто уложил бы на лопатки каждого стражника, у него просто руки чесались! Возможно, он справился бы и с двумя. Но у них хлысты, и стоит ему шевельнуть рукой, как они пустят их в ход. Он сдался. Выхода не было.

Но тут Джилберт сказал:

— Пусть он возьмет свой плащ.

Байрон удивленно взглянул на маленького человека. Тот прекрасно знал, что никакого плаща у него не было.

Стражник почтительно щелкнул каблуками и хлыстом указал Байрону на шкаф:

— Вы слышали милорда? Возьмите свой плащ.

Байрон медленно отступил к книжному шкафу и присел на корточки, ища за стулом несуществующий плащ. Он напряженно ждал.

Для стражников визиосонар был просто каким-то странным прибором, утыканным кнопками. То, что Джилберт нежно перебирает пальцами эти кнопки, им ни о чем не говорило. Байрон же напряженно сконцентрировался, уставившись на нейронный хлыст и не позволяя своему мозгу воспринимать никаких посторонних образов.

Но сколько же можно ждать?

— Вы нашли свой плащ? Встаньте! — приказал вооруженный стражник.

Он сделал нетерпеливый шаг вперед и внезапно остановился. Глаза его сузились от изумления и перестали следить за Байроном.

Вот оно! Байрон выпрямился и прыгнул, схватив стражника за ноги. Тот с шумом упал, и Байрон железной хваткой зажал его руку, державшую хлыст.

У второго стражника тоже было оружие, в данный момент совершенно бесполезное. Свободной рукой он дико колотил по воздуху прямо у себя перед глазами.

Джилберт звонко рассмеялся:

— Фаррил, вас что-нибудь беспокоит?

— Я ничего не вижу, кроме хлыста, — прохрипел Байрон. — Он теперь у меня.

— Прекрасно. А сейчас уходите. Они не смогут остановить вас. Их мозг полон несуществующих видений и звуков.

Джилберт увернулся от сплетенных в тесный клубок тел, катившихся прямо на него.

Байрон освободил руку и ударил снизу вверх. Удар пришелся по ребрам. Лицо стражника исказилось от боли, тело согнулось. Байрон встал,

держа в руках хлыст.

— Осторожнее! — вдруг воскликнул Джилберт.

Но Байрон обернулся недостаточно быстро. Второй стражник обрушился на него и свалил на пол, подмяв под себя. Это была слепая атака. Невозможно было понять, что он видит сейчас перед собой. Несомненно было одно: Байрона он не видел. В горле у стражника клокотало.

Байрон извернулся, пытаясь ухватить выпавшее оружие, и увидел пустые глаза, глядевшие на невидимый для других ужас.

Байрон напряг ноги и попытался высвободиться, но тщетно. Трижды его бедра касался нейронный хлыст, и всякий раз Байрона передергивало от боли.

Клокотание стражника перешло в слова.

— Я вас всех! — орал он с безумным видом.

Очень бледное, почти невидимое мерцание ионизированного воздуха обозначило траекторию нейронного хлыста. Луч описал широкую дугу и коснулся ноги Байрона.

Байрон словно вступил в расплавленный свинец; словно на ногу ему упал целый гранитный блок; словно его укусила акула. Внешне с ним ничего не произошло. Лишь нервные окончания, управляющие болевыми ощущениями, были

на пределе. Большего не сделал бы и кипящий свинец.

Дикий, душераздирающий крик вырвался из горла. Байрон даже не заметил, что борьба кончилась. Осталась только одна всепоглощающая боль…

Однако рука стражника в это мгновение разжалась. Когда Фаррил заставил себя открыть глаза, он увидел сквозь слезы, что его противник пятится к стене, что-то отталкивая от себя обеими руками и глупо хихикая. Первый стражник по-прежнему лежал на спине, раскинув руки и ноги. Он был в сознании, но молчал. Глаза его следили за чем-то невидимым, тело слегка дрожало, на губах пузырилась пена.

Байрон заставил себя встать. Хромая, он подошел к стене. Удар рукояткой хлыста — и стражник упал. Потом назад, ко второму, который не сопротивлялся. Теряя сознание, он по-прежнему следил за чем-то взглядом.

Байрон сел, стараясь не задеть ногу, снял с нее ботинок и носок и с удивлением оглядел неповрежденную кожу. Он дотронулся до нее и застонал от нового прилива боли. Потом взглянул на Джилберта, который уже оставил свой визиосонар и утирал ладонью впалую щеку.

— Спасибо за помощь.

Джилберт пожал плечами:

— Скоро придут другие. Идите к Артемизии. Пожалуйста! И поскорее!

Байрон больше не перечил. Ноге стало легче, но она казалась распухшей. Он надел носок, сунул ботинок под мышку, отобрал у стражника второй хлыст и заткнул его за пояс.

— Что вы заставили их увидеть, сэр?

— Не знаю. Этого я не могу контролировать. Я лишь включил прибор на полную мощность, остальное зависело от их комплексов. Не теряйте времени на разговоры. План у вас?

Байрон кивнул и вышел. Коридор был пуст. Быстро идти Байрон не мог, мешала нога.

Он посмотрел на часы и вспомнил, что так и не успел перевести их на родийское время. Они по-прежнему показывали стандартное межзвездное время, используемое на кораблях, где сто минут составляют час, а тысяча минут — день. Поэтому число восемьсот семьдесят шесть, горевшее розоватым светом на холодной металлической поверхности циферблата, ни о чем ему не говорило.

Во всяком случае, на этой планете, по-видимому, стояла глубокая ночь или период сна (если

они не совпадали), иначе коридоры не были бы такими пустынными, а рельефы на стенах не фосфоресцировали бы без зрителей. Он коснулся одного из них — это была сцена коронации — и обнаружил, что рельеф двухмерный. Но создавалась полная иллюзия внутреннего пространства.

Байрон вдруг поймал себя на том, что стоит у стены, пытаясь изучить незнакомый эффект; спохватившись, он торопливо устремился вперед.

Пустота коридоров была еще одним доказательством упадка Родии. Теперь, став мятежником, он обостренно подмечал все симптомы упадка. Будь Дворец центром независимого государства, он был бы полон охраны и днем и ночью.

Байрон взглянул на чертеж Джилберта и свернул направо, поднимаясь по широкой витой лестнице. Когда-то здесь шествовали процессии…

Он остановился у двери и коснулся фотосигнала. Дверь чуть приоткрылась, а затем распахнулась.

— Входите, молодой человек.

Это была Артемизия. Байрон скользнул внутрь, дверь быстро и неслышно закрылась. Он взглянул на девушку, но ничего не сказал. Его смущало, что рубашка у него разодрана, один рукав болтается

на ниточке, сам он извозился в пыли, а на лице наверняка вспухают фонари.

Тут он вспомнил, что вдобавок ко всему все еще держит под мышкой ботинок, швырнул его на пол и сунул в него ногу. Потом спросил:

— Вы не возражаете, если я сяду?

Артемизия проводила его к стулу и встала рядом, немного волнуясь.

— Что случилось? Что с вашей ногой?

— Поранил, — коротко ответил он. — Вы готовы?

Лицо ее просияло.

— Так вы возьмете нас с собой?

Байрон был не в состоянии обмениваться любезностями. Нога у него по-прежнему болела.

— Проведите меня к кораблю, — сказал он. — Я оставлю эту проклятую планету. Если хотите, можете лететь со мной.

— Вы могли бы быть чуточку повежливее, — нахмурилась девушка. — Вам пришлось подраться?

— Да, со стражниками вашего отца, которые хотели арестовать меня за измену. Это я получил в ответ на просьбу об убежище.

— Мне очень жаль!

— Мне тоже. Неудивительно, что горстка ти-

ранитов играет и правит полусотней миров. Мы сами им помогаем. Люди, подобные вашему отцу, делают все, чтобы укрепить власть тиранитов. Они забывают элементарные правила порядочности… О, простите!

— Я же сказала, что мне жаль, лорд Ранчер. — Артемизия произнесла этот титул с холодным достоинством. — Пожалуйста, не судите моего отца. Вы не знаете всех фактов.

— Мне некогда обсуждать это. Надо действовать быстро, пока не появились новые стражники вашего отца… Я не хотел вас обидеть.

Его мрачный тон лишал извинения всякого смысла. Но, черт возьми, его впервые в жизни избили нейронным хлыстом! И это оказалось ну совсем не забавно. Кроме того, во имя космоса, они просто *обязаны* были предоставить ему убежище!

Артемизия рассердилась. Не на отца, конечно, а на этого глупого человека. Он так молод! Практически ребенок, решила она, вряд ли старше ее самой.

Где-то рядом загудел коммутатор.

— Подождите минутку, сейчас мы пойдем, — резко бросила Артемизия.

Издалека прозвучал голос Джилберта:

— Арта, у тебя все в порядке?

— Он здесь, — прошептала она в ответ.

— Хорошо. Ничего не говори, только слушай, Не выходи из своих комнат, и он пусть побудет у тебя. Сейчас начнется обыск всего Дворца. Я постараюсь что-нибудь придумать, а пока никуда не выходите.

Джилберт не стал ждать ответа. Контакт прервался.

— Вот как, значит! — сказал Байрон. — Мне оставаться здесь, рискуя навлечь на вас неприятности, или выйти и сдаться? Я думаю, что на Родии для меня нет убежища.

Она гневно посмотрела на него и возмущенно прошептала:

— Ох, да заткнитесь же вы! Такой большой, а совсем дурак!

Они уставились друг на друга. Байрон чувствовал себя обиженным. В конце концов, он ведь пытался ей помочь. Так что незачем бросаться оскорблениями.

— Простите, — сказала она и тут же отвела взгляд.

— Все в порядке, — ответил он холодно. — Вы лишь высказали свое мнение.

— Вам не следовало так говорить о моем отце.

Вы не знаете, каково быть Правителем. Он работает ради своего народа, что бы вы ни думали.

— О, конечно. Он хотел выдать меня тиранитам ради своего народа. Это имеет смысл.

— В какой-то степени — да. Он хотел показать им свою лояльность. Иначе они могли бы сместить его и непосредственно захватить власть над Родией. Разве это было бы лучше?

— Если дворянин не может найти себе убежище…

— О, вы думаете только о себе! В этом ваша ошибка.

— А по-вашему, если человек не хочет умирать, так он уже законченный эгоист! Тем более, умирать по-глупому. Я еще должен с ними сразиться! *Мой* отец боролся с ними!

Он чувствовал, что это звучит, как дешевая мелодрама, но она сама вынудила его на этот монолог.

— Ну и что хорошего это принесло вашему отцу? — поинтересовалась она.

— Ничего. Он был убит.

Артемизия почувствовала себя виноватой.

— Я все время приношу вам извинения, — проговорила она, — но на сей раз они совершенно искренни. Простите. Я действительно очень

сожалею. Вы же знаете — мне тоже грозят неприятности.

Байрон вспомнил.

— Знаю. Ладно, давайте начнем все сначала.

Он попытался улыбнуться. Нога болела уже меньше. Она сделала попытку пошутить:

— На самом деле вы вовсе не дурак.

— Ну… — начал Байрон с глупой ухмылкой.

И тут же замолчал, потому что Артемизия поднесла палец к губам. Оба повернули головы к двери.

За ней слышался мягкий звук, производимый множеством ног, шагающих по эластичному полу в коридоре. Большинство прошло мимо, но за дверью раздалось щелканье каблуков и загудел ночной сигнал.

Джилберт должен был действовать быстро. Прежде всего необходимо было спрятать визиосонар. Впервые он пожалел, что у него нет надежного убежища. Будь проклят Хинрик! Слишком быстро принял он на сей раз решение, не мог подождать до утра! Надо сматываться отсюда. Другой возможности не будет.

Он вызвал капитана стражи. Нельзя же просто проигнорировать двух стражников, валяющихся у него в комнате без сознания, а также исчезно-

вение пленника.

Капитан угрюмо выслушал его. Потом распорядился, чтобы пострадавших вынесли из помещения, и обратился к Джилберу:

— Милорд, из ваших слов я не совсем понял, что произошло.

— Видите ли, — ответил Джилберт, — они хотели арестовать его, а молодой человек не подчинился. Он ушел, космос его знает куда.

— Минутку, милорд, — сказал капитан. — Дворец хорошо охраняется, несмотря на поздний час. Тем более, что сегодня у нас почетный гость… Выйти преступник не мог, а внутри мы прочешем все закоулки. Но как он умудрился уйти? Мои люди были вооружены, а он нет.

— Он сражался как тигр. Я прятался за стулом и видел…

— Мне жаль, милорд, что вы не догадались помочь моим людям справиться с изменником.

Джилберт насмешливо поднял брови.

— Вот это забавно, капитан! Если ваши люди, с двойным преимуществом в численности и оружии, нуждаются в моей помощи, вам просто следует заменить их.

— Хорошо. Мы обыщем Дворец, найдем беглеца и посмотрим, сумеет ли он повторить представ-

ление.

— Я иду с вами, капитан.

Настала очередь капитана поднять брови.

— Не советую, милорд. Возможно, будет опасно.

Подобные замечания никто не смел делать Хинриадам. Джилберт знал это, но лишь улыбнулся, сморщив впалые щеки.

— Я знаю, — сказал он. — Но изредка и опасность кажется забавной.

Потребовалось пять минут на сборы отряда. В это время, оставшись один, Джилберт и позвонил Артемизии.

Байрон и Артемизия застыли, услышав сигнал. Он прозвучал вторично, затем негромко постучали в дверь. Послышался голос Джилберта:

— Позвольте мне, капитан. — И затем более громко: — Артемизия!

Байрон облегченно улыбнулся и шагнул вперед, но девушка неожиданно зажала ему рот рукой.

— Минутку, дядя Джил! — крикнула она, отчаянно указывая пальцем на стену.

Байрон с недоумением оглядел ее. Стена была совершенно гладкой. Артемизия, скорчив гримаску, быстро шагнула к нему и коснулась рукой панели. Часть стены бесшумно скользнула в

сторону, открыв вход в гардеробную. Неслышно прошептав: «Входите туда», девушка одновременно взялась за узорную застежку на своем правом плече. Расстегнутая булавка разорвала слабое силовое поле, шедшее невидимым швом вдоль всего платья. Оно соскользнуло на пол, и Артемизия спокойно перешагнула через него.

Входя в гардеробную, Байрон обернулся и, прежде чем стена закрылась за ним, успел заметить, как девушка накинула на плечи пеньюар, отороченный белым мехом. Смятое алое платье было небрежно брошено на кресло.

Байрон осмотрелся. Будут ли обыскивать комнаты Артемизии? Здесь он совершенно беспомощен. Другого выхода из гардеробной нет, спрятаться негде.

Вдоль стены мерцал ряд платьев, воздух около них чуть заметно мерцал. Рука Байрона легко прошла через это мерцание, он ощутил лишь слабое покалывание. Силовое поле защищало одежду от пыли.

Он может спрятаться за платьями. Собственно говоря, он уже это делает. С помощью Джилберта он справился с двумя стражниками, а попав сюда, прячется за женские юбки. Да-да, за женские юбки!

Он невольно пожалел, что не обернулся раньше, когда стена за ним закрылась. У девушки прекрасная фигура. Он отвратительно вел себя с ней. Конечно, она не отвечает за грехи своего отца.

Теперь ему остается только ждать, уставясь в стену, пока не прозвучат шаги, не раздвинется стена и дула бластеров не глянут ему в лицо. На этот раз визиосонар ему не поможет.

Он ждал, держа в каждой руке по нейронному хлысту.

Глава 9
...и штаны наместника

— В чем дело?

Артемизии не было необходимости разыгрывать испуг. Она говорила с Джилбертом, который вместе с капитаном стражи стоял в дверях. С полдюжины людей в форме предупредительно держались сзади.

— Что-нибудь с отцом?

— Нет-нет, — успокоил ее Джилберт. — Не волнуйся, ничего страшного. Ты спала?

— Засыпала. Мои девушки отлучились на час. Кроме меня, ответить было некому. Вы напугали

меня чуть не до смерти. — Она повернулась к капитану и высокомерно спросила: — Что вам угодно, капитан? Быстрее, пожалуйста. Сейчас не совсем подходящее время для аудиенции.

Джилберт вмешался, прежде чем капитан успел открыть рот.

— Забавная штука, Арта. Молодой человек… забыл, как его зовут… представь себе, убежал, разбив по пути две головы. Мы преследуем его, и теперь уже с равными силами. Взвод солдат на одного беглеца. Вот и я тоже иду по следу, радуя капитана рвением и усердием.

Артемизия выглядела совершенно сбитой с толку. Капитан крепко выругался про себя, едва шевельнув губами, потом проговорил:

— Извините, милорд, но вы объясняете не совсем понятно, и мы непозволительно медлим. Миледи, человек, назвавший себя сыном экс-Ранчера Вайдемоса, был арестован за измену. Ему удалось бежать. Мы должны обыскать весь Дворец, комната за комнатой.

Артемизия, нахмурившись, отступила.

— Включая и мои комнаты?

— Если Ваша милость позволит.

— Но я не позволю! Я несомненно знала бы, если бы в моей гостиной или спальне оказался

незнакомый молодой человек. А полагать, что я имею дело с незнакомцем в такое время ночи, оскорбительно. Вы не оказываете мне должного уважения, капитан.

Это сработало. Капитану осталось лишь поклониться и заверить:

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, миледи. Простите за беспокойство в ночное время. Вашего заявления, что вы не видели беглеца, разумеется, вполне достаточно. В данных обстоятельствах нам необходимо было убедиться в вашей безопасности. Он опасный человек.

— Но не настолько же, чтобы вы с вашими людьми не справились с ним?

И вновь вмешался Джилберт:

— Капитан, идемте! Пока вы обмениваетесь любезностями, наш беглец может добраться до оружейной. Я предлагаю оставить стражника у дверей леди Артемизии, чтобы никто не тревожил ее больше. Конечно, дорогая, это в том случае, если ты не пожелаешь присоединиться к нам сама.

— Спасибо, — холодно ответила Артемизия. — Я удовольствуюсь тем, что закрою дверь и лягу спать.

— Выбери стражника повыше! — воскликнул

Джилберт. — Возьми вот этого. У стражи сейчас красивые мундиры, Артемизия. Стражника можно издали узнать по мундиру…

— Милорд! — нетерпеливо прервал его капитан. — У нас нет времени. Вы нас задерживаете.

По его сигналу один из стражников вышел из строя, отсалютовал сначала уже закрытой двери Артемизии, затем капитану. Вскоре звуки шагов стихли вдали.

Артемизия чуть помедлила, затем приоткрыла дверь. Стражник стоял, расставив ноги, выпрямив спину, держа правую руку на рукоятке оружия. Тот самый высокий стражник, которого предложил Джилберт. Высокий, как Байрон Фаррил, впрочем, чуть поуже в плечах.

Артемизия подумала, что хоть Байрон молод и горяч не в меру, зато высок и хорошо сложен. Зря она так набрасывалась на него все время. Вообще-то он симпатичный…

Она закрыла дверь и подошла к гардеробной.

Байрон застыл, когда часть стены снова заскользила в сторону. Он затаил дыхание, пальцы крепко сжали оружие.

Артемизия взглянула на его хлысты.

— Осторожней!

Он облегченно перевел дыхание и сунул хлы-

сты в карман. Так было неудобно, но у него не было кобуры.

— Это на случай, если бы заглянул кто-нибудь другой, — заметил он.

— Выходите и говорите шепотом.

Она по-прежнему была в пеньюаре из незнакомой Байрону ткани, отделанной кисточками серебристого меха. Пеньюар облегал тело благодаря какому-то статическому притяжению, так что не нужны были ни пуговицы, ни застежки, ни замки. Сквозь ткань слегка просвечивали очертания фигуры Артемизии.

Байрон почувствовал, что уши у него зарделись, но ощущение было невыразимо приятным.

Артемизия нетерпеливо махнула рукой:

— Ну что же вы?

Байрон перевел взгляд на ее лицо:

— Что? О, простите.

Он отвернулся и застыл, прислушиваясь к слабому шуршанию одежды. Ему не пришло в голову удивиться, что она не воспользовалась гардеробной или не переоделась перед тем, как открыть ему выход. Тайны женской психологии собьют с толку кого угодно.

Когда он обернулся, она была уже в костюме, едва доходившем до колен. Эта одежда явно пред-

назначалась для выхода.

— Значит, мы уходим? — машинально спросил он.

Девушка покачала головой.

— Сначала вы должны сделать свое дело. Вам нужна другая одежда. Встаньте по эту сторону двери, а я позову стражника.

— Что за стражник?

— По предложению дяди Джила у двери оставили охрану, — улыбнулась Артемизия.

Она приоткрыла дверь. Стражник неподвижно стоял на месте.

— Стражник, скорее сюда, — прошептала она.

Солдат не колеблясь исполнил приказание дочери Правителя. Он вошел в комнату с уважительным: «К вашим услугам…» — но тут внезапно что-то тяжелое обрушилось ему на плечи, колени у него подогнулись, а остаток фразы застрял в горле, вбитый туда резким ударом кулака.

Артемизия торопливо закрыла дверь и смотрела на схватку с чувством, близким к тошноте. Жизнь во Дворце Хинриадов была спокойной, и раньше ей никогда не приходилось видеть лица, залитого кровью и искаженного удушьем. Она отвернулась.

Байрон, оскалив зубы от напряжения, железной

хваткой сжал противника за горло. Руки стражника ослабели, ноги тщетно пинали воздух. Не разжимая хватки, Байрон приподнял его. Наконец руки и ноги стражника повисли неподвижно, конвульсивные и бесполезные движения груди почти прекратились. Байрон осторожно опустил его на пол. Стражник безжизненно растянулся, как пустой мешок.

— Он мертв? — с ужасом спросила Артемизия.

— Вряд ли. Чтобы задушить человека, требуется от четырех до пяти минут. Он просто отключился на время. Найдется чем связать его?

Артемизия покачала головой. В этот момент она чувствовала себя совершенно беспомощной.

— У вас наверняка есть селлитовые чулки, — сказал Байрон. — Они сгодятся. — Он обезоружил стражника и стащил с него мундир. — Кроме того, мне необходимо умыться.

Приятно было окунуться в очищающий туман ванной Артемизии. Возможно, слишком сильный аромат, но, надо полагать, на свежем воздухе он исчезнет. По крайней мере, теперь он чист, и для этого понадобилось только шагнуть в поток капель, подгоняемых теплым воздухом. Вышел он не только чистым, но и сухим. Ни на Земле, ни в Вайдемосе таких ванн не было.

Мундир стражника оказался ему тесноват. Не понравилось Байрону и ощущение от уродливой конической шапки на голове. Он с отвращением взглянул на свое отражение.

— Как я выгляжу?

— Как солдат.

— Вам придется нести один хлыст, я не справлюсь с тремя.

Она осторожно взяла хлыст двумя пальцами и опустила в сумку, свисавшую с ее широкого пояса и поддерживаемую микрополем, так что руки у нее оставались свободными.

— Нам пора идти, — сказала она. — Если кто-нибудь встретится по пути, молчите, говорить буду я. Вас выдаст акцент. Да и в любом случае, в моем присутствии вы не имеете права говорить, разве что обратятся непосредственно к вам. Помните: вы простой солдат.

Стражник на полу начал извиваться и закатил глаза. Руки и ноги его были надежно связаны чулками, материал которых прочнее стали, изо рта торчал кляп.

Байрон оттащил его в сторону, чтобы Артемизии не пришлось переступать через него.

— Сюда, — выдохнула Артемизия.

На первом повороте за ними послышались ша-

ги, и легкая рука опустилась на плечо Байрона.

Байрон молниеносно схватил эту руку и быстро обернулся, другой рукой сжимая нейронный хлыст.

— Спокойнее, молодой человек, — сказал Джилберт, потирая запястье. — Я ждал вас, но это не причина, чтобы ломать мне кости. Позвольте выразить восхищение вашим видом, Фаррил. Правда, одежда на вас чуть сморщилась, но неплохо, совсем неплохо. В таком наряде вы гарантированы от пристальных нескромных взглядов. Вот вам преимущество мундира! Каждый считает, что в солдатской форме должен быть только солдат, и больше никто.

— Дядя Джил, — нетерпеливо прошептала Артемизия, — не говорите так много. Где сейчас стражники?

— Никто не дает мне и слова сказать, — заявил он обиженно. — Стражники подбираются к башне. Они решили, что нашего друга нет на нижних этажах, поэтому оставили лишь несколько человек у входа и лестниц. Мы сможем пройти.

— А они не хватятся вас, сэр? — спросил Байрон.

— Меня? Ха! Капитан был просто счастлив, что я ухожу. Уверяю вас, они не станут меня искать.

Вначале они говорили шепотом, потом совсем замолкли. Внизу у лестницы стоял стражник, еще двое дежурили по обе стороны больших резных ворот, выходивших на улицу.

— Есть новости о беглеце, ребята? — спросил Джилберт.

— Нет, милорд, — откликнулся ближайший стражник, щелкнув каблуками.

— Ну, смотрите в оба!

Они миновали стражников, один из которых предварительно отключил сигнализацию.

Снаружи была ночь. На небе сияли звезды, тусклое рваное пятно туманности закрывало искры света на горизонте. Центральный Дворец остался позади, вздымаясь черной глыбой, а в полумиле виднелась Полевая Башня.

Через пять минут Джилберт забеспокоился.

— Что-то здесь не так, — сказал он.

— Дядя Джил, ты не забыл подготовить корабль? — спросила Артемизия.

— Конечно, нет, — выпалил он, если только можно выпалить шепотом. — Но почему освещена Полевая Башня? Она должна быть темной.

Он указал на деревья, за которыми муравейником возвышалась башня белого цвета. Свет означал работу на поле: корабли улетали в кос-

мос или, наоборот, приземлялись.

— На эту ночь *ничего* не назначено. Это совершенно точно.

Джилберт неожиданно остановился и развел руки в стороны, чтобы удержать остальных.

— Приехали! — сказал он и почти истерически хихикнул. — На сей раз Хинрик организовал все как следует. Они здесь! Тираниты! Вы не понимаете? Это личный боевой крейсер Аратапа!

Байрон увидел крейсер, сверкавший огнями. На фоне других, неразличимых в темноте кораблей он выглядел стройнее, тоньше и изящнее родийских звездолетов.

— Капитан говорил о каком-то почетном госте, но я не обратил на его слова внимания, — сказал Джилберт. — Теперь делать нечего. Мы не можем сражаться с тиранитами.

— Почему это? — свирепо спросил Байрон, чувствуя, как в нем закипает ярость. — Почему мы не можем с ними сражаться? Они не ждут нападения, а мы вооружены. Захватим корабль наместника! Оставим его без штанов!

И он шагнул вперед из относительно безопасной тени деревьев на открытое поле. Остальные последовали за ним. Прятаться не имело смысла. Они были членами королевской семьи, которых

сопровождал солдат.

Но сейчас они шли сражаться с тиранитами.

Увидев впервые год назад Дворцовые покои на Родии, Саймак Аратап был поражен, но впечатлил его только внешний вид комплекса. Внутренность была всего лишь обветшалым реликтом. Два поколения назад здесь заседали члены правительства Родии и размещались основные правительственные учреждения. Центральный Дворец был сердцем дюжины миров.

Но сейчас местные правительства, оставшиеся у власти (поскольку Хан не вмешивался во внутренние дела), встречались раз в году, чтобы ратифицировать приказы, полученные за истекшие двенадцать месяцев. Это было чистой формальностью. Исполнительный Совет номинально продолжал заседать, но состоял из десятка лиц, которые девять из десяти недель проводили в своих поместьях. Различные исполнительные учреждения действовали активно, так как без них не могли обойтись ни прежние, ни новые властители, но теперь они были рассеяны по планете и стали менее зависимы от Правителя, подчиняясь приказам своих новых хозяев — тиранитов.

Дворец остался только величественным со-

оружением из камня и металла, не более. В нем размещалась семья Правителя, штат прислуги и совершенно недостаточный отряд стражников.

Сегодня Аратап чувствовал себя во Дворце неуютно. Было поздно, он устал, глаза болели и хотелось убрать контактные линзы, а главное, он был разочарован как никогда.

Рухнул такой прекрасный план! Аратап изредка поглядывал на своего военного заместителя, но майор бесстрастно слушал Правителя.

Сам Аратап не обращал на Хинрика никакого внимания.

— Сын Вайдемоса? В самом деле? — спросил он рассеянно. Затем добавил: — И вы его арестовали? Правильно сделали!

Но все это уже потеряло для него интерес, поскольку события явно вышли из-под контроля. Аратап был человеком точным и аккуратным и терпеть не мог, когда разрозненные факты сбивались в беспорядочную кучу, вместо того чтобы выстроиться в стройную логическую цепочку.

Вайдемос был изменником, и сын Вайдемоса пытался встретиться с Правителем Родии, вначале тайно, а когда это не удалось, то при помощи невероятной истории с заговором. Разумеется, это должно было послужить началом схемы.

И вот все распалось. Хинрик с неприличной торопливостью выдал мальчишку, даже не мог подождать до утра. И это совсем не радовало, ибо Аратап еще не выяснил все факты.

Он вновь прислушался к жалкому лепету Правителя. Хинрик начал повторяться, и Аратап почувствовал к нему жалость. Этот человек стал таким трусом, что даже тиранитов выводил из терпения. И все же это был единственный путь. Только страх может обеспечить абсолютную верность. Страх — и больше ничего.

Вайдемос не боялся. И хотя его личные интересы были связаны с господством тиранитов, он восстал. Хинрик боялся — в этом было различие.

И поскольку Хинрик боялся, он сидел здесь, бессвязно лепеча и пытаясь заслужить одобрение. Ну, от майора он его не дождется, как пить дать. У этого служаки нет ни капли воображения. Аратап вздохнул: что ж, может, так оно и легче. Политика — грязное дело.

— Очень хорошо, — благосклонно кивнул он Правителю. — Я приветствую ваше быстрое решение и ваше рвение на службе Хану. Вы можете быть уверены, что он узнает об этом.

Лицо Хинрика прояснилось, он испытывал явное облегчение.

— Пусть его приведут, — продолжал Аратап. — Послушаем, что скажет наш петушок.

Он еле сдерживал желание зевнуть. Его совершенно не интересовало, что скажет «петушок».

Хинрик собрался вызвать капитана стражи, но оказалось, что в этом не было необходимости: капитан без всякого вызова появился в дверях комнаты.

— Ваше превосходительство! — воскликнул он и вошел, не дожидаясь позволения.

Хинрик удивленно разглядывал свою руку, так и не дотянувшуюся до сигнала вызова, недоумевая, как это его намерение материализовалось вдруг само по себе.

— Что случилось, капитан? — неуверенно спросил он.

— Ваше превосходительство, пленник сбежал!

Аратап встрепенулся, наконец пробудившись от спячки. Это уже интереснее!

— Подробности, капитан! — приказал он и выпрямился в кресле.

Капитан лаконично изложил события и сказал:

— Ваше превосходительство, я прошу разрешения объявить общую тревогу. Они не могли далеко уйти!

— Конечно, — запинаясь, выговорил Хинрик. — Общая тревога. Вот именно! Быстрее! Наместник, я не понимаю, как это могло случиться. Капитан, поднимите всех людей! Наместник, мы проведем расследование. Все стражники будут сурово наказаны! Наказаны! Наказаны!

Он истерично выкрикивал это слово, но капитан продолжал стоять. Очевидно, он хотел сказать что-то еще.

— Чего вы ждете? — нетерпеливо спросил его Аратап.

— Могу я поговорить с Его превосходительством наедине? — вдруг спросил капитан.

Хинрик бросил быстрый испуганный взгляд на невозмутимого наместника и с негодованием произнес:

— У нас нет секретов от солдат Хана — наших друзей, наших…

— Говорите, капитан, — мягко прервал его Аратап. Капитан щелкнул каблуками и сказал:

— Поскольку мне приказано говорить, Ваше превосходительство, я с сожалением вынужден сообщить, что вместе с пленником исчезли также миледи Артемизия и милорд Джилберт.

— Он осмелился похитить их?! — Хинрик вскочил на ноги. — И мои стражники позволили?

— Они не похищены, Ваше превосходительство, — возразил капитан. — Они сопровождают его добровольно.

— Откуда вы знаете? — Аратап наслаждался: кажется, все-таки образуется схема. Причем такая, о какой он не мог и мечтать.

— У нас есть показания обезоруженного стражника, — сказал капитан, — а также тех, кто невольно позволил им выйти из здания. — Он поколебался, потом угрюмо добавил: — Когда я расспрашивал миледи Артемизию у двери ее личных покоев, она сказала мне, что спала. Лишь позднее я понял, что лицо ее вовсе не было заспанным. Но когда я вернулся, было уже поздно. Я сознаю свою ответственность за эту неудачу и прошу Ваше превосходительство принять мое прошение об отставке. Но сейчас я должен знать: вы по-прежнему согласны объявить общую тревогу? Без вашего разрешения я не могу задержать членов королевского семейства.

Хинрик пошатнулся и посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Капитан, вам следует позаботиться о здоровье вашего Правителя, — сказал Аратап. — Советую вызвать врача.

— А общая тревога? — спросил капитан.

— Никаких тревог! Вы меня поняли? Ни общей тревоги, ни захвата пленника. Инцидент исчерпан! Верните своих людей к их обычным обязанностям и позаботьтесь о своем Правителе. Идемте, майор!

Как только здание Центрального Дворца осталось у них за спиной, майор-тиранит угрюмо заговорил:

— Аратап, я полагаю, вы знаете, что делаете. Я не вмешался только на основании этого предположения.

— Благодарю вас, майор.

Аратапу нравился ночной воздух этой планеты, полной зелени. Тиран тоже по-своему прекрасен суровой красотой гор и скал. Но очень уж там сухо.

— Вам нельзя иметь дело с Хинриком, майор, — продолжал Аратап. — В ваших руках он слабеет и ломается. Он полезен нам, поэтому с ним нужно обращаться помягче.

Майор отмахнулся от упрека.

— Я не об этом. Почему вы отменили общую тревогу? Вам что, не нужны эти изменники?

— А вам? — Аратап остановился. — Посидим здесь немного, Андрос. Вон скамья у дороги. Прекрасное место и абсолютно недостижимое

для шпионских лучей… Зачем вам этот молодой человек?

— А зачем мне вообще все изменники и преступники?

— Вы хотите захватить несколько пешек, оставив нетронутым сам источник заразы. Ну и кого вы так стремитесь заполучить? Мальчишку, глупую девчонку и престарелого идиота?

Поблизости негромко струился искусственный водопад. Маленький, но красивый, он был подлинным чудом для Аратапа. Вода, без всякой цели бесконечно бегущая по земле! Всякий раз, когда он видел это, в нем поднималось инстинктивное возмущение.

— Но так мы вообще остались ни с чем, — заметил майор.

— У нас есть схема. Когда молодой человек появился впервые, мы считали, что ему нужен Правитель. И это было непонятно, потому что Хинрик — это Хинрик. Теперь мы знаем: Правитель был только прикрытием. Мальчишка явился за дочерью Хинрика и его братом, а это уже имеет смысл.

— Почему Хинрик не вызвал нас быстрее? Почему он ждал до полуночи?

— Потому что он игрушка в руках у любого,

кто до него доберется первым. Я не сомневаюсь: Джилберт уверил его, что ночная встреча с нами будет доказательством его рвения.

— Вы думаете, нас вызвали сюда специально, чтобы мы стали *свидетелями* их бегства?

— Нет, не для этого. А вы подумайте: куда могут отправиться наши беглецы?

— Родия велика, — пожал плечами майор.

— Да, если бы юный Фаррил бежал один. Но где на Родии останутся незамеченными два члена королевской семьи? Особенно девушка?

— Вы правы. Значит, им придется покинуть планету?

— Совершенно верно. А каким образом? За пятнадцать минут они могут добраться до Полевой Башни. Теперь вы понимаете, почему мы здесь?

— *Наш корабль!* — воскликнул майор.

— Конечно! Тиранитский корабль покажется им идеальным выходом. Иначе им пришлось бы взять торговый корабль. Фаррил учился на Земле и, я уверен, умеет управлять крейсером.

— Вот именно. Почему мы позволяем аристократам посылать своих сыновей куда угодно? Для того чтобы заниматься местной торговлей, им вовсе не нужно знать, как управляют звездолетами. Мы сами растим бунтовщиков на свою голову!

— Тем не менее, — произнес Аратап с вежливым равнодушием, — в данный момент Фаррил обладает необходимым образованием и надо принять это во внимание, а не сердиться. Я уверен, что они попытаются захватить наш крейсер.

— Не могу поверить!

— У вас передатчик в часах. Свяжитесь с крейсером, если можете.

Майор попробовал, но безуспешно.

— Свяжитесь с Полевой Башней.

Из крошечного приемника послышался тихий голос. В нем звучала растерянность.

— Но, Ваше превосходительство, здесь какая-то ошибка. Ваш пилот вылетел десять минут назад.

— Вот видите! — улыбнулся Аратап. — Стоит построить правильную схему — и каждое предыдущее событие неизбежно повлечет за собой последующее. Теперь вы поняли, к чему это приведет?

Майор хлопнул себя по бедрам и коротко хохотнул.

— Конечно!

— Они еще не знают этого, — продолжал Аратап, — но они себя погубили. Если бы они довольствовались самым неуклюжим и тихоходным родийским торговым кораблем, им несомненно

удалось бы уйти и меня, как говорится, оставили бы сегодня ночью без штанов. Но сейчас штаны на мне держатся крепко, а вот им, голубчикам, уже никто не поможет. И когда я накрою их — не раньше и не позже, чем будет выгодно мне, заметьте, — последние слова он подчеркнул с особым удовольствием, — в моих руках окажется вся тайная организация. — Он вздохнул и снова почувствовал, что становится скучно. — Что ж, нам повезло, и сейчас нет необходимости торопиться. Вызовите центральную базу. Пусть вышлют за нами другой корабль.

Глава 10
Может быть!

Занятия по космонавтике, которые Байрон Фаррил посещал на Земле, носили в основном теоретический характер. Он прослушал несколько курсов, посвященных развитию космической техники, и целых полсеместра изучал гиператомный двигатель, но все это мало помогало, когда нужно было управлять кораблем в космосе. Опытные пилоты осваивают свое дело в пространстве, а не в аудитории.

Байрону удалось поднять корабль без проблем,

но тут ему просто повезло.

«Беспощадный» повиновался приборам легче и быстрее, чем ожидал Байрон. Он несколько раз поднимал корабли с Земли в космос и сажал их, но это были старые модели, предназначенные для тренировки студентов. Все они поднимались в воздух с трудом, будто сильно устали, и медленно шли по спирали сквозь атмосферу.

«Беспощадный» же оторвался от планеты без всяких усилий: прыгнул вверх и со свистом пронесся через атмосферу, так что Байрон кувырком вылетел из кресла и чуть не вывихнул себе плечо. Артемизия и Джилберт, которые с осторожностью новичков пристегнулись к сиденьям, отделались лишь синяками от натянутых ремней. Пленный тиранит лежал у стены, пытаясь развязать путы и монотонно ругаясь.

Байрон встал, пошатываясь, пинком заставил тиранита замолкнуть и, придерживаясь за перила, пробрался вдоль стены к своему сиденью. Действие носовых двигателей несколько уменьшило обороты ускорения и сделало его переносимым.

Они находились в верхней части атмосферы Родии. Небо стало темно-фиолетовым, корпус корабля так нагрелся от трения воздуха, что пекло

даже внутри.

Потребовались часы, чтобы лечь на орбиту вокруг Родии. Байрон не мог рассчитать скорость, необходимую для преодоления притяжения планеты. Он работал наугад, резко меняя скорости вперед и назад, и следил за массометром, который показывал удаление от поверхности планеты, измеряя интенсивность гравитационного поля. К счастью, массометр был калиброван с учетом массы в радиусе притяжения Родии. Сам Байрон без длительного экспериментирования не смог бы приспособить калибровку.

В конце концов массометр успокоился и в течение двух часов продержался на одной точке, не отклоняясь. Байрон позволил себе расслабиться, остальные расстегнули ремни.

— Не сказала бы, что у вас легкая рука, лорд Ранчер, — заметила Артемизия.

— Я лечу, миледи, — огрызнулся Байрон. — Если вы сумеете лучше, пожалуйста, попробуйте. Только сначала я высажусь.

— Тихо, тихо! — остановил их Джилберт. — Корабль тесноват для словесных баталий, и вдобавок, поскольку мы втиснуты в эту летающую куриную клетку, я предлагаю опустить все эти «лорды» и «леди», иначе наше общение

станет невозможным. Я — Джилберт, вы — Байрон, она — Артемизия. Предлагаю пользоваться именами. А что касается корабля, почему бы нам не призвать на помощь нашего друга тиранита?

Пленник испепелил его взглядом.

— Нет, мы не можем доверять ему, — сказал Байрон. — Кроме того, поупражнявшись, я стану лучше справляться с кораблем. Ведь я вас пока не разбил?

Плечо у него все еще ныло от первого толчка при взлете, и, как обычно, боль делала его раздражительным.

— А что же нам делать с ним? — спросил Джилберт.

— Мне не по душе хладнокровное убийство, — ответил Байрон. — К тому же оно нам не поможет, а только еще больше озлобит тиранитов. Убийство представителя господствующей расы — непростительный грех.

— Какой же выход?

— Высадим его.

— Хорошо, но где?

— На Родии.

— Что?!

— Это единственное место, где нас не будут искать. К тому же нам в любом случае придется

садиться.

— Зачем?

— Наместник использовал свой корабль для внутрипланетных перелетов. На нем нет запасов продовольствия. Прежде чем отправиться куда-либо, надо проверить, что есть на корабле, и пополнить запасы воды и пищи.

Артемизия одобрительно кивнула:

— Верно. Мне это даже в голову не пришло. Молодец, Байрон.

Байрон небрежно махнул рукой, но тем не менее был доволен. Впервые она назвала его по имени. Оказывается, она умеет быть милой, если захочет…

— Но он же немедленно сообщит о нашем местонахождении! — переполошился Джилберт.

— Не думаю, — сказал Байрон. — Во-первых, надеюсь, на Родии есть пустынные места. Мы ведь не станем высаживаться в деловом квартале города или в тиранитском гарнизоне. Во-вторых, наш пленник скорее всего и сам не захочет встречи со своим начальством… Эй, послушайте, а что ждет солдата, который позволил украсть личный крейсер наместника?

Пленник не ответил, но побледнел и поджал губы.

Байрон не хотел бы оказаться на месте этого солдата, хотя, откровенно говоря, его трудно было в чем-то винить. Вряд ли он мог ожидать нападения со стороны королевской семьи Родии. В соответствии с тиранитским военным уставом он отказался пустить их на борт корабля без разрешения офицера. Даже если бы об этом попросил сам Правитель, сказал им солдат, он вынужден был бы отказать. Но они окружили его, и, когда он понял, что ему следовало еще точнее выполнять статьи устава, было уже поздно — нейронный хлыст коснулся его груди.

Он и тогда не покорился. Пришлось ударить его хлыстом, чтобы угомонить. И несмотря на это стойкое сопротивление, ему как минимум грозил трибунал и суровая кара. Никто в этом не сомневался, и меньше всех — сам солдат.

Они приземлились два дня спустя на окраине города Саутварка. Город был выбран сознательно, так как лежал в стороне от густонаселенных районов Родии. Тиранитского солдата усадили в катапульту и выбросили в пятидесяти милях от ближайшего населенного пункта.

Посадка на пустом берегу прошла без осложнений. Байрон, меньше своих попутчиков рисковавший быть узнанным, сделал в городе

необходимые покупки.

Родийских денег, которые в последний момент догадался прихватить с собой Джилберт, едва хватило на самые элементарные припасы. Большая часть их ушла на тележку, в которой можно было по частям перевезти купленное.

— Нам хватило бы денег на что-нибудь еще, — сказала Артемизия, — если бы вы не накупили столько тиранитской каши.

— Мне не из чего было выбирать, — разозлился Байрон. — Можете называть ее тиранитской кашей, однако на самом деле это хорошо сбалансированная пища. Она пригодится нам как нельзя лучше.

Он был раздражен. Доставить все необходимое и погрузить на корабль — работа для грузчика, и рискованная к тому же. Покупать приходилось под носом у тиранитов. Поэтому он ждал не укоров, а одобрения.

А потом, другого выхода действительно не было. Тираниты самостоятельно разработали целую технологию приготовления концентратов с учетом небольших размеров своих кораблей. Они не могли позволить себе роскошь в виде огромных кладовых, в которых рядами висели целые туши, как это делалось на других флотилиях, зато

преуспели в создании стандартных рационов, содержавших большое количество калорий и все необходимые компоненты. Эти рационы хранились в виде брикетов и занимали в двадцать раз меньше места, чем естественные продукты.

— У нее ужасный вкус, — сказала Артемизия.

— Придется привыкнуть, — ответил Байрон, подражая ее капризному тону. Она вспыхнула и сердито отвернулась.

Байрон понимал, что ее смущает теснота и все, что с ней связано. Дело не только в тиранитской пище. Не было, например, отдельных спален. Большую часть корабля занимали машинный отсек и рубка управления. (В конце концов, это же военный корабль, а не прогулочная яхта, подумал Байрон.) Был еще склад и маленькая каюта с двумя ярусами по три койки с каждой стороны, а в небольшой нише возле каюты — туалет.

Все это означало тесноту и полную невозможность уединения. Это означало также, что Артемизии придется считаться с отсутствием на борту женской одежды, зеркала и ванной.

Что ж, пусть привыкает. Байрон считал, что сделал для нее вполне достаточно.

Почему бы ей не оценить его усилий по достоинству? Могла бы и улыбнуться хоть иногда. У

нее прелестная улыбка, и вообще она ничего, если не принимать во внимание характер. Но характерец!..

Ладно, хватит терять время впустую на эти размышления!

Хуже всего было положение с водой. Тиран — пустынная планета, вода там редкость, и люди знают ей цену. На корабле вода для умывания почти не использовалась. Солдаты мылись, высадившись на планету. Считалось, что во время перелета немного грязи и пота не повредит. Даже для питья воды вряд ли хватало на дальний рейс. Воду нельзя ни концентрировать, ни дегидрировать — ее приходится запасать в натуральном виде. Проблема осложнялась тем, что содержание воды в тиранитских концентратах было очень низким.

На корабле были установлены устройства для вторичного использования воды, выделяемой телом, но Байрон, разобравшись в их назначении, почувствовал тошноту и отключил их. С химической точки зрения это разумная процедура, но к таким вещам необходимо привыкнуть.

Второй взлет прошел сравнительно гладко, и Байрон проводил время, упражняясь в пилотировании. Компактный пульт управления лишь

отдаленно напоминал те, к которым он привык на Земле. Раздумывая над назначением того или иного прибора, Байрон записывал свою догадку на бумажку и прикреплял ее у соответствующего устройства.

В пилотскую рубку вошел Джилберт. Байрон взглянул на него через плечо и спросил:

— Артемизия в каюте, надо полагать?

— Где же ей еще быть?

— Когда увидите ее, передайте, что я буду спать здесь, в пилотской рубке. Советую вам сделать то же, чтобы каюта была полностью в ее распоряжении. — И, помолчав, пробормотал вполголоса: — Только капризной девчонки нам тут и не хватало.

— Вы тоже не без греха, Байрон, — заметил Джилберт. — Вспомните, к какой жизни она привыкла.

— Я помню. И что же? А к какой жизни привык я? В конце концов, я тоже родом не из шахтерской семьи с пояса астероидов! Я родился на самом большом ранчо Нефелоса. Но нужно уметь приспосабливаться к обстоятельствам! Черт возьми, я же не могу растянуть корабль! Он может взять лишь небольшой запас пищи и воды, и я не виноват, что здесь нет ни душа, ни ванной. Она злится

на меня, словно это я сконструировал корабль!

Для него было большим облегчением выкрикнуть все это в лицо Джилберту.

Но тут открылась дверь и появилась Артемизия. Она холодно сказала:

— На вашем месте, Байрон, я воздержалась бы от криков. Вас слышно по всему кораблю.

— Это меня не беспокоит, — парировал Байрон. — А если вам не нравится на корабле, вспомните, что, если бы ваш отец не пытался убить меня, а вас — выдать замуж, мы бы здесь не оказались.

— Не смейте говорить о моем отце!

— Я буду говорить, о чем захочу.

Джилберт зажал уши руками:

— Я вас умоляю!

Спор мгновенно оборвался. Джилберт предложил:

— Не обсудить ли нам сейчас конечную цель? Ведь совершенно очевидно, что чем быстрее мы долетим куда-нибудь и выберемся из корабля, тем легче нам всем будет.

— Согласен с вами, Джил, — сказал Байрон. — Куда угодно, лишь бы избавиться от ее стенаний. А еще говорят о женщинах на космических кораблях!

Артемизия проговорила, обращаясь исключительно к Джилберту:

— Почему бы нам совсем не уйти из района туманности?

— Не знаю, как вы, — немедленно отреагировал Байрон, — а я собираюсь вернуться на свое ранчо и кое-что предпринять в связи с убийством отца. Я остаюсь в королевствах.

— Я не имела в виду улетать навсегда. Только до тех пор, пока нас не перестанут искать. Не знаю, что вы собираетесь делать со своим ранчо, но знаю, что вы его не получите, пока империя тиранитов не разлетится на куски. Извините, но я как-то не вижу вас в роли крушителя империй.

— Не волнуйтесь о том, что я хочу предпринять. Это мое дело.

— Могу я внести предложение? — мягко спросил Джилберт и, истолковав молчание как согласие, продолжил: — Предположим, я скажу вам, куда мы должны лететь и что делать, чтобы разбить империю на куски, как выразилась Артемизия.

— Да ну? И как же вы предполагаете это сделать? — поинтересовался Байрон.

— Мой дорогой мальчик, вы проявляете очень забавный скептицизм, — улыбнулся Джил-

берт. — Вы не верите мне? Вы считаете, будто мое предложение — обязательно глупость. А ведь это я вывел вас из Дворца.

— Я помню об этом и очень внимательно слушаю.

— Ну и прекрасно. Я двадцать лет ждал возможности сбежать от тиранитов. Если бы я был обычным гражданином, я давно бы сделал это, но из-за своего проклятого происхождения я постоянно находился у них на глазах... И все же если бы я не был Хинриадом, то не смог бы присутствовать на коронации нынешнего Хана Тиранитского и не наткнулся бы на тайну, которая однажды уничтожит самого Хана.

— Продолжайте, — сказал Байрон.

— Путешествие с Родии на Тиран и обратно совершалось, разумеется, на тиранитском военном корабле. Корабль был похож на этот, только намного больше. Полет туда прошел без происшествий. Пребывание на Тиране было по-своему забавным, но для моего рассказа это не имеет значения. Однако на обратном пути в нас попал метеорит.

— Что?!

Джилберт поднял руку:

— Я хорошо знаю, что это почти невероятно.

Столкновение с метеоритом в космосе, особенно в межзвездном пространстве, явление настолько редкое, что его можно вообще не принимать во внимание. И все же это случается иногда, как вы знаете. И это случилось с нами. Известно, что любой метеорит, даже размером с булавочную головку — а таких большинство, — может насквозь пробить любой корабль, кроме разве что супербронированного.

— Я знаю, — вмешался Байрон. — Это связано с моментом движения, который является производным массы и скорости. Скорость вполне возмещает недостаток массы.

Он произнес это как школьный урок и поймал себя на том, что украдкой поглядывает на Артемизию.

Она сидела, слушая Джилберта, и была так близко от Байрона, что они едва не касались друг друга. Байрону пришло в голову, что у нее прекрасный профиль, хотя волосы чуть-чуть растрепались. Жакет она сняла, и мягкая белизна блузки была гладкой и свежей даже после двухсуточного полета. Он удивился, как ей это удается.

Путешествие было бы прекрасным, если бы она научилась себя вести по-человечески, подумал Байрон. Беда в том, что ее никто никогда не вос-

питывал по-настоящему, и уж по крайней мере не папочка. Она слишком привыкла действовать по-своему. Будь она из менее знатной семьи, она была бы просто прелестна.

Он уже видел в мечтах, как воспитывает ее по-настоящему и дает ей возможность по достоинству оценить его, Байрона, когда она повернула голову и спокойно встретила его взгляд. Байрон отвел глаза и быстро переключился на Джилберта. Оказывается, он пропустил всего несколько фраз:

— ...Не имею ни малейшего представления, почему вышел из строя корабельный экран. Это одно из тех обстоятельств, причины которых так и остаются неясными. Но он вышел из строя, и в корабль ударил метеорит. Он был размером с небольшой камешек и пробил корпус, но выйти через другой борт не смог. Если бы вышел, то не причинил бы особого вреда, просто залатали бы корпус.

Но метеорит попал в центральную рубку, отлетел рикошетом от стальной стены и бился до тех пор, пока не остановился. Это длилось какую-то долю секунды, однако при начальной скорости сто миль в секунду он успел пересечь рубку не менее сотни раз. Оба пилота были разрезаны

на куски, а я спасся лишь потому, что был в каюте. Я услышал удар, звон и крики пилотов. А когда вбежал в рубку, там повсюду были кровь и клочья разодранных тел… Дальнейшее я помню урывками, хотя много лет подряд переживал его в ночных кошмарах.

Холодный звук уходившего воздуха привел меня к проделанной метеоритом дыре. Я поднес к ней металлический диск, и воздушное давление крепко прижало его. Космический камешек лежал на полу. Я ударил его гаечным ключом и расколол пополам. Границы раскола немедленно покрылись изморозью: внутри он сохранил температуру космоса.

Я обвязал запястья трупов проволокой и прицепил к ней магниты. Потом вытолкнул их обоих в люк и услышал, как магниты приклеились к обшивке. Теперь я знал, что замерзшие тела будут следовать за кораблем, куда бы он ни летел. Я понимал, что, вернувшись на Родию, буду нуждаться в доказательствах, что пилотов убил не я, а метеорит…

Но как вернуться домой? Я был совершенно беспомощен. Управлять кораблем я не умел и не пытался пробовать. Я даже не знал, как использовать субэфирную коммуникационную установку,

чтобы послать сигнал СОС. Оставалось лишь предоставить кораблю следовать своим курсом…

— Но вы и этого не могли сделать, верно? — спросил Байрон, пытаясь сообразить: а не выдумывает ли все это Джилберт на ходу просто из-за романтического воображения или каких-то практических надобностей? — А как же прыжок через гиперпространство? Вы должны были совершить его, иначе вас не было бы сейчас с нами.

— Корабли тиранитов при соответствующей настройке приборов совершают прыжки автоматически, — ответил Джилберт.

Байрон недоверчиво посмотрел на него. Он что, принимает его за дурака?

— Вы шутите?

— Нисколько! Это одно из проклятых военных преимуществ, которые позволяют тиранитам выигрывать войны. Захватить пятьдесят планет с населением, в сотни раз превышающим численность завоевателей, — это вам не в игрушки играть! Разумеется, они застали нас врасплох и искусно использовали предателей, но у них было и значительное военное преимущество. Всем известно, что их тактика превосходила нашу, и отчасти благодаря как раз автоматическому прыжку. Он придает их кораблям большую

маневренность и делает возможным осуществление сложных военных операций.

Это одна из их самых важнейших тайн. Я и не подозревал о ней, пока не оказался на борту «Вампира» — у тиранитов отвратительный обычай давать своим кораблям кровожадные названия, хотя психологически это вполне оправданно… Я своими глазами увидел это. Я *видел,* как корабль сам совершил прыжок, хотя никто не прикасался к приборам.

— Вы хотите сказать, что и наш корабль так устроен?

— Не знаю, но я бы не удивился.

Байрон повернулся к контрольным приборам. Там были десятки контактов, о назначении которых он даже не подозревал… Ладно, все это потом!

Он снова повернулся к Джилберту:

— И корабль принес вас домой?

— Нет. Хозяйничая в рубке, метеорит задел и контрольный пульт. Впрочем, этого и следовало ожидать. Циферблаты были разбиты, обшивка порвалась и погнулась. Невозможно было определить, как изменилась установка приборов, но она изменилась, так как корабль не вернулся на Родию…

Постепенно скорость стала уменьшаться, и я понял, что мое путешествие окончено. Я не знал, куда меня занесло, но в корабельном телескопе появился диск планеты. Мне повезло совершенно случайно: диск увеличивался в размерах, а значит, корабль направлялся в ту сторону. Не прямо к планете, конечно. На это невозможно было надеяться. Корабль миновал планету на расстоянии в миллион миль, но на такой дистанции я мог использовать обычное радио. Я знал, как это сделать… После этого происшествия и началось мое увлечение электроникой. Я решил, что никогда не буду больше таким беспомощным. Быть беспомощным — вовсе не так забавно.

— Итак, вы использовали радио, — поторопил его Байрон.

— Совершенно верно. Они пришли и сняли меня.

— Кто?

— Люди с планеты. Она оказалась обитаемой.

— Что ж, удача не изменила вам… И что это была за планета?

— Не знаю.

— Они не сказали вам?

— Забавно, не правда ли? Не сказали. Но это было одно из Затуманных королевств.

— Откуда вы знаете?

— Они догадались, что корабль тиранитский. Узнали его по конструкции и чуть не сожгли, прежде чем я убедил их, что нахожусь на борту один.

Байрон сжал ладони и уронил их на колени.

— Вернемся назад. Я не понял. Если они узнали тиранитский корабль и пытались сжечь его, разве это не доказывает, что их планета не может быть Затуманным королевством?

— Клянусь Галактикой! — возбужденно воскликнул Джилберт, сияя заблестевшими глазами. — Она входит в состав королевств! Они взяли меня на поверхность. Что это за мир! Судя по акцентам, там собрались люди из разных миров. Эта планета — настоящий арсенал, невидимый из космоса. Внешне она ничем не отличается от любой аграрной провинции, но истинная жизнь сосредоточена глубоко под землей. Где-то среди королевств, мой мальчик, и сейчас вращается планета, на которой никто не боится тиранитов! Эти люди готовятся уничтожить империю, как не колеблясь уничтожили бы мой корабль, если бы пилоты были живы.

У Байрона сильно забилось сердце. В это мгновение ему захотелось поверить Джилберту.

В конце концов, все может быть. Может быть!

Глава 11
Но может и не быть!

Но может и не быть!

Байрон забросал Джилберта вопросами:

— Как вы узнали, что это арсенал? Долго вы находились там? Что успели увидеть?

— Строго говоря, я увидел не так уж много, — нетерпеливо оборвал его Джилберт. — Мне не устраивали специальных экскурсий! — Он заставил себя успокоиться. — А было это так. Когда меня сняли с корабля, я выглядел не лучшим образом. Я почти ничего не ел — слишком был перепуган перспективой затеряться в космосе, — а потому, наверное, производил впечатление тяжелобольного.

Я более или менее рассказал о себе, и они взяли меня с собой в подземелье. Вместе с кораблем, конечно. Думаю, что корабль их интересовал больше, чем я. Они получили возможность изучить космическую технику тиранитов. А меня положили в больницу.

— Что же вы видели, дядя? — спросила Артемизия.

— Разве он вам этого не рассказывал? — удивился Байрон.

— Нет.

— До сих пор я вообще никому не рассказывал об этом… — промолвил Джилберт. — Итак, меня положили в больницу. Там меня исследовали в лабораториях, которые оборудованы гораздо лучше родийских. По пути в больницу я видел работавшие заводы. А корабли, снявшие меня с орбиты, вообще выглядели странно — мне не доводилось видеть ничего похожего.

Для себя я назвал этот мир «планетой повстанцев». Я верю, что наступит день, когда армады кораблей нападут на тиранитов и лидеры восстания призовут под свои флаги все угнетенные планеты. Я ждал этого годами. И каждый год говорил себе: вот, может быть, уже теперь… И одновременно смутно надеялся, что время еще не пришло, потому что страстно мечтал добраться вновь до той планеты, пока восстание еще не началось, чтобы успеть принять в нем участие. Я не хотел, чтобы они начали без меня. — Он слабо рассмеялся: — Вероятно, многим показалось бы забавным, если бы они узнали, какие мысли бродят в этой голове. В моей голове! Вы же знаете, что меня ни в грош не ставят.

— Все это произошло свыше двадцати лет тому назад — но они не восстали! — воскликнул Байрон. — Ни следа их деятельности, никаких сообщений о неизвестных кораблях, никаких странных инцидентов. И вы все еще думаете…

— Да, думаю! — вспыхнул Джилберт. — Двадцать лет — не такой уж большой срок для организации восстания против планеты, которая правит пятьюдесятью мирами. Я знаю, что попал к ним в начальный этап подготовки. Они тщательно пронизывали свою планету подземными помещениями и развивали новые отрасли, готовили корабли и оружие, обучали людей.

Только в видеофильмах все происходит мгновенно: в первый день потребовалось новое оружие, на второй день его изобрели, на третий — наладили массовое производство и на четвертый — использовали. В жизни на это требуется время, Байрон, и люди повстанческого мира понимают, что они должны быть полностью готовы к бою. В случае неудачи нанести удар второй раз у них не будет возможности…

А что вы называете странными инцидентами? Тиранитские корабли нередко исчезают бесследно. Космос велик, скажете вы, и корабли могут просто затеряться в нем. А что, если их

захватывают повстанцы? Вспомните-ка случай с «Неутомимым» два года назад. Он успел сообщить о неизвестном предмете, зафиксированном массометром, и больше о корабле никто не слышал. Возможно, на его пути встретился метеорит. А если нет? Поиски продолжались много месяцев, но корабль так и не нашли. Я думаю, что его захватили повстанцы. «Неутомимый» был новым кораблем, экспериментальной моделью. Именно то, что им нужно.

— Но почему вы не остались там? — спросил Байрон.

— Вы думаете, я не хотел? У меня не было возможности. Я слышал их разговоры, когда они думали, что я без сознания, и кое-что понял. Тогда они только начинали и не могли допустить, чтобы их обнаружили. Они знали, что я Джилберт Хинриад. Если бы даже я не признался, на корабле было достаточно доказательств Они знали, что, если я не вернусь на Родию, меня будут искать. Они не могли рисковать и поэтому позаботились, чтобы я вернулся на Родию. Они доставили меня туда.

— Что? — воскликнул Байрон. — Ведь это же был еще больший риск. Как они это сделали?

— Не знаю. — Джилберт провел тонкими

пальцами по седеющим волосам, глаза его затуманились, устремившись в самые глубины памяти. — Думаю, они подвергли меня анестезии. Тут у меня провал. Помню только, что когда я открыл глаза, то снова был на «Вампире» вблизи Родии.

— И два мертвых пилота все еще удерживались магнитом? — спросил Байрон. — Их не сняли на планете повстанцев?

— Они были на месте.

— Есть ли какие-нибудь доказательства, что вы были на этой планете?

— Никаких. Только мои воспоминания.

— Как вы узнали, что находитесь около Родии?

— Я и не знал. Я понял только, что вблизи планета — так показывал массометр. Я снова воспользовался радио, и на этот раз ко мне пришел корабль с Родии. В тот же день я все рассказал наместнику тиранитов, с соответствующими изменениями, конечно. Я не упомянул о планете повстанцев. Я сказал также, что метеорит ударил в корабль после прыжка. Они не должны были знать, что мне известно о свойстве тиранитских кораблей совершать прыжки автоматически.

— Вы думаете, что повстанцы тоже узнали об этом свойстве? Вы рассказали им?

— Нет. У меня не было такой возможности. Я пробыл там слишком мало времени, по крайней мере в сознании. Но сколько я провалялся без сознания и что они обнаружили сами — трудно сказать.

Байрон смотрел на видеоэкран. Судя по неподвижности картины, их корабль застыл в пространстве. На самом же деле «Беспощадный» мчался со скоростью десять тысяч миль в час, но что это по сравнению с гигантскими расстояниями космоса? Жестко сверкали звезды. В них было что-то гипнотизирующее…

— Куда же мы полетим? — спросил Байрон. — Как я понял, вы не знаете, где находится планета повстанцев?

— Не знаю. Но можно найти того, кто знает. Я почти уверен, что он знает!

— Кто это — он?

— Автарх Лингейна.

— Лингейна? — Байрон нахмурился. Ему показалось, что он уже слышал это название, но забыл, где и когда. — Почему именно он?

— Лингейн — последнее королевство, захваченное тиранитами. Оно еще не такое смирное, как все остальные. Говорит вам это о чем-нибудь?

— Возможно.

— Если вам нужна еще причина, то это ваш отец.

— Отец? — На мгновение Байрон забыл, что отец его мертв. Он мысленно увидел его — большого и живого… Потом вернулся в реальность и ощутил, как внутри опять воцарился холод утраты. — При чем тут мой отец?

— Полгода назад он был у нас при дворе. Я знаю, чего он хотел. Я подслушал кое-какие его разговоры с моим братом Хинриком.

— О дядя! — возмутилась Артемизия.

— Да, дорогая?

— Ты не имел права подслушивать разговоры отца.

Джилберт пожал плечами:

— Конечно, нет. Но это забавно и, как выяснилось, полезно…

— Подождите, — вмешался Байрон. — Вы говорите, полгода назад отец был на Родии?

Он чувствовал, как растет его возбуждение.

— Да.

— Был ли у него доступ к коллекции примитивов Правителя? Вы как-то говорили, что у Правителя большая библиотека книг о Земле.

— Библиотека очень знаменитая. Ее обычно показывают знатным посетителям, если они про-

являют к ней интерес. Хотя это редко бывает. Но ваш отец заинтересовался. Да, я хорошо помню. Он провел в библиотеке целый день.

Все совпадало. Именно полгода назад отец впервые попросил о помощи…

— Вы сами, наверное, хорошо изучили эту библиотеку? — спросил Байрон.

— Конечно.

— Есть ли в ней что-нибудь такое, что свидетельствовало бы о существовании на Земле документа большой военной важности?

Джилберт недоуменно сморщил лоб.

Байрон объяснил свой вопрос:

— В последние столетия доисторической Земли такой документ наверняка существовал. Мой отец считал его наиболее ценным в Галактике и самым смертоносным. Я должен был отыскать его, но вскоре вынужден был покинуть Землю, — голос его дрогнул. — А отец погиб…

Но Джилберту это определенно ни о чем не говорило.

— Отец упомянул о нем впервые шесть месяцев назад. Должно быть, он узнал о нем в библиотеке Родии. Подумайте хорошенько, что же он мог там узнать?

Джилберт лишь покачал головой.

— Хорошо, продолжайте ваш рассказ, — сдался Байрон.

— Они говорили об Автархе Лингейна, ваш отец и мой брат. И хотя отец использовал уклончивые выражения, было ясно, что Автарх — глава тайной организации. И еще… — Он заколебался, но все же сказал: — И еще на Родии побывала делегация с Лингейна. Ее возглавлял сам Автарх. Я… я рассказал ему о планете повстанцев.

— Только что вы говорили, что никому не рассказывали о ней, — напомнил Байрон.

— Кроме Автарха. Я *должен* был выяснить правду.

— И что же он сказал?

— Практически ничего. Он не имел права быть неосторожным. Как он мог доверять мне? А вдруг я работаю на тиранитов? Откуда ему знать? Но он не захлопнул передо мною двери окончательно. Теперь это наша единственная ниточка.

— Что ж, Лингейн так Лингейн, — сказал Байрон. — Чем это место хуже другого?

Воспоминания об отце угнетали его, и в этот момент ему было все равно. Пусть будет Лингейн.

Пусть будет Лингейн? Легко сказать! Но как нацелить корабль на крошечный огонек, мерцающий на расстоянии в тридцать пять световых

лет? Двести триллионов миль. Двойка с четырнадцатью нулями. При скорости десять тысяч миль в час им потребуется два миллиона лет, чтобы добраться туда.

Байрон с отчаянием рылся в «Стандартных галактических эфемеридах». Там было перечислено десять тысяч звезд с их местонахождением, выраженным тремя числами. Сотни страниц чисел с координатами, обозначенными греческими буквами «ро», «тэта», «фи».

«Ро» — расстояние от центра Галактики в парсеках, «тэта» — угол до стандартной галактической базовой линии (соединяющей центр Галактики с солнцем планеты Земля), отсчитываемый в плоскости галактической линзы, «фи» — угол до базовой линии в плоскости, перпендикулярной галактической линзе. Углы измерялись в радианах. Зная эти три числа, можно было определить положение любой звезды в безбрежности космоса.

Имеется в виду положение на определенный день. Кроме того, нужно знать собственное движение звезды, ее скорость и направление. Это сравнительно небольшая коррекция, но совершенно необходимая. Миллионы миль — ничто в сравнении с межзвездными расстояниями, но

для корабля это немало.

Остается еще вопрос о собственном положении корабля. Можно определить расстояние до Родии по показаниям массометра, точнее, расстояние до солнца Родии, поскольку в космосе гравитационное поле звезды поглощает поля зависимых планет. Труднее определить направление их движения по отношению к галактической базовой линии. Придется взять в качестве ориентира какие-нибудь две известные звезды, решил Байрон. А затем исходя из расстояния до родийского солнца определить местонахождение корабля.

Конечно, расчеты будут не достаточно точными. Зная собственную позицию и положение солнца Лингейна, он мог установить приборы и рассчитать направление и силу гиператомного прыжка.

Байрон почувствовал себя одиноким. Не испуганным, нет! Это слово он отверг. Но напряжение, несомненно, он испытывал огромное.

Шесть часов он усердно занимался расчетами. Конечно, их еще придется проверить. И может быть, удастся хоть немного вздремнуть. Он перетащил свою постель из каюты, и теперь она манила его к себе.

Те двое наверняка уже сладко спят. Ну и хо-

рошо, сказал он себе, по крайней мере никто не мешается и не лезет под руку. Однако, услышав негромкие шаги босых ног, Байрон встрепенулся и с надеждой поднял голову.

— Привет! — сказал он. — Почему вы не спите?

Артемизия нерешительно стояла в дверях.

— Ничего, если я войду? — тихо спросила она. — Я вам не помешаю?

— Это зависит от того, как вы будете себя вести.

— Я постараюсь вести себя как положено.

С чего бы это вдруг такая покладистость? — насторожился Байрон, но причина выяснилась незамедлительно.

— Я ужасно боюсь, — сказала она. — А вы?

Байрон хотел сказать «нет», но вышло по-другому.

Он глуповато улыбнулся и ответил:

— Я тоже.

Странно, но это ее успокоило. Она села на пол рядом с ним и взглянула на раскрытые книги и листы расчетов.

— Все эти книги были здесь?

— Естественно. Без них нельзя управлять кораблем.

— И вы все это понимаете?

— Не все, конечно. А хотелось бы. Однако надеюсь, что понимаю достаточно… Вы, наверное, знаете: нам нужно прыгнуть к Лингейну.

— Это трудно?

— Да нет, не очень. Данные нам известны, приборы работают нормально. Вот только опыта мне не хватает. Следовало бы совершить несколько прыжков, но я собираюсь сделать один, чтобы уменьшить вероятность неточности, хотя для этого потребуется гораздо больше энергии…

Не надо говорить ей все это, нет смысла. Трусость с его стороны пугать ее. Если она ударится в панику, с ней будет трудно справиться… Он говорил это себе, но ничего не мог поделать. Ему хотелось разделить с кем-нибудь бремя ответственности. И, может быть, частично снять ее с себя.

— Конечно, хотелось бы знать побольше, — сказал он. — Например, какова плотность материи между нами и Лингейном? Именно она определяет кривизну этой части Вселенной и, следовательно, влияет на прыжок. В «Эфемеридах» — вот в этой толстой книге — говорится, что при некоторых стандартных прыжках необходимо учитывать коррекцию на кривизну и исходя из нее рассчитывать собственную коррекцию. Но

опять-таки, если на расстоянии десяти световых лет от нас окажется звезда-сверхгигант, все расчеты полетят к черту. Я даже не уверен, что правильно запрограммировал компьютер.

— А что случится, если вы ошиблись?

— Мы можем вернуться в нормальное пространство слишком близко к солнцу Лингейна.

Она обдумала его слова, потом сказала:

— Вы даже не представляете себе, как мне полегчало.

— После того, что я сказал?

— Конечно. На своей койке я чувствовала себя беспомощной и затерянной в пустоте. Теперь я знаю, что мы куда-то направляемся и что пустота у нас под контролем.

Байрон почувствовал себя польщенным.

— Не знаю, под контролем ли она…

— Я уверена, что вы справитесь с кораблем, — прервала его Артемизия.

Байрон не возражал: может быть, так оно и будет.

Артемизия подобрала под себя длинные голые ноги и смотрела ему прямо в глаза. На ней была только прозрачная ночная рубашка, но она, казалось, не сознавала этого. Хотя Байрон определенно сознавал…

— Вы знаете, на койке у меня отвратительное ощущение, будто я плыву, — сказала она. — И это меня пугает. Каждый раз, поворачиваясь, я немного подпрыгиваю в воздухе, а затем медленно опускаюсь, как на пружинах.

— Вы спите на верхней койке?

— Да. На нижней я испытываю клаустрофобию: верхний матрац всего лишь в шести дюймах над головой.

— Вот вам и объяснение, — рассмеялся Байрон. — Гравитационное поле корабля ослабевает по мере удаления от центра. На верхней койке вы на двадцать-тридцать фунтов легче, чем на полу. Летали когда-нибудь на пассажирских лайнерах? На больших кораблях?

— Один раз. В прошлом году с отцом мы были на Тиране.

— На лайнере гравитация во всех участках корабля направлена к внешнему корпусу, так что продольная ось корабля всегда оказывается вверху, где бы вы ни находились. Кстати, двигатели на таких лайнерах всегда расположены вдоль этой оси, поскольку там нет гравитации.

— Должно быть, нужно ужасно много энергии, чтобы поддерживать искусственное тяготение?

— Да уж! Хватило бы на целый городок.

— А как с горючим? Оно у нас не кончится?

— Об этом можете не беспокоиться. Двигатели конвертируют массу в энергию полностью, без потерь. Горючее — последнее, что у нас может кончиться. Раньше износится корпус.

Она молча смотрела на него. Он заметил, что на лице ее уже нет косметики, и удивился, как она ее сняла, вероятно, носовым платком и небольшим количеством питьевой воды. От отсутствия косметики лицо ее ничего не потеряло. Чистая белая кожа подчеркивала черноту глаз и волос. У нее очень теплые глаза, подумал Байрон.

Молчание затянулось.

Наконец он спросил:

— Вы, вероятно, не часто путешествовали? Только однажды, на лайнере?

— И этого оказалось более чем достаточно, — кивнула она. — Если бы мы не летали тогда на Тиран, этот грязный придворный не увидел бы меня. Не хочу вспоминать о нем!

Байрон сменил тему:

— Значит, у вас у всех нет привычки к путешествиям?

— Боюсь, что так. Отец еще прыгает туда-сюда: наносит государственные визиты, открывает сельскохозяйственные выставки и всякие новые

сооружения. И произносит там речи, которые пишет для него Аратап… Мы же с дядей остаемся во Дворце. Чем меньше мы передвигаемся, тем больше это нравится тиранитам. Бедный Джилберт! Он один-единственный раз покидал Родию — по случаю коронации Хана, как представитель отца. И больше ему ни разу не позволили подняться на борт корабля…

Опустив глаза, она с отсутствующим видом теребила рукав костюма Байрона.

— Байрон!

— Да… Арта? — Он чуть споткнулся, прежде чем назвать ее по имени.

— Как вы думаете, это правда — то, что рассказывал дядя Джил?

— Не знаю.

— Может быть, это только его воображение? Он много думал о тиранитах, но ничего не мог сделать. Разве что испытывал свои шпионские лучи. Ребячество, конечно… Может быть, он придумал эту историю и с годами сам поверил в нее? Это на него похоже.

— Может быть. Но к Лингейну мы на всякий случай слетаем.

Они сидели совсем рядом. Он мог коснуться ее, обнять, поцеловать…

Так он и сделал.

Это произошло совершенно неожиданно. Только что они говорили о прыжках, о гравитации, о Джилберте, а минуту спустя она уже нежно покоилась у него в объятиях и мягкие губы ее прижимались к его губам.

Первым его побуждением было извиниться. Но когда он смог наконец отодвинуться и заговорить, она не сделала попытки убрать голову с его согнутой левой руки. Глаза ее оставались закрытыми.

Поэтому он ничего не сказал, а снова поцеловал ее — долго и нежно. Это было лучшее, что он мог сделать, и он сразу понял это.

Наконец она сказала, словно сквозь сон:

— Вы не голодны? Я принесу вам концентрат и подогрею его. Потом, если захотите спать, я останусь тут и подежурю. И... и вообще, мне лучше пойти одеться. — Она повернулась и уже от двери добавила: — Когда привыкаешь, то приходишь к выводу, что у этого пищевого концентрата не такой уж плохой вкус. Спасибо, что заготовили его...

Эти слова надежнее, чем поцелуи, скрепили их мирный договор.

Когда несколько часов спустя Джилберт вошел

в контрольную рубку, он не высказал удивления, застав Артемизию и Байрона за глупой болтовней, и никак не прокомментировал тот факт, что рука Байрона лежала на талии его племянницы.

— Когда прыжок, Байрон? — спросил он.

— Через полчаса.

Полчаса прошли, приборы были установлены, разговоры смолкли.

Точно в момент «ноль» Байрон, сделав глубокий вдох, повернул рычаг слева направо.

Все произошло не совсем так, как на лайнере. «Беспощадный» был небольшим кораблем, и прыжок прошел менее гладко. Байрон пошатнулся, и на долю секунды у него все поплыло перед глазами…

Но это быстро кончилось, и все предметы снова встали на свои места.

Только звезды на экране изменились. Байрон развернул корабль так, что звездное небо вздыбилось и каждая звезда описала дугу. Наконец он увидел ослепительно белую звезду размером чуть больше точки. Она была похожа на крошечный шарик, маленькую горящую песчинку. Байрон выровнял корабль, не теряя эту звезду из виду, и направил на нее спектроскоп. Потом снова обратился к «Эфемеридам» и сверился с

разделом «Спектральные характеристики».

Встав из пилотского кресла, он торжественно произнес:

— Цель еще довольно далека. Придется подтолкнуть корабль. Но прямо перед нами — Лингейн!

Впервые в жизни он сам совершил прыжок, и удача не покинула его!

Глава 12
Автарх прибывает

Автарх Лингейна сосредоточенно обдумывал сообщение, но его холодное волевое лицо оставалось невозмутимым.

— И вы ждали сорок восемь часов, прежде чем сообщить мне об этом?

— Не хотели зря вас тревожить, — ответил Риззет. — Если мы станем докучать вам всякими мелочами, у вас вообще ни на что не останется времени. Но теперь мы решили доложить, поскольку не смогли установить ничего определенного. Это странно, а мы в нашем положении не можем позволить себе ничего странного.

— Повторите сообщение. Я хочу послушать еще раз. Автарх закинул ногу на раструб подоконника и задумчиво посмотрел в окно.

Окна были самой своеобразной деталью лингейнской архитектуры. Сравнительно небольшие, они располагались в конце мягко сужавшегося пятифутового конуса. Само стекло — чрезвычайно чистое, необыкновенно толстое и изогнутое — представляло собой скорее линзу, собирающую свет извне со всех сторон, так что глазам смотрящего открывалась миниатюрная панорама.

Из любого окна в замке Автарха видно было полгоризонта — от зенита до надира. По краям панорамы изображение несколько искажалось, но это придавало особый шарм открывающемуся из окна виду на городской муравейник, над которым сияли дугообразные траектории взлетающих из аэропорта кораблей. К этой миниатюре можно было так привыкнуть, что подлинный мир казался уже нереальным. Когда положение солнца превращало линзу в фокус невыносимой жары и света, окно автоматически затемнялось, теряя свою прозрачность благодаря поляризованному стеклу.

Похоже, теория о том, что архитектура планеты отражает ее положение в Галактике, родилась на свет из-за Лингейна и его окон.

Подобно своим окнам, Лингейн был невелик,

но обладал завидным географическим положением. Он остался планетарным государством в Галактике, которая к тому времени уже миновала этот этап экономического и политического развития. Большинство политических объединений представляли собой конгломераты звездных систем, а Лингейн оставался тем, чем был на протяжении столетий — единственным населенным миром в своей солнечной системе, что, однако, не помешало ему разбогатеть. Впрочем, это было просто неизбежно.

Невозможно заранее предсказать, какой планете суждено будет оказаться перевалочным пунктом, центром пересечения множества космических прыжков. Очень многое зависит от развития данного района космоса, от местонахождения обитаемых планет, от последовательности, в которой они были колонизированы, типа экономики, какой они обладают.

Лингейн рано обнаружил свои преимущества, и это послужило поворотным пунктом в его истории. Мало иметь выгодную стратегическую позицию, гораздо важнее уметь этой позицией воспользоваться. Лингейн продолжал оккупировать маленькие планетоиды, не обладающие ни природными ресурсами, ни условиями для

создания независимых поселений, выбирая их только потому, что они могли поддерживать лингейнскую торговую монополию. Лингейн строил на этих скалах станции обслуживания. Все, в чем нуждались корабли — от запасных гиператомных двигателей до новых книгофильмов, — можно было найти здесь. Станции превращались в огромные торговые центры. Сюда привозили меха, минералы, зерно, мясо и лес из всех Затуманных королевств, а из Внутренних Миров шли потоки механизмов, приборов, медикаментов.

Так Лингейн, подобно своим окнам, фокусировал на себя всю Галактику. И процветал при этом.

Не отворачиваясь от окна, Автарх сказал:

— Начните с почтового корабля, Риззет. Где он впервые встретился с этим крейсером?

— Менее чем в ста тысячах миль от Лингейна. Точные координаты не имеют значения. С тех пор за кораблем следят. Самое интересное, что уже тогда тиранитский крейсер вращался вокруг планеты.

— И он не собирается садиться, чего-то ждет?

— Да.

— Нет способов определить, сколько времени они уже выжидают?

— Боюсь, что это невозможно. Их больше никто не заметил. Мы тщательно проверили.

— Хорошо. Пока не будем трогать их. Хотя они и задержали наш почтовый корабль, что несомненно является вмешательством во внутренние дела Лингейна и нарушением договора с Тираном.

— Сомневаюсь, чтобы это были тираниты. Они ведут себя скорее как беглецы.

— Вы имеете в виду людей на тиранитском крейсере? А может быть, они хотят, чтобы мы поверили в это? Во всяком случае, их единственное открытое действие — просьба, чтобы послание доставили непосредственно мне.

— Непосредственно Автарху, верно.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Они не заходили на почтовый корабль?

— Нет, они обращались через связь. Почтовая капсула была задержана в двух милях от крейсера корабельной сетью.

— Коммуникация была визуальной или только звуковой?

— Визуальной, в том-то и дело. Свидетели описывают говорившего как молодого человека «аристократической наружности»! Я, правда, не совсем понимаю, что они имеют в виду.

Кулак Автарха медленно сжался.

— В самом деле? И его не сфотографировали? Это ошибка.

— К сожалению, капитан почтовика и не подозревал о том, что это важно. У вас есть какие-нибудь догадки на этот счет?

Автарх не ответил.

— И это все послание? — спросил он.

— Совершенно верно. Одно слово, которое мы должны были доставить непосредственно вам. Мы, естественно, этого не сделали: в капсуле могла быть бомба. Так убивали многих.

— Да, и автархов тоже, — согласился Автарх.

— Только одно слово — «Джилберт»...

Автарх сохранял спокойствие, но было заметно, что это давалось ему нелегко. На самом деле он чувствовал себя неуверенно, и это состояние ему крайне не нравилось. Он вообще не любил напоминаний о том, что власть его небезгранична. Автарх не должен иметь никаких ограничений, и на Лингейне их не было, если не считать законов природы.

Лингейн не всегда управлялся автархами. В прошлом планетой правила династия торговых принцев. Семьи, первыми создавшие внепланетные торговые станции, стали аристократией

государства. Они не были богаты землей и не могли соперничать с ранчерами и другими вельможами из соседних миров. Но у них были деньги, и они могли купить тех же ранчеров и вельмож, что, кстати, иногда и делали.

Судьба Лингейна была типичной для государств, управляемых (или, вернее, лишенных управления) подобным образом. Власть переходила от одной аристократической семьи к другой. Различные группы поочередно отправлялись в изгнание. Хроническими стали интриги и дворцовые перевороты. И если Директорат Родии был для сектора примером устойчивости и упорядоченного развития, то Лингейн стал образцом нестабильности и беспорядка. «Непостоянный, как Лингейн», — говорили люди.

На первый взгляд казалось, что печальный исход неизбежен. В то время как соседние планеты объединялись и становились могущественными, гражданские смуты на Лингейне делались все дороже и опаснее. Настал момент, когда население планеты было готово поступиться чем угодно во имя спокойствия. Поэтому на смену плутократии пришла автократия — ценой частичной утраты свобод. Власть сконцентрировалась в руках одного человека. Но этот человек дружелюбно

относился к населению, используя его как противовес несмирившимся торговым династиям.

При автархах Лингейн разбогател и окреп. Даже тираниты, напавшие на него в расцвет своего могущества, немногого добились. Правда, они не были побеждены, но были остановлены. И шок от этого остался навсегда: после нападения на Лингейн тираниты не завоевали ни одной планеты.

Все остальные Затуманные королевства тираниты превратили в своих бесправных вассалов. Лингейн, однако, остался «дружественным государством», теоретически равным «союзником» Тирана, и права его были закреплены договором.

Автарха такая ситуация не обманывала. Шовинисты планеты могли позволить себе роскошь считать Лингейн свободным, но Автарх знал, что тиранитская опасность все это время была на расстоянии вытянутой руки, не дальше.

И, возможно, сейчас дело шло к концу. «Союзник» решил сжать их в своих медвежьих объятиях. И сам Автарх, безусловно, дал им для этого долгожданный повод. Тайная организация, созданная им, хотя и малоэффективная сама по себе, была достаточным основанием для карательной операции, которую могли предпринять тираниты. Юридически Лингейн был виновной

стороной.

Неужели крейсер — первый сигнал начала операции?

— Корабль охраняют? — спросил Автарх.

— За ним наблюдают. Два наших *торговых судна,* — Риззет криво усмехнулся, — находятся в пределах показаний массометра.

— Ну и что вы обо всем этом думаете?

— Не могу понять… Единственный Джилберт, который мне известен, — это Джилберт Хинриад с Родии. Вы имели с ним дело когда-нибудь?

— Видел во время последнего посещения Родии, — сказал Автарх.

— Вы, разумеется, ничего ему не говорили?

— Разумеется.

— Может быть, вы допустили какую-то неосторожность, — Риззет подозрительно прищурился, глядя на Автарха, — и тираниты узнали об этом от Джилберта? Хинриады в наши дни славятся своим слабоумием. И теперь расставлена ловушка, чтобы окончательно поймать вас?

— Сомневаюсь. В неподходящее время все это происходит. Я отсутствовал на Лингейне больше года, прибыл на прошлой неделе, через несколько дней снова улетаю. Сообщение пришло именно в те редкие дни, когда меня можно застать здесь.

— Вы не думаете, что это совпадение?

— Я не верю в совпадения… Существует только одна возможность все выяснить до конца. Поэтому я сам полечу на этот корабль. Один.

— Но это невозможно, сэр! — изумился Риззет. Маленький неровный шрам над его правым ухом внезапно покраснел.

— Вы запрещаете мне? — сухо спросил Автарх.

Все же он был Автархом. Лицо Риззета вытянулось, и он проговорил:

— Как вам будет угодно, сэр.

На борту «Беспощадного» ожидание становилось все более напряженным. Двое суток корабль не сходил с орбиты.

Джилберт с неослабевающим вниманием следил за приборами.

— Вам не кажется, что они приближаются? — нервно спросил он.

Байрон брился, осторожно обрызгивая лицо тиранитским эрозийным аэрозолем. Он бросил взгляд на экран.

— Нет. Зачем им это? Они просто следят за нами.

Он сосредоточился на трудном участке верхней губы и нахмурился, ощутив на языке кисловатый вкус аэрозоля. Тираниты пользовались им почти

виртуозно. Несомненно, в умелых руках это самый быстрый из всех существующих способов бритья. В сущности аэрозоль представлял собой превосходный растворитель волос, который не действовал на кожу. И давление на кожу было не больше, чем от дуновения ветерка.

Но Байрону этот способ не нравился. Ходили слухи, что у тиранитов рак кожи лица бывает гораздо чаще, чем у других людей, и многие приписывали это их способу бриться. Байрон впервые задумался: а не лучше ли полностью и навсегда убрать волосы с лица? В некоторых районах Галактики это практиковалось. Однако он тут же отказался от этой мысли: волосы убираются навсегда, а мода снова может вернуться к усам или бакенбардам.

Байрон рассматривал свое лицо в зеркале, прикидывая, пойдут ли ему баки на щеках, когда в дверях появилась Артемизия.

— Я думала, вы спите.

— Я спал, но потом проснулся, — с улыбкой сказал Байрон.

Она потрепала его по щеке, а потом нежно провела по ней пальцами.

— Гладкая… Вам теперь не дашь больше восемнадцати.

Он поднес ее руку к губам:

— Пусть это вас не обманывает.

— Они по-прежнему следят за нами? — спросила она.

— По-прежнему. Меня начинает раздражать это скучное ожидание.

— Я не нахожу его скучным.

— Мы с вами говорим о разных вещах, Арта.

— Почему бы нам не высадиться прямо на Лингейн?

— Мы думали об этом. Мне кажется, нам не следует рисковать. Лучше подождать, пока позволяют запасы воды.

— Говорю вам, они движутся! — воскликнул Джилберт.

Байрон подошел к панели, взглянул на массометр, потом на Джилберта.

— Возможно, вы и правы.

Он ввел какие-то данные в калькулятор и посмотрел на шкалу.

— Нет, Джилберт, корабли относительно нас не движутся. Показания массометра изменились, потому что к ним присоединился третий корабль. Насколько я могу судить, он в пяти тысячах миль от нас, «ро» — около сорока шести градусов, «фи» — сто девяносто два градуса от линии корабль —

планета, если я не напутал с направлением — по часовой стрелке или против. А если напутал, то углы соответственно будут триста четырнадцать и сто шестьдесят восемь градусов.

Он замолчал, изучая новые данные.

— Я думаю, третий корабль приближается. Он маленький. Можете связаться с ним, Джил?

— Могу попытаться.

— Хорошо. Изображение не давайте, только звуковой сигнал, пока не разберемся, кто это к нам пожаловал.

Интересно было смотреть на Джилберта у радиопередатчика. Очевидно, он обладал врожденным талантом. Направить узкий радиолуч на определенный пункт пространства — трудная задача, и корабельная аппаратура помогает в этом лишь частично. Джилберт знал расстояние до корабля с точностью в несколько сотен миль. Он знал также два угла, каждый из которых мог быть определен с ошибкой в пять градусов в любом направлении.

Это давало объем примерно в десять миллионов кубических миль, в котором мог находиться корабль. Остальное зависело от умения радиста. А ведь в самой широкой части радиолуч едва достигал полумили в поперечном сечении.

Говорили, что опытные радисты нутром чуют, сколько миль осталось лучу до цели: с научной точки зрения — сплошная чушь, конечно, но своего объяснения на этот счет наука не предлагала.

Через десять минут связь была установлена.

Еще через десять минут Байрон откинулся на спинку кресла и негромко сказал:

— Они посылают к нам на борт человека.

— Вы им позволили? — спросила Артемизия.

— Почему бы и нет? Всего один человек. А мы вооружены.

— Но если мы подпустим их корабль слишком близко…

— Мы на тиранитском крейсере, Арта. Он в три-пять раз превосходит их звездолет по мощности, даже если это лучший корабль Лингейна. Их драгоценный договор не так уж много им позволяет, а у нас целых пять крупнокалиберных бластеров.

— Вы умеете пользоваться тиранитскими бластерами? — удивилась Артемизия. — А я и не знала!

Байрону очень не хотелось сознаваться, но он сказал:

— К сожалению, не умею. Пока не умею. Но на лингейнском корабле об этом не подозревают.

Полчаса спустя на экране появился корабль. Это было небольшое тупорылое судно с четырьмя плавниками, используемыми при полете в стратосфере.

При первом же появлении корабля на экране Джилберт радостно воскликнул:

— Это яхта Автарха! — Лицо его сморщилось в улыбке. — Уверяю вас, это его личная яхта. Я же говорил вам, что достаточно будет просто назвать мое имя.

Последовал период уравнения скоростей, и вот лингейнский корабль неподвижно повис на экране.

В передатчике послышался тихий голос:

— Готовы к стыковке?

— Готовы, — ответил Байрон. — Только один человек!

— Да, один человек, — последовало подтверждение.

Словно развернувшаяся змея, металлический канат отделился от лингейнского корабля и как гарпун устремился вперед. На экране показался намагниченный цилиндр, прикрепленный к концу каната. Подлетая к кораблю, он становился все больше и больше, одновременно смещаясь к краю экрана, а затем и вовсе пропал из поля

зрения.

Раздался глухой, дребезжащий звук контакта. Цилиндр прилип к корпусу, но нить, тянувшаяся за ним, не провисла под собственной тяжестью, а сохранила все свои причудливые извивы и петли, которые медленно по инерции приближались к кораблю.

Лингейнский корабль легко и осторожно отошел; нить выпрямилась. Она висела, пронзая пространство, изящная, как паутинка, сверкающая в лучах лингейнского солнца.

Байрон настроил изображение, и весь экран заполнил огромный корабль, так что можно было разглядеть начало этой нити, протянувшейся на полмили, и крошечную фигурку, повисшую на ней и перебирающуюся вперед на руках.

Обычно стыковка происходит иначе. Как правило, два корабля близко подходят друг к другу, так что их выдвижные воздушные шлюзы соединяются, как два магнита. По такому туннелю человек может перейти из одного корабля в другой без скафандра. Естественно, этот вид стыковки требует взаимного доверия.

Но если перебираться по канату, подвешенному в пространстве, то без скафандра не обойтись. Приближавшийся лингейнец был закован в тяже-

лую металлическую кольчугу, которая требовала немалых мускульных усилий при передвижении. Даже отсюда Байрону было видно, как напрягается рука человека, отцепляясь от каната и готовясь к следующему шагу, и снова расслабляется, закрепившись на блестящей нити.

Кроме всего прочего, необходимо было тщательно уравнять скорости кораблей. Стоило одному из них случайно ускорить движение — и нить разорвется, а путешественник отправится в космос, подхваченный притяжением отдаленного солнца, причем ни трение, ни преграды не остановят его на этой дороге в вечность.

Лингейнец приближался уверенно и быстро. Стало видно, что он не просто перебирает руками. Каждый раз, зацепившись рукой за канат, он пролетал вперед несколько десятков футов, прежде чем схватиться за него другой рукой.

Это была настоящая космическая эквилибристика. Космонавт напоминал блестящего металлического гиббона, скачущего на руках с ветки на ветку.

— А если он промахнется? — спросила Артемизия.

— Он выглядит достаточно опытным, — ответил Байрон. — А если промахнется, то по-прежне-

му будет сверкать на солнце, и мы его подберем.

Лингейнец был уже совсем близко. Наконец он исчез с экрана, а еще через пять секунд они услышали тяжелые шаги по обшивке корабля.

Байрон передвинул рычажок, и вокруг входного люка загорелись сигнальные огни. Через мгновение раздался властный стук, и внешний люк корабля открылся, принимая гостя. За стеной пилотской рубки загрохотали шаги. Наружный люк закрылся, часть стены скользнула в сторону, и в проеме появился человек.

Костюм его мгновенно покрылся звонкой изморозью, которая толстым слоем затянула стекло шлема и превратила космонавта в белую статую, обдающую холодом.

Байрон усилил обогрев помещения. Ворвалась струя теплого воздуха. Изморозь начала таять, на скафандре заблестели капельки росы.

Лингейнец нащупал неуклюжими металлическими пальцами застежки шлема, стараясь поскорее избавиться от снежной слепоты. Шлем взметнулся вверх, подняв за собой взъерошенные волосы…

— Ваше превосходительство! — воскликнул Джилберт и, обращаясь к Байрону, радостно и гордо добавил: — Байрон, это сам Автарх!

Но Байрон, остолбенев, еле выговорил непослушными губами:

— Джонти?!

Глава 13
Автарх остается

Автарх откинул в сторону скафандр и уселся в большое мягкое кресло.

— Давно не приходилось упражняться, — сказал он. — Но говорят, стоит однажды этому научиться, потом уже не отвыкнешь. Привет, Фаррил. Милорд Джилберт, добрый день. А это, насколько я помню, дочь Правителя леди Артемизия.

Он зажал губами длинную сигарету и затянулся. Рубку заполнил приятный запах ароматизированного табака.

— Не ожидал увидеть вас так скоро, Фаррил.

— Или вообще увидеть, — съязвил Байрон.

— Может, и так, — согласился Автарх. — Конечно, получив сообщение из одного слова «Джилберт» и зная, что Джилберт не может управлять космическим кораблем, зная, что я сам послал на Родию молодого человека, который *может* управлять космическим кораблем и ко-

торый вполне способен украсть крейсер, спасаясь бегством, зная, наконец, что человек на крейсере молод и обладает аристократической внешностью, я мог прийти только к одному заключению. Поэтому я не удивился, увидев вас.

— А я думаю, все-таки удивились, — возразил Фаррил. — И сильно удивились, черт возьми! Как несостоявшийся убийца. Думаете, только у вас есть способности к дедукции?

— Я всегда был самого высокого мнения о вас, Фаррил.

Автарх остался абсолютно невозмутимым, и Байрон почувствовал неловкость за свой срыв. Взбешенный, он повернулся к Джилберту с Артемизией:

— Этот человек — Сандер Джонти. Я вам о нем рассказывал. Возможно, он также и Автарх Лингейна или даже пятьсот Автархов. Неважно, для меня он Сандер Джонти.

— Тот самый, который… — начала Артемизия.

Джилберт поднял тонкую дрожащую руку:

— Возьмите себя в руки, Байрон. Вы сошли с ума?

— Это тот самый человек! Я не сошел с ума! — выкрикнул Байрон. Потом с усилием овладел собой. — Ладно. Я думаю, нет смысла кричать.

Уходите с моего корабля, Джонти. Теперь я говорю достаточно спокойно. Убирайтесь с корабля!

— Мой дорогой Фаррил, но почему?

Джилберт издал какой-то нечленораздельный звук. Байрон яростно оттолкнул его и посмотрел сидящему Автарху прямо в лицо:

— Вы допустили одну ошибку, Джонти. Только одну. Не догадались, что, выйдя из спальни, часы я оставлю внутри. Видите ли, на часах у меня индикатор радиации.

Автарх выпустил кольцо дыма и мило улыбнулся.

— Этот индикатор не посинел, Джонти, — продолжал Байрон. — В моей комнате не было никакой бомбы. Только тщательно изготовленная подделка! Если вы станете это отрицать, значит, вы лжец, Джонти, или Автарх, или как вам угодно себя называть.

Более того, это именно *вы* подсунули мне эту подделку. *Вы* усыпили меня гипнайтом и организовали всю эту ночную комедию. Все сходится, не так ли? Если бы меня не разбудили, я так и проспал бы всю ночь, не узнав, что в комнате что-то не в порядке. Поэтому вы позвонили мне. Проснувшись, я должен был обнаружить бомбу, которую вы специально положили рядом со

счетчиком, чтобы я не мог ее не заметить. А кто взорвал мою дверь, чтобы я не успел догадаться, что бомба — всего лишь подделка? Должно быть, вы наслаждались той ночью, Джонти…

Байрон ожидал хоть какой-то реакции, но Джонти лишь кивнул с вежливым интересом. Байрон почувствовал, что свирепеет. Как будто пинаешь подушку, бьешь по воде, машешь кулаками в воздухе…

Он хрипло сказал:

— Моего отца приговорили к смерти. Я вскоре узнал бы об этом. Я отправился бы на Нефелос, чтобы самому решить, сражаться мне с тиранитами открыто или тайно. Я знал бы свои возможности и был бы готов ко всем неожиданностям и случайностям.

Но вы захотели, чтобы я отправился на Родию и встретился с Хинриком. Конечно, просто так я не стал бы выполнять ваши желания. Вам нужно было организовать стечение обстоятельств. И вы организовали!

Я думал, что мне подложили бомбу, и не мог понять почему. Вы объяснили. Вы даже «спасли» мне жизнь! Вы! Казалось, вы знаете все. Например, что мне делать дальше. А я был выведен из равновесия и последовал вашему совету…

Байрон перевел дыхание, ожидая ответа. Ответа не было. Он закричал:

— Вы мне даже не сказали, что я улетаю на родийском корабле и что капитан знает, кто я такой. Вы даже не объяснили, что отправляете меня прямо в руки тиранитов. Или вы отрицаете это?

Наступила долгая пауза. Джонти погасил окурок.

Джилберт нервно сжимал ладони.

— Байрон, вы ведете себя невозможно. — проговорил он. — Не станет Автарх…

Но Джонти спокойно перебил его:

— Станет. Я все признаю. Вы совершенно правы, Байрон. Поздравляю, вы на редкость проницательны. Подделка вместо бомбы была подсунута мною, и это я отправил вас на Родию с намерением дать возможность тиранитам арестовать вас.

Лицо Байрона прояснилось. Во всей этой истории не осталось больше белых пятен.

— Когда-нибудь я с вами рассчитаюсь, Джонти. Но сейчас вы Автарх Лингейна, у вас наготове три корабля, так что условия слишком неравные. Однако «Беспощадный» — мой корабль. Я его пилот. Надевайте скафандр и убирайтесь. Канат еще на месте.

— Это не ваш корабль. Вы скорее пират, чем

пилот.

— Сейчас я на нем хозяин, и этим все сказано. Даю вам пять минут.

— Послушайте, давайте обойдемся без драматических сцен! Мы нужны друг другу, и я не собираюсь уходить.

— Вы мне не нужны. Даже если бы весь тиранитский флот преследовал нас, а вы могли бы уничтожить его одним ударом, я все равно не попросил бы вас о помощи.

— Фаррил, — сказал Джонти, — вы ведете себя как ребенок. Я дал вам возможность высказаться. Можете вы, в свою очередь, выслушать меня?

— Нет. Меня не интересуют ваши доводы.

— Может быть, теперь заинтересуют?

Артемизия вскрикнула. Байрон дернулся, но тут же остановился и застыл на месте, покраснев от злости на собственную беспомощность.

— Я принял все меры предосторожности, — сказал Джонти. — Жаль, что приходится действовать так грубо и угрожать оружием, но я думаю, оно заставит вас выслушать меня.

В руках он держал карманный бластер. Он не был предназначен для того, чтобы парализовать или вызвать боль. Это было орудие убийства.

— Много лет я готовлю Лингейн к борьбе с

Тираном, — начал Автарх. — Вы представляете, что это значит? Это нелегко. Почти невозможно. Внутренние Миры нам не помогут, в этом мы уже убедились на собственном опыте. Затуманные королевства могут рассчитывать только на свои силы. Но не так-то просто убедить в этом наших местных правителей. Ваш отец попытался сделать это и был убит. Игра идет не на жизнь, а на смерть — не забывайте об этом.

Арест вашего отца был для нас сокрушительным ударом. Смертельно опасным ударом. Ваш отец входил в число самых осведомленных лидеров, тираниты напали на верный след. Их необходимо было сбить с толку. И тут уж пришлось забыть о чести и благородстве. Не разбив яиц, не поджаришь яичницу.

Я не мог просто прийти к вам и сказать: «Фаррил, надо пустить тиранитов по ложному следу. Вы сын Ранчера и поэтому подозрительны. Подружитесь с Хинриком Родийским, чтобы тираниты пошли в этом направлении. Уведите их от Лингейна. Возможно, это опасно. Вы можете погибнуть, но вы послужите идеалам, за которые отдал свою жизнь ваш отец».

Может быть, вы и сделали бы это, но я не мог рисковать. У меня не было времени на экспери-

менты. И я вынудил вас сделать это. Поверьте, радости я не испытывал. Но у меня не было выбора. Я не думал, что вы останетесь живы, говорю вам это откровенно. Я сознательно приносил вас в жертву и не скрываю этого. Но вы остались в живых — и я искренне рад. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, касающееся документа…

— Какого документа? — перебил его Байрон.

— Тише, не горячитесь так! Я уже сказал, что ваш отец работал на меня. Поэтому мне все известно. Сначала вы показались мне самой подходящей кандидатурой для поисков документа. Вы находились на Земле на законном основании, вы молоды, вас ни в чем не подозревали. Я сказал: *сначала.* Но после ареста отца вы стали опасны. Для тиранитов вы превратились в подозреваемого номер один. Мы не могли допустить, чтобы вы завладели документом, потому что тогда он неизбежно попал бы к ним в руки. Мы должны были убрать вас с Земли, прежде чем вы закончите свое дело. Все логично, не так ли?

— Значит, документ теперь у вас? — спросил Байрон.

— Нет. Он исчез с Земли много лет тому назад. Если это тот самый документ, конечно. Я не знаю, где он. Можно мне убрать бластер? Он тяжелый.

— Уберите, — разрешил Байрон.

Автарх так и сделал.

— Что говорил вам отец о документе? — спросил он.

— Ничего такого, чего бы вы не знали, поскольку он работал на вас.

— Именно так, — улыбнулся Автарх. Но в этой улыбке не было веселья.

— Вы сказали все, что хотели?

— В общем, да.

— Тогда убирайтесь с корабля.

— Подождите, Байрон, — вмешался Джилберт. — Не надо сводить все к личной вражде. Здесь ведь и мы с Артемизией. У нас тоже есть что сказать. В словах Автарха есть смысл. Напомню, что на Родии я спас вам жизнь… Думаю, что и моя точка зрения должна быть учтена.

— Хорошо. Вы спасли мне жизнь! — Байрон указал пальцем на люк. — Уходите с ним вместе! Вы хотели найти Автарха? Вот он! Я согласился отвезти вас к нему и на этом моя ответственность кончается. Не пытайтесь указывать мне, что делать! — Все еще дрожа от гнева, он повернулся к Артемизии: — А вы? Вы ведь тоже спасли мне жизнь. Все вокруг только тем и занимаются, что спасают мне жизнь! Вы тоже хотите уйти

с ними?

— Не решайте за меня, Байрон, — спокойно ответила девушка. — Если я захочу уйти, я скажу об этом.

— Только не чувствуйте себя обязанной. Можете уйти в любое время.

Она выглядела обиженной, и он отвернулся. Как обычно, какой-то частью рассудка он понимал, что ведет себя глупо. Зря он сорвался, конечно, тем более при Джонти. Но с другой стороны, какого черта они так спокойно относятся к тому, что кто-то считает себя вправе бросить Байрона Фаррила тиранитам, как кость собакам, чтобы увести их от Джонти? За кого они его принимают?

Он снова вспомнил о бомбе-подделке, о родийском лайнере, о тиранитах, о дикой ночи на Родии, и почувствовал, что начинает жалеть себя.

— Ну, Фаррил? — спросил Автарх.

— Ну, Байрон? — повторил Джилберт. Байрон повернулся к Артемизии:

— А что *вы* думаете по этому поводу? Артемизия спокойно ответила:

— Я думаю, что у него там три корабля и что, кроме всего прочего, он Автарх Лингейна. Пола-

гаю, у вас просто нет выбора.

— Вы умная девушка, миледи, — одобрительно кивнул Автарх. — Приятно встретить ум в такой прекрасной оболочке. — На мгновение его глаза задержались на ее лице.

— Так что вы предлагаете, Джонти? — спросил Байрон.

— Позвольте мне воспользоваться вашими именами и возможностями, и я приведу вас на планету, которую лорд Джилберт назвал планетой повстанцев.

— Вы думаете, она существует? — криво усмехнулся Байрон.

Одновременно с ним спросил и Джилберт:

— Значит, это не ваша планета?

— Я думаю, что мир, описанный милордом, существует, — улыбнулся Автарх. — Но это не моя планета.

— Не ваша… — разочарованно протянул Джилберт.

— Разве это имеет значение, если я могу найти ее?

— Каким образом? — спросил Байрон.

— Это не так трудно, как может показаться. Если мы сочтем рассказ милорда правдивым, значит, существует планета, восставшая против

тиранитов. Она расположена где-то в районе туманности, однако в течение двадцати лет тиранитам так и не удалось ее обнаружить. В таком случае она может находиться лишь в одном месте.

— То есть?

— Вы не видите очевидного. Этот мир может существовать только в самой туманности.

— *Внутри* туманности?

— Великая Галактика! Конечно же! — воскликнул Джилберт.

Всем сразу показалось, что этот вывод напрашивается сам собой.

— Люди могут жить и внутри туманности? — робко спросила Артемизия.

— Почему же нет? — ответил Автарх. — Что такое туманность? Просто дымка в космосе, притом совсем не ядовитая. Это невероятно разреженная масса атомов калия, кальция и натрия, которые поглощают свет звезд. Иными словами, она безвредна, и находящиеся в ней звезды не доступны для наблюдения извне. Прошу прощения, если кажусь педантичным, но последние несколько месяцев я провел в университете Земли, собирая астрономические данные относительно туманности.

— Почему именно там? — спросил Байрон. — Конечно, это не столь важно, мне просто любопытно.

— Тут никакого секрета. Я оставил Лингейн по собственным делам. Примерно шесть месяцев назад я посетил Родию. Мой агент Вайдемос — ваш отец, Байрон, — не сумел договориться с Правителем, которого мы надеялись привлечь на нашу сторону. Я постарался сойтись с ним и тоже потерпел неудачу, потому что Хинрик, прошу прощения у леди, не из тех, кто подходит для нашего дела.

— Послушайте… — пробормотал Байрон.

Автарх невозмутимо продолжал:

— Но я встретился с Джилбертом, о чем он вам, вероятно, рассказывал. Оттуда я отправился на Землю, поскольку Земля — родина человечества. Именно с Земли началось заселение Галактики. На Земле сосредоточено большинство архивных записей. Туманность Конской Головы была исследована очень тщательно; во всяком случае, через нее пролетали несколько раз. Ее никогда не заселяли, поскольку навигация в космосе без наблюдения за звездами затруднительна. Но мне нужны были данные исследований…

Теперь слушайте внимательно. Тиранит-

ский корабль, на котором находился Джилберт, столкнулся с метеоритом после самого первого прыжка. Если считать, что от Тирана до Родии корабль летит по обычному торговому маршруту, а считать иначе нет никаких оснований, можно узнать пункт, в котором произошло столкновение. Между двумя прыжками корабль проходит в обычном пространстве расстояние не более полумиллиона миль. Значит, планета находится где-то в этом отрезке.

Можно сделать и другое предположение. Ударившись о контрольную панель, метеорит вполне мог изменить направление второго прыжка, если, допустим, камень задел корабельный гирокомпас. Такое предположение вполне допустимо. Но чтобы изменить *силу* гиператомного толчка, необходимо вдрызг разбить сами двигатели, до которых метеорит долететь не мог.

Таким образом, если сила осталась неизменной, то и не изменилась и длина четырех оставшихся прыжков, и их относительное направление, за исключением направления второго прыжка. Это все равно что длинную изогнутую проволоку еще раз согнуть в неизвестном месте и под неизвестным углом. В таком случае конечный пункт звездолета будет лежать на поверхности

воображаемой сферы, центром которой является положение корабля в момент столкновения с метеоритом, а радиусом — векторная сумма оставшихся прыжков.

Я рассчитал такую сферу, и оказалось, что она сильно пересекается с туманностью Конской Головы. Около шести тысяч квадратных градусов, или четвертая часть поверхности сферы, лежит в пределах туманности. Остается лишь найти звезду в туманности, удаленную не более чем на миллион миль от нашей воображаемой сферы. Надеюсь, вы помните: когда корабль Джилберта остановился, он находился вблизи звезды.

А теперь — как вы думаете, сколько звезд внутри туманности находится на таком расстоянии от воображаемой сферы? Учитывая, что в Галактике сто миллиардов звезд?

Байрон, вопреки своему желанию, явно заинтересовался.

— Сотни, вероятно.

— Пять! — ответил Автарх. — Всего пять. Пусть число сто миллиардов не вводит вас в заблуждение. Объем Галактики около семи триллионов кубических световых лет. Жаль, что я не знаю, у какой из этих пяти звезд есть обитаемые планеты. Тогда мы бы свели число возможных звезд к

одной. К несчастью, исследователи не провели детального изучения. Они отмечали лишь положение звезд, их движение и спектральный тип.

— Значит, около одной из них может оказаться повстанческий мир? — спросил Байрон.

— Из известных мне фактов можно сделать только такое заключение.

— Если принять рассказ Джила за правду.

— Я на этом основывался.

— Все, что я рассказывал, — чистая правда! — вмешался Джилберт. — Клянусь!

— Предлагаю отправиться туда и исследовать эти пять звезд, — сказал Автарх. — Мотивы мои достаточно очевидны. Как Автарх Лингейна, я могу принять равное участие в их борьбе.

— А в сопровождении двух Хинриадов и Вайдемоса вы будете претендовать еще и на равную долю, а также на высокое и прочное положение в новом, свободном мире, — добавил Байрон.

— Ваш цинизм не пугает меня, Фаррил. Конечно же, вы правы! Если предстоит победоносное восстание, надо быть ближе к победившей стороне.

— Иными словами, удачливый мятежный капитан может стать в награду Автархом Лингейна.

— Или Ранчером Вайдемоса. Совершенно вер-

но.

— А если восстание провалится?

— Тогда будет время подумать.

— Я лечу с вами, — медленно сказал Байрон.

— Хорошо! Тогда вам нужно перебраться с этого корабля.

— Зачем?

— Так будет лучше. Этот корабль — опасная игрушка.

— Это тиранитский военный крейсер. Зачем же нам бросать его?

— Именно потому, что это тиранитский крейсер, он будет выглядеть крайне подозрительно.

— Только не в туманности. Извините меня, Джонти. Я присоединюсь к вашей экспедиции, но тоже хочу быть откровенным: я буду искать планету повстанцев, но на дружбу со мной не рассчитывайте. Я останусь на своем корабле.

— Байрон, — мягко сказала Артемизия, — но этот корабль слишком мал для нас троих.

— В нынешнем состоянии — да, Арта. Но к нему можно присоединить трейлер. Джонти знает это так же хорошо, как и я. Тогда у нас будет больше места и мы останемся хозяевами положения. К тому же это замаскирует принадлежность корабля.

— Если между нами нет ни дружбы, ни доверия,

фаррил, я должен обезопасить себя, — сказал Автарх. — Вы можете оставить себе корабль и получить трейлер. Но у меня должна быть гарантия, что вы не поведете себя неразумно. Леди Артемизия полетит со мной.

— Нет! — сказал Байрон.

— Нет? Пусть скажет леди. — Автарх повернулся к Артемизии, слегка раздувая ноздри. — Осмелюсь доложить, миледи, что ваше положение там будет гораздо комфортабельнее.

— Зато оно станет гораздо менее комфортабельным для вас, милорд, — заявила Артемизия. — Я избавлю вас от неудобств и останусь здесь.

— Я надеюсь, вы передумаете… — начал Автарх, и две морщинки у переносицы нарушили обычную невозмутимость гладкого лица.

— А я надеюсь, что нет, — прервал его Байрон. — Леди Артемизия сделала свой выбор.

— И вы одобряете ее выбор, Фаррил? — насмешливо спросил Автарх.

— Полностью. Мы втроем останемся на «Беспощадном». И довольно об этом.

— Вы странно подбираете себе спутников.

— Вот как?

— Да, мне так кажется. — Автарх лениво рассматривал кончики своих ногтей. — Вы сердитесь

на меня, потому что я вас обманул и подверг вашу жизнь опасности. Странно в таком случае, что вы в дружеских отношениях с дочерью Хинрика. По лживости мне далеко до ее отца.

— Я знаю Хинрика. Ваше мнение о нем ничего не меняет.

— Вы все знаете о Хинрике?

— Достаточно.

— А знаете ли вы, что это он убил вашего отца? — Автарх ткнул пальцем в сторону Артемизии. — И что эта девушка, о которой вы столь нежно заботитесь и которую берете под свою защиту, — дочь убийцы вашего отца?

Глава 14
Автарх уходит

Немая сцена затянулась. Автарх зажег еще одну сигарету. Он расслабился, лицо его приняло безмятежное выражение. Джилберт скорчился в пилотском кресле и, похоже, готов был разрыдаться. По обеим сторонам от него свешивались расстегнутые ремни пилотского крепления, усиливая скорбный эффект.

Байрон, бледный как бумага, сжав кулаки, смотрел на Автарха. Артемизия не сводила взгляда с

Байрона. Тонкие ноздри ее раздувались от гнева.

Негромкая трель радиосигнала разорвала тишину, словно выстрел.

Джилберт вздрогнул и повернулся в кресле.

Автарх лениво заметил:

— Боюсь, мы оказались разговорчивее, чем я предполагал. Я приказал Риззету двигаться за мной, если я не вернусь через час.

На ожившем экране появилась седая голова Риззета.

Джилберт сказал Автарху:

— Он хочет поговорить с вами. Автарх подошел к экрану.

— Я в безопасности, Риззет, — сказал он.

— Кто в экипаже корабля, сэр? — послышался вопрос.

Неожиданно рядом с Автархом оказался Байрон.

— Я, Ранчер Вайдемоса, — гордо сказал он. Риззет широко улыбнулся. Рука на экране отдала честь:

— Приветствую вас, сэр!

— Я возвращаюсь вместе с леди, — прервал его Автарх. — Подготовьте воздушный туннель.

Он отключил визуальную связь и обратился к Байрону:

— Я уверял их, что вы на этом корабле. Иначе они возражали против моего прихода сюда. Но ваш отец был очень популярен среди моих людей.

— И поэтому вы хотите использовать мое имя.

Автарх пожал плечами.

— Но больше вы ничем не воспользуетесь, — сказал Байрон. — Вы отдали не совсем верные распоряжения своему офицеру.

— А именно?

— Артемизия останется со мной.

— Даже после того, что вы узнали?

— Я ничего не узнал, — резко сказал Байрон. — Это голое утверждение, а вашим словам без серьезных доказательств я не верю ни на грош. Звучит не слишком вежливо, зато правда. Надеюсь, вы меня поняли?

— Вы так хорошо знаете Хинрика, что мое утверждение кажется вам неправдоподобным?

Байрон замешкался. Замечание явно попало в цель. Он не ответил.

Ответила Артемизия:

— А я говорю, что это не так! У вас есть доказательства?

— Прямых, конечно, нет. Я не присутствовал при встрече вашего отца с тиранитами. Но я

могу сопоставить известные факты, а выводы делайте сами. Начнем с того, что прежний Ранчер Вайдемоса навестил Хинрика полгода назад. Я уже говорил об этом. Могу добавить, что он был настроен слишком оптимистично, а может быть, просто переоценил Хинрика. Во всяком случае, он сказал ему больше, чем должен был сказать. Лорд Джилберт может подтвердить мои слова.

Джилберт грустно кивнул и сказал Артемизии, которая смотрела на него влажными от гнева глазами:

— Прости, Арта, но это правда. От Вайдемоса я и узнал об Автархе.

Автарх продолжал:

— К счастью для меня, лорд Джилберт соорудил длинные механические уши, чтобы удовлетворять свое любопытство относительно государственных дел Правителя. Джилберт, сам того не зная, предупредил меня об опасности. Я улетел как можно быстрее, но вред уже был причинен. Насколько нам известно, это был единственный промах Вайдемоса, а Хинрик, несомненно, не пользуется репутацией независимого и храброго человека. Ваш отец, Фаррил, был арестован через полгода. И если его выдал не Хинрик, отец этой девушки, то кто же?

— Вы даже не предупредили его? — спросил Байрон.

— Это было большим риском, Фаррил, но его предупредили. После этого он не имел контактов, даже косвенных, ни с кем из нас и уничтожил все доказательства связи с нами. Некоторые из нас считали, что он должен покинуть сектор или хотя бы уйти в подполье. Он отказался.

Я думаю, вы понимаете почему. Изменить свой образ жизни значило бы дать в руки тиранитов еще одно доказательство и поставить под угрозу все движение. Он решил рисковать только своей жизнью и жил открыто. Почти полгода тираниты ждали, чтобы он выдал себя и других. Они терпеливы, эти тираниты. Но через полгода в их сетях был по-прежнему один Вайдемос.

— Это ложь! — воскликнула Артемизия. — Все это ложь! Подлая и грязная клевета! Если бы это было правдой, они следили бы за вами. Вы сами оказались бы в опасности и не сидели бы здесь, улыбаясь и зря теряя время.

— Миледи, я никогда не теряю времени зря… Я постарался дискредитировать вашего отца как источник информации. И полагаю, это мне удалось. Тираниты призадумаются: можно ли доверять человеку, дочь и брат которого стали

изменниками? Но если они все еще намерены доверять ему, я исчезну в туманности, где они меня не найдут. Думаю, что мои действия скорее доказывают правдивость моих слов, чем наоборот.

Байрон сделал глубокий вдох и сказал:

— Будем считать разговор оконченным, Джонти. Мы согласились с тем, что будем сопровождать вас и получим от вас необходимую помощь. Этого достаточно. Даже если все сказанное вами правда, сейчас это не имеет значения. Преступления Правителя Родии не наследуются его дочерью. Артемизия остается со мной. Если, конечно, согласна.

— Я согласна, — сказала Артемизия.

— Хорошо. Это решено. Кстати, предупреждаю вас, Джонти: вы вооружены, и я тоже. Возможно, у вас боевые корабли, но и у меня как-никак тиранитский военный крейсер.

— Не глупите, Фаррил. У меня дружественные намерения. Хотите оставить девушку здесь — пожалуйста. Могу я уйти через воздушный туннель?

Байрон кивнул:

— Настолько-то мы вам еще доверяем.

Два корабля сблизились, и от одного к другому протянулись выдвижные туннели, которые

должны были сомкнуться друг с другом. Джилберт сидел у радио.

— Контакт через две минуты, — сказал он.

Трижды включались магнитные поля, и каждый раз навстречу друг другу выдвигались гибкие трубы, и каждый раз между ними оставался зазор.

— Две минуты, — повторил Байрон, напряженно ожидая.

В четвертый раз включилось магнитное поле, лампы потускнели на время, пока двигатели справлялись с повышенным потреблением энергии. Снова выдвинулись трубы, покачались немного в пространстве и соединились бесшумным толчком, дрожью отдавшимся в пилотской рубке. Замки на них автоматически защелкнулись, воздушный туннель был установлен.

Байрон медленно провел рукой по лбу и заметно расслабился:

— Готово! — сказал он.

Автарх поднял свой скафандр, до сих пор покрытый тонкой влажной пленкой.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил он. — Сейчас сюда придет мой офицер. С ним вы обсудите подробности доставки необходимого оборудования и припасов.

Он вышел.

— Джил, присмотрите, пожалуйста, за офицером Автарха, — попросил Байрон. — Когда он придет, разведите туннель. Для этого надо только выключить магнитное поле. Вот здесь…

Он повернулся и вышел из рубки. Ему необходимо было побыть одному. Может быть, подумать…

Сзади послышались торопливые шаги. Он остановился.

— Байрон, — сказала Артемизия, — я хочу поговорить с вами.

— Попозже, если вы не возражаете, Арта.

Она, не отрываясь, смотрела на него.

— Нет, сейчас.

Она нерешительно протянула руки, словно хотела его обнять, но не была уверена, хочет ли он этого.

— Вы ведь не верите тому, что он сказал о моем отце?

— Это неважно.

— Байрон… — начала она и умолкла. Ей было трудно говорить. Она попыталась снова: — Байрон, я понимаю: то, что произошло между нами, случилось потому, что мы были одиноки и находились в опасности, но…

Она снова замолчала.

— Если вы пытаетесь объяснить мне, Арта, что вы из семьи Хинриадов, то не стоит, — сказал Байрон. — Я это знаю и так. И впоследствии ничем не напомнил бы вам о том, что произошло между нами.

— О нет! Нет! — Она схватила его руку и прижалась щекой к его твердому плечу. Теперь она говорила быстро-быстро: — Это совсем не то. Дело не в Хинриадах и не в Вайдемосах… Я… я люблю вас, Байрон. — Она искала его взгляд. — Я думаю, вы тоже любите меня. Вам было бы легче признаться в этом, если бы вы забыли, что я из семьи Хинриадов. Поэтому я призналась первая. Вы говорили Автарху, что не вините меня за дела моего отца. Так не давайте же его рангу встать между нами!

Она обняла его. Байрон чувствовал упругость ее груди и теплоту дыхания.

Он мягко разъединил ее руки и так же мягко отступил назад.

— Я не расквитался еще с Хинриадами, миледи.

— Но вы же сказали Автарху, что…

Он отвел глаза.

— Простите, Арта. И забудьте то, что я сказал

Автарху.

Она хотела закричать, что это неправда, что ее отец этого не делал, что в любом случае…

Но он уже повернулся и вошел в рубку, оставив ее в коридоре. На глазах у нее выступили слезы стыда и боли.

Глава 15
Дыра в пространстве

В рубке Байрона уже поджидал Теодор Риззет, седой, но все еще крепкий офицер с румяным добродушным лицом.

Одним шагом он преодолел разделяющее их расстояние и сердечно пожал Байрону руку.

— Клянусь звездами, не было нужды говорить, что вы сын вашего отца. Как будто ожил старый Ранчер.

— Хотел бы я, чтоб это было так, — печально ответил Байрон.

Улыбка исчезла с лица Риззета.

— Мы бы все хотели этого. Каждый из нас. Кстати, я — Теодор Риззет. Полковник регулярной лингейнской армии. Но в нашей маленькой игре мы не пользуемся званиями, даже Автарха мы называем «сэр». Ах да, я и забыл! У нас на Лингейне

нет ни лордов, ни леди, ни ранчеров. Надеюсь, я никого не обижу, если случайно опущу чей-нибудь титул?

Байрон пожал плечами:

— Как вы сами сказали, никаких титулов в нашей маленькой игре. Но как насчет трейлера? Я понял, что должен договориться с вами.

Он окинул взглядом рубку. Джилберт сидел безмолвно и внимательно слушал. Артемизия повернулась к Байрону спиной. Ее тонкие бледные пальцы чертили какой-то узор на фотоконтактах компьютера…

Голос Риззета вернул его к действительности:

— Впервые вижу тиранитский корабль изнутри. Раньше не приходилось. Как я понял, аварийный люк расположен ближе к корме? А двигатели расположены в центре?

— Верно.

— Это хорошо. Тогда никаких неприятностей не будет. В старых моделях двигатели были на корме, поэтому приходилось ставить трейлер под углом. Труднее создать искусственное тяготение, а маневрирование в атмосфере вообще невозможно.

— Сколько времени это займет, Риззет?

— Немного. Какой величины трейлер вам ну-

жен?

— А какой вы можете дать?

— Суперлюкс устроит? Если Автарх велел, значит, вопрос решен. Мы можем присоединить целый корабль. У него будут даже вспомогательные двигатели.

— Я полагаю, там будут жилые помещения?

— Для мисс Хинриад там будет значительно удобнее, нежели здесь…

Он внезапно умолк.

Услышав свое имя, Артемизия медленно встала и вышла из пилотской рубки. Байрон проводил ее взглядом.

— Вероятно, мне не следовало говорить «мисс Хинриад»? — спросил Риззет.

— Нет, ничего. Не обращайте внимания. Вы говорили…

— О помещениях. По крайней мере, там две большие каюты с душем. Туалетная комната и водопровод — как на больших лайнерах. Ей будет уютно.

— Хорошо. Еще нам нужна пища и вода.

— Разумеется. В резервуарах двухмесячный запас воды. Правда, если вы захотите соорудить плавательный бассейн, воды надолго не хватит. И еще есть замороженные туши. Сейчас вы пита-

етесь концентратами тиранитов?

Байрон кивнул, и Риззет скорчил гримасу:

— Они похожи на прессованные опилки… Итак, что еще?

— Запас одежды для леди, — сказал Байрон.

Риззет наморщил лоб.

— Да, конечно. Но туалеты ей надо будет выбрать самой.

— Нет, сэр, в этом нет необходимости. Мы сообщим вам размеры, и вы доставите леди то, что она пожелает. Что-нибудь в духе современной моды…

Риззет коротко рассмеялся и покачал головой:

— Ранчер, ей это не понравится. Ее не удовлетворит одежда, которую выберет за нее кто-то другой, даже если это полностью совпадет с ее собственным выбором. Можете мне поверить! У меня в этих делах есть кое-какой опыт.

— Уверен, что вы правы, Риззет. Но сделайте так, как я сказал.

— Ладно, но я вас предупредил. Под вашу ответственность. Что-нибудь еще?

— Разные мелочи. Запас моющих средств, косметика, парфюмерия — то, что обычно нужно женщине… Но это все позже. Начните с подготовки трейлера.

Теперь молча вышел Джилберт. Байрон проводил его взглядом. Челюсти его сжались. Хинриады! Ведь они Хинриады! Джилберт, да и она тоже…

Он снова обратился к Риззету:

— Естественно, понадобится одежда для меня и для мистера Хинриада. Какая — это неважно.

— Договорились. Не возражаете, если я воспользуюсь вашим радио? Мне лучше остаться у вас на корабле, пока все не будет готово.

Байрон подождал, пока были отданы первые приказы. Потом Риззет снова повернулся к нему:

— Никак не могу привыкнуть к тому, что вижу вас живьем — что вы ходите, говорите… Вы так на него похожи. Ранчер часто говорил о вас. Вы ведь учились на Земле?

— Да. Неделю назад я мог бы получить там диплом. Но мне помешали.

Риззет неуверенно взглянул на него.

— Послушайте… относительно посылки вас на Родию… Не сердитесь на нас. Строго между нами, нашим людям эта идея совсем не нравилась. Автарх, конечно, не посоветовался с нами. Откровенно говоря, он несколько рисковал. Некоторые из наших — я не упоминаю фамилии — даже хотели задержать лайнер, на котором вы летели,

и освободить вас. Естественно, это было худшее, что мы могли сделать. И все же мы бы рискнули, наверное. Если бы не решили в последний момент, что Автарх всегда знает, что делает.

— Полагаю, он был бы рад узнать, что пользуется таким неограниченным доверием.

— Просто мы хорошо изучили его. Автарх все держит здесь. — Риззет легонько стукнул себя пальцем по лбу. — Никто точно не знает, почему он принимает то или иное решение. Но его решения всегда оказываются правильными. Во всяком случае, пока что ему удается перехитрить тиранитов. А другим — нет.

— Как моему отцу, например.

— Я не имел в виду именно его, однако в известном смысле вы правы. Даже Ранчер был схвачен. Но он совсем другой человек. Он всегда говорил то, что думал, никогда не использовал кривых ходов, а всех людей считал порядочными. За это мы его и любили. Он был одинаков со всеми…

Хоть я и полковник, но вышел из народа. Мой отец был рабочим, знаете ли. Однако для Ранчера это не имело значения. И то, что я полковник, тоже. Если навстречу ему по коридору шел ученик инженера, Ранчер обязательно останавливался и перебрасывался с ним парой слов. И весь день

ученик чувствовал себя главным инженером. Таким он был.

Он не был мягок, порой бывал и строгим, но всегда справедливым. Вы получали от него то, что заслуживали, поэтому обижаться было невозможно. Зато когда он прощал, то по-настоящему. У него не было привычки тыкать вас носом в прошлые прегрешения при всяком удобном случае. Таким был Ранчер…

Автарх совсем другой. Он воплощение разума. Кто бы ты ни был — сблизиться с ним невозможно. По-моему, у него нет даже чувства юмора. Я не мог бы говорить с ним так, как с вами, например. Сейчас я говорю свободно, не напрягаясь, не подбирая тщательно слов. С ним же надо говорить точно и конкретно, иначе получишь выговор. Но Автарх есть Автарх, и этим все сказано.

— Я готов согласиться с вами в том, что касается ума Автарха, — сказал Байрон. — А вы знали, что он догадался о моем присутствии на борту звездолета?

— Догадался? Нет, мы ничего не знали. Но в этом весь Автарх. Он собирается идти один на тиранитский крейсер. Нам это кажется самоубийством. Нам это не нравится. Но мы считаем, что он знает, что делает — и он действительно

знает. Он мог бы сообщить нам о своей догадке, обрадовать людей известием о вашем спасении. Но он не сделал этого. И в этом весь Автарх.

Артемизия сидела на нижней койке в каюте. Приходилось сгибаться, чтобы рама верхней койки не упиралась в шею, но ей было все равно.

Машинально проведя ладонью по платью, она почувствовала себя грязной и очень усталой.

Она устала вытирать лицо и руки влажными салфетками, устала целую неделю носить одно и то же платье, устала от волос, казавшихся влажными и липкими.

Послышались шаги. Она резко вскочила на ноги, готовая отвернуться. Она не хочет видеть его.

Но это был только Джилберт. Она снова села.

— Привет, дядя Джил.

Джилберт сел напротив и беспокойно оглядел ее. Затем сморщился в улыбке:

— Мне эта неделя на корабле тоже не показалась забавной. Я надеялся, что ты поднимешь мне настроение.

— Ах, дядя Джил, перестань применять ко мне свои психологические приемчики. Если ты надеешься отвлечь меня и заставить заботиться о твоем самочувствии, ты глубоко заблуждаешься. Мне хочется кого-нибудь стукнуть!

— Если тебе от этого станет легче…

— Я тебя предупредила! Если ты протянешь ко мне руку и скажешь: «Бей!» — я действительно ударю, а если спросишь, стало ли мне легче — ударю еще раз.

— Все ясно: ты поссорилась с Байроном. Из-за чего?

— Не вижу необходимости обсуждать это. Оставь меня в покое. — Она замолчала, потом нехотя добавила: — Он считает, что мой отец сделал то, о чем говорил Автарх. Я ненавижу его за это!

— Отца?

— Нет! Этого глупого лицемерного дурака!

— По-видимому, Байрона. Прекрасно. Ты его ненавидишь и не можешь провести грань между ненавистью, заставляющей тебя сидеть на этой койке, и тем забавным с моей холостяцкой точки зрения чувством, которое зовут любовью.

— Дядя Джил, неужели он и вправду сделал это?

— Байрон? Что именно?

— Нет же! Отец! Мог отец сделать это? Мог он сообщить тиранитам о Ранчере?

— Не знаю. — Он смотрел на нее задумчиво и печально. — Выдал же он тиранитам Байрона.

— Потому что знал, что это ловушка! — страстно возразила она. — И это действительно была ловушка. Ее приготовил этот ужасный Автарх. Он сам так сказал. Тираниты знали, кто такой Байрон, и специально подослали его к отцу. Отец сделал единственно возможную вещь. Это очевидно каждому.

— Возможно, возможно… Но ведь он пытался склонить тебя к совсем не забавному замужеству. Если Хинрик дошел до этого…

— И здесь у него не было выбора, — прервала его Артемизия.

— Дорогая моя, если ты собираешься оправдывать каждое его раболепное действие тем, что он не мог иначе, откуда тебе знать, что он не имеет отношения к гибели Ранчера?

— Потому что я уверена: он этого не делал! Ты не знаешь моего отца так, как знаю его я. Он ненавидит тиранитов. Он ни за что не стал бы им помогать. Я согласна, что он боится их и не осмеливается противостоять им открыто, но, если можно этого избежать, сам он никогда не станет им помогать.

— Откуда ты знаешь, что в случае с Ранчером он мог избежать этого?

Она так яростно покачала головой, что волосы

упали ей на глаза, а в глазах появились слезы.

Джилберт еще какое-то время смотрел на нее, а потом беспомощно развел руками и вышел.

К «Беспощадному» присоединили трейлер, прикрепив его узким туннелем-перемычкой к аварийному люку на корме. Трейлер в несколько раз превосходил тиранитское судно по объему, поэтому вместе они выглядели несколько нелепо.

Автарх и Байрон вдвоем производили последний осмотр.

— Есть какие-нибудь упущения? — спросил Автарх.

— Нет, — ответил Байрон. — Думаю, нам будет удобно.

— Ну что ж… Кстати, Риззет сказал мне, что леди Артемизия нездорова или по крайней мере выглядит больной. Если ей нужна медицинская помощь, ее разумнее переправить на мой корабль.

— Она хорошо себя чувствует, — коротко ответил Байрон.

— Ну, раз вы так говорите… Вы готовы стартовать через двадцать часов?

— Через два часа, если хотите.

Затем Байрон по соединительному коридору,

настолько тесному, что пришлось согнуться в три погибели, возвратился на крейсер.

Стараясь говорить как можно спокойнее, он сказал:

— Там у вас своя каюта, Артемизия. Я не буду вам мешать. Большую часть времени я буду проводить здесь.

— Вы мне не мешаете, Ранчер. Мне все равно, где вы находитесь, — холодно ответила она.

Корабль рванулся вперед и после первого прыжка оказался на краю туманности. Тут они прождали несколько часов, пока на звездолете Джонти производили последние расчеты. Внутри туманности предстояло управлять кораблем почти вслепую.

Байрон угрюмо смотрел на экран. На нем ничего не отражалось. Целая небесная полусфера — и вся утопает в кромешной тьме, нигде ни проблеска, ни искорки света. Байрон впервые понял, как теплы и дружественны звезды, как заполняют они собой пространство…

— Как будто прыгаешь в дыру в пространстве, — сказал он Джилберту.

И они прыгнули в туманность.

Почти в это же время Саймак Аратап, намест-

ник великого Хана, возглавлявший эскадру из десяти крейсеров, выслушал доклад навигаторов и проговорил:

— Это не имеет значения. Следуйте за ними.

В нескольких световых годах от того места, где «Беспощадный» углубился в туманность, тиранитские корабли сделали то же самое.

Глава 16
Охотничья свора…

Саймаку Аратапу было неудобно в форме. Тиранитские мундиры шились из грубого материала и обычно плохо подгонялись по фигуре. Но жаловаться на такие мелочи солдату не подобало. В сущности, частью тиранитской военной традиции стало утверждение, что небольшие неудобства лишь укрепляют дисциплину.

Однако Аратап настолько восставал против традиций, что мог даже недовольно пробурчать:

— Этот жесткий воротник натирает мне кожу.

Майор Андрос, у которого тоже был жесткий воротник и которого всегда видели только в форме, ответил:

— Расстегивать воротничок непозволительно даже наедине с собой. Я уже не говорю о том,

что на солдат и офицеров подобное нарушение действует разлагающе.

Аратап фыркнул. Вдобавок к неудобному мундиру он еще вынужден выслушивать нотации своего наглеющего на глазах помощника.

Это началось еще до того, как они покинули Родию.

Андрос прямо заявил:

— Наместник, нам понадобятся десять кораблей. Аратап раздраженно поднял голову. Он намеревался следовать за юным Вайдемосом на одном-единственном корабле. Отложив в сторону капсулу с докладом Колониальному бюро Хана, который он готовил на случай, если не вернется из экспедиции, Аратап переспросил:

— Десять кораблей, майор?

— Да, сэр. Меньше нельзя.

— Почему?

— Обычная мера предосторожности. Молодой человек куда-то направляется. Вы говорите, что существует развитая тайная организация. Вероятно, эти два факта взаимосвязаны.

— И поэтому?

— И поэтому мы должны быть готовы к вооруженному конфликту. Они могут уничтожить наш единственный корабль.

— Или десять, или сто… При чем тут предосторожности?

— Надо принять решение. Военные дела — это моя забота. Я предлагаю десять кораблей.

Аратап приподнял брови, и его контактные линзы сверкнули холодным искусственным светом. Военные имеют вес. Теоретически в мирное время решения принимаются штатскими, но к рекомендациям военных приходится прислушиваться.

Он осторожно сказал:

— Я подумаю.

— Благодарю вас. Вы имеете полное право не последовать моему совету, а это всего лишь совет, не более, уверяю вас. — Майор резко щелкнул каблуками, но этот внешний знак почтения не обманул Аратапа. — Однако в таком случае мне придется подать рапорт об отставке.

Аратапу пришлось вступить в переговоры:

— Я не собираюсь вмешиваться в ваши решения по чисто военным вопросам, майор. Но это скорее политическая, чем военная проблема. А их предоставьте мне.

— Вы имеете в виду…

— Хинрика, майор. Вы вчера возражали против моего предложения, чтобы он сопровождал нас.

— Я считаю это необязательным, — сухо сказал майор. — Присутствие чужака плохо скажется на моральном состоянии войска.

Аратап попытался вздохнуть как можно тише. Андрос хороший специалист. А злиться на него все равно бессмысленно.

— И снова я согласен с вами. Но прошу вас, обдумайте политический аспект проблемы. Как вы знаете, казнь старого Ранчера Вайдемоса в политическом смысле была не очень разумной. Она взбудоражила королевства. Тем более необходимо, чтобы смерть сына Ранчера не связывали с нами. На Родии знают, что молодой Ранчер Вайдемоса похитил дочь Правителя, девушку, наиболее популярную из всех Хинриадов. Так что вполне объяснимо, если Правитель сам возглавит карательную экспедицию.

Это драматическое событие всколыхнет патриотические чувства родийцев. Естественно, Хинрик попросит нас о помощи и получит ее, но это уже детали. В сознании народа экспедиция будет именно родийской. И если при этом вдруг обнаружится существование тайной организации, то это тоже будет родийское открытие. Если же юный Вайдемос будет казнен, это будет родийская казнь в глазах остальных королевств.

— Все равно участие родийского корабля в тиранитской военной экспедиции создаст ненужный прецедент, — сказал майор. — В бою они нам будут только мешать. И в этом смысле проблема переходит в военную плоскость.

— Я же не говорю, дорогой мой майор, что Хинрик будет командовать кораблем. Вы его достаточно хорошо знаете, чтобы понять, что он не способен командовать ничем. Просто он полетит с нами. Других родийцев на борту не будет.

— В таком случае я снимаю свои возражения, наместник, — сказал майор.

Тиранитский флот уже почти неделю стоял в двух световых годах от Лингейна, и положение становилось все более неопределенным.

Майор Андрос советовал немедленно высадиться на Лингейне.

— Автарх Лингейна, — говорил он, — не раз давал повод считать его другом Хана, но я не доверяю людям, часто путешествующим за пределы королевств. Они вполне могут нахвататься чуждых нам идей. Иначе с какой это стати сразу же после возвращения Автарха юный Вайдемос устремился прямо к нему?

— Автарх не скрывал ни своего отъезда, ни возвращения, майор. И мы не знаем, с кем встре-

тился молодой Вайдемос. Он остается на орбите вокруг Лингейна. Почему он не садится?

— Почему не садится? Давайте лучше думать о том, что он делает, а не о том, чего он не делает.

— У меня есть на этот счет вполне правдоподобное предположение.

— С радостью выслушаю его.

Аратап просунул палец за воротник, тщетно пытаясь ослабить его. Потом сказал:

— Поскольку молодой человек ждет, то можно предположить, что он ждет чего-то или кого-то. Не думаю, что после столь решительного и целеустремленного прыжка к Лингейну он вдруг остановился просто так, размышляя, куда податься дальше. Поэтому я уверен, что он ждет друга или друзей. А получив подкрепление, последует дальше. Раз он не высаживается на Лингейне, значит, считает это не вполне безопасным. Это доказывает, что Лингейн в целом — и Автарх в частности — не связаны с подпольем. Хотя допускаю, что отдельные лингейнцы могут быть с ним связаны. Все это очевидно.

— Не уверен, что очевидное всегда является верным.

— Мой дорогой майор, это не только очевидно, это еще и логично. Все укладывается в схему.

— Может быть. Но все равно, если в ближайшие двадцать четыре часа ничего не изменится, я буду вынужден приказать кораблям высадиться на Лингейне.

Аратап хмуро смотрел на закрывающуюся за майором дверь. Как трудно контролировать одновременно и беспокойных подданных, и недальновидных соратников! Двадцать четыре часа… Что-нибудь должно произойти, иначе придется изыскивать способ остановить Андроса.

Прозвучал дверной сигнал, и Аратап раздраженно поднял голову. Неужели вернулся майор?

Но в дверях показалась высокая сутулая фигура Хинрика Родийского, за которым маячил стражник, неотступно сопровождавший Правителя. Теоретически Хинрик пользовался полной свободой передвижения.

Вероятно, сам он так и считал. По крайней мере, он никогда не обращал внимания на своего постоянного спутника.

Хинрик рассеянно улыбнулся:

— Я не помешаю вам, наместник?

— Разумеется, нет. Садитесь, Правитель.

Сам Аратап продолжал стоять. Хинрик сел, словно не заметив этого.

— Я должен обсудить с вами важный вопрос, —

озабоченно сказал он. Потом, помолчав, добавил уже совсем другим тоном: — Какой великолепный корабль, и какой огромный!

— Благодарю вас, Правитель, — скупо улыбнулся Аратап.

Действительно, девять сопровождавших кораблей были обычными и миниатюрными, но флагман, на котором они находились, соответствовал образцам родийского флота. Тот факт, что все больше и больше подобных кораблей добавлялось к тиранитскому флоту, был первым признаком смягчения боевого духа тиранитов. Военная мощь по-прежнему определялась двух- и трехместными крейсерами, но армейская верхушка все чаще требовала для своих штабов такие вот большие корабли.

Это не беспокоило Аратапа. Хотя некоторым старым солдатам такая мягкость казалась упаднической, наместник считал это признаком развития цивилизации. В итоге — может быть, через столетия — тираниты исчезнут как отдельный народ, сольются с населением завоеванных королевств, и, возможно, это будет не так уж плохо.

Разумеется, вслух он никогда не высказывал подобные мысли.

— Я пришел сказать вам кое о чем, — снова заговорил Хинрик. Он слегка запнулся, потом продолжил: — Сегодня я послал весточки домой, моему народу. Я сообщил, что здоров и что преступник скоро будет схвачен, а моя дочь спасена.

— Прекрасно, — одобрил Аратап.

Для него это не было новостью. Он сам написал послание, хотя, похоже, Хинрик убедил себя в собственном авторстве. И даже в том, что он действительно возглавляет экспедицию. Аратап почувствовал легкий укол жалости. Хинрик тупел на глазах.

— Мой народ, — продолжал Хинрик, — крайне обеспокоен этим наглым бандитским нападением на Дворец. Я думаю, родийцы могут гордиться своим Правителем, так быстро принявшим ответные меры, а, наместник? Теперь они увидят, что Хинриады сильны, как прежде!

Правитель, казалось, был в полном восторге.

— Я думаю, так оно и есть, — ответил наместник.

— Мы догнали врага?

— Нет, Правитель. Враг остается там же, где и был — вблизи Лингейна.

— Вблизи… Я вспомнил, что привело меня к вам, наместник! — Он вдруг пришел в страшное

возбуждение и отрывисто забормотал: — Это очень важно, наместник… я должен вам кое-что сказать… на борту предательство… я обнаружил это… надо действовать быстро… предательство…

Аратап почувствовал, как в нем закипает раздражение. Конечно же, придется успокоить бедного идиота. Но какая трата времени! Скоро он станет настолько слабоумным, что будет бесполезен даже как марионетка. А жаль.

— Никакого предательства, Правитель, — сказал он. — Наши люди верные и стойкие. Кто-то ввел вас в заблуждение. Вы устали.

— Нет! Нет! — Хинрик сбросил руку Аратапа со своего плеча. — Где мы находимся?

— Мы здесь, у меня.

— Я имею в виду корабль. Я следил за экраном. Звезд поблизости нет. Мы в глубоком космосе. Вы знаете это?

— Конечно.

— Лингейн далеко. Это вы тоже знаете?

— В двух световых годах.

— Ах, наместник! Никто нас не слышит? Вы уверены? — Он склонился к уху Аратапа: — Откуда же мы тогда знаем, что враг около Лингейна? На таком расстоянии его не увидишь. Нас неверно информируют, а разве это не предательство?

Может быть, этот человек и безумен, но в его безумии есть система. Аратап сказал:

— Это дело техников, Правитель. Людям нашего ранга не следует этим заниматься. Я даже сам не знаю…

— Но как глава экспедиции я должен знать… Я глава, не правда ли? — Он оглянулся по сторонам. — У меня такое чувство, будто майор Андрос не всегда выполняет мои приказы. Ему можно верить? Конечно, я редко ему приказываю. Странно было бы приказывать офицеру тиранитов. Но я должен найти свою дочь. Ее зовут Артемизия. Ее похитили у меня, и я поднял весь флот, чтобы вернуть ее обратно. Поэтому я хочу быть уверен, что враг действительно около Лингейна. Там, должно быть, и моя дочь. Вы знаете мою дочь. Ее зовут Артемизия.

Глаза его с мольбой смотрели на тиранитского наместника. Потом он закрыл их руками и пробормотал что-то вроде «простите».

Аратап крепко сжал зубы. И все-таки не надо забывать, что перед ним отец и что даже слабоумный Правитель Родии может иметь отцовские чувства. Не стоит заставлять его страдать еще больше.

— Попытаюсь вам объяснить, — мягко прогово-

рил он. — Вы знаете, что существует такой прибор — массометр? Он находит в космосе корабли.

— Да, да.

— Он чувствителен к гравитационному эффекту. Вы понимаете, о чем я говорю?

— О да! Все имеет тяготение. — Хинрик наклонился к Аратапу, беспокойно сжимая руки.

— Вот именно. Но массометр может быть использован только тогда, когда корабль находится недалеко, скажем, за миллион миль от нас или около того. К тому же корабль должен находиться на значительном удалении от планеты, иначе мы можем определить только планету — она ведь гораздо больше.

— И притяжение у нее больше.

— Совершенно верно, — подтвердил Аратап, и Хинрик довольно улыбнулся. — У нас, у тиранитов, — продолжал Аратап, — есть еще один прибор. Это датчик, который излучает особые волны, не электромагнитные по своей природе. Иными словами, они не похожи ни на свет, ни на радиоволны, ни даже на субэфирные волны. Вам понятно?

Хинрик смущенно молчал.

Аратап быстро продолжал:

— Ну, неважно… То, что он излучает, мы можем

уловить и поэтому всегда знаем, где находится тиранитский корабль, даже если он у черта на куличках или по другую сторону звезды.

Хинрик серьезно кивнул.

— Если бы юный Вайдемос сбежал на обычном корабле, — добавил наместник, — его было бы трудно обнаружить. Но так как он захватил тиранитский крейсер, мы все время следим за ним, хотя он об этом не подозревает. Вот почему мы уверены, что сейчас он вблизи Лингейна. Более того, он от нас никуда не сможет уйти, так что мы обязательно освободим вашу дочь.

Хинрик улыбнулся:

— Хитро придумано. Поздравляю вас, наместник. Очень хитрая уловка.

Аратап не обманывал себя. Хинрик мало что понял из его объяснений, но это в конце концов неважно. Он поверил, что его дочь будет спасена и что сделано это будет благодаря тиранитской науке.

Аратап пустился в столь обстоятельные разъяснения, поддавшись чувству жалости к родийцу. Но, с другой стороны, сохранить в этом человеке остатки разума полезно и с политической точки зрения. Возможно, надежда на возвращение дочери улучшит его состояние. Это бы ему не

помешало.

Снова прозвучал звонок в дверь. На сей раз вошел майор Андрос. Рука Хинрика сжала подлокотник кресла, на лице появилось загнанное выражение. Он привстал и начал:

— Майор Андрос…

Но Андрос, не обращая на него внимания, быстро заговорил:

— Наместник, «Беспощадный» изменил позицию.

— Надеюсь, он не собирается садиться на Лингейн?

— Нет, он прыгнул от Лингейна.

— Ага. Прекрасно. Вероятно, к нему присоединился другой корабль?

— Возможно, даже несколько. Вы же знаете, мы можем следить только за «Беспощадным».

— В любом случае, мы следуем за ним.

— Приказ уже отдан. Я только хочу сообщить, что прыжок привел корабль к самому краю туманности Конской Головы.

— Что?!

— В этом направлении не существует известных нам планетарных систем. Допустимо лишь одно логическое заключение…

Аратап облизнул ставшие вдруг сухими губы и

вместе с майором поспешил в пилотскую рубку.

Хинрик остался стоять посреди опустевшей каюты. Еще с минуту он смотрел на дверь, затем, пожав плечами, снова уселся в кресло. И застыл, глядя вдаль отсутствующим взором.

— Координаты «Беспощадного» еще раз проверены, сэр, — доложил штурман. — Он определенно внутри туманности.

— Это не имеет значения, — сказал Аратап. — Следуйте за ним. — Он повернулся к майору Андросу: — Теперь вы понимаете, что иногда полезно и подождать? Сейчас многое становится ясным. Где еще может находиться штаб-квартира заговорщиков, как не в самой туманности? Где еще мы не могли бы обнаружить их? Все совпадает.

И эскадра углубилась в туманность.

Аратап чуть ли не в двадцатый раз машинально взглянул на экран. И опять без толку: экран оставался пустым и черным. Ни одной звезды.

— Это их третья остановка без посадки, — сказал Андрос. — Ничего не понимаю. Куда они направляются? Что ищут? Каждая остановка длится несколько дней. Но они не приземляются.

— Возможно, они просто долго рассчитывают

следующий прыжок, — предположил Аратап. — Видимости-то никакой.

— Вы так думаете?

— Да нет, вряд ли. Их прыжки абсолютно точны. Каждый раз они оказываются вблизи звезды. Только по данным массометра это сделать невозможно. Они заранее должны знать расположение звезд.

— Тогда почему они не высаживаются?

— Я думаю, — сказал Аратап, — они ищут обитаемые планеты. Может быть, они сами не знают, где размещается центр заговорщиков, или знают лишь приблизительно. — Он улыбнулся. — Нам остается только следовать за ними.

Штурман щелкнул каблуками.

— Сэр!

— Да? — поднял голову наместник.

— Неприятель высадился на планету.

Аратап вызвал майора Андроса.

— Вам уже сообщили? — спросил он, когда майор вошел в рубку.

— Да. Я приказал спускаться и преследовать.

— Подождите. Возможно, вы опять спешите, как с Лингейном. Я думаю, приземлиться должен только один корабль.

— Почему?

— Если понадобится подкрепление, вы будете здесь командовать крейсерами. Если это действительно центр заговорщиков, они решат, что на них случайно наткнулся какой-то корабль. Я сообщу вам — и вы отступите на Тиран.

— Отступлю?

— И вернетесь с большим флотом.

Андрос задумался.

— Хорошо. По крайней мере, это наименее ценный из наших кораблей. Слишком большой.

Они спустились по спирали, и планета заполнила экран.

— Планета кажется необитаемой, сэр, — сказал штурман.

— Вы установили точное местонахождение «Беспощадного»?

— Да, сэр.

— Опускайтесь как можно ближе к нему, но так, чтобы вас не обнаружили.

Они входили в атмосферу. По мере того как корабль скользил к освещенной половине планеты, небо все больше окрашивалось в яркий пурпур. Аратап следил за приближающейся поверхностью. Долгая охота близилась к концу.

Глава 17
...и дичь

Для тех, кто не бывал в космосе, исследование солнечных систем и поиски обитаемых планет кажутся занятием возбуждающим или по крайней мере интересным. Для космонавтов это самая скучная работа.

Установить местонахождение звезды — огромного светящегося шара из водорода и гелия — обычно нетрудно. Она сама оповещает о себе. Даже в черноте туманности это лишь вопрос расстояния. Стоит оказаться в пяти миллиардах миль от звезды, и она тут же заявит о себе.

Но планета, относительно небольшая каменная масса, сияющая отраженным светом, — это совсем другое дело. Можно сто тысяч раз под разными углами пересечь солнечную систему и не заметить планету, разве что чисто случайно.

Поэтому поиск обычно ведут планомерно. Как правило, корабль занимает позицию на расстоянии в десять тысяч раз превышающем диаметр звезды. Галактической статистикой установлено, что за пределами этого расстояния планеты

встречаются крайне редко. Более того, известно, что *обитаемые* планеты практически никогда не удаляются от своего солнца более чем на тысячу его диаметров.

Это значит, что с избранной кораблем точки любая обитаемая планета должна оказаться в пределах шести градусов от звезды, что составляет одну три тысячи шестисотую часть всего неба. Такой участок можно детально исследовать за сравнительно короткий срок.

Телекамера устанавливается так, чтобы нейтрализовать собственное движение корабля. Тогда соседние созвездия окажутся на фотографиях точками, при условии, конечно, что во время съемки само солнце будет закрыто, чтобы не мешало своим сиянием. Впрочем, сделать это не составляет труда. Планеты же, обладающие собственным движением, будут выглядеть черточками.

Если такие черточки не обнаружены, всегда существует вероятность, что планеты находятся за солнцем. Маневр повторяется, и обычно корабль занимает новую позицию, уже ближе к звезде.

Это очень скучная процедура, и, когда ее безрезультатно проделали трижды возле трех звезд, на корабле явно пали духом.

Особенно это было заметно по Джилберту. Все реже и реже он находил что-либо забавным.

Когда они готовились к прыжку к четвертой звезде из списка Автарха, Байрон заметил:

— По крайней мере, мы каждый раз попадаем к звезде. Вычисления Джонти правильны.

— Статистика показывает, что одна из трех звезд имеет планеты, — сказал Джилберт.

Байрон кивнул. Статистика эта хорошо известна. Все дети изучают ее на уроках по элементарной галактографии.

Джилберт продолжал:

— Это означает, что вероятность случайно наткнуться на три звезды подряд без единой планеты составляет две трети в кубе, то есть восемь двадцать седьмых, или меньше одной трети.

— И что же?

— Но мы не нашли ни одной. Тут какая-то ошибка.

— Вы сами видели расчеты. К тому же кто не знает истинную цену статистике? Тем более что условия в туманности совсем иные. Может быть, частицы пыли препятствуют образованию планет, или сам туман — результат неродившихся планет.

— Вы и вправду так думаете? — встревожился

Джилберт.

— Да нет же, просто треплюсь о чем попало. Я ничего не понимаю в космогонии. Почему эти планеты образуются — сам черт не разберет!

Байрон выглядел измученным. Он до сих пор периодически печатал и расклеивал на пульте управления свои маленькие указатели.

— По крайней мере, мы ищем, — сказал он. — Задействованы все бластеры, зонды, измерители энергии, — в общем, все, что у нас есть.

Он старался не смотреть на экран. Скоро им снова предстоит прыжок в чернильную тьму.

— А вы знаете, почему эту черную дыру назвали «туманностью Конской Головы»? — с отсутствующим видом спросил он у Джилберта.

— По-моему, первым сюда прилетел человек по имени Хорс Хед[1]. А что, это не так?

— Возможно, и так. Но на Земле есть другое объяснение.

— Какое же?

— Туманность похожа на голову коня.

— А что такое конь?

— Земное животное.

— Забавная мысль. Но мне кажется, Байрон,

---

[1] Примечания: 1

Hoarse head — конская голова *(англ.).*

туманность не похожа ни на какое животное.

— Все зависит от угла, под которым вы смотрите на нее. С Нефелоса она похожа на человеческую руку с тремя пальцами, из университетской обсерватории на Земле она действительно напоминает голову лошади. Может быть, поэтому она и получила такое название? Может, никакого Хорса Хеда и не было, кто знает?

Эта тема уже не интересовала Байрона. Он говорил, просто чтобы слышать свой голос.

Наступившая пауза затянулась настолько, что у Джилберта появилась возможность коснуться темы, которую Байрон не хотел обсуждать, но о которой не переставал думать.

Джилберт спросил:

— Где Арта?

Байрон бросил на него быстрый взгляд.

— Где-то в трейлере. Я не слежу за ней.

— Автарх следит. Он мог с таким же успехом поселиться там.

— Ей повезло.

Морщины на лице Джилберта стали глубже.

— Не будьте дураком, Байрон. Артемизия из семьи Хинриадов. Она не может допустить, чтобы с ней обращались подобным образом.

— Перестаньте, пожалуйста.

— Не перестану. Я давно хотел это сказать. Почему вы с ней так поступили? Потому что Хинрик, возможно, виноват в смерти вашего отца? Хинрик — мой брат, но ваше отношение ко мне не изменилось.

— Хорошо, — сказал Байрон. — Я не изменился по отношению к вам. Я разговариваю с вами, как прежде. Но я и с Артемизией разговариваю.

— Как прежде?

Байрон молчал.

— Вы сами толкаете ее к Автарху, — сказал Джилберт.

— Это ее выбор.

— Нет, это ваш выбор. Послушайте, Байрон… Он положил руку юноше на колено. — Поймите, я не хочу вмешиваться, но она единственное, что осталось от семьи Хинриадов. Вы сочтете это забавным, если я скажу, что люблю ее? У меня никогда не было детей.

— Я не сомневаюсь в вашей любви.

— Тогда советую вам ради ее блага: остановите Автарха, Байрон.

— Я думал, вы верите ему, Джил.

— Как Автарху — да. Как лидеру борьбы против тиранитов — да. Но как мужчине по отношению к женщине, к Артемизии — нет.

— Скажите ей это.

— Она не станет слушать.

— Думаете, она послушает, если скажу я?

— Если скажете как следует.

На мгновение Байрон, казалось, заколебался. Он провел языком по пересохшим губам, но затем отвернулся и хрипло промолвил:

— Я не хочу говорить об этом, Джил.

— Боюсь, вы пожалеете, да поздно будет, — печально сказал Джилберт.

Байрон ничего не ответил. Почему Джилберт не оставит его в покое? Ему и самому не раз приходило в голову, что он пожалеет. Но что он может сделать? Дороги назад нет.

Он глубоко вздохнул, чтобы избавиться от ощущения удушья.

После следующего прыжка вид на экране изменился. Байрон установил приборы на пульте в соответствии с указаниями пилота Автарха, оставил на дежурстве Джилберта, а сам пошел спать. Проснулся он оттого, что Джилберт яростно тряс его за плечо.

— Байрон! Байрон!

Байрон скатился с полки, выставив перед собой сжатые кулаки.

— Что?!

Джилберт поспешно отступил.

— Тихо, тихо, успокойтесь. На сей раз это Ф-2.

До Байрона постепенно дошло; Джилберт облегченно вздохнул.

— Никогда больше не будите меня подобным образом, Джил! Ф-2, говорите? Вы имеете в виду четвертую звезду, верно?

— Разумеется. Забавно, не так ли?

В каком-то смысле это действительно было забавно. Примерно девяносто пять процентов всех обитаемых планет в Галактике обращаются вокруг звезд спектрального класса Ф или Ж диаметром от семисот пятидесяти до полутора миллионов миль и с температурой поверхности от пяти до десяти тысяч градусов. Солнце Земли — класса Ж-0, Родии — Ф-3, Лингейна — Ж-2, Нефелоса — тоже Ж-2. Ф-2 — это довольно тепло, но не слишком.

Первые три звезды, у которых они останавливались, принадлежали к спектральному классу К и были маленькие и красные. Даже если бы у них оказались планеты, скорее всего они были бы непригодны для жизни.

Хорошая звезда — она во всем хорошая звезда! В первые же часы они обнаружили пять планет, ближайшая из которых располагалась в ста пяти-

десяти миллионах миль от центра системы.

Теодор Риззет лично принес эту новость.

Он приходил на «Беспощадный» так же часто, как и Автарх, всякий раз озаряя корабль своей сердечностью. На этот раз он тяжело дышал и отдувался после упражнений на космическом канате.

— Не знаю, как Автарх это проделывает. Ему, как видно, все нипочем, — сказал он, переводя дух. — Может, потому, что он моложе. — И тут же резко переменил тему: — Пять планет!

— У этой звезды? — спросил Джилберт. — Вы уверены?

— Точно. Четыре из них, правда, Ю-типа.

— А пятая?

— Кажется, то, что нам нужно. В атмосфере есть кислород.

Джилберт издал вопль триумфа, а Байрон сказал:

— Четыре планеты Ю-типа. Что ж, нам нужна только пятая.

Он понимал, что такое распределение естественно. Большинство планет в Галактике обладает водородными атмосферами. Звезды в основном состоят из водорода, а он — источник создания планет. Планеты Ю-типа имеют атмо-

сферу из метана и аммиака, иногда с добавками молекул водорода. Такие атмосферы обычно очень насыщенны и густы. Сами планеты почти неизбежно достигают тридцати тысяч миль в диаметре со средней температурой около пятидесяти градусов ниже нуля. Они совершенно не пригодны для обитания.

На Земле Байрона уверяли, что планеты Ю-типа называются так из-за Юпитера — одной из планет Солнечной системы. Не исключено, конечно. Во всяком случае, планеты З-типа явно названы в честь Земли. Они сравнительно невелики, и их слабое тяготение не удерживает содержащие водород газы. К тому же они обычно ближе к солнцу и теплее. У них прозрачные атмосферы, содержащие кислород и азот, иногда с вредными примесями.

— А хлор? — забеспокоился Байрон. — Досконально ли исследовали атмосферу?

Риззет пожал плечами:

— Из космоса можно судить лишь о верхних слоях. Если есть хлор, он сосредоточен ближе к поверхности. Посмотрим. — Он хлопнул ладонью по широкому плечу Байрона. — Как насчет того, чтобы нам пропустить по рюмочке в вашей каюте, молодой человек?

Джилберт беспокойно посмотрел им вслед. Сейчас, когда Автарх ухаживает за Артемизией, а его первый помощник становится собутыльником Байрона, «Беспощадный» все больше превращается в лингейнский корабль. Он подумал, сознает ли Байрон, что делает. Потом мысли его перенеслись к новой планете.

Корабль спускался в атмосферу. Артемизия, сидя в пилотской рубке, безмятежно улыбалась и казалась вполне довольной. Байрон изредка поглядывал в ее сторону. Когда она вошла, он сказал: «Добрый день, Артемизия» (последнее время она редко заглядывала в рубку, и он был захвачен врасплох). Но она не ответила.

— Дядя Джил, это правда, что мы садимся? — в ее голосе звучала искренняя радость.

Джилберт потер руки.

— Кажется, да, моя дорогая. На несколько часов мы сможем выйти из корабля и походить по твердой почве. Вот будет забавно!

— Надеюсь, что это та самая планета повстанцев. Иначе будет вовсе не так уж забавно.

— Остается еще одна звезда, — напомнил Джилберт, но брови его угрюмо сошлись к переносице.

Артемизия неожиданно повернулась к Байрону

и холодно спросила:

— Вы что-то сказали, мистер Фаррил?

Снова захваченный врасплох, Байрон, запинаясь, выговорил:

— Н-ничего.

— Простите, значит, мне так показалось.

Она прошла мимо него так быстро и близко, что коснулась платьем его колена и окутала ароматом своих духов. Он крепко сжал зубы.

Риззет по-прежнему был с ними. Одно из преимуществ трейлера заключалось в том, что гость мог остаться на ночь.

— Сейчас уточняют данные об атмосфере, — сказал он. — Но уже ясно, что в ней почти тридцать процентов кислорода, есть азот и инертные газы. Все нормально, хлора нет. — Помолчав немного, он промычал: — Гм…

— В чем дело? — спросил Джилберт.

— Нет двуокиси углерода. Это плохо.

— Почему? — спросила Артемизия, сидевшая на своем наблюдательном пункте у экрана, по которому со скоростью двух тысяч миль в час пролетала поверхность планеты.

— Нет двуокиси углерода — нет жизни, — коротко объяснил Байрон.

— Да? Вот как? — Она посмотрела на него и

тепло улыбнулась.

Байрон невольно улыбнулся в ответ. И тут же понял, что она улыбалась сквозь него, мимо него, явно не замечая его присутствия. А он, как дурак, сидит здесь с этой глупой улыбкой. Улыбка медленно сползла с его лица.

Лучше избегать этих встреч. Когда он видит ее, перестает действовать анестезия и возвращается боль.

Джилберт хмурился. Они снижались, а в нижних слоях атмосферы «Беспощадный» с нежелательным аэродинамическим довеском в виде трейлера с трудом поддавался управлению.

Байрон упорно боролся с приборами.

— Веселее, Джил, — подбодрил он.

Сам он не испытывал особого веселья. На их радиосигналы никто не отвечал. Если они не найдут повстанцев, надеяться больше не на что.

— Не похоже на планету повстанцев, — сказал Джилберт. — Скалистый и мертвый мир без воды. — Он обернулся. — Нашли двуокись углерода, Риззет?

Румяное лицо Риззета вытянулось.

— Да, но только следы. Около тысячной процента.

— Это еще ни о чем не говорит, — сказал Бай-

рон. — Они могли выбрать эту планету именно потому, что она кажется такой безжизненной.

— Но я видел там фермы, — возразил Джилберт.

— Допустим. А многое ли мы увидим на планете такого размера, даже облетев ее несколько раз? Вам хорошо известно, Джил, что у них не хватает людей, чтобы заселить всю планету. Они вполне могли выбрать для жизни какую-нибудь одну долину, где содержание двуокиси углерода выше среднего, из-за вулканических извержений, например, и где поблизости есть вода. Мы можем пролететь в двадцати милях от них и даже не узнать об этом. Естественно, что они не отвечают на радиовызовы без тщательной проверки.

— Невозможно так легко создать двуокись углерода в нужной концентрации, — пробормотал Джилберт, напряженно вглядываясь в экран.

Байрону вдруг почти захотелось, чтобы планета оказалась не та. Осточертело ждать неизвестно чего. Нужно идти и выяснить все сейчас же, немедленно!

Это было странное ощущение.

Искусственный свет выключили, и в иллюминаторы ворвались солнечные лучи. Конечно, такое освещение было менее эффектным, зато

вносило приятный элемент новизны.

Иллюминаторы открыли, потому что атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания. Правда, Риззет возражал, так как отсутствие двуокиси углерода могло затруднить дыхание, но Байрон решил, что короткое время можно выдержать.

Джилберт незаметно подошел к ним в тот момент, когда они о чем-то тихонько разговаривали. Увидев его, они резко отпрянули друг от друга, как нашкодившие мальчишки.

Джилберт рассмеялся, потом выглянул в иллюминатор, вздохнул и сказал:

— Скалы!

— Мы собираемся установить радиопередатчик где-нибудь повыше, — сказал Байрон. — Так будет больше радиус действия. Во всяком случае, мы должны охватить это полушарие. А если ничего не выйдет, попробуем на другой стороне планеты.

— Вы об этом сейчас так увлеченно беседовали с Риззетом?

— Совершенно верно. Передатчик установим мы вдвоем с Автархом. К счастью, он сам предложил это, иначе предлагать пришлось бы мне.

Байрон мельком взглянул на Риззета. Лицо

офицера было бесстрастно.

Байрон встал:

— Я, пожалуй, отстегну подкладку от скафандра и надену ее.

Риззет кивнул. Стояла ясная, безоблачная погода, но было очень холодно.

Автарх ждал у главного люка «Беспощадного». Его костюм из тонкого пенообразного материала весил лишь долю унции, но обеспечивал прекрасную изоляцию. К груди был пристегнут маленький цилиндр с двуокисью углерода: газ постепенно выходил через микроскопическую щель, создавая в непосредственной близости нужную для дыхания концентрацию.

— Хотите обыскать меня, Фаррил? — спросил Автарх.

С легкой иронической улыбкой он поднял обе руки.

— Нет, — ответил Байрон. — Хотите проверить, не вооружен ли я?

— И не подумаю.

Вежливость их была холодна, как погода на этой планете.

Байрон вышел на яркий солнечный свет и взялся за ручку тяжелого ящика, в котором находилась аппаратура. Автарх взялся за другую

ручку.

— Не так уж тяжело, — сказал Байрон.

Он оглянулся. В отверстии люка стояла Артемизия.

На ней было простое белое платье, развевавшееся на ветру. Полупрозрачные рукава в свете солнца казались серебряными.

У Байрона дрогнуло сердце. Ему отчаянно захотелось вернуться, подбежать к ней, схватить ее так, чтобы на плечах остались синяки, почувствовать на своих губах ее губы…

Вместо этого он коротко кивнул ей, а ее ответная улыбка и взмах руки были предназначены Автарху.

Пять минут спустя он обернулся снова и по-прежнему увидел белое сияние у открытого люка, потом вершина холма закрыла от них корабль. Теперь на горизонте виднелись только скалы.

Байрон подумал о том, что ждет его впереди. Увидит ли он когда-нибудь Артемизию? И пожалеет ли она о нем, если он не вернется?

Глава 18

В когтях поражения

Артемизия следила за ними, пока они не превратились в крошечные фигурки, карабкающиеся вверх по голому граниту. Затем вершина горы скрыла их из виду. Перед тем как исчезнуть, один из них обернулся. Она не была уверена, кто именно, и на мгновение сердце ее остановилось.

Он не сказал ей ни слова на прощание. Ни единого слова. Она повернулась от солнца и скал к замкнутому металлическому пространству корабля. Ей было одиноко, ужасно одиноко; никогда в жизни она не чувствовала себя такой покинутой.

Может быть, именно это заставило ее вздрогнуть, но она сочла бы непозволительной слабостью, если бы призналась, что дрожит не только от холода.

— Дядя Джил, почему ты не закроешь иллюминаторы? — капризно сказала она. — Так можно замерзнуть до смерти.

Термометр показывал семь градусов, хотя обогреватели работали на полную мощность.

— Моя дорогая Арта, — мягко ответил Джилберт, — если ты по-прежнему верна своей привычке ничего не надевать, не считая немного

тумана здесь и там, нет ничего удивительного в том, что ты мерзнешь.

Но он все же щелкнул переключателями. Люк и иллюминаторы закрылись, толстое стекло поляризовалось и утратило прозрачность. Вспыхнул внутренний мягкий свет, прогнавший все тени.

Артемизия села в мягкое пилотское кресло, положив руки на подлокотники. Здесь часто лежали его руки. От этой мысли ей стало теплей, но она тут же сказала себе, что это результат действия нагревателей.

Проходили долгие минуты. Все труднее становилось сидеть спокойно. Ей надо было пойти вместе с ним! Она тут же мысленно поправила крамольное «с ним» на множественное «с ними».

— Зачем им вообще устанавливать передатчик, дядя Джил? — спросила она.

Он оторвался от приборов.

— Что ты сказала?

— Мы пробовали связаться с планетой из космоса и ничего не добились. Что даст нам передатчик на поверхности планеты?

— Так надо. Мы должны все испробовать, моя дорогая. Мы должны найти планету повстанцев. — И повторил сквозь сжатые зубы, обращаясь

уже к самому себе: — Должны!

Прошло еще немного времени.

— Я не могу их найти! — неожиданно сказал Джилберт.

— Кого?

— Байрона и Автарха. Хребет отсекает их, хоть я настраиваю отражающие зеркала и так и этак. Видишь?

На экране было сплошное мелькание скал. Джилберт установил верньер и сказал:

— Вот корабль Автарха.

Артемизия бросила рассеянный взгляд. Корабль лежал в долине, примерно в миле от них, и невыносимо сверкал на солнце. В этот момент он показался ей настоящим врагом. Он, а не тираниты. Она неожиданно и страстно захотела, чтобы они никогда не приближались к Лингейну, чтобы оставались в космосе втроем. Какие это были дни! Тревожные, но счастливые. А теперь она делает все, чтобы причинить ему боль, хотя сама она…

— Интересно, а он-то куда направился? — воскликнул Джилберт.

Артемизия взглянула на него сквозь пелену, застилавшую глаза, и быстро сморгнула слезы.

— Кто?

— Риззет. Я думаю, это Риззет. Но он явно идет не сюда.

Артемизия уже была у экрана.

— Сделай больше увеличение, — приказала она.

— На таком коротком расстоянии? — возразил Джилберт. — Ты ничего не увидишь! Невозможно будет удержать изображение в фокусе.

— Больше, дядя Джил!

Что-то бормоча, он занялся телескопическими устройствами и принялся обыскивать участки скал. При самом нежном прикосновении к приборам скалы мелькали с такой скоростью, что ничего невозможно было разглядеть. На мгновение показалась большая грузная фигура. Несомненно, это был Риззет. Джилберт, лихорадочно крутя настройку, снова поймал его изображение.

— Он вооружен. Ты видел? — воскликнула Артемизия.

— Нет.

— Говорю тебе, у него бластер большой дальности! Она вскочила и бросилась к шкафу.

— Арта, что ты задумала?

Она уже отстегивала подкладку от скафандра.

— Я иду туда. Риззет следит за ними, ты понима-

ешь? Автарх совсем не собирался устанавливать рацию. Это ловушка для Байрона!

Она часто и порывисто дышала, облачаясь в толстую подкладку.

— Прекрати, это только твое воображение!

Артемизия смотрела сквозь Джилберта, не видя его.

Лицо ее побелело. Ей давно надо было догадаться о предательстве, глядя, как Риззет обхаживает этого сентиментального глупца!

Риззет хвалил его отца, говорил ему, каким великим человеком был Ранчер Вайдемоса — а Байрон развесил уши и таял от счастья. Все его действия определялись мыслями об отце. Разве можно так подчиняться мании?

— Я не знаю, как открыть люк. Открой мне! — сказала она.

— Арта, ты не выйдешь из корабля! Ты даже не знаешь, где они.

— Найду. Открой люк!

Джилберт покачал головой.

На скафандре висела кобура. Артемизия предупредила:

— Дядя Джил, я воспользуюсь им. Клянусь тебе!

Джилберт внезапно обнаружил, что не может

оторвать глаз от нейронного хлыста. Он выдавил из себя улыбку.

— Полегче, дорогая…

— Открывай! — выдохнула она.

Он открыл, и она выбежала навстречу ветру, заскользила по скалам. Кровь шумела у нее в ушах. Она была не лучше Байрона, дразня Автарха только из гордости и обиды. Теперь это казалось таким глупым, а сам Автарх — таким холодным, словно был лишен крови и плоти. Она задрожала от отвращения.

Артемизия миновала хребет. Впереди никого не было. Но она упорно шла вперед, держа наготове нейронный хлыст.

За все время пути Байрон и Автарх не обменялись ни словом. Наконец они остановились на небольшой ровной площадке. Тысячелетиями открытая солнцу и всем ветрам, скала была изрезана морщинами. Прямо перед ними изгибался древний разлом, края которого отвесной пропастью уходили вниз на сотню футов.

Байрон осторожно подошел туда и заглянул в пропасть. Склон ее был покрыт острыми камнями, которые время и дожди разбросали по всему пространству.

— Похоже, планета безнадежна, Джонти.

Автарх не проявил никакого интереса к окружающему и даже не подошел к обрыву.

— Это место мы обнаружили перед посадкой, — сказал он. — Идеальное место для наших целей.

«Для твоих целей уж наверняка», — подумал Байрон. Он отошел от края обрыва и молча сел, вслушиваясь в негромкий свист цилиндра с двуокисью углерода.

Потом очень спокойно произнес:

— Что же вы скажете на корабле, когда вернетесь, Джонти? Или мне угадать?

Автарх выпрямился и спросил:

— О чем вы говорите?

Байрон потер перчаткой занемевший от мороза нос и, несмотря на холод, расстегнул подкладку, полы которой сразу же захлопали на ветру.

— Я говорю о цели вашего прихода сюда.

— Я предпочел бы установить передатчик, не тратя времени на разговоры, Фаррил.

— Но вы и не собираетесь устанавливать передатчик. Зачем он вам? Мы неоднократно пытались связаться с этой планетой из космоса, и все без толку. И дело не в ионизированных верхних слоях атмосферы, непрозрачных для радиоволн. Мы испытали субэфирное радио с тем же результатом. К тому же мы с вами отнюдь не лучшие

специалисты по радио в нашем отряде. Зачем же вы пришли сюда на самом деле, Джонти?

Автарх тоже сел, прямо напротив Байрона.

— Если вы сомневаетесь, зачем вы сами пришли сюда?

— Чтобы раскрыть наконец правду. Ваш человек, Риззет, сказал мне, что вы планируете этот поход, и посоветовал присоединиться к вам. Я думаю, он действовал по вашей инструкции. Он убедил меня, что в моем присутствии вы не сможете получить каких-нибудь тайных посланий. Это разумный довод. Только я думаю, что никаких сообщений вы получать не собирались. Но я позволил себя убедить и пошел с вами.

— Чтобы раскрыть правду? — насмешливо спросил Джонти.

— Именно. Я уже догадался о ней.

— Тогда расскажите мне. Я тоже хочу знать правду.

— Вы пришли убить меня. Мы здесь наедине. Впереди обрыв. Падение с него — верная смерть. Не будет никаких признаков насилия. Ни выстрелов из бластера, никаких следов другого оружия. А на корабле вы расскажете печальную историю, как я поскользнулся и упал. Вы даже можете привести сюда весь отряд, чтобы достойно похо-

ронить меня. Все будет очень трогательно. И я буду убран с вашего пути.

— Вы верите в это и все же пришли?

— Я ждал этого и лишил вас возможности захватить меня врасплох. Мы не вооружены, и я сомневаюсь, что вы одолеете меня в рукопашном бою.

Ноздри Байрона раздувались. Он медленно согнул правую руку, напрягая мускулы. Джонти рассмеялся:

— Давайте-ка займемся передатчиком, раз уж я все равно не могу убить вас.

— Погодите. Я еще не кончил. Я хочу, чтобы вы подтвердили мои догадки.

— Да? Хотите, чтобы я до конца сыграл роль в импровизированной вами драме? Как же вы заставите меня это сделать? Собираетесь выбить из меня признание силой? А я скажу вам, Фаррил, что вы молоды, только поэтому я терпеливо выслушиваю все ваши глупости. Да еще из уважения к вашему имени и рангу. Но должен признаться, что до сих пор вы мне больше мешали, чем помогали.

— Вот именно.

— Если вы имеете в виду полет на Родию, то я уже все объяснил и повторять не намерен.

Байрон встал.

— Ваши объяснения неточны. В них пробел, который был очевиден с самого начала.

— В самом деле?

— Да, в самом деле! Вставайте и слушайте, или я заставлю вас сделать это!

Глаза Автарха сузились, когда он встал.

— Не советую вам применять насилие, юноша.

Голос Байрона зазвучал громче, расстегнутый костюм раздувался на ветру как парус.

— Вы утверждаете, что послали меня на Родию только для того, чтобы вовлечь Правителя в заговор против тиранитов.

— Это правда.

— Это ложь! Ваша главная цель была убить меня. Вы с самого начала известили обо мне капитана родийского корабля. У вас не было оснований считать, что я доберусь до Хинрика живым.

— Если бы я хотел убить вас, Фаррил, я подложил бы в вашу комнату настоящую радиационную бомбу.

— Вам гораздо выгоднее было заставить тиранитов убить меня.

— Я мог бы убить вас и в космосе, когда впервые появился на «Беспощадном».

— Могли. Вы пришли с бластером и уже направили его на меня. Вы знали, что я на борту, но не сказали об этом вашим людям. Однако, когда Риззет вызвал корабль и увидел на экране меня, убийство стало невозможным. И тут вы допустили небольшую ошибку. Мне вы сказали, что вашим людям известно о моем присутствии на корабле, но позже Риззет проговорился, что вы об этом никому не сообщили. В следующий раз получше инструктируйте своих людей, чтобы они не запутались в вашем вранье, Джонти!

Лицо Джонти, белое от холода, казалось, побледнело еще сильнее.

— Вот сейчас я определенно мог бы убить вас за оскорбление, Фаррил! Но если следовать вашей логике, почему же я не нажал на курок до того, как Риззет увидел вас на экране? Что могло меня удержать?

— Политика, Джонти. На борту оказалась Артемизия из семьи Хинриадов, и в тот момент она была важнее меня. Должен признать, вы быстро умеете перестраиваться. Убить меня в ее присутствии означало бы разрушить большую игру.

— Значит, я сразу воспылал к ней любовью?

— Любовь? Почему бы и нет, если девушка из семьи Хинриадов. Вы же никогда не теряете вре-

мени зря. Сначала вы пытаетесь переместить ее на свой корабль, а когда это не удается, говорите мне, что Хинрик выдал моего отца. — Он помолчал немного, потом продолжил: — К сожалению, я потерял ее и расчистил вам дорогу. Теперь она на вашей стороне, и вы можете продолжить осуществление своих планов. Убив меня, вы не потеряете права на наследование Хинриадам.

— Фаррил, здесь холодно и становится все холодней, — вздохнул Джонти. — Солнце заходит. Вы утомили меня своей непроходимой тупостью. Прежде чем мы покончим со всей этой кучей нелепых домыслов, может быть, вы объясните мне, почему я так заинтересован в вашей смерти? Если, конечно, ваша явная паранойя вообще нуждается в какой-либо причине.

— Вы хотите убить меня по той же самой причине, по которой убили моего отца.

— Что?!

— Думаете, я хоть на мгновение поверил, что Хинрик — предатель? Возможно, он стал бы им, если бы у него не было такой прочной репутации слабоумного. Только круглый дурак мог довериться Хинрику, а мой отец не был дураком. Даже если бы он ничего не знал о Правителе, ему хватило бы пяти минут, чтобы понять, что перед

ним всего лишь беспомощная марионетка. Неужели отец мог выболтать Хинрику что-то такое, на основании чего его обвинили в измене? Нет, Джонти, человек, предавший моего отца, должен был пользоваться абсолютным его доверием.

Джонти шагнул назад и споткнулся о ящик. Едва удержавшись на ногах, он сказал:

— Я выслушал ваши грязные измышления. Единственное мое объяснение этому — вы преступно безумны.

Байрон дрожал, но не от холода.

— Мой отец был популярен у ваших людей, Джонти, слишком популярен. Автарх же не мог допустить соперничества, влекущего за собой разброд. Вы позаботились, чтобы он не стал вашим соперником. А потом вы захотели избавиться и от меня, чтобы я не мог занять место отца или отомстить за него. — Байрон перешел на крик: — Разве это неправда?

— Нет. — Джонти склонился к ящику. — Я могу это доказать. Вот радиоаппаратура. Осмотрите ее повнимательнее. Смотрите, смотрите!

Он бросал приборы к ногам Байрона. Тот недоумевающе уставился на них:

— Ну и что же они доказывают?

Джонти выпрямился.

— Ничего. А теперь посмотрите на это.

В руке он сжимал бластер. Костяшки пальцев побелели от напряжения, голос потерял обычную невозмутимость.

— Я устал от вас, Фаррил. Но больше уставать не намерен.

Байрон проговорил без всякого выражения:

— Вы спрятали бластер в ящик с радиоаппаратурой?

— А вы думали, я столкну вас с утеса, будто я грузчик или шахтер? Я Автарх Лингейна, — лицо его дернулось, и левой рукой он резко рассек перед собой воздух, — и я устал от глупого идеализма ранчеров Вайдемоса. — И добавил, почти уже шепотом, сделав шаг вперед: — Идите к обрыву.

Байрон, не сводя глаз с бластера, отступил.

— Значит, это вы убили моего отца.

— Я убил вашего отца! — выкрикнул Автарх. — Я говорю вам это, чтобы вы в последнее мгновение своей жизни знали: человек, который позаботился о том, чтобы вашего отца развеяли в прах в дезинтеграционной камере, теперь сделает все, чтобы вы последовали за ним. А потом этот человек заберет себе вашу девушку и все ее приданое. Подумайте об этом! Даю вам лишнюю

минуту на размышления, но стойте спокойно, не то я разнесу вам череп раньше времени, и пусть мои люди задают мне какие угодно вопросы!

С его лица как будто сдернули маску: теперь оно пылало страстью и злобой.

— Значит, я прав. Вы пытались убить меня и раньше?

— Пытался. Все ваши догадки верны. Но вам это уже не поможет. Назад!

— Нет, — сказал Байрон. — Если хотите стрелять, стреляйте.

— Вы думаете, я не решусь?

— Стреляйте.

— И выстрелю.

С расстояния четырех футов Автарх тщательно прицелился в голову Байрона и замкнул контакт своего бластера.

Глава 19
Поражение

Теодор Риззет обогнул скалу. Он не хотел, чтобы его увидели, а скрываться в этом мире голых скал было трудно. За грудой беспорядочно раскиданных валунов он почувствовал себя увереннее. Он осторожно пробирался между ними, изредка

останавливаясь, чтобы растереть лицо перчатками. Сухой мороз обманчив.

Теперь он видел их в щель между двумя гранитными монолитами, соединявшимися в форме буквы «V». Риззет поудобнее пристроил свой бластер в развилке. Солнце было у него за спиной. Он чувствовал, как оно пригревает ему спину, и был вполне доволен. Если они посмотрят в его сторону, солнце ослепит их, и он останется незамеченным.

В ушах у Риззета отчетливо звучали голоса: радио работало отлично. Он улыбнулся: пока все шло по плану. Его собственное присутствие, конечно, не планировалось, но план вообще был составлен несколько самонадеянно, а противника недооценивать не стоило. Поэтому Риззет и прихватил с собой бластер, который мог оказаться решающим аргументом.

Он ждал, наблюдая, как Автарх поднимает свой бластер, целясь в неподвижного Байрона.

Артемизия не видела, как прицеливался Автарх. Она не видела даже двух фигур на плоской вершине скалы. Пять минут назад она заметила на фоне неба силуэт Риззета и теперь следовала за ним.

Однако он двигался слишком быстро. Перед

глазами у нее все плыло и дрожало, дважды она приходила в себя, лежа ничком на земле, хотя и не помнила самого падения. Во второй раз она поднялась с окровавленной рукой, пораненной об острый край скалы.

Риззет уходил вперед, и Артемизия, шатаясь, еле поспевала за ним. Когда он исчез среди блестящих на солнце валунов, она всхлипнула от отчаяния. И в изнеможении прислонилась к скале. Она не видела прекрасного розового цвета скалы, не замечала стеклянной гладкости ее поверхности.

Она только пыталась преодолеть удушье.

И тут опять появился Риззет. Он стоял спиной к ней у раздвоенного валуна. Артемизия изо всех сил побежала по неровному склону, держа перед собой нейронный хлыст.

Риззет в это время тщательно прицелился. Она не успеет!

Надо было отвлечь его внимание.

— Риззет! — крикнула она. — Риззет, не стреляйте!

И снова споткнулась. Солнце ослепило ее, но Артемизия не сразу потеряла сознание. Она еще успела увидеть, как вздыбилась ей навстречу земля, и успела нажать на контакт нейронного

хлыста, успела понять, что цель ее — за пределами досягаемости, даже если она и прицелилась верно, а это вряд ли…

Потом она почувствовала, как чьи-то руки поднимают ее с земли. Попыталась открыть глаза, но не смогла разлепить веки.

— Байрон… — еле слышно прошептала она.

В ответ донесся поток слов. Но это был голос Риззета.

Артемизия хотела заговорить, но почувствовала, что теряет сознание. Она проиграла.

Перед глазами поплыли черные круги.

Автарх застыл как вкопанный и стоял так не меньше десяти секунд. Байрон молча смотрел на дуло бластера, из которого его только что должны были застрелить. Бластер медленно опустился.

— Кажется, ваш бластер не в порядке, — сказал Байрон. — Осмотрите его.

Бескровное лицо Автарха отвернулось от Байрона и склонилось над оружием. Он стрелял с расстояния в четыре фута. Промаха быть не могло. Наконец, оправившись от изумления, он быстро разрядил бластер.

Энергетическая капсула отсутствовала. На ее месте зияла пустота.

Автарх взвыл от ярости и швырнул бесполез-

ный кусок металла в сторону. Тот перевернулся в воздухе черной точкой на солнце и со слабым звоном ударился о скалу.

— А теперь сразимся! — сказал Байрон.

В голосе его звучало нетерпение. Автарх молча попятился. Байрон медленно шагнул вперед.

— Я мог бы убить вас многими способами, — сказал он, — но ни один из них меня не удовлетворяет. Если я выстрелю из бластера, вы умрете за миллионную долю секунды. Вы даже не успеете понять, что умираете. Это мне не подходит. Думаю, вы заслуживаете медленной смерти. Например, от моих ударов.

Он напряг мускулы, но так и не ударил Автарха. Ему помешал пронзительный крик ужаса.

— Риззет! — донеслось до них. — Риззет, не стреляйте!

Байрон повернул голову и увидел за скалами в ста ярдах от себя какое-то движение и блеск металла…

И сразу же упал навзничь под тяжестью тела, обрушившегося на него сзади.

Автарх крепко зажал коленями поясницу Байрона и схватил его руками за шею. Байрон слышал свое хриплое дыхание, со свистом рвавшееся из горла.

Борясь с надвигающейся чернотой, он вывернулся из тисков и перекатился на бок. Автарх вскочил, изготовясь к новому прыжку. Байрон перевернулся на спину и с силой выбросил ноги вверх, отшвырнув летевшего на него Автарха. На сей раз они встали одновременно. Пот на щеках мгновенно застывал, образуя ледяную корку.

Они медленно кружили, выжидая удобный момент, чтобы напасть друг на друга. Байрон сдвинул в сторону цилиндр с двуокисью углерода. Автарх отстегнул свой, подержал его в руках и неожиданно бросил в Байрона. Тот пригнулся и услышал над головой свист. Прежде чем Автарх восстановил равновесие, Байрон прыгнул и нанес ему сокрушительный удар в лицо.

Автарх упал, и Байрон отступил на шаг.

— Вставайте, — сказал он. — Я подожду, спешить некуда.

Автарх поднес руку к лицу и с ужасом уставился на испачканную кровью перчатку. Рот его передернулся, рука потянулась к металлическому цилиндру. Байрон тяжело наступил ему на шею, и Автарх завопил от боли.

— Вы у самого края утеса, Джонти, — сказал Байрон. — Не двигайтесь в том направлении и вставайте. Я брошу вас теперь в другую сторону.

Но тут послышался голос Риззета:

— Подождите!

Автарх завизжал:

— Стреляйте в него, Риззет! Стреляйте немедленно! Отстрелите сначала руки, потом ноги, и оставим его здесь!

Риззет медленно поднял бластер.

— Как вы думаете, кто разрядил ваш бластер, Джонти? — спросил Байрон.

— Что?

Автарх тупо смотрел на него.

— У меня не было доступа к вашему бластеру, Джонти. Так кто же это сделал? Кто сейчас держит вас под прицелом, Джонти? Не меня, Джонти, а вас!

Автарх повернулся к Риззету и крикнул:

— Предатель!

— Нет, сэр, — негромко ответил Риззет. — Предатель тот, кто обрек верного Ранчера Вайдемоса на смерть.

— Это не я! — закричал Автарх. — Если он сказал вам это, он лжет!

— Вы сами сказали нам это. Я не только разрядил ваше оружие, но и замкнул коммутатор, так что каждое ваше слово доносилось до меня и до каждого члена экипажа вашего корабля. Теперь

мы все знаем, кто вы.

— Я ваш Автарх.

— И самый гнусный из предателей, живших на свете.

Автарх молчал, дико переводя взгляд с одного мрачного и гневного лица на другое. Потом встал на ноги и собрал остатки самообладания.

Когда он заговорил, голос его звучал почти спокойно:

— А если даже и так, что с того? Вы все равно ничего мне не сделаете. Вам ведь необходимо посетить еще одну планету внутри туманности — планету повстанцев, и только я знаю ее координаты.

Каким-то образом он вернул себе утраченное достоинство. Несмотря на беспомощно болтавшуюся кисть, сломанную в запястье, нелепо раздутую верхнюю губу, кровавую блямбу на щеке, он излучал надменность рожденного повелевать.

— Вы скажете нам эти координаты, — сказал Байрон.

— Не обманывайте себя. Я не скажу ни при каких условиях. Я уже говорил, что в среднем на одну звезду приходится семьдесят кубических световых лет. Если вы будете действовать мето-

дом проб и ошибок, вероятность двести пятьдесят квадриллионов к одному, что вы пролетите дальше миллиарда миль от любой звезды.

В голове у Байрона словно что-то щелкнуло, будто пелена упала с глаз.

— Отведите его на корабль, — сказал он.

— Леди Артемизия… — негромко произнес Риззет.

— Значит, это была она? — прервал его Байрон. — Что с ней?

— Все в порядке, она в безопасности. Миледи вышла без цилиндра с газом, и, естественно, когда у нее в крови кончился запас двуокиси углерода, дыхание автоматически замедлилось. Она пыталась бежать, но дышала недостаточно глубоко и потеряла сознание.

— Почему она хотела вмешаться? — нахмурился Байрон. — Собиралась удостовериться, что ее другу не повредят?

— Да, именно так. Только она считала, что я человек Автарха и собираюсь выстрелить в вас. Я отведу эту крысу. Байрон…

— Да?

— Возвращайтесь как можно скорее. Он все еще Автарх, и, возможно, придется разговаривать с экипажем. Трудно порвать с привычкой, кото-

рую тебе прививали всю жизнь — привычкой к повиновению… Артемизия за этой скалой. Идите к ней, пока она окончательно не замерзла.

Лицо ее почти полностью было закрыто капюшоном, накинутым на голову. Тело казалось бесформенным под толстой подкладкой, отстегнутой от скафандра, но Байрон почти побежал к этой неуклюжей фигуре.

— Как вы? — спросил он.

— Лучше, спасибо. Мне жаль, что доставила вам лишние хлопоты.

Они стояли, глядя друг на друга, и молчали. Разговор, казалось, иссяк.

Наконец Байрон сказал:

— Я знаю, мы не можем повернуть время вспять. Но я хочу, чтобы вы меня постарались понять.

Ее глаза сверкнули.

— Последние две недели я только этим и занимаюсь. Вы снова будете говорить о моем отце?

— Нет. Я знал, что ваш отец невиновен. Я с самого начала заподозрил Автарха, но мне надо было установить это точно. Надо было заставить его сознаться. Я считал, что смогу это сделать, если поймаю его на попытке убить меня. И чтобы подтолкнуть его… — Байрон чувствовал себя

последним подонком. Он запнулся, но продолжал: — Я знаю, это гнусно. Почти так же гнусно, как он поступил с моим отцом. Я не жду от вас прощения.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Я знал, что вы нужны ему, Арта. С политической точки зрения вы — превосходный матримониальный объект. Имя Хинриадов для его целей гораздо полезней имени Вайдемосов. Получив вас, он больше бы не нуждался во мне. Я сознательно толкнул вас к нему. После того как он уверился в вашем расположении к нему, он созрел для убийства, и мы с Риззетом расставили ему ловушку.

— И все это время вы любили меня?

— Вы должны верить мне, Арта.

— И вы с готовностью пожертвовали своей любовью ради памяти отца и ради чести вашей фамилии! Ну прямо как в этом старинном глупом стишке: «Ты не смог бы любить меня так горячо, если б пуще всего не любил свою честь!»

— Пожалуйста, Арта, не надо! — взмолился Байрон. — Я не горжусь собой, но другого пути я не видел.

— Вы могли бы поделиться со мной, могли сделать меня своим союзником, а не орудием.

— Вы не должны были участвовать в этой борьбе. Если бы я потерпел поражение, а такое могло случиться, вы остались бы в стороне. Если бы Автарх убил меня, вы не почувствовали бы такой острой боли. Вы могли бы даже выйти за него замуж, могли быть счастливой.

— А сейчас, поскольку выиграли вы, я должна испытывать горечь от *его* поражения?

— Но ведь это не так?

— Откуда вы знаете?

— Постарайтесь меня понять! — в отчаянии воскликнул Байрон. — Я дурак, понимаете? Круглый дурак! Но постарайтесь хотя бы не испытывать ко мне ненависти!

— Я пыталась разлюбить вас, но, как видите, мне это не удалось, — нежно проговорила она.

— Значит, вы прощаете меня?

— Потому что поняла вас? Нет. Если бы дело было только в этом, я не простила бы вас ни за что на свете. Но я прощаю вас, Байрон, потому что не могу больше. Как же я буду просить вас вернуться ко мне, если не прощу?

И она очутилась в его объятиях. Ее холодные губы прижались к его губам. Их разделял двойной слой толстой одежды, его руки в перчатках не чувствовали тела, которое он обнимал, но губами

он ощущал ее гладкое милое лицо…

Наконец он озабоченно сказал:

— Солнце садится. Будет еще холодней.

— Странно, — негромко ответила она. — А мне показалось, что стало теплее.

И они зашагали к кораблю.

Байрон смотрел на них с уверенностью, которой в душе не испытывал. Лингейнский корабль был большим, экипаж его составлял пятьдесят человек. Теперь все они сидели, глядя на него. Пятьдесят лиц! Пятьдесят лингейнцев, от рождения привыкших повиноваться своему Автарху.

Некоторых убедил Риззет, других — подслушанный разговор Автарха с Байроном. Но сколько их еще оставалось — колеблющихся или даже откровенно враждебных?

Пока что от речи Байрона было мало толку. Он наклонился вперед и постарался придать своему голосу убедительность.

— За что вы боретесь? Ради чего рискуете своими жизнями? Ради свободной Галактики, так ведь? Галактики, в которой каждая планета сможет распоряжаться своей судьбой и своими богатствами, никому не прислуживая и никем не повелевая. Разве я не прав?

Послышался негромкий гул, который можно

было принять за одобрение, но ему не хватало энтузиазма.

— А за что борется Автарх? — продолжал Байрон. — За себя самого, за свои амбиции! Сейчас он Автарх Лингейна. Если он победит, то станет Автархом Затуманных королевств. Вы замените Хана Автархом, но что от этого выиграете? И стоит ли за это умирать?

Кто-то из команды крикнул:

— Он один из нас, а не грязный тиранит!

— Автарх искал повстанцев, чтобы предложить им свои услуги. При чем тут амбиции? — подхватил другой.

— Ну да, амбиции здесь ни при чем, — иронически усмехнулся Байрон. — Но только он пришел бы к повстанцам не один, а с целой организацией за спиной. Он мог предложить им весь Лингейн и престижный союз с Хинриадами. Он был уверен, что в конце концов планета повстанцев будет делать то, что ему нужно… Что же это, если не амбиции?

А когда что-то противоречило его планам, разве он колебался рисковать вашими жизнями ради своего честолюбия? Мой отец был для него опасен. Ранчер был честен и любил свободу. Но он был слишком популярен, и поэтому его выдали

врагам. Этим предательством Автарх мог погубить все дело и всех вас. Будете ли вы чувствовать себя в безопасности с человеком, который сговаривается с тиранитами, когда ему выгодно? Как можно честно служить трусливому изменнику?

— Уже лучше, — прошептал ему Риззет. — Давайте выдайте им!

Снова тот же голос из задних рядов спросил:

— Автарх знает, где планета повстанцев. А вы знаете?

— Это обсудим позже. А пока подумайте о том, что я сказал. Под руководством Автарха мы все шли к гибели. Есть еще время спастись и повернуть на другой, более благородный путь. Еще возможен выбор: поражение или победа…

— Только поражение, мой дорогой, — прервал его мягкий голос.

Байрон стремительно обернулся.

Пятьдесят человек вскочили на ноги, готовые ринуться в бой. Но они пришли на Совет безоружными, об этом позаботился Риззет.

Во все двери одновременно ворвался взвод тиранитов с оружием наготове.

А за спиной у Байрона и Риззета, держа в каждой руке по бластеру, стоял Саймак Аратап собственной персоной.

Глава 20
Где?

Аратап внимательно рассматривал четырех людей, сидевших напротив него, и чувствовал, как в нем нарастает возбуждение. Игра пошла по крупной! Он был доволен, что на время избавился от майора Андроса, что тиранитские крейсеры ушли. Аратап оставил себе флагманский корабль с экипажем. Этого довольно. Он ненавидел излишества.

— Позвольте расставить все точки над «и», леди и джентльмены, — сказал он спокойно. — Корабль Автарха захвачен, майор Андрос ведет его на Тиран. Люди Автарха предстанут перед судом и будут наказаны за измену. Они обыкновенные заговорщики, и с ними поступят как положено. Но что мне делать с вами?

Хинрик Родийский, сидевший рядом с ним, жалобно сказал:

— Примите во внимание, что моя дочь еще совсем молода. Ее втянули в это дело против ее воли. Артемизия, скажи ему, что ты…

— Ваша дочь, — прервал его Аратап, — вероят-

но, будет освобождена. На ней хочет жениться высокопоставленный тиранитский придворный. Конечно, мы примем это во внимание.

— Я выйду за него замуж, если вы освободите остальных, — заявила Артемизия.

Байрон привстал, но Аратап взмахом руки велел ему сесть на место и улыбнулся Артемизии.

— Миледи, я не отрицаю, что имею право заключать сделки. Однако я не Хан, а лишь один из его слуг. Поэтому любая заключенная мной сделка утверждается им. Так что же вы предлагаете взамен?

— Мое согласие на брак.

— Это не в вашей власти. Ваш отец уже дал согласие, и этого достаточно. Есть ли еще какие-нибудь предложения?

Аратап ждал, пока ослабеет их воля к сопротивлению. То, что ему не очень нравилась его собственная роль, не мешало наместнику играть ее добросовестно. Девушка, например, может в любой момент разразиться слезами, а это смягчит упорство молодого человека. Они, очевидно, влюблены друг в друга. Захочет ли ее в таком случае Поханг? Вероятно, все же захочет. И этот старый козел не окажется внакладе. Аратап отстраненно подумал о том, что девушка очень

привлекательна.

И держится она прекрасно, не ломается. Очень хорошо, подумал Аратап. У нее сильная воля. Пожалуй, этот брак для Поханга все-таки не слишком выгодная сделка.

Он спросил, обращаясь к Хинрику:

— Вы хотите просить за своего брата?

Губы Хинрика беззвучно задвигались.

— Не вздумай просить за меня! — закричал Джилберт. — Я ничего не хочу от тиранитов. Давайте! Прикажите меня расстрелять!

— Прекратите истерику, — осадил его Аратап. — Вы же знаете, что я не могу расстрелять вас без суда.

— Он мой брат, — прошептал Хинрик.

— Это тоже будет принято во внимание. Когда-нибудь вы, аристократы, поймете, что есть пределы вашей полезности для нас. Интересно, усвоил ли это ваш брат?

Аратап был доволен реакцией Джилберта. Тот искренне хотел смерти. Поражение оказалось для него слишком большим ударом. Сохрани ему жизнь — и он будет сломлен.

Аратап в задумчивости остановился перед Ризетом. Один из людей Автарха. При этой мысли он испытал легкое замешательство.

С самого начала он исключил Автарха из списка заговорщиков на основании, как ему казалось, железной логики. Что ж, иногда полезно ошибаться. Это удерживает от высокомерия.

— Вы глупец, служивший предателю, — сказал он Риззету. — Вам лучше было оставаться на нашей стороне.

Риззет вспыхнул, а Аратап продолжал:

— Если у вас и была какая-то военная репутация, то, боюсь, вы ее потеряли. Вы не дворянин, и государственные соображения не играют роли в вашем случае. Суд над вами будет публичным, и всем станет ясно, что вы были только орудием в руках предателя.

— Но мне кажется, — сказал Риззет, — что вы будете не прочь заключить сделку.

— Сделку?

— Доказательства для Хана, например. Вы захватили только один корабль. Разве вы не хотите узнать обо всем механизме заговора?

Аратап покачал головой:

— Нет. У нас есть Автарх. Как источник информации он нас вполне устраивает. Но даже не будь его — нам стоит только высадиться на Лингейне, и от заговора ничего не останется. Нет, такого рода сделки нам не нужны.

Аратап повернулся к Байрону. Он специально оставил его напоследок, потому что считал самым умным из всех. Но этот новый Ранчер молод, а молодые люди редко бывают опасными. Им не хватает терпения.

Байрон заговорил первым:

— Как вам удалось нас выследить? Он работал на вас?

— Автарх? Ни в коем случае. Думаю, бедняга пытался играть и в те и в другие ворота, да только игрок из него никудышный.

Хинрик прервал его с детской непосредственностью:

— У тиранитов есть изобретение, позволяющее следить за кораблями через гиперпространство…

Аратап резко обернулся.

— Если Ваше превосходительство воздержится от замечаний, я буду вам очень признателен.

Хинрик съежился.

Впрочем, это не имело значения. Ни один из этих четверых уже не представляет опасности. Просто Аратап не хотел, чтобы молодой человек знал больше, чем нужно.

— Давайте посмотрим фактам в лицо, — сказал Байрон. — Мы здесь сейчас не потому, что вы нас

очень любите. Так почему же мы не летим на Тиран вместе с остальными? Потому что вы не знаете, что с нами делать. Двое из нас — Хинриады. Я — Вайдемос. Риззет — популярный офицер лингейнского флота. А пятый, ваш любимый трус и предатель, все еще Автарх Лингейна. Вы не можете убить нас, не взбудоражив все королевства. Вам придется заключить с нами сделку. Больше вам ничего не остается.

— Вы не ошиблись, молодой человек, — ответил Аратап. — Позвольте, я обрисую вам схему. Мы следовали за вами, неважно — как. Слишком живое воображение Правителя можно не принимать во внимание. Вы остановились у трех звезд, не высаживаясь на планеты, потом пошли к четвертой — и тут высадились. Мы сделали то же самое, а потом наблюдали за вами и ждали. Как выяснилось, ждали не напрасно. Вы поссорились с Автархом и транслировали эту ссору по радио без всяких ограничений. Я понимаю, что это было организовано для вашей пользы, но мы подслушали и тоже кое-что узнали.

Автарх упомянул, что остается посетить только одну планету в туманности и назвал ее планетой повстанцев. Интересно, не так ли? Планета повстанцев! Мне это показалось весьма любо-

пытным. Где же эта пятая и последняя планета?

Наступило молчание. Аратап сел и бесстрастно стал осматривать своих пленников одного за другим.

— Планеты повстанцев не существует, — сказал Байрон.

— Что же вы тогда искали?

— Мы ничего не искали.

— Не говорите ерунды.

Байрон устало пожал плечами:

— Если хотите получить другой ответ, то сами не говорите ерунды.

— Планета повстанцев должна быть центром всего заговора, — невозмутимо продолжал Аратап. — Моя цель — найти ее, и только поэтому я сохраняю вам жизнь. Каждый из вас может что-нибудь выиграть. Миледи я могу освободить от замужества. Лорду Джилберту мы можем предоставить лабораторию и дать возможность спокойно работать. Да, мы знаем больше, чем вы думаете.

Аратап быстро отвернулся. Джилберт мог разреветься, а это неприятное зрелище.

— Полковник Риззет, вы будете избавлены от трибунала позора и наказания. Вы, Байрон Фаррил, станете Ранчером Вайдемоса. Мы могли бы

даже реабилитировать вашего отца.

— И вернуть его к жизни?

— И восстановить его честь.

— Его честь — это его поступки, которые и повлекли за собой осуждение и смерть. Не в нашей власти что-нибудь добавить к ней или убавить.

— Кто-нибудь из вас расскажет мне, где находится эта планета, — заявил Аратап. — Кто-то один окажется самым благоразумным. И кто бы это ни был, он получит обещанную награду. А остальные могут выходить замуж, садиться в тюрьму, идти на казнь — каждый получит то, что заслужил. Предупреждаю, я могу быть садистом, если понадобится. — Он немного помолчал. — Так кто же? Решайтесь! Если никто не заговорит, я все равно получу нужные мне сведения, а вы потеряете все.

— Напрасно стараетесь, — сказал Байрон. — Вы все подготовили тщательно, но вам это не поможет. Планеты повстанцев нет.

— Автарх говорит, что есть.

— Тогда и спрашивайте Автарха.

Аратап нахмурился. Молодой человек становится слишком дерзким. Он повторил:

— Я намерен иметь дело с одним из вас.

— В прошлом вы имели дело с Автархом. Ну и

обращайтесь к нему. Ваш товар нас не устраивает. — Он обвел взглядом всех остальных. — Верно я говорю?

Артемизия прильнула к нему и взяла его под руку. Риззет коротко кивнул. Джилберт почти неслышно выдохнул:

— Верно.

— Вы сами так решили, — пожал плечами Аратап и нажал на кнопку.

Правая рука Автарха была стянута легкой металлической тканью, магнитное поле которой прижимало ее к груди. Левая сторона лица посинела и распухла, на ней выделялся красный рваный рубец. Автарх выдернул здоровую руку из руки вооруженного стражника и неподвижно застыл.

— Чего вы хотите от меня?

— Сейчас скажу, — ответил Аратап. — Прежде всего я хочу, чтобы вы внимательно посмотрели на присутствующих. Вот, например, молодой человек, которого вы собирались убить, но который сумел покалечить вас и расстроить ваши планы, хотя вы Автарх, а он изгнанник.

Лицо Автарха не дрогнуло.

Аратап спокойно, почти равнодушно продолжал:

— Вот Джилберт Хинриад, который спас молодому человеку жизнь и привел его к вам. А это леди Артемизия, за которой вы ухаживали, как мне говорили, самым галантным образом, но которая тем не менее предала вас ради любви к юноше. Вот полковник Риззет, ваша правая рука, который кончил тем, что тоже предал вас. Как вы считаете, есть у вас обязательства перед этими людьми?

— Чего вы хотите? — повторил Автарх.

— Мне нужна информация. Сообщите ее мне и снова будете Автархом. Хан учтет ваши прежние заслуги. Иначе…

— Иначе?

— Иначе я получу эту информацию от них. Они будут освобождены, а вас казнят. Поэтому я спрашиваю: есть ли у вас обязательства перед этими людьми, должны ли вы из-за своего упрямства дать им возможность спастись?

Лицо Автарха исказилось болезненной гримасой.

— Они не спасутся за мой счет. Они не знают, где находится планета. Я знаю.

— Я еще не сказал, какая информация мне нужна, Автарх.

— Вы можете хотеть только одного. — Его голос

звучал хрипло, почти неузнаваемо: — Но если я решусь заговорить, Автархия по-прежнему останется за мной.

— Разумеется. Только под более тщательным контролем, — вежливо сказал Аратап.

— Поверьте ему, Автарх, — выкрикнул Риззет, — и вы добавите к прежним еще одно предательство. А в конце концов они все равно убьют вас!

Стражники сделали шаг вперед, но Байрон опередил их. Бросившись к Риззету, он схватил его и усадил на место.

— Не глупите, — пробормотал он. — Вы все равно ничего не сможете изменить.

— Я забочусь не об Автархии и не о себе, Риззет, — сказал Автарх и повернулся к Аратапу.

— Они будут убиты? Вы должны мне обещать! — Обезображенное лицо исказила свирепая гримаса. — И прежде всего этот! — указал он на Байрона.

— Если такова ваша цена, она принята.

— Если бы я лично мог расстрелять их из бластера, я не просил бы другой награды. Но раз это невозможно, я по крайней мере скажу вам то, что они так жаждут сохранить от вас в тайне. Вот «ро», «тэта» и «фи» в парсеках и радианах: 7352,43;

1,7869; 5,2141. Эти числа определяют положение планеты в Галактике. Теперь они у вас есть.

— Теперь они у меня есть, — повторил Аратап, записывая числа в блокнот.

Риззет вырвался вперед с криком:

— Предатель! Предатель!

Байрон, потеряв равновесие, выпустил из рук лингейнца и упал на колено.

— Риззет! — тщетно взывал он.

Риззет с искаженным лицом боролся со стражником. Когда подоспели другие солдаты, Риззет уже успел отобрать бластер. Он яростно отбивался от солдат руками и ногами. Байрон бросился в гущу сплетенных тел и обхватил Риззета за шею, оттаскивая его назад.

— Предатель! — хрипел Риззет, прицеливаясь в Автарха, который отчаянно пытался увернуться.

Риззет выстрелил. Его тут же обезоружили и повалили.

Но правое плечо и половина груди Автарха исчезли. Только обрубок руки в повязке гротескно болтался в воздухе, удерживаемый магнитным полем. Пальцы, запястье, локоть — и больше ничего. Какое-то время казалось, что Автарх грозно сверкает глазами, пока его тело раскачивалось, сохраняя шаткое равновесие; потом глаза закати-

лись, и обугленные останки рухнули на пол.

Артемизия задохнулась и спрятала лицо на груди у Байрона. Байрон заставил себя посмотреть на тело убийцы своего отца и отвернулся. Хинрик в дальнем углу что-то бормотал и хихикал.

Только Аратап оставался спокоен.

— Уберите тело, — приказал он.

Стражники вынесли труп и очистили пол от крови мягкими горячими лучами. Осталось лишь несколько маленьких пятен.

Риззету помогли встать. Он отряхнулся от пыли и яростно крикнул Байрону:

— Зачем вы помешали мне? Я чуть не промахнулся!

— Вы попали в ловушку Аратапа, Риззет, — устало ответил Байрон.

— В ловушку? Я убил мерзавца!

— Это и была ловушка. Вы сделали наместнику одолжение.

Риззет замолчал. Аратап не вмешивался в их разговор, но слушал Байрона с явным удовольствием. Варит у юноши котелок, ничего не скажешь!

— Если Аратап подслушал наш разговор, — продолжал Байрон, — значит, он был в курсе, что только Джонти обладает нужной ему инфор-

мацией. Я ведь спрашивал тогда у Джонти про планету. И следовательно, наместник учинил нам допрос только для того, чтобы вывести из равновесия, чтобы спровоцировать нас на безрассудные поступки. Я был готов к этому и подавлял импульсивное желание. Вы не смогли.

— Я думал, — негромко прервал его Аратап, — что именно вы сделаете это, а не Риззет.

— Я выстрелил бы в вас, — ответил Байрон и снова повернулся к Риззету: — Разве вы не поняли? Он не хотел, чтобы Автарх остался в живых. Тираниты скользкие и хитрые, как змеи. Ему нужна информация, но платить за нее он не хотел, а убивать Автарха не рискует. Вот он и подстроил вам ловушку.

— Правильно, — сказал Аратап. — И получил свою информацию.

— Пусть так. Но если я сделал ему одолжение, я сделал его и себе, — не сдавался Риззет.

— Не совсем, — возразил наместник. — Наш юный друг не довел свой анализ до конца. Видите ли, совершено еще одно преступление. Если бы вас обвинили только в измене Тирану, ваше дело было бы политическим и весьма деликатным. Теперь же, после убийства Автарха Лингейна вас будут судить как уголовника, приговорят и

казнят по лингейнским законам, а тираниты останутся в стороне. Это весьма удобно…

Неожиданно послышался звон колоколов. Аратап нахмурился и замолчал. Потом подошел к двери и открыл ее.

— Что случилось?

— Пока неизвестно, сэр! — отсалютовал солдат.

Великая Галактика! — подумал про себя Аратап и вернулся обратно в каюту.

— Где Джилберт?

Только теперь все заметили отсутствие брата Правителя.

— Мы его найдем, — пообещал Аратап.

Его нашли в машинном отделении, где он прятался за огромными установками, и притащили в каюту наместника.

— С корабля невозможно убежать, милорд, — сухо сказал Аратап. — Вам не следовало поднимать общую тревогу. Ну ладно, хватит об этом. Крейсер, который вы украли, Байрон, мой личный крейсер, находится на борту нашего корабля. Он нам пригодится для исследования повстанческого мира. Как только мы рассчитаем прыжок по координатам несчастного Автарха, сразу отправимся туда. Это будет настоящее приключение! На такое в наш скучный век даже нельзя было

надеяться!

Аратап снова вспомнил об отце, командовавшем эскадрой, которая завоевывала миры. Хорошо, что рядом нет Андроса. Приключение будет принадлежать только ему, Аратапу…

Пленников разделили. Артемизию поместили с отцом. Байрона и Риззета развели в противоположных направлениях. Джилберт отбивался и орал:

— Я не хочу быть один! Не пойду в одиночку!

Аратап вздохнул. Историки утверждают, что дед этого человека был великим правителем. Печально видеть такие сцены.

— Поместите милорда к кому-нибудь, — сказал он с отвращением.

Джилберта поселили вместе с Байроном. До наступления корабельной ночи они не разговаривали. Потом свет погасили, оставив только тусклое багровое сияние. Уснуть оно не мешало, а стражники могли следить за пленными по телеэкрану.

Но Джилберт не спал.

— Байрон, — прошептал он. Байрон очнулся от дремоты.

— Что?

— Байрон, я *это* сделал. Все в порядке, Байрон.

— Постарайтесь уснуть, Джил.

Но Джилберт не унимался:

— Я сделал это, Байрон! Аратап, может быть, и умен, но я его перехитрил. Разве это не забавно? Не беспокойтесь Байрон, я все устроил.

Он снова лихорадочно затряс сонного юношу. Байрон сел.

— Что с вами?

— Ничего. Со мной ничего. Со мной все в порядке. Но я сделал это!

Джилберт лукаво улыбался, словно нашкодивший мальчишка.

— Что же вы сделали?

Байрону было уже не до сна. Он вскочил и встряхнул Джилберта за плечи.

— Отвечайте!

— Меня нашли в машинном отделении, — зачастил Джилберт. — Они думали, что я прячусь, но я не прятался. Я включил сигнал тревоги, потому что мне нужно было остаться на несколько минут одному. Байрон, я замкнул гиператомные двигатели.

— Что?!

— Это совсем нетрудно! Потребовалась только одна минута. И они не узнают, пока не сделают прыжок. Но тогда уже начнется цепная реак-

ция в горючем, и корабль с Аратапом, и все его сведения о планете повстанцев превратятся в раскаленный газ…

Байрон попятился. Глаза его широко раскрылись.

— Вы это сделали?

— Да. — Джилберт, закрыв лицо руками, раскачивался взад и вперед. — Мы все погибнем. Я не боюсь умирать, Байрон. Лишь бы не в одиночестве. Я хочу быть с кем-то. Хорошо, что вы со мной. Это будет быстро и небольно. Не будет… больно…

— Идиот! — закричал Байрон. — Сумасшедший! Мы могли еще побороться, мы могли еще выиграть эту битву!

Но Джилберт его не слышал. Уши его были полны собственными стонами.

Байрон заколотил в стену:

— Стража!

Сколько осталось? Часы или минуты?

Глава 21
Здесь?

На стук прибежал солдат.

— Отойдите отсюда! — приказал он раздра-

женно.

Они стояли напротив друг друга.

Дверей в этих маленьких каютах, приспособленных под камеры, не было, их заменяло силовое поле. Его можно было потрогать рукой: сначала оно немного подавалось, словно резина, но потом становилось твердым, как сталь.

Поле слегка подрагивало у Байрона под ладонью. Непроходимое для предметов, оно спокойно пропускало лучи нейронного хлыста. Как раз такой хлыст и был в руке у стражника.

— Мне необходимо видеть наместника Аратапа, — заявил Байрон.

— И ради этого вы поднимаете такой шум? — стражник был не в духе. Ночная вахта — не подарок, к тому же он проигрался в карты. — Доложу, когда кончится дежурство.

— Ждать нельзя. — Байрон почувствовал, как его охватывает отчаяние. — Это очень важно!

— Придется подождать. Вернетесь на место или хотите отведать хлыста?

— Послушайте, — сказал Байрон, — вот этот человек со мной — Джилберт Хинриад. Он болен. Может быть, умирает. Если Хинриад умрет на тиранитском корабле из-за того, что вы не дали мне поговорить с офицером, вам придется несладко.

— Что с ним?

— Не знаю. Побыстрее, если вам не надоело жить.

Стражник что-то пробормотал и ушел. Байрон следил за ним, пока мог видеть в полутьме. Он напряг слух, пытаясь уловить гудение двигателей, готовящихся к прыжку, но ничего не услышал.

Затем подошел к Джилберту и осторожно приподнял его голову за волосы.

С искаженного ужасом лица на него взглянули безумные глаза. В них не было мысли — один только страх.

— Кто вы?

— Это я, Байрон. Как вы себя чувствуете?

Джилберт с трудом пришел в себя.

— Байрон? — безучастно спросил он и, немного оживившись, добавил: — Скоро прыжок? Смерть не страшна, Байрон.

Байрон выпустил его голову. Не было смысла сердиться на Джилберта, уверенного в том, что он совершил героический поступок. Тем более что этот подвиг окончательно сломил его.

Но Байрон не мог успокоиться. Почему ему не дают поговорить с Аратапом? Почему не выпускают отсюда? Он обнаружил, что снова бьет по стене кулаком. Если бы здесь была дверь, он сломал бы

ее, если бы были прутья решетки, он отогнул бы их, вырвал бы из гнезда, черт подери! Но силовое поле не сломаешь. Он снова закричал.

И снова послышались шаги.

Байрон подбежал к силовой перегородке. Он не мог выглянуть, чтобы увидеть, кто идет по коридору. Ему оставалось только ждать.

Это опять оказался стражник.

— Назад! — рявкнул он. — Шаг назад, руки вытянуть перед собой!

Рядом с ним стоял офицер.

Байрон попятился. Нейронный хлыст стражника неотступно следовал за ним.

— Человек рядом с вами — не Аратап, — сказал Байрон. — Я должен поговорить с наместником.

— Если Джилберт Хинриад болен, вам нужен врач, а не наместник, — возразил офицер.

Мелькнула слабая голубоватая искра, означавшая, что силовое поле снято. Офицер вошел в каюту, и Байрон увидел на его мундире знаки различия медработника.

Байрон шагнул к нему.

— Выслушайте меня. Корабль не должен совершать прыжок. Приказ об этом может отдать только наместник, поэтому мне необходимо его видеть. Вы понимаете это? Вы офицер. Разбудите

его.

Доктор хотел отстранить Байрона с дороги, но тот отбросил его руку.

— Стражник, уберите его отсюда! — завопил офицер.

Солдат шагнул вперед, и в этот момент Байрон прыгнул и подмял его под себя. Оба покатились по полу. Он сдавил сначала плечи противника, потом кисть, пытавшуюся повернуть оружие.

На мгновение они застыли, напряженно пытаясь пересилить друг друга. И тут Байрон краем глаза увидел, как офицер бросился к двери, чтобы поднять тревогу.

Свободной рукой юноша схватил его за лодыжку. Стражник в это мгновение чуть было не вырвался на свободу, офицер яростно брыкался, но Байрон, со вздувшимися от перенапряжения венами, изо всех сил подтягивал противников к себе, не разжимая рук.

Офицер с хриплым криком упал. Хлыст стражника с глухим стуком ударился об пол.

Байрон рухнул, накрыл его собой, перекатился и привстал на коленях, опираясь об пол одной рукой, В другой руке он держал хлыст.

— Ни звука! — выдохнул он. — Бросайте оружие!

Солдат в изодранной форме поднялся на ноги, с ненавистью взглянул на Байрона и бросил короткую и тяжелую пластиковую дубинку. Доктор был безоружен.

Байрон подобрал дубинку и сказал:

— Прошу прощения, но мне нечем вас связать, да и времени нет.

Тускло блеснул нейронный хлыст — раз, другой. Вначале стражник, потом и доктор застыли в мучительной неподвижности, а затем свалились, нелепо разбросав в стороны руки и ноги.

Байрон повернулся к Джилберту, который тупо смотрел на него.

— Простите, но вы тоже, Джил.

Хлыст ударил в третий раз. Отсутствующее выражение так и застыло на лице у Джилберта.

Силовое поле было по-прежнему открыто, и Байрон вышел в пустынный коридор. На корабле стояла ночь, бодрствовали только дежурные.

Искать Аратапа не было времени. Нужно идти прямо в машинное отделение. Оно скорее всего на корме.

Мимо него торопливо прошел человек в форме техника.

— Когда прыжок? — спросил Байрон.

— Примерно через полчаса, — бросил тот через

плечо.

— Машинное отделение прямо?

— И вверх по лестнице. — Неожиданно техник обернулся: — Кто вы такой?

Байрон не ответил. Хлыст ударил в четвертый раз. Байрон переступил через лежащего и поспешил вперед. Значит, через полчаса.

Поднимаясь по лестнице, он услышал шум. Из помещения, перед которым он очутился, лился яркий свет. Байрон, немного поколебавшись, сунул хлыст в карман. Они заняты, и у них не будет причины подозревать его.

Он вошел и оказался в просторном зале. Люди, суетившиеся около огромных преобразователей материи в энергию, выглядели пигмеями на фоне громоздких машин. В помещении мерцало множество циферблатов, предлагавших свою информацию любому, кто захочет взглянуть. Да, этот корабль, приближавшийся к классу пассажирского лайнера, сильно отличался от маленького тиранитского крейсера, к которому Байрон уже успел привыкнуть. Там почти все было автоматизировано. Здесь же, где энергии хватило бы на целый город, приборы контролировались еще и людьми.

Байрон находился на балконе с перилами,

окружавшем машинное отделение. В одном углу он увидел маленькую комнатку, в которой два человека колдовали у компьютера.

Байрон устремился туда. Инженеры сновали мимо, не обращая на него внимания. Он шагнул в комнату. Двое, сидевшие за компьютером, уставились на него.

— Что вы здесь делаете? — спросил один из них, с лейтенантскими лычками. — Вернитесь на свой пост.

— Выслушайте меня, — сказал Байрон. — Гиператомные двигатели замкнуты. Их нужно отремонтировать.

— Держите его! — воскликнул второй. — Я его видел! Это один из пленников. Держи его, Лэнси!

Он метнулся ко второму выходу. Байрон перемахнул через стол с компьютером, ухватил беглеца за пояс и втянул обратно.

— Верно, — согласился он. — Я один из пленников. Меня зовут Байрон Вайдемос. Но я говорю правду. Осмотрите двигатели, если не верите мне.

Лейтенант, не сводивший глаз с нейронного хлыста, осторожно заметил:

— Этого нельзя сделать, сэр, без приказа дежурного офицера или наместника. Осмотр означал

бы изменение расчетов прыжка и задержку на многие часы.

— Тогда свяжитесь с наместником!

— Я могу воспользоваться коммутатором?

— Поторопитесь!

Рука лейтенанта потянулась к микрофону, но на полпути повернула и нажала кнопку на столе. По всему кораблю зазвенели колокола тревоги.

Дубинка Байрона опоздала. Она яростно обрушилась на запястье лейтенанта, тот со стоном отдернул руку, но тревожный сигнал продолжал звучать.

В машинный зал через все входы врывались стражники.

Байрон быстро осмотрелся и перепрыгнул через ограждение балкона. Приземлился на четвереньки и, не вставая, покатился в сторону, стараясь двигаться как можно быстрее, чтобы не дать возможности прицелиться в себя. Прямо над ухом он услышал шипение луча, выпущенного из лучевого ружья, а через мгновение оказался в укрытии за одним из двигателей.

Съежившись, он прижимался к выступу машины. Правая нога сильно болела: здесь, вблизи от корпуса, гравитация была весьма ощутимой, а прыгать ему пришлось с большой высоты. Он

здорово растянул связки.

Значит, дальнейший побег исключается. Если он хочет выиграть время и остаться в живых, надо что-то делать прямо сейчас.

— Не стреляйте! — крикнул он. — Я безоружен.

Сначала дубинка, а затем и хлыст, отнятый у стражника, полетели и шлепнулись на виду у всех в центре машинного отделения.

— Я пришел, чтобы предупредить вас, — выкрикнул Байрон. — Гиператомные двигатели замкнуты. Прыжок означает смерть для всех. Я прошу только, чтобы вы проверили двигатели. Если я ошибаюсь, вы потеряете несколько часов, но, если я прав, спасете свои жизни.

— Взять его! — послышалась чья-то команда.

— Вы погибнете, если не послушаетесь меня! — завопил Байрон.

Он услышал осторожные шаги многих ног и попятился назад. Звук послышался и сверху. По корпусу машины к нему скользил солдат, прижимаясь к нагретой поверхности, словно к любимой невесте. Байрон ждал. По крайней мере, руки у него еще в порядке.

Неожиданно с потолка раздался неестественно громкий голос, проникший во все закоулки зала:

— Все по местам! Прекратить подготовку к

прыжку! Проверить гиператомные двигатели!

Это был голос Аратапа, усиленный громкоговорителями. Тут же последовал новый приказ:

— Приведите молодого человека ко мне.

Байрон и не думал сопротивляться. Однако по два солдата с каждой стороны крепко держали его. Он старался идти твердым шагом, но отчаянно хромал на ушибленную ногу.

Аратап был полуодет. Глаза его казались выцветшими и какими-то рассеянными. Байрон понял, что наместник вынул контактные линзы.

— Вы вызвали большую суматоху, Фаррил, — сказал Аратап.

— Необходимо было спасти корабль. Отошлите стражников. Пока машины не осмотрят, я ничего не собираюсь предпринимать против вас.

— Пусть пока побудут здесь. Вначале я выслушаю доклад инженера.

Они молча ждали. Минуты тянулись бесконечно медленно. Наконец на пульте под надписью «Машинное отделение» вспыхнула красная лампочка.

Аратап включил связь:

— Докладывайте.

В динамике послышался хриплый голос:

— Гипердвигатели в отсеке «В» полностью за-

мкнуты. Производится ремонт.

— Рассчитайте прыжок через шесть часов.

Аратап повернулся к Байрону и холодно сказал:

— Вы оказались правы.

Он махнул стражникам рукой, солдаты отдали честь, повернулись на каблуках и вышли один за другим строевым шагом.

— Я жду от вас подробностей, — сказал Аратап.

— Джилберт Хинриад проник в машинное отделение и замкнул двигатели. Он не способен отвечать за свои действия и не должен быть наказан.

— Да, он уже много лет ловко пользуется репутацией человека, не способного отвечать за свои поступки, — кивнул Аратап. — Пусть это останется между нами. Однако мне интересно — почему вы помешали уничтожить корабль? Вы ведь не боитесь умереть за свои убеждения?

— Убеждения тут ни при чем, — ответил Байрон. — Планеты повстанцев не существует. Я уже говорил это и повторяю еще раз. Центр заговора — Лингейн, и это легко проверить. Я был заинтересован лишь в расследовании обстоятельств смерти отца; леди Артемизия хотела избежать нежелательного брака; что же касается Джилбер-

та, то он безумен.

— Но Автарх верил в существование этой загадочной планеты. Ведь он сообщил мне координаты.

— Его вера основывалась на грезах безумца. Джилберт выдумал свое приключение двадцать лет назад. Автарх поверил ему и рассчитал положение вероятных планетных систем, где может находиться этот вымышленный мир. Все это ерунда.

— И все же что-то мешает мне поверить вам, — возразил наместник.

— Что именно?

— Вы слишком стараетесь убедить меня… Разумеется, совершив прыжок, я все увижу сам. А может быть, один из вас задумал уничтожить корабль, а другой — спасти его, чтобы убедить меня не искать планету повстанцев? По идее, я должен сказать себе: «Если бы такой мир существовал, молодой человек не помешал бы кораблю взорваться, чтобы спасти этот мир. Юноша молод и романтичен, и для него это была бы героическая смерть. Но поскольку он, рискуя жизнью, предотвратил взрыв, значит, Джилберт безумен, никакой планеты повстанцев нет и можно возвращаться, прервав поиски». Я не слишком

сложно излагаю?

— Нет. Я понял вас.

— А поскольку вы спасли нам жизни, то должны получить соответствующее вознаграждение при дворе Хана. Таким образом, вы остаетесь в живых и одновременно сохраняете тайну повстанческого мира. Нет, молодой человек, очевидное не всегда убеждает меня. Прыжок к пятой звезде будет совершен.

— Я не возражаю, — ответил Байрон.

— Вы хладнокровны, — заметил Аратап. — Жаль, что вы не родились тиранитом.

В его устах это был настоящий комплимент.

— Сейчас мы отведем вас в вашу каюту, — добавил он, — и восстановим силовое поле. Простая мера предосторожности.

Байрон кивнул.

Стражника, которого вырубил Байрон, в каюте уже не было, но врач по-прежнему находился там и стоял, склонившись над безжизненной фигурой Джилберта.

— Он еще без сознания? — спросил Аратап.

При звуках этого голоса доктор стремительно выпрямился.

— Действие нейронного хлыста кончилось, наместник. Но этот человек немолод и долго

находился под стрессом. Я не знаю, придет ли он в себя.

Байроном овладел ужас. Он упал на колени, не обращая внимания на боль в ноге, и осторожно коснулся плеча Джилберта.

— Джил, — прошептал он, тревожно вглядываясь в бледное лицо.

— Отойдите, — приказал медик, доставая свою сумку. — Шприц, по крайней мере, цел, — пробормотал он.

Он склонился над Джилбертом и глубоко всадил в него иглу. Бесцветная жидкость автоматически перекачивалась в вену. Когда шприц опустел, врач выдернул иглу и застыл в ожидании.

Веки Джилберта дрогнули, он открыл глаза и еле слышно прошептал:

— Я ничего не вижу, Байрон.

— Все в порядке, Джил. Отдыхайте, — сказал Байрон, склонившись к нему.

— Не хочу. — Джилберт попытался сесть. — Байрон, когда прыжок?

— Скоро, скоро!

— Останьтесь со мной. Я не хочу умирать в одиночестве.

Пальцы его слабо сжали руку Байрона, потом отпустили. Голова откинулась назад.

Доктор наклонился к нему и тут же выпрямился.

— Мы опоздали. Он умер.

На глазах у Байрона выступили слезы.

— Прости меня, Джил, — прошептал он. — Но ты ничего не знал. Ты ничего не понял…

Это были трудные часы для Байрона. Аратап не разрешил ему присутствовать на погребении в космосе. Байрон знал, что сейчас где-то на корабле тело Джилберта сгорает в атомной печи и выбрасывается в пространство, где его атомы навеки смешаются с межзвездными туманами.

Артемизия и Хинрик должны быть на похоронах. Поймут ли они? Поймет ли *она*, что у него не было другого выхода?

Врач впрыснул ему хрящевой экстракт, который должен был ускорить срастание разорванных связок, и боль в колене действительно почти утихла. Но что такое физическая боль? На нее можно не обращать внимания…

Внезапно Байрон почувствовал легкий толчок, отдавшийся где-то глубоко внутри организма. Значит, корабль совершил прыжок. Тут-то на Байрона и обрушились мучительные сомнения.

Поначалу он был абсолютно уверен, что все проанализировал правильно. Все *должно быть*

правильно! Но вдруг он все-таки ошибся? Что, если они сейчас находятся в самом центре восстания? Сообщение об этом немедленно отправят на Тиран, оттуда прилетит армада кораблей. А сам он умрет, сознавая, что мог спасти повстанцев, но вместо этого погубил их…

В эти мрачные часы он думал также о документе, который не смог отыскать на Земле.

Странно, что о нем давно никто не вспоминал. Так усиленно искали планету повстанцев и напрочь забыли о загадочном документе. Что-то тут не сходится.

Потом Байрон вдруг подумал о том, что Аратап летит к планете повстанцев на одном-единственном корабле. Откуда такая самоуверенность?

Неужели он надеется захватить целую планету при помощи одного корабля?

Автарх сказал, что документ потерян много лет назад.

Но кто им владеет теперь? Может быть, тираниты? Тогда выходит, что тайна этого документа позволяет одному кораблю справиться с целой планетой?

Если это правда, то какая разница, где находится планета и существует ли она вообще…

Так он сидел и терзался, пока не вошел Аратап.

Байрон вскочил на ноги.

— Координаты Автарха верны, — сказал наместник. — Мы достигли звезды.

— Ну и…

— Искать планету повстанцев мы не будем. Астронавигаторы доложили, что менее миллиона лет назад звезда превратилась в Новую. Даже если у нее и были планеты, то они уничтожены. Теперь звезда — белый карлик, а у него не может быть планет.

— Стало быть… — начал Байрон.

— Стало быть, вы оказались правы, — вздохнул Аратап. — Нет планеты повстанцев!

Глава 22
Здесь!

Несмотря на философский склад ума, Аратап испытывал глубокое сожаление. Впервые в жизни он почувствовал себя настоящим завоевателем миров, каким когда-то был его отец; впервые в жизни он вел за собой эскадру кораблей, готовых сразиться с врагами Хана.

Но, как и следовало ожидать в этот век упадка и вырождения, там, где должна была находиться повстанческая планета, зияла пустота. У Хана не

оказалось врагов. И нет миров, которые можно завоевать. А сам он так и останется наместником и будет улаживать мелкие неприятности — не более.

Однако сожаление — бесполезное чувство. Нет смысла ему предаваться.

— Стало быть, вы оказались правы. Нет планеты повстанцев, — сказал Аратап и сел, указав Байрону на кресло. — Я хочу поговорить с вами.

Молодой человек вопросительно смотрел на него, и Аратап с удивлением подумал, что мальчик явно возмужал и перестал бояться. «Вот и явные симптомы упадка во мне самом, — подумал Аратап. — Интересно, многие из нас начинают, подобно мне, видеть в побежденных людей? И желать им добра?»

— Я собираюсь отпустить Правителя и его дочь, — сказал он. — С политической точки зрения это разумно. Я хочу освободить их немедленно и отправить назад на «Беспощадном». Сможете отвезти их?

— Вы освобождаете и меня? — удивился Байрон.

— Да.

— Почему?

— Вы спасли мой корабль и мою жизнь.

— Сомневаюсь, что ваша личная благодарность может повлиять на ваши решения, касающиеся государственной политики.

Аратап чуть было не рассмеялся вслух. Мальчик ему определенно нравился.

— Тогда назову другую причину. Пока я расследовал большой заговор против Хана, вы были опасны. Но, как выяснилось, никакого заговора не существует. Есть только кучка лингейнцев, предводитель которых убит. Вы больше не представляете для нас опасности. Предать вас или лингейнцев суду, пожалуй, опаснее, чем отпустить.

Суд состоялся бы на Лингейне, и мы бы не смогли контролировать его полностью. На суде неизбежно встал бы вопрос о так называемой планете повстанцев. И хотя ее нет, половина подданных может решить, что дыма без огня не бывает. Таким образом, мы сами натолкнем их на мысль о создании повстанческой организации, посеем в душах зерна сомнений и надежды на будущее. И тогда тиранитскому правлению здесь будут угрожать уже реальные заговоры и восстания.

— Значит, вы освобождаете нас всех?

— Ну, это не совсем свобода, поскольку ни один

из вас не проявил подлинной верности Хану. С Лингейном мы разберемся, и следующий Автарх будет уже гораздо сильнее зависеть от Хана. Статус «союзного государства» придется упразднить; лингейнское правосудие возьмем под контроль. Участники заговора, включая тех, кто сейчас находится в наших руках, будут сосланы на другие планеты, поближе к Тирану. Там они будут неопасны. Вы сами не вернетесь на Нефелос и не станете Ранчером. Вы останетесь на Родии вместе с полковником Риззетом.

— Согласен, — сказал Байрон. — Но что будет с браком леди Артемизии?

— Вы хотите, чтобы он не состоялся?

— Вы же знаете, что мы хотели бы поженить-ся, и сами говорили, что есть возможность воспрепятствовать ее браку с тиранитским придворным.

— Тогда я пытался кое-чего добиться от вас… Вы знаете, что говорили древние? Ложь любовников и дипломатов должна быть прощена. Я дипломат.

— Но возможность есть, наместник! Надо лишь намекнуть Хану, что, если могущественный придворный женится на девушке из влиятельной, но подчиненной семьи, это может вызвать у

него далеко идущие амбиции. В конце концов, честолюбивый тиранит может с таким же успехом возглавить восстание, как и честолюбивый лингейнец.

На сей раз Аратап не удержался от смеха.

— Вы рассуждаете, как настоящий тиранит. Но это не сработает. Хотите совет?

— Какой?

— Женитесь на ней немедленно. То, что сделано, трудно переделать. Найдем для Поханга другую женщину.

Байрон поколебался, потом протянул руку:

— Спасибо, сэр.

Аратап пожал ее.

— Я сам не люблю Поханга… Но запомните и не позволяйте себе чрезмерного честолюбия: хотя вы и женитесь на дочери Правителя, сами вы никогда не займете его трон. Такие Правители, как вы, нам не нужны.

Аратап следил за уменьшавшимся на экране «Беспощадным» и радовался принятому им решению. Молодой человек свободен; по субэфирной связи уже послано сообщение.

Майора Андроса наверняка хватит кондрашка, а кое-кто из придворных как пить дать потребует отозвать наместника.

Ну что ж, если будет необходимо, он слетает на Тиран, увидится с Ханом и добьется, чтобы его выслушали. Великий повелитель сам увидит, что решение было единственно правильным, и таким образом козни врагов своей цели не достигнут.

«Беспощадный» наконец превратился в сверкающую точку, неотличимую от других звезд, которые окружили его после выхода из туманности.

Риззет тоже следил на экране за уменьшающимся тиранитским флагманом.

— Он отпустил нас! Черт побери! Если бы все тираниты были похожи на него, я бы записался в тиранитский флот. Это меня даже раздражает. У меня сложилось вполне определенное представление о тиранитах, а Аратап ему не соответствует. Как вы думаете, он не слышит нас?

Байрон переключил приборы на автоматику и повернулся в кресле.

— Конечно, нет. Он может следить за нами через гиперпространство, как и раньше, но не думаю, чтобы он мог уловить нас шпионским радиолучом. Помните, когда он захватил нас, он знал только то, что мы говорили на четвертой планете, не больше.

В пилотскую рубку вошла Артемизия и прижала палец к губам.

— Тише. Он уснул. Скоро мы будем на Родии?

— В один прыжок, Арта. Аратап рассчитал его для нас.

— Я пойду вымою руки, — заявил вдруг Риззет.

Они подождали, пока он вышел, и Артемизия тут же оказалась в объятиях Байрона. Он поцеловал ее в лоб, в глаза, потом нашел губы и непроизвольно сжал ее еще крепче. Поцелуй затянулся.

— Я тебя очень люблю, — сказала она.

— Я люблю тебя больше, чем могу выразить словами, — ответил он.

Последовавший затем разговор был совершенно банален и невыразимо приятен.

Немного погодя Байрон спросил:

— Он поженит нас до посадки?

Артемизия слегка нахмурилась:

— Я пыталась ему объяснить, что он Правитель и капитан корабля и что здесь нет тиранитов. Не знаю, понял ли он. Он очень расстроен и совсем не в себе. После того как отдохнет, я попробую снова.

— Не волнуйся, мы его убедим, — негромко рассмеялся Байрон.

Громко топая ногами, вернулся Риззет.

— А все-таки с трейлером было удобнее, — сказал он. — Здесь даже вздохнуть — и то негде.

— Через несколько часов мы будем на Родии, — отозвался Байрон. — Скоро прыжок.

— Знаю. — Риззет нахмурился. — Подумать только! Я останусь на Родии до конца своей жизни. Я не жалуюсь, я рад, что остался жив. Но какой глупый конец!

— Это еще не конец, — негромко сказал Байрон.

Риззет внимательно посмотрел на него.

— Вы думаете, можно начать все сначала? Что ж, для вас это еще возможно. Но не для меня. Я слишком стар, и ничего у меня не осталось. Я никогда не увижу Лингейн. Эта мысль удручает меня больше всего. Там я родился и прожил всю жизнь. В другом месте я не человек. Вы молоды, вы забудете о Нефелосе.

— Родная планета — это еще не весь мир, Теодор. За последние столетия люди так этого и не поняли, а зря. Все планеты — наша родина.

— Может быть. Если бы существовала планета повстанцев…

— Планета повстанцев существует, Теодор.

— Мне не до шуток, Байрон, — резко сказал

Риззет.

— Я не шучу. Такая планета есть, и я знаю, где она находится. Я мог догадаться об этом неделю назад, да и любой из нас мог. Все факты налицо. Они были передо мной, но я их не видел. Лишь на четвертой планете, когда мы победили Джонти, меня осенило. Помните, он говорил, что мы никогда не попадем на пятую звезду без его помощи? Вы помните его слова?

— В точности? Нет.

— А я запомнил. Он сказал: «В среднем на одну звезду приходится семьдесят кубических световых лет. Если вы будете искать методом проб и ошибок, вероятность двести пятьдесят квадриллионов к одному, что вы пролетите дальше миллиарда миль от любой звезды». От любой! Именно в этот момент я догадался. Я даже услышал, как что-то щелкнуло у меня в голове.

— У меня ничего не щелкает, — сказал Риззет. — Может быть, объясните подробнее?

— Я тоже ничего не понимаю, — призналась Артемизия.

— Разве вы не видите, что и для Джилберта вероятность была не больше? Вы помните его рассказ? Ударил метеорит, и курс корабля изменился. После серии прыжков он оказался внутри

планетной системы. Такое совпадение настолько невероятно, что его можно не принимать во внимание.

— Значит, это все-таки рассказ безумца, и никакой планеты повстанцев нет…

— Но есть одно условие, при котором такое точное попадание корабля становится гораздо более вероятным. И в этом случае Джилберт не только *мог*, он *должен был* попасть прямо к звезде с планетной системой!

— То есть?

— Вы помните рассуждения Автарха? Двигатели корабля Джилберта не были повреждены, и поэтому сила толчка осталась прежней. Иными словами, длина прыжков не изменилась. Изменилось лишь его направление — таким образом, что корабль оказался в туманности. Но такая интерпретация фактов совершенно невероятна!

— Что же тогда, по-вашему, произошло на самом деле?

— А то, что не менялась ни сила, *ни направление!* Никаких резонов считать, что направление изменилось, фактически нет. Это же просто предположение! Что, если корабль по-прежнему следовал своим курсом? Он летел к планетной системе — там он и оказался. И теория вероятно-

сти тут ни при чем.

— Но ведь он летел…

— …на Родию. И оказался там. Настолько просто, что даже не верится, да?

— Но тогда планета повстанцев где-то совсем рядом с домом? Этого не может быть! — воскликнула Артемизия.

— Почему не может быть? Она где-то в родийской системе… Есть два способа спрятать что-нибудь: убрать с глаз долой, засунуть куда-нибудь подальше, например, в глубины туманности, или же наоборот — выставить на всеобщее обозрение, прямо перед носом у тех, кто ищет, так, чтобы они даже не догадывались об этом.

Вспомните, что случилось с Джилбертом после приземления на планету повстанцев. Он вернулся на Родию живым и объяснил это тем, что повстанцы не хотели рисковать: поиски пропавшего корабля могли привести тиранитов слишком близко к их планете. Но зачем же его оставили в живых? Достаточно было вернуть корабль с телом Джилберта — они достигли бы той же цели, а у Джилберта не осталось бы шансов проговориться, что он, кстати, и сделал.

Может существовать лишь одно объяснение. Планета повстанцев — в системе Родии, а Джил-

берт — Хинриад. Где еще с таким уважением отнесутся к жизни Хинриада? Только на Родии.

Артемизия судорожно стиснула руки.

— Но если то, что ты говоришь, правда, значит, отцу грозит ужасная опасность.

— Да, и уже в течение двадцати лет, — согласился Байрон. — Хотя, наверное, не та, о которой ты думаешь. Джилберт однажды пожаловался мне, как трудно притворяться шутом и ни на что не годным человеком. Притворяться постоянно: и перед друзьями, и когда остаешься один. Конечно, насчет себя он несколько преувеличил: например, с тобой, Арта, он оставался самим собой. Он открылся Автарху и даже мне, после самого непродолжительного знакомства.

Но, думается мне, имея перед собой действительно великую цель, можно и в самом деле прожить всю жизнь, скрывая свое истинное «я» под маской. Не раскрываясь даже перед любимой дочерью, склоняя ее к ненавистному браку, притворяясь слабоумным — только бы не повредить делу своей жизни.

— Но… Неужели ты думаешь?.. — потрясенно выдохнула Артемизия.

— Арта, это единственное разумное объяснение. Он правит уже более двадцати лет. Все

это время Родия постоянно усиливалась за счет территорий, передаваемых ей тиранитами. Тираниты считают, что с таким Правителем они в безопасности. В течение двадцати лет он готовит восстание, оставаясь в их глазах совершенно безвредным.

— Ваше предположение, Байрон, может оказаться такой же фатальной ошибкой, как, скажем, моя вера в Автарха.

— Это не предположение. Я сказал в последнем разговоре с Джонти, что это он, а не Правитель выдал моего отца, потому что мой отец не настолько глуп, чтобы поверить Правителю. Но дело в том, что именно так и поступил мой отец. Джилберт подслушал разговор моего отца с Правителем, из которого узнал о роли Джонти в заговоре. Он мог узнать об этом только таким путем.

Но палка имеет два конца. Мы думали, что мой отец работает на Джонти и пытается заручиться поддержкой Хинрика. Однако с таким же успехом можно предположить, что Ранчер работал на Правителя и старался предотвратить преждевременное восстание на Лингейне, которое могло свести на нет два десятилетия тщательной подготовки.

Почему, вы думаете, мне было так важно спа-

сти корабль Аратапа, когда Джилберт замкнул двигатели? Не ради себя. Не думал я и том, что Аратап освободит меня. Я не думал даже о тебе, Арта. Надо было спасать Правителя. Он самый важный человек среди нас. Бедный Джилберт так и не понял этого…

Риззет покачал головой:

— Простите, Байрон, я просто не могу поверить этому.

— Но отчего же? Байрон сказал вам чистую правду, — раздался чей-то знакомый голос.

В дверях стоял Правитель, высокий, с ясным и проницательным взглядом. Голос был его и в то же время не его. Это был твердый голос уверенного в себе человека.

Артемизия подбежала к нему.

— Отец! Байрон говорит…

— Я слышал, что сказал Байрон, — он ласково погладил ее по голове. — И это правда. Я даже допустил бы твой брак с тиранитом.

Она в изумлении отступила от него.

— Ты говоришь совсем по-другому, как будто…

— Как будто не твой отец, — печально промолвил Хинрик. — Это ненадолго, Арта. Когда мы вернемся на Родию, я стану прежним, каким ты меня знала, и ты должна будешь снова принять

меня таким.

Риззет смотрел на него во все глаза. Обычно румяное лицо его стало почти таким же белым, как волосы. Байрон стоял, затаив дыхание.

— Байрон, подойдите ко мне, — сказал Хинрик и положил ему руку на плечо. — Было время, молодой человек, когда я готов был пожертвовать вашей жизнью. Такое время может прийти опять. До определенного дня я никого из вас не смогу защитить и не смогу быть никем, кроме того, к кому вы привыкли. Вы понимаете меня?

Все кивнули.

— К несчастью, — продолжал Хинрик, — ущерб уже причинен и этого не изменишь. Двадцать лет назад я еще не был так тверд в своей роли, как сейчас. Я должен был приказать убить Джилберта, но я не сделал этого. И в результате теперь известно, что существует планета повстанцев и я ее предводитель.

— Но об этом известно только нам, — сказал Байрон.

Хинрик горько улыбнулся:

— Вы думаете так, потому что молоды. Не считайте Аратапа глупее себя. Вы догадались о существовании планеты повстанцев и о ее вожде на основании фактов, известных и ему. Он тоже

может догадаться. Просто он старше и поэтому осторожнее, на нем больше ответственности. Он не вправе предполагать, он должен быть уверен. Думаете, он освободил вас из сентиментальных побуждений? Лично я считаю, что вы свободны сейчас по той же причине, по которой вас уже освобождали один раз — просто потому, что вы можете привести его.

Байрон побледнел.

— Значит, я должен покинуть Родию?

— Нет. Это было бы ошибкой. Это укрепило бы их подозрения. Вы останетесь со мной, и они по-прежнему будут только гадать. Мои планы почти завершены. Еще год, может быть, меньше.

— Но, Правитель, существует факт, о котором вы, наверно, не знаете. Документ…

— Который искал ваш отец?

— Да.

— Ваш отец, мой мальчик, знал не все. Он не мог знать все, потому что опасно вверять все знания одному человеку. Старый Ранчер обнаружил существование документа самостоятельно, знакомясь с моей библиотекой. Надо отдать ему должное, он сразу понял значение документа. Но если бы он спросил у меня, я сказал бы ему, что документа на Земле уже нет.

— Совершенно точно, сэр. Он у тиранитов, я уверен.

— Да нет же! Он у меня. Вот уже двадцать лет, как он у меня. Именно с него и началась планета повстанцев, поскольку благодаря этому документу я понял, как нам удержать наши завоевания после победы.

— Это оружие, сэр?

— Сильнейшее во всей Вселенной. Оно уничтожит тиранитов и нас вместе с ними, но спасет все затуманные планеты. Без него мы, возможно, и победили бы тиранитов, но тем самым лишь сменили бы одну форму феодального деспотизма на другую. И против нас неизбежно созрел бы новый заговор. И нас, и тиранитов пора уже выбросить на свалку истории, как устаревшие политические системы. Наступил период зрелости — однажды так уже было на Земле, — и нам теперь нужен совсем новый тип правления, еще невиданный в Галактике. Такой, при котором не будет ни ханов, ни автархов, ни правителей, ни ранчеров.

— Космос меня разрази! — неожиданно изрек Риззет. — Кто же тогда?

— Народ.

— Народ? Разве он может управлять? Должен быть один человек, принимающий решения.

— Есть способ. Документ, который находится у меня, имеет отношение к небольшой территории одной планеты, но его можно распространить на всю Галактику. — Правитель улыбнулся. — Идите сюда, дети. Я обвенчаю вас. Сейчас это уже не причинит большого вреда.

Рука Байрона крепко сжала руку Артемизии. Она улыбнулась ему. Оба чувствовали внутреннюю дрожь, как будто «Беспощадный» раньше времени начал прыжок.

Байрон попросил:

— Прежде чем вы начнете церемонию, сэр, расскажите немного о документе, чтобы я не мучился любопытством и смог полностью переключить свое внимание на Арту.

— Отец, пожалей меня, — засмеялась Артемизия. — Выполни его просьбу! Ну зачем мне жених, если мыслями он будет не со мной?

Хинрик улыбнулся:

— Я знаю документ наизусть. Слушайте.

И в ярких лучах родийского солнца, показавшегося на экране, Хинрик произнес слова, которые были старше — гораздо старше — любой планеты в Галактике. Кроме одной.

«Мы, народ Соединенных Штатов, в

целях образования более совершенного Союза, утверждения правосудия, охраны внутреннего спокойствия, организации совместной обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения нам и нашему потомству благ свободы, устанавливаем и принимаем эту конституцию для Соединенных Штатов Америки»[2].

[2] Примечания: 2
Конституция США, первый абзац.

Космические течения

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

Пролог
Год назад

Человек с Земли пришел к решению. Решение зарождалось медленно, но было твердым.

Вот уже несколько недель он не чувствовал надежной кабины своего корабля, не видел холодной черноты пространства вокруг. Сначала он хотел сделать быстрое сообщение в Межзвездное Космоаналитическое Бюро и вернуться в космос. Но его задерживали здесь. Это было почти как тюрьма.

Он допил чай и взглянул на другую сторону стола:

— Я не останусь здесь дольше!

Другой человек тоже пришел к решению. Оно зарождалось медленно, но было твердым.

Нужно время, нужно много времени. Ответа на первые письма нет. Значит, он не должен выпускать из рук человека с Земли. Он потрогал черный гладкий стержень у себя в кармане.

— Вы не понимаете всей щекотливости этой проблемы.

— Речь идет об уничтожении целой планеты, —

возразил землянин. — И потому я хочу, чтобы вы передали подробности по всему Сарку, всем обитателям.

— Мы не можем. Это вызовет панику.

— Но раньше вы говорили, что можете.

— Я обдумал все. Теперь мне стало ясно: это невозможно.

— А представитель МКБ — он все еще не прибыл? — помолчав, спросил землянин.

— Нет. Они заняты организацией нужных мер. Еще день-два...

— Опять день-два! Неужели они настолько заняты, что не могут уделить мне ни минутки? Они даже не видели моих расчетов!

— Я предлагал вам передать им эти расчеты. Вы не согласились.

— И не соглашусь. Они могут прийти ко мне или я к ним. Вы не верите мне. Не верите, что Флорина будет уничтожена.

— Я верю. Вы зря горячитесь.

— Да, горячусь. Что в этом удивительного? Или вы думаете, что на меня, бедняжку, космос подействовал? По-вашему, я сумасшедший?

— Чепуха!

— Не притворяйтесь: вы так думаете. Вот почему я хочу видеть кого-нибудь из МКБ. Они

увидят, сумасшедший я или нет!

— Вам сейчас нехорошо. Я помогу вам.

— Нет, не поможете! — истерически вскричал землянин. — Я сейчас уйду. Если вы хотите остановить меня, то убейте! Только вы не посмеете. Кровь всего населения Флорины падет на вас, если вы меня убьете!

— Я не убью вас!

— Вы меня свяжете. Вы запрете меня здесь! Вот чего вам хочется! А что вы будете делать, когда МКБ начнет меня искать? Мне полагается регулярно отсылать сообщения, как вам известно.

— Бюро знает, что вы в безопасности, у меня.

— Знает? А знает ли оно, что я вообще опустился на планету, или нет? Получены ли мои первые сообщения? — Голова у него кружилась, тело начало цепенеть.

Его собеседник встал. Он медленно обошел большой стол, направляясь к землянину.

Слова прозвучали необыкновенно ласково:

— Ради вашего же блага.

Из кармана появился черный стержень. Землянин прохрипел:

— Психозонд!

Он попытался встать, но едва смог пошеве-

литься.

Сквозь стиснутые судорогой зубы он прохрипел:

— Зелье!

— Зелье, — согласился другой. — Послушайте, я не причиню вам вреда. Но вы так возбуждены и встревожены. Я удалю тревогу. Только тревогу.

Землянин уже не мог говорить. Мог только сидеть. Только тупо думать: «Великий Космос, меня опоили». Ему хотелось закричать, убежать, но он не мог.

Другой уже подошел к нему. Он стоял, глядя на него сверху вниз. Землянин взглянул снизу вверх. Глазные яблоки у него двигались.

Психозонд был автоматическим прибором. Нужно только присоединить его концы к соответствующим точкам на черепе а действовать. Землянин смотрел в ужасе, пока мышцы глаз у него не оцепенели. Он даже не почувствовал, как острые, тонкие проволочки впивались в черепные швы.

Молча, мысленно он вопил:

«Нет, вы не понимаете! Это целый мир, населенный людьми! Разве вы не видите, что нельзя рисковать жизнью сотен миллионов людей?»

Слова другого доносились глухо, удаляясь в ка-

кой-то туннель, длинный и черный:

— Вам не будет больно. Через час вам станет хорошо, совсем хорошо. Вы вместе со мной посмеетесь над этим.

Мрак опустился и окутал все. Полностью он так и не развеялся никогда. Понадобился год, чтобы завеса поднялась хоть отчасти.

Глава 1
Найденыш

Рик вскочил. Он дрожал так, что должен был прислониться к голой молочно-белой стене.

— Я вспомнил!

Шум жующих челюстей затих. Лица у всех были одинаково чистые, одинаково бритые, лоснящиеся и белые в тусклом свечении стен. В глазах не было интереса, только рефлекторное внимание, возбужденное внезапным, неожиданным возгласом.

Рик закричал снова:

— Я вспомнил свою работу! У меня была работа!

Кто-то крикнул ему:

— Замолчи!

Кто-то добавил:

— Сядь!

Лица отвернулись, жевание возобновилось. Рик тупо смотрел вдоль стола. Он услышал слова «сумасшедший Рик», увидел пожатие плечами. Увидел палец, покрутившийся у виска. Все это не означало для него ничего.

Он медленно сел. Снова взял ложку с острым краем и с зубцами на переднем конце, так что ею можно было одинаково неуклюже хлебать, резать и протыкать. Для раба с плантаций этого было достаточно. Он повернул ложку и уставился на свой номер, выбитый на ее ручке. У всех прочих кроме номеров были еще и имена. А у него кличка — Рик. На жаргоне плантаций это означало что-то вроде идиота.

Но может быть, теперь он будет вспоминать все больше и больше. Впервые с тех пор, как он появился на фабрике, он вспомнил нечто бывшее до того. Если бы только ему дали время подумать!..

Когда он шел вечером с фабрики, его догнала Валона Марч.

— Я слышала, за завтраком была какая-то неприятность?

Рик пробормотал:

— Ничего не было, Лона.

Она настаивала:

— Я слышала, ты вспомнил что-то. Верно, Рик?

Она тоже называла его Риком. А он старался изо всех сил вспомнить свое имя. Однажды Валона раздобыла рваную адресную книгу и прочла из нее все имена. Ни одно не показалось ему более знакомым, чем другие.

Он взглянул ей прямо в лицо и сказал:

— Я должен бросить фабрику.

Валона нахмурилась:

— Не знаю, сможешь ли ты. Это нехорошо.

— Я должен вспомнить побольше о себе.

Валона облизнула пересохшие губы:

— Не знаю, нужно ли это.

Рик отвернулся. Это она устроила его на фабрику и спасла жизнь. Но все-таки он должен…

— Опять головные боли?

— Нет. Я действительно вспомнил что-то. Вспомнил, какая работа была у меня раньше… Поедем в поля, Лона.

— Уже поздно.

— Прошу тебя! Только за черту поселка.

…Через полчаса они свернули с шоссе на извилистую, плотно усыпанную песком дорогу. Молчание было тяжелым, и Валона почувствовала, как ее охватывает страх.

Что, если Рик покинет ее? Во многих отношени-

ях он еще походил на ребенка. Но прежде чем его лишили разума, он был, конечно, образованным человеком. Образованным и очень важным.

В свое время она испугалась, услышав его первые слова. Они прозвучали так неожиданно и странно после долгих несвязных жалоб на головную боль. Уже тогда Лона боялась, что он может вспомнить слишком много и бросить ее. Она была просто Валоной Марч по прозвищу Большая Лона. Крупная большеногая девушка с красными от работы руками. Девушка, которой никогда не найти мужа. Она лишь смотрела с тупой досадой на парней. Она была слишком крупная, чтобы хихикать и подмигивать им. У всех других женщин один за другим появлялись дети, а она могла только протискиваться к ним, чтобы взглянуть на красное, безволосое существо с зажмуренными глазками и резиновым ротиком.

Но вот в ее жизни появился Рик — своего рода младенец. Его нужно было кормить, окружать заботой, выносить на солнце, убаюкивать, когда головная боль терзала его, защищать.

А ее кулаков боялись даже взрослые.

В тот день, когда она впервые привела Рика работать на фабрику, она одним ударом свалила своего мастера, который сказал о них какую-то

непристойность.

Поэтому ей хотелось, чтобы Рик перестал вспоминать. Она знала, что ничего не может предложить ему: с ее стороны было эгоизмом желать, чтобы он навсегда оставался беспомощным и умалишенным. Просто она никому еще не была нужна до такой степени. Просто она боялась вернуться в одиночество.

Она спросила:

— Ты уверен, что вспоминаешь, Рик?

— Да. Я могу доверять своим воспоминаниям, Лона, когда они возвращаются. Ты это знаешь. Например: ты не учила меня говорить. Я сам вспомнил. Верно? А теперь я вспоминаю, каким я был раньше. У меня должно было быть это «раньше», Лона!

«Должно было». При этой мысли у нее стало тяжело на сердце. Это было другое «раньше», другой мир. Она знала это, потому что единственным словом, которого он не мог вспомнить, было слово «кырт». Ей, Лоне, пришлось учить его слову, обозначавшему на Флорине то, что важнее всего в мире.

— Что ты вспоминаешь? — спросила она.

Возбуждение Рика вдруг упало. Он заколебался.

— Это не очень понятно, Лона. Только то, что у меня была работа, и я знаю какая. По крайней мере знаю отчасти. Я анализировал Ничто.

Она никогда в жизни не слышала слово «анализировал» и все же спросила:

— Но, Рик, что это может быть за работа: а-нали-зи-ро-вать ничего! Это не работа!

— Я не говорил «ничего». Я сказал: анализировал Ничто. С большого «Н».

— Разве это не одно и то же?

— Нет, конечно. — Он глубоко передохнул. — Но боюсь, что не смогу объяснить тебе. Это все, что я вспомнил. Но я чувствую, какая это была важная работа. Не может быть, чтобы я был преступником!

Это уже было, когда он впервые заговорил. Заговорил так внезапно, что испугал ее. Она не посмела посоветоваться даже с резидентом. В ближайший свободный день Лона повезла Рика в город к доктору.

После обследования доктор вышел к ней.

— Когда вы встретили этого человека?

Она рассказала ему, очень осторожно, без всяких подробностей, ничего не сказав ни о резиденте, ни о патрульных.

— Значит, ты ничего не знаешь о нем?

— О том, что было раньше, — ничего.

— Этот человек был подвергнут психозондированию. Ты знаешь, что это такое?

Сначала она опять покачала головой, потом прошептала тихо:

— Это то, что делают с сумасшедшими, доктор?

— И с преступниками. Чтобы излечить рассудок или изменить в нем то, что заставляет их красть и убивать.

— Но Рик никогда ничего не крал, — растерялась Лона.

— Откуда ты знаешь, что он делал до того, как ты его встретила? Сейчас это очень трудно выяснить. Зондирование было глубокое и грубое. Неизвестно, какая часть разума удалена полностью, а какая только затуманена шоком. Его нужно держать под наблюдением.

— Нет, нет! Он останется со мной! Я хорошо забочусь о нем, доктор!

Он нахмурился, но заговорил еще ласковее:

— Да, но я и думал о тебе, девушка. Может быть, из него удалено не все злое. Не хочешь же ты, чтобы когда-нибудь он обидел тебя.

В эту минуту сестра привела Рика, успокаивая его ласковым воркованием, как младенца. Рик

приложил руку к голове и глядел бессмысленно, пока его взгляд не остановился на Валоне. Он протянул к ней руки и слабо закричал:

— Лона!

Она кинулась к нему, крепко обняла, прижимая его голову к своему плечу. Потом посмотрела на доктора.

— Он никогда, ни за что не обидит меня.

— И все-таки о нем нужно сообщить. Не знаю, как ему удалось ускользнуть из-под надзора в таком состоянии.

— Значит, его отнимут у меня, доктор?

— Боюсь, что да. Таков закон.

Весь обратный путь она тяжело и слепо, в отчаянии прижимала Рика к себе.

Через неделю по гипервидео передали известие о докторе, погибшем в катастрофе, когда прервался один из местных электрических лучей. Имя показалось ей знакомым, и ночью в своей комнате она сравнила его с записанным на бумажке. Имена совпадали.

Позже, когда Рик стал понимать больше, она рассказала ему о том, что говорил доктор, и посоветовала оставаться в поселке, если он хочет быть в безопасности...

— Я не мог быть преступником, — повторил

Рик, — если у меня была такая важная работа! Надо уйти. Другого пути нет. Я должен бросить фабрику и поселок и узнать о себе побольше.

— Рик! Это опасно! Если даже ты анализировал Ничто, почему это важно настолько, чтобы тебе узнавать больше?

— Потому что я вспомнил еще кое-что.

— Что, что ты вспомнил?

— Не скажу, — прошептал Рик.

— Ты должен сказать кому-нибудь. Иначе опять забудешь.

Он схватил ее за руку.

— Это верно. Ты никому не скажешь, правда, Лона? Ты будешь моей памятью, на случай, если я забуду?

— Конечно, Рик.

Рик огляделся. Мир был прекрасен. Валона как-то рассказала ему, что в Верхнем Городе, в нескольких милях над ним, есть огромная светящаяся надпись:

ФЛОРИНА — САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ПЛАНЕТА В ГАЛАКТИКЕ

И сейчас, оглядываясь, он мог поверить этому.

— То, что я вспомнил, ужасно. Но когда я вспоминаю, то всегда правильно. Это мне при-

помнилось в конце дня.

— Да?

Он в ужасе пристально смотрел на нее:

— Все на этой планете должны погибнуть. Все, кто живет на Флорине.

Мирлин Теренс доставал книгу-фильм с полки, когда к нему позвонили. Резидент неторопливо подошел к двери, на ходу заглаживая верхний прорез рубашки. Даже одежда у него была похожа на одежду сквайров. Иногда он почти забывал, что родился на Флорине.

На пороге стояла Валона Марч. Она опустилась на колени и склонила голову в почтительном приветствии.

Теренс широко распахнул дверь.

— Войди, Валона. Садись. Час отбоя давно уже прошел. Надеюсь, патрульные не видели тебя?

— Кажется, нет, резидент.

— Ты чем-то расстроена. Опять Рик?

— Да, резидент. — Она сидела, как всегда, спрятав свои большие руки в складках платья; но он заметил, что ее сильные короткие пальцы переплелись и слегка вздрагивают.

— Что бы это ни было, я слушаю тебя, — сказал он негромко.

— Вы помните, резидент, как я пришла к вам

и рассказала о городском докторе и о том, что он говорил?

— Да, Валона, помню. И еще помню, что велел тебе никогда не делать ничего подобного, не посоветовавшись со мной. А ты помнишь это?

Глаза у нее расширились. Ей не нужно было напоминаний, чтобы снова ощутить его гнев.

— Я никогда больше не сделаю ничего такого, резидент. Я только хотела напомнить вам, что вы обещали сделать все, чтобы помочь мне удержать Рика.

— Я так и сделаю. Значит, патрульные спрашивали о нем?

— Нет. О резидент, по-вашему, они могут спросить?

— Я уверен, что нет. — Он начал терять терпение. — Ну же, Валона, рассказывай, в чем дело!

— Он говорит, что вспоминает разные вещи.

Теренс подался вперед и чуть не схватил девушку за руку.

— Разные вещи? Какие?

В памяти Теренса ожил день, когда нашли Рика. Он увидел толпу ребят у одного из оросительных каналов, как раз за чертой поселка. Они пронзительно кричали, окликая его: «Резидент! Резидент!», и показывали на какую-то белую

шевелящуюся массу.

Это был взрослый мужчина, почти голый; изо рта у него текла слюна, и он слабо повизгивал, бесцельно двигая руками и ногами. На мгновение его глаза встретились с глазами Теренса и стали как будто осмысленнее... Потом рука у человека приподнялась и большой палец очутился во рту.

Кто-то из ребят засмеялся:

— Резидент, да он сосет пальцы!

Простертое тело сотряслось внезапным криком, лицо покраснело и сморщилось. Раздался тихий, бесслезный плач, но палец так и остался во рту.

Теренс стряхнул с себя оцепенение.

— Вот что, ребята, нечего бегать по кыртовому полю, нечего портить урожай. Сами знаете, что будет, если рабочие с плантаций поймают вас. Расходитесь и молчите обо всем. Эй, вон ты, сбегай-ка к доктору Дженксу и попроси его прийти сюда.

Доктор Дженкс помог Теренсу уложить человека в тележку и как можно незаметнее привезти в поселок. Вдвоем они смыли с него засохшую грязь.

Дженкс тщательно осмотрел Рика.

— Инфекции, по-моему, нет, резидент. И он

сытый. Ребра не выпирают. Не знаю, что с ним делать. Как вы думаете, куда его девать теперь?

— Боюсь, что не знаю.

— Он не умеет даже ходить. Он как младенец. И похоже, что все позабыл.

— Может быть, это после болезни?

— По-моему, нет. Возможно, это психическое заболевание. Но я полный профан в психиатрии, подобных больных я посылаю в город. Вы никогда не видели нашего города, резидент?

— Я здесь только месяц.

Дженкс вздохнул, полез за платком.

— Да. Старый резидент — тот был молодец. Держал нас хорошо. Я живу тут почти шестьдесят лет, а этого парня никогда не видел. Он, верно, из другого поселка. Посмотрим, что скажут патрульные.

Патрульные, конечно, явились. Избежать этого было невозможно. Их было двое, этих наемников, носящих громкое имя членов Флорианского патруля. Они глядели равнодушно и скучно.

— Кто этот умалишенный? — спросил один из них у Теренса.

— Кто его знает! Его нашли позавчера в канаве на кыртовом поле.

— А документы у него были?

— Нет, сударь. Только тряпка на теле.

— Что с ним такое?

— По-моему, просто идиот.

— И охота вам возиться с такой дрянью? — Член Флорианского патруля зевнул, спрятал свою книжку и сказал:

— Ладно, об этом даже рапортовать не стоит. Нам до него дела нет.

И оба ушли.

Посоветовавшись с доктором Дженксом, резидент отдал Рика под присмотр Валоне Марч. В конце концов, лишняя пара рабочих рук, притом бесплатных, это не так уж плохо.

...Теренс стал их неофициальным опекуном. Он добился для Валоны дополнительного пайка, добавочных талонов на одежду — всего, что нужно, чтобы двое взрослых (из них один незарегистрированный) прожили на жалованье одного. Он помог ей устроить Рика на фабрику. Смерть врача в городе избавила его от тревоги, но он оставался начеку.

Было естественно, что Валона обращалась со всеми своими затруднениями к нему. И теперь он ждал, чтобы она ответила на его вопросы.

— Он говорит, что все в мире умрут.

— А говорит ли почему?

— Он не знает. Он говорит, что когда-то у него была важная работа, но я не пойму какая.

— Как он ее описывает?

— В общем, он… анализировал Ничто. Но, резидент, как можно делать что-нибудь с Ничем?

Теренс встал и улыбнулся.

— Как, Валона, разве ты не знаешь, что все во Вселенной состоит почти из ничего?

Валона не поняла этого, но согласилась. Резидент был очень ученым человеком. С неожиданным приливом гордости она вдруг увидела, что ее Рик еще ученее.

— Идем. — Теренс протягивал ей руку. — Идем к Рику.

В хижине у Валоны было темно, и они вошли туда ощупью.

В свете маленького, прикрытого рукой фонарика Теренс заметил, что один угол комнаты отгорожен старенькой ширмой.

Эту ширму он сам недавно добыл для Валоны, когда Рик стал гораздо больше похож на взрослого, чем на ребенка.

Из-за ширмы доносилось ровное дыхание.

— Разбуди его, Валона.

Валона постучалась в ширму.

— Рик! Рик! Детка!

Послышался легкий вскрик.

— Это я, Лона, — быстро сказала она. Они зашли за ширму, и Теренс осветил фонариком себя и Валону, потом Рика.

Рик заслонился от света рукой.

— Что случилось?

Теренс сел на край кровати.

— Рик, — произнес он, — Валона сказала, что ты начинаешь вспоминать кое-что.

— Да, резидент. — Рик держался смиренно с резидентом, самым значительным из когда-либо виденных им людей. С резидентом был вежлив даже управляющий фабрикой. Рик сообщил Теренсу о тех крохах, что извлекла его память в течение дня.

— Вспомнил ли ты что-нибудь еще?

— Больше ничего, резидент.

Теренс задумался.

— Хорошо, Рик, можешь спать.

Валона проводила его за порог. Он видел, как подергивалась у нее щека и как она вытерла себе глаза тыльной стороной кисти.

— Покинет он меня, резидент?

Теренс взял ее за руки и заговорил серьезно:

— Будь взрослой, Валона. Он поедет со мной ненадолго, но я привезу его обратно.

— А потом?

— Не знаю. Ты должна понять, Валона. Сейчас нам важнее всего, чтобы Рик мог вспомнить побольше.

Валона спросила вдруг:

— Неужели правда, что все на Флорине умрут, как он говорил?

Теренс крепче сжал ее руки.

— Не говори этого никому, Валона, иначе патрульные заберут его навсегда.

Он повернулся и медленно направился к своему дому, даже не замечая, что руки у него дрожат. Дома он тщетно пытался уснуть, и через час пришлось настроить наркополе. Это был один из немногих приборов, которые он привез, когда впервые вернулся с Сарка на Флорину, чтобы стать резидентом. Прибор плотно надевался на голову, как шапочка из тонкого черного фетра. Теренс поставил его на 5 часов и включил контакт.

Он еще успел уютно улечься в постели, прежде чем замедленная реакция замкнула накоротко центры мозга и мгновенно погрузила его в сон без сновидений.

Глава 2
Библиотекарь

Они вышли из диамагнитного роллера на стоянке за чертой города. Рик ждал, пока Теренс запрет кабину стоянки и опечатает ее прикосновением подушечек пальцев. В новом комбинезоне Рик чувствовал себя не очень удобно. Он неохотно последовал за резидентом под одну из высоких мостоподобных структур, поддерживающих Верхний Город. Ибо Город был двойным: его строго делил горизонтальный слой сталесплава площадью 50 квадратных миль, опиравшийся на 20 тысяч стальных решетчатых колонн. Внизу, в тени, жили «туземцы». Наверху, на солнце — сквайры. В Верхнем Городе трудно было поверить, что ты находишься на Флорине. Население было почти исключительно саркитское, включая немногочисленных патрульных. Это был высший класс в буквальном значении этого слова.

Теренс хорошо знал дорогу. Он шел быстро, избегая взглядов прохожих, смотревших на его резидентскую одежду со смешанным выраже-

нием зависти и досады. Солнце светило, и его лучи, падая сквозь правильно распределенные отверстия в сталесплаве, еще более сгущали окружающую темноту.

В полосах света сидели в подвижных креслах старики, наслаждаясь теплом и двигаясь вместе с движением луча. Иногда они засыпали и оказывались в тени, пока не просыпались от скрипа колесиков при перемене позы. Там, где не было стариков, матери почти сплошь перегораживали светлую полосу своими отпрысками в колясках.

— Ну, Рик, держись, — сказал Теренс. — Сейчас мы поднимемся.

Они остановились перед сооружением, занимавшим промежуток между четырьмя колоннами, вознесенными от земли до самого Верхнего Города. Это и был лифт.

Когда они поднялись наверх, дверь открылась в совершенно другой мир. Как и все города на Сарке, Верхний Город был чрезвычайно ярким и пестрым. Отдельные строения, будь то жилые дома или общественные здания, пестрели сложной, многоцветной мозаикой, которая вблизи выглядела бессмысленной путаницей, но издали сливалась в яркую гамму красок, менявшихся и переливавшихся вместе с изменениями угла

зрения.

— Идем, Рик, — произнес Теренс.

Рик смотрел, широко раскрыв глаза. Ничего живого, никаких растений! Только огромные массы камня и красок. Он никогда не знал, что дома бывают такими величественными. Что-то мгновенно шевельнулось у него в мозгу. На секунду огромность перестала казаться странной… А потом память снова закрылась.

Мимо промелькнул экипаж.

— Это сквайры? — прошептал Рик.

Он успел лишь взглянуть. Коротко стриженные волосы, широкие, развевающиеся рукава из блестящей ткани ярких цветов, от синего до фиолетового, короткие бархатистые штаны и длинные чулки, блестевшие, словно сотканные из медной проволоки.

— Молодые, — сказал Теренс. Он не видел их так близко с тех самых пор, как покинул Сарк. И он снова вздрогнул, подавляя бесполезный трепет ненависти.

Сзади раздалось шипение двухместного экипажа со встроенным воздушным управлением. Машина повисла над дорогой; ее блестящее, гладкое дно было со всех сторон загнуто кверху, чтобы снизить сопротивление воздуха. Этого

было достаточно, чтобы появилось характерное шипение, первый признак патрульных.

Они были рослые, как и все патрульные: широкие лица, плоские щеки, длинные черные волосы, светло-коричневая кожа. Их черные блестящие мундиры, подчеркнутые ярким серебром пряжек и орнаментальных пуговиц, сглаживали различие в лицах и еще больше подчеркивали одинаковость.

Один из них сидел за пультом управления. Другой легко перепрыгнул через низкий борт экипажа.

— Удостоверения! — Патрульный мгновенно взглянул на документы и вернул их Теренсу. — Что вы тут делаете?

— Я хотел посетить библиотеку, офицер. Это моя привилегия.

— У твоего дружка нет резидентских привилегий, — отрезал патрульный.

— Я поручусь за него.

Патрульный пожал плечами.

— Как угодно. У резидентов есть привилегии, но резиденты не сквайры. Помните об этом… Вон то здание — библиотека. Полетели, Кред!

С того места, где они стояли, библиотека казалась пятном яркой киновари, темнеющей до

пурпура к верхним этажам. По мере того как они подходили, пурпур сползал все ниже.

— По-моему, это некрасиво, — сказал Рик.

Теренс быстро и удивленно взглянул на него. Он привык ко всему этому еще на Сарке, но тоже находил кричащие цвета Верхнего Города несколько вульгарными.

Они остановились у спирального помоста, ведшего к главному входу. Цвета были распределены так, чтобы создать иллюзию ступенек; это придавало библиотеке надлежащий архаический вид, по традиции свойственный «ученым» зданиям.

Главный холл был просторный, холодный и почти пустой. Библиотекарша удивленно взглянула на них и поднялась с места.

— Я — резидент. Особые привилегии. Я отвечаю за этого туземца. — Бумаги у Теренса были наготове, и он протянул их.

Библиотекарша села и приняла строгий вид. Она раскрыла удостоверение и сунула его в контрольную щель, где на мгновение мелькнул тусклый фиолетовый цвет.

— Комната двести сорок два, — сказала она.

Эта комната походила на кабинет технического секретаря. Искусственный свет, принудительная вентиляция, никаких украшений. Два диктофона

и через всю стену — огромный тусклый стенд, где снизу вверх шел длинный список алфавитного материала, названий, авторов, каталожных номеров.

— Я знаю, что это такое, — вдруг произнес Рик. — Надо нажать цифры и буквы нужной книги на этих маленьких кнопках, и книга появляется вон на том экране.

Теренс повернулся к нему.

— Откуда ты знаешь? Ты вспомнил?

— Может быть. Я не уверен.

— Ну что ж, назовем это разумной догадкой.

Он набрал какую-то комбинацию букв и цифр. Экран вспыхнул: «Энциклопедия Сарка, том 54, Алмаз — Анод».

— Ну вот, смотри, Рик. Я не хочу тебе ничего подсказывать. Но ты должен просмотреть этот том и останавливаться на всем, что покажется тебе знакомым. Ты понял?

— Да.

— Хорошо. Теперь смотри…

Минуты шли. Вдруг Рик ахнул и закричал:

— Я увидел, резидент! Я увидел!

Это была статья об анализе космоса.

— Я знаю, что там сказано, — продолжал Рик. Он с трудом переводил дыхание. — Вот смотрите,

это всегда тут говорится!

Он прочел вслух медленно, но гораздо лучше, чем можно было бы объяснить отрывочными уроками, полученными им от Валоны:

— «Неудивительно, что по своему темпераменту космоаналитик является интровертированным и довольно часто не приспособленным к жизни субъектом. Посвятить большую часть своей жизни одиноким наблюдениям ужасной пустоты межзвездных пространств — это больше, чем можно потребовать от вполне нормального человека. Отчасти понимая это, Институт Космического Анализа принял в качестве официального девиза не слишком правильную формулировку: "Мы анализируем Ничто"».

Рик закончил чтение, почти вскрикнув.

— Ты понимаешь то, что прочел? — спросил Теренс.

Тот взглянул на него пылающими глазами.

— Там сказано: «Мы анализируем Ничто». Это я и вспомнил. Я был одним из них.

— Ты был космоаналитиком?

— Да! — заорал Рик. Потом добавил потише: — Голова болит. — Он смотрел, наморщив лоб. — Я должен вспомнить больше. Есть опасность. Огромная опасность!.. Я не знаю, что делать.

— Библиотека в нашем распоряжении, Рик. — Теренс смотрел на него внимательно и взвешивал каждое слово. — Посмотри каталог сам и поищи тексты по космоанализу. Посмотрим, куда это приведет тебя…

— Как насчет «Трактата об инструментальном космоанализе» Врийта? — спросил после долгих размышлений Рик. — Это правильно?

— Тебе решать, Рик.

Рик нажал кнопку, но на экране засветилось: «О данной книге спросить лично у библиотекаря».

Теренс протянул руку и погасил экран.

— Попробуй найти другую книгу, Рик.

— Но… — Рик поколебался, выполняя приказание. После новых поисков в каталоге он нашел «Состав пространства» Эннинга.

На экране снова появилось требование обратиться к библиотекарю. Теренс чертыхнулся и погасил экран.

Из маленького репродуктора над диктофоном послышался тонкий сухой голос библиотекарши, от которого оба похолодели.

— Комната двести сорок два! Есть кто-нибудь в комнате двести сорок два?

— Что вам надо? — хрипло ответил Теренс.

— Какая книга вам нужна?

— Никакая. Благодарю вас. Мы только пробовали аппарат.

Наступило молчание, словно там происходило какое-то невидимое совещание. Потом голос сказал немного резче:

— В записях стоит требование на «Трактат об инструментальном космоанализе» Врийта и на «Состав пространства» Эннинга. Это верно?

— Мы набирали номера наугад, — сказал Теренс.

— Могу ли я узнать ваши основания для затребования этих книг? — Голос был неумолим.

— Говорю вам, они нам не нужны… Молчать! — Это относилось к Рику, начавшему жалобно шептать что-то.

Снова пауза. Потом голос произнес:

— Если вы подойдете к столу, то сможете получить эти книги. Они оставлены для вас, и вам нужно только заполнить формуляр.

Теренс протянул руку к Рику.

— Пойдем.

— Может быть, мы нарушили правила? — пробормотал Рик.

— Чепуха, Рик. Мы уходим.

Теренс спешил, увлекая за собою Рика. Они вышли в главный холл. Библиотекарша взглянула

на них.

— Подождите! — крикнула она, вскочив и держась за стол. — Одну минуту! Одну минуту!

Они не останавливались. Но перед ними очутился патрульный.

— Вы здорово спешите, парни.

Библиотекарша подбежала к ним, слегка задыхаясь:

— Вы из комнаты двести сорок два, верно?

— Послушайте, — твердо произнес Теренс, — почему нас задерживают?

— Вы спрашивали о некоторых книгах? Мы можем достать их для вас.

— Слишком поздно. В другой раз. Разве вы не поняли, что книги нам не нужны? Я вернусь завтра.

— Библиотека всегда стремится удовлетворить читателей, — чопорно произнесла женщина. — Книги будут получены за две минуты. — На скулах у нее вспыхнули два ярких красных пятна. Она повернулась и бросилась к маленькой двери, открывшейся при ее приближении.

— Офицер, если вы не возражаете… — начал было Теренс. Но патрульный прервал его, показав короткий нейронный хлыст — прекрасное оружие дальнего действия.

— Парень, тебе лучше подождать, пока вернется эта дама. Будь вежливым.

Лоб Теренса покрылся потом. Каким-то образом он недооценил положение. Он был так уверен в своем анализе событий, во всем. И вот к чему это привело. Не нужно было быть таким настойчивым. Виновато его проклятое любопытство, желание войти в Верхний Город, пройти по коридорам библиотеки, словно он был саркитом…

На одно безумное мгновение ему захотелось прыгнуть на патрульного — и вдруг, совсем неожиданно, это не понадобилось.

Сначала промелькнуло что-то движущееся. Патрульный хотел обернуться, но опоздал.

Нейронный хлыст оказался вырванным у него из рук. Офицер успел лишь хрипло вскрикнуть, когда хлыст прикоснулся к его виску.

Рик взвизгнул от радости, а Теренс воскликнул:

— Валона! Клянусь всеми демонами Сарка, — Валона!

Глава 3

Теренс пришел в себя почти тотчас же. Он сказал:

— Скорей отсюда. Живо! — и пошел прочь.

На мгновение ему захотелось оттащить бесчувственное тело патрульного в тень за колоннами главного холла, но на это явно не было времени.

Они вышли на лестницу, где послеполуденное солнце разливало в окружающем мире теплоту и яркость. Краски Верхнего Города сдвинулись к оранжевым тонам.

— Идемте скорее! — тревожно сказала Валона.

Теренс удержал ее за локоть. Он улыбнулся, но голос у него был низкий и твердый.

— Не беги. Иди, как всегда, и следуй за мной. Держи Рика. Не давай ему бежать…

Несколько шагов. Они двигались, словно сквозь клей. Шум в библиотеке? Или это только кажется? Теренс не смел оглянуться.

— Сюда, — сказал он.

Надпись над тротуаром слегка мигала в солнечном свете, не в силах соперничать с ним: «Вход в амбулаторию».

Женщина в форменном платье взглянула на них издали. Она заколебалась, нахмурилась,

начала приближаться. Теренс не стал ждать. Он резко свернул в сторону, прошел по одному коридору, потом по другому. Все равно их вот-вот остановят. Почти не бывало случаев, чтобы туземцы ходили без надзора по верхнему ярусу больницы. Что с ними будет?

Конечно, в конце концов их остановят.

Поэтому сердце у Теренса забилось спокойнее, когда он увидел малозаметную дверь с надписью: «На нижний ярус». Лифт оказался наверху. Теренс втолкнул в него Валону и Рика.

Так было проще всего попасть в Нижний Город, избегнув больших товарных лифтов с их медленным ходом и чересчур внимательными лифтерами. Правда, туземцам запрещалось пользоваться больничными лифтами, но это добавочное преступление было ничтожным по сравнению с нападением на патрульного.

Они вышли на нижнем ярусе.

— Я не могла не прийти, резидент, — быстро шептала Валона. — Я так беспокоилась о Рике! Я думала, вы не привезете его обратно, и...

— Но как же ты попала в Верхний Город?

— Я шла за вами и видела, как вы поднимались в лифте. Когда он вернулся, я сказала лифтеру, что отстала от вас, и он взял меня наверх.

— Просто так?

— Я немножко потрясла его.

— Демоны Сарка! — простонал Теренс.

— Так пришлось, — смиренно пояснила Валона. — Потом я видела, как патрульные показывают вам здание. Я подождала, пока они улетят, и тоже пошла туда. Только я не посмела войти и пряталась, пока не увидела, что вы выходите, а патрульный хочет остановить вас…

Они были уже на улице, в полутени Нижнего Города. Вокруг кишели звуки и запахи Туземного квартала, и верхний ярус опять стал только крышей над ними. Но они зашли слишком далеко, и отныне их везде подстерегала опасность.

Эта мысль еще не успела покинуть резидента, когда Рик крикнул:

— Смотрите!

У Теренса пересохло в горле.

Самое страшное зрелище, какое могли увидеть туземцы Нижнего Города. Словно гигантская птица спускалась в одно из отверстий из Верхнего Города. Она закрыла солнце и углубила зловещую тень в этой части квартала. Машина с вооруженными патрульными.

Туземцы завопили и начали разбегаться. Может быть, у них и не было особых поводов бояться,

но все же они разбегались.

Теренс колебался, а Рик и Валона ничего не могли сделать без него. Внутренняя тревога резидента усилилась до лихорадки. Если они побегут, то куда? Если останутся на месте, то что смогут сделать?

Какой-то широкоплечий детина приближался к ним тяжелой рысцой. На мгновение он приостановился рядом с ними, словно в нерешительности. Потом сказал равнодушно:

— Пекарня Хорова вторая налево, за прачечной. — И круто повернулся обратно.

— В пекарню, — прохрипел Теренс.

Размышлять было поздно.

Он бежал весь в поту. Сквозь шум он слышал лающую команду из динамика патрульных. Он взглянул через плечо. С полдюжины патрульных рванулись из машины, рассыпаясь веером. А он, Теренс, в своей проклятой резидентской одежде заметен так же, как любой из столбов, поддерживающих Верхний Город.

Двое патрульных бежали прямо к ним. Теренс не знал, увидели его или нет, да это и неважно. Оба столкнулись с тем широкоплечим, который только что сказал им о пекарне. Все трое были достаточно близко. Теренс услышал хриплый бас

широкоплечего, громкие ругательства патрульных и толкнул Валону и Рика за угол.

Над пекарней висела сильно вылинявшая надпись из светящейся пластмассы, поломанной во многих местах. Из распахнутой двери струился восхитительный запах. Когда они вбежали внутрь, то не сразу различили затемненное мукой свечение радарных печей. Из-за бункера выглянул какой-то старик.

Теренс начал было: «Широкоплечий человек…» — и расставил руки для пояснения, как вдруг снаружи послышались крики: «Патруль! Патруль!»

— Сюда! Скорей! — проскрипел старик. — Залезайте в эту печь.

— Туда? — отшатнулся Теренс.

— Она не настоящая. Скорее!

Сначала Рик, потом Валона, а за ними Теренс пролезли сквозь дверку печи. Что-то слабо щелкнуло, задняя стенка печи сдвинулась и свободно повисла на петлях. Они толкнули ее и прошли в маленькую, тускло освещенную комнату.

Они ждали. Вентиляция была плохая, запах печеного хлеба усиливал голод. Валона все время улыбалась Рику, механически время от времени похлопывая его по руке. Рик тупо смотрел на нее.

Прошла целая вечность.

В стенке щелкнуло. Теренс напрягся. Сам того не сознавая, поднял сжатые кулаки.

Сквозь отверстие протискивались огромные плечи. Они едва помещались там. Широкоплечий взглянул на Теренса и улыбнулся.

— Легче, приятель. Мы не будем драться. — Рубашка едва держалась у него на плечах, на скуле была красная ссадина. — Поиски окончились. Если вы голодны, можете заплатить и получите всего вдоволь. Что скажете?

Огни Верхнего Города освещали небо на целые мили, но в Нижнем стояла густая тьма. Окна пекарни были плотно завешены, чтобы скрыть свет.

— Я Матт Хоров, но меня называют Пекарем, — представился широкоплечий. — А вы кто?

— Ну, мы… — Теренс пожал плечами.

— Вижу. То, чего я не знаю, никому не повредит. Возможно. Однако в этом вы можете мне довериться. Я спас вас от патрульных, не так ли?

— Да. Благодарю. — Теренсу не удавалось придать своему голосу сердечность. — Как вы узнали, что они гонятся за нами? Там разбегались все.

Тот улыбнулся.

— Ни у кого не было такого лица, как у вас. Ваши

лица можно было бы размолоть на известку…

Теренс попытался улыбнуться.

— Но вы рисковали жизнью. И я благодарю вас за спасение.

— Я делаю это каждый раз, когда могу. Если патрульные гонятся за кем-нибудь, я не могу не вмешаться. Я ненавижу патрульных.

— И попадаете в неприятности?

— Конечно. Вот зачем я построил эту поддельную печь. С нею патрульные не могут поймать меня и затруднить мне работу. Вы знаете, сколько на Флорине сквайров? Десять тысяч. А сколько патрульных? Может быть, двадцать тысяч. А нас, туземцев, пятьсот миллионов. Если все мы встанем против них… — Он прищелкнул пальцами.

Теренс возразил:

— Мы встали бы против иглоружий и плазменных пушек, Пекарь.

— Нам нужно завести свои. Вы, резиденты, жили слишком близко к сквайрам. Вы их боитесь.

Мир Валоны переворачивался кверху дном. Этот человек дрался с патрульными, а сейчас говорил так уверенно и небрежно с резидентом. Когда Рик схватил ее за рукав, она разжала его пальцы и велела ему спать.

— …Даже имея иглоружья и плазменные пуш-

ки, сквайры могут владеть Флориной только при одном условии: это помощь ста тысяч резидентов.

Теренс вскипел:

— Между прочим, я ненавижу сквайров больше вашего. И все-таки…

— Продолжайте, — хохотнул Пекарь. — Я не выдам вас за вашу ненависть к сквайрам. Итак: почему же патрульные погнались за вами?

Теренс не ответил.

— Осторожность, конечно, не мешает, но бывают и такие вещи, как чрезмерная осторожность, резидент. Вам понадобится помощь. Они знают, кто вы.

— Нет, не знают, — поспешно сказал Теренс.

— Они должны были видеть ваши документы в Верхнем Городе.

— Кто вам сказал, что я был в Верхнем Городе?

— Я догадался.

— Мою карточку смотрели, но не так долго, чтобы прочесть мое имя.

— Достаточно долго, чтобы признать в вас резидента. Им остается только найти резидента, который отсутствовал в своем городе сегодня. Наверное, все провода на Флорине гудят сейчас об этом. Итак: вам нужно помочь?

Они говорили шепотом. Рик свернулся в углу и уснул. Взгляд Валоны переходил с одного из говоривших на другого.

— Нет, спасибо. — Теренс покачал головой. — Я… я выпутаюсь сам.

Пекарь расхохотался.

— Интересно посмотреть как. И все-таки подумайте над этим до утра. Может быть, вы и решите, нужна ли вам помощь.

— Валона!

Голос был так близок, что легкое дыхание шевелило ей волосы, и так тих, что она едва расслышала его. Она была прикрыта только простыней и сжалась от страха и смущения.

Это был резидент.

— Молчи. Только слушай. Я ухожу. Дверь не заперта. Но я вернусь. Ты слышишь? Ты понимаешь?

Она протянула руку в темноту, нашла его ладонь, сжала ее.

— И следи за Риком. Не теряй его из виду. Валона… — Он долго молчал. — Не доверяй слишком этому Пекарю. Я его не знаю. Ты поняла?

Послышался легкий шорох, потом еще более легкий, отдаленный скрип, и он ушел. Она приподнялась на локте, но, кроме дыхания Рика и

своего собственного, не услышала ничего.

Она сомкнула веки, сжала их в темноте, пытаясь думать. Почему резидент сказал так о Пекаре, который ненавидит патрульных и спас их троих? Почему, когда все запуталось как нельзя больше, этот Пекарь явился и действовал так быстро и уверенно? Может быть, все подстроено заранее и Пекарь давно уже ожидал того, что случилось потом?..

— Алло! Вы еще здесь?

Она окаменела, когда луч света упал прямо на нее. Потом медленно опомнилась и натянула простыню до шеи. Луч погас Ей не нужно было догадываться о том, кто спрашивал. Его широкие плечи смутно рисовались в полусвете, просачивающемся сзади.

— Я думал, ты ушла вместе с ним.

— С кем, сударь? — слабо спросила Валона.

— С резидентом. Ты знаешь, девушка, что он ушел. Не надо притворяться.

— Он вернется, сударь.

— Он сказал, что вернется? Он ошибся. Патрульные поймают его. Он не очень хитер, твой резидент, иначе бы он увидел, что я оставил дверь открытой нарочно. Ты тоже собираешься уходить?

— Я подожду резидента.

— Как угодно. Ждать придется долго. Уйдешь, когда захочешь.

Снова вспыхнул луч и заскользил по полу, пока не нашел худое, бледное лицо Рика. Веки у Рика судорожно сжались от света, но он продолжал спать.

— А вот этого человека тебе лучше оставить здесь. Если ты решила уйти, дверь открыта, но не для него.

— Он только бедный, больной парень… — начала Валона высоким, испуганным голосом.

— Да? Ну, так я собираю бедных, больных парней, и этот останется тут. Помни это!

Луч света словно приковался к спящему лицу Рика.

Глава 4
Ученый

Доктор Селим Джунц терял терпение уже целый год, но к нетерпению нельзя привыкнуть даже со временем. Скорее наоборот. Тем не менее этот год научил его, что Саркитскую Разведку нельзя торопить; тем более что сами сотрудники были по большей части переселенными флори-

нианами и поэтому страшно дорожили своим достоинством.

Однажды он беседовал со стариком Эблом — транторианским посланником, прожившим на Сарке так долго, что его башмаки пустили корни здесь; Джунц спросил, почему саркиты позволяют служить в своих собственных государственных учреждениях тем самым людям, которых они так искренне презирают.

Эбл прищурился над кубком зеленого вина.

— Политика, Джунц, — сказал он. — Политика. Все дело в практической генетике, проводимой с саркитской логикой. Сами по себе они мелкий никчемный народ, эти саркиты, и важны лишь постольку, поскольку владеют неистощимой золотой россыпью — Флориной. Поэтому они каждый год снимают сливки с флоринианских городов и поселков и привозят цвет тамошней молодежи на Сарк для обучения. Посредственных сажают заполнять бланки и подписывать заявления, а по-настоящему умных отправляют обратно на Флорину, чтобы они стали резидентами, этими туземными правителями городов. Самые разумные элементы на Флорине искренне преданы делу саркитов, так как, пока они служат Сарку, о них хорошо заботятся, а как только они

от Сарка отвернутся, то самое большее, на что они смогут надеяться, — вернуться к флориниан-скому существованию. А это неважная вещь, друг мой, совсем неважная.

Старый дипломат одним глотком допил вино и продолжал:

— Далее. Ни резиденты, ни сотрудники учреждений на Сарке не могут иметь детей, не теряя своего положения. Даже от флориниан-ских женщин. О смешанных браках с саркитами и говорить нечего. Таким образом, лучшая часть флориниан-ских генов все время уходит из обращения, так что в конце концов Флорина будет населена только дровосеками и водоносами.

— Но тогда сами саркиты останутся без служащих, не так ли?

— Это дело будущего.

Итак, сейчас доктор Джунц, космоаналитик, сидел в одной из внешних приемных Департамента по флориниан-ским делам и нетерпеливо ждал минуты, когда его вызовут, пока низшие служащие-флориниане беспрерывно спешили по бюрократическим лабиринтам. Наконец его провели в роскошно обставленный кабинет и указали на кресло перед столом клерка младшего секретаря. Ни один флориниан-ин не мог быть

чем-либо большим чем клерк, независимо от того, какой реальной властью он обладал. Младший и старший секретари по флоринианским делам были, конечно, саркитами, но хотя Джунц мог встречаться с ними в обществе, он знал, что никогда не встретит их в учреждении.

Клерк тщательно просматривал картотеку, разглядывая каждый мелко исписанный листок так, словно там содержались секреты всей Вселенной. Он был молодой, вероятно, недавно кончил школу; как у всех флориниан, у него были очень светлые волосы и кожа. Наконец он отложил в сторону бумаги и произнес:

— Судя по записям, вы бывали в этом учреждении и раньше?

— Да, бывал, сударь, — сказал с некоторой резкостью доктор Джунц.

— Но не в последнее время?

— Но не в последнее время.

— Вы все еще разыскиваете одного космоаналитика, исчезнувшего… — клерк перебрал листки, — …более одиннадцати месяцев назад?

— Совершенно верно.

— За все это время, — продолжал клерк, — не встречалось никаких следов этого человека и не было доказательств, что он когда-нибудь вообще

находился на саркитской территории.

— Последнее сообщение от него, — произнес ученый, — было получено из пространства близ Сарка.

Клерк взглянул на него; бледно-голубые глаза на мгновение сосредоточились на Джунце, потом опустились.

— Возможно, но его присутствие на Сарке не доказано.

Не доказано! Губы у Джунца плотно сжались. Именно этот ответ, все более и более категорический, он получал от Межзвездного Космоаналитического Бюро за последние месяцы.

«Нет доказательств, доктор Джунц. Нам кажется, что вы могли бы найти лучшее применение своему времени, доктор Джунц. Бюро позаботится о том, чтобы поиски продолжались, доктор Джунц».

Все это означало: «Перестаньте швыряться деньгами, Джунц!»

Это началось, как правильно сказал клерк, одиннадцать с половиной месяцев назад по Межзвездному стандартному времени. За два дня до того, как Джунц опустился на Сарк, намереваясь произвести обычную инспекцию отделений Бюро на этой планете. Его встретил представитель

МКБ, молодой человек, непрестанно жевавший какой-то эластичный продукт химической промышленности Сарка.

Инспекция почти уже закончилась, когда местный представитель, вспомнив о чем-то, отправил свою эластичную жвачку за коренные зубы и сказал:

— Сообщение от одного из наблюдателей, доктор Джунц. — И протянул листок.

Джунц прочел вслух:

— Проще сохранять прямую кодированную линию Главштаба МКБ для подробного сообщения о деле чрезвычайной важности. Затронута вся Галактика. Делаю посадку по минимальной траектории.

Агент развеселился.

— Представьте только, сударь! «Затронута вся Галактика». Это здорово, даже для наблюдателя. Я вызвал его по межзвездной связи, когда получил сообщение, и хотел добиться толку, но мне не удалось. Он твердил только, что в опасности находится жизнь каждого из обитателей Флорины. Понимаете, там полмиллиарда человек. Он был похож на психопата. Поэтому, откровенно говоря, мне не хочется встречаться с ним наедине, когда он опустится. Что вы

предлагаете?

— У вас есть запись вашего разговора?

— Да, сударь. — Он порылся в карманах. — Вот.

Это был кусочек ленты. Джунц пробежал его в аппарате и нахмурился.

— Это копия, да?

— Я послал оригинал в Бюро Межпланетного Транспорта на Сарке. Я думал, лучше всего будет встретить его с каретой «скорой помощи». Ему, наверное, было очень плохо.

Джунцу хотелось согласиться с молодым человеком. Когда одинокие аналитики космических глубин сходят с ума, то реакции у них могут быть очень сильными. Джунц задумался.

— Погодите. Вы сказали так, словно он еще не сел?

Агент казался удивленным.

— Я думаю, он сел, но мне никто не сообщал об этом.

— Ну так вызовите Транспорт и спросите о подробностях. Психопат он или нет, но подробности должны быть записаны.

Джунц пришел туда на следующий день для последней проверки перед отлетом. У него было много дел на других планетах, и он спешил. Почти уже уходя, он спросил, оборачиваясь:

— Ну, что с нашим наблюдателем?

— Ах да, я совсем забыл, — спохватился агент. — Транспорт о нем ничего не знает. Я послал энергетический спектр его гиператомного двигателя, и они сказали, что его корабля нет нигде в пространстве.

Джунц решил отложить свой отъезд на сутки. На следующий день он побывал в Бюро Межпланетного Транспорта в городе Сарке, столице планеты. Тут он впервые встретился с флорианскими бюрократами, но те качали головами ему в ответ. Они получили сообщение о предполагаемой высадке одного аналитика из МКБ. Да, но корабль не садился.

— Но это важно, — настаивал Джунц. — Человек очень болен.

Получили ли они копию записи разговора с агентом МКБ? Они широко раскрывали глаза. Копию? Никто не мог вспомнить, что получал что-нибудь. Они сожалеют, если человек болен, но никакой корабль МКБ не опускался здесь.

Джунц вернулся к себе в отель и долго размышлял об этом. Прошел еще один срок, назначенный им для отъезда. Он сменил свою комнату на другую, более приспособленную к длительному пребыванию. Договорился о встрече с Людиганом

Эблом, транторианским посланником.

Следующий день он провел, читая книги по истории Сарка; и когда время встречи с Эблом пришло, то его сердце билось с тихой, еле сдерживаемой яростью. Это не пройдет им даром...

Старый посланник принял его как гостя, потряс ему руку, вызвал механического бармена и за первыми двумя стаканами не допускал никаких разговоров о делах. Джунц воспользовался случаем для полезной болтовни, спросил о Флоринианской Гражданской Службе и выслушал лекцию о практической генетике на Сарке. Гнев его усилился. И все-таки он спокойно и лаконично начал излагать историю. Эбл не перебивал.

Когда Джунц закончил, посланник спросил:

— Послушайте, вы знаете этого исчезнувшего?

— Нет.

— И не встречали его?

— С нашими наблюдателями-аналитиками трудно встретиться.

— У него раньше бывали такие иллюзии?

— Это первая, судя по записям в центральном управлении МКБ, — если только это иллюзия.

— Но что я могу сделать?

— Дайте мне объяснить. Саркитское Бюро Межпланетного Транспорта проверило ближай-

шее пространство на энергетический спектр двигателей нашего наблюдателя и не нашло следов его. В этом они лгать не будут. Я не хочу сказать, что саркиты брезгают ложью, но они брезгают бесполезной ложью, и они-то уж знают, что я могу устроить проверку пространства в два-три часа.

— Правильно. Так что же?

— Есть два случая, когда энергетический спектр нельзя обнаружить. Один — это когда корабля нет в ближайшем пространстве, так как он проскочил гиперпространство и ушел в другую область Галактики; второй — когда его вовсе нет в пространстве, так как он опустился на планету. Я не могу поверить, что этот человек передумал. Если его утверждения относительно опасности для Флорины и важности для Галактики являются мегаломаническими иллюзиями, то ничто не помешает ему опуститься на Сарк и сообщить об опасности. Он не мог передумать и улететь снова. У меня пятнадцатилетний опыт работы в этой области. Если же его заявление оказалось бы правдой, то дело было бы слишком серьезно, чтобы он мог передумать и уйти из ближнего пространства.

Старый транторианин поднял палец и сказал,

слегка покачивая им:

— Значит, вы заключаете, что он находится на Сарке?

— Вот именно. Опять-таки тут есть две возможности. Во-первых, если он действительно охвачен психозом, то он мог высадиться на планете в любом месте, кроме космопорта. Он может блуждать где-нибудь, больной и потерявший память. Это очень необычно, даже для наших наблюдателей, но это случается. В таких случаях амнезия обычно бывает временной. Когда она проходит, то жертва вспоминает подробности своей работы. В конце концов работа для космоаналитика — это сама жизнь. Часто такого больного обнаруживают потому, что он заходит в публичную библиотеку и ищет литературу по космическому анализу.

— Понимаю. Так вы хотите, чтобы я помог вам получить от Комитета библиотекарей сообщение о таком случае?

— Нет, потому что здесь я не предвижу никаких трудностей. Я попрошу, чтобы некоторые стандартные работы по космическому анализу были поставлены в спецхранение и чтобы всякого, кто спросит о них, если он не может доказать, что он настоящий саркит, задержали и допро-

сили. Это для меня сделают, потому что будут знать — или будет знать начальство, — что такой план мне ничего не даст вообще.

— Почему не даст?

— Я уверен, что наш человек высадился в космопорту Сарка, как и намеревался, а затем саркитские власти посадили его в тюрьму или даже убили.

— Вы шутите?

— Какие шутки? И жить, и богатство, и власть саркитов зависят от обладания Флориной. Вы не хуже меня знаете, что богатство Сарка заключено в кыртовых плантациях Флорины. И вот появляется человек — неважно, в здравом уме или нет — и говорит, что какое-то обстоятельство галактической важности угрожает жизни всех обитателей Флорины. Взгляните на эту копию последней передачи нашего наблюдателя.

Эбл взглянул на обрывок ленты, брошенной Джунцем ему на колени.

— Это немного.

— Конечно. Здесь сказано, что опасность есть. Что это какая-то огромная опасность. Вот и все. Но такое нельзя было посылать саркитам. Даже если космоаналитик ошибался, разве могло саркитское правительство позволить ему

распространять свое безумие, если только это было безумием, и переполошить всю Галактику? Не говоря уже о панике, которая могла бы подняться на Флорине, о помехах в производстве кыртового волокна, очевидно, что вся грязь политических взаимоотношений между Сарком и Флориной открывалась бы перед Галактикой во всей своей красе. А чтобы всего этого избежать, они должны отделаться только от одного человека. Поколеблется ли Сарк перед убийством в подобном случае? Планета с такими, как вы описали, генетическими экспериментаторами колебаться не станет.

— Так что же вы хотите, чтобы я сделал? Пока мне еще ничего не ясно в этой истории. — Эбл казался невозмутимым.

— Найдите, кто его убил, — мрачно произнес Джунц. — У вас должна быть организация для шпионажа здесь. О, не будем играть в прятки. Я шатаюсь по Галактике достаточно долго, чтобы выйти из политического отрочества. Докапывайтесь до сути, пока я буду отвлекать их внимание своими библиотечными разговорами. А когда вы изобличите их как убийц, то я хочу, чтобы Трантор показал, что ни одно правительство в Галактике не должно рассчитывать на

безнаказанность, убивая людей из МКБ.

Так окончилась его первая встреча с Эблом.

Джунц был прав в одном: саркитские власти были очень любезными, пока это касалось библиотечных дел. Но во всем остальном он был, по-видимому, не прав. Проходили месяцы, а агенты Эбла не могли найти на Сарке следов исчезнувшего наблюдателя, живого или мертвого.

Так продолжалось более одиннадцати месяцев. Джунц начал чувствовать, что готов отказаться от всего. Он решил подождать конца двенадцатого месяца и не ждать больше. А потом появился проблеск, и он был вовсе не от Эбла, а от подставного лица. Пришло сообщение из Публичной библиотеки Сарка, и Джунц оказался сидящим за столом напротив сотрудника Отдела по флориниански делам.

Клерк закончил свои мысленные расчеты и взглянул на посетителя.

— Итак, что я могу сделать для вас?

Джунц заговорил сухо и точно:

— Вчера, в 4.22 пополудни, мне сообщили, что Флориниански филиал Публичной библиотеки Сарка задерживает для меня человека, который пытался получить две стандартные работы по космическому анализу и который не был

прирожденным саркитом. С тех пор из библиотеки никаких сообщений не было. — Он слегка повысил голос, чтобы заглушить возражения клерка. — В бюллетене теленовостей, принятом на общественном аппарате, который находится в отеле, где я сейчас живу, и помеченном 5.00 пополудни, вчера, сказано, что во Флориниан-ском филиале Публичной библиотеки Сарка сбит и находится в бессознательном состоянии член Флоринианского патруля и что ведется преследование трех флоринианских туземцев, считаемых ответственными за этот проступок. Позже, в передаче новостей, этот бюллетень не был повторен. Так вот, я не сомневаюсь в том, что обе части сообщений связаны между собою. Я не сомневаюсь в том, что человек, которого я разыскиваю, находится в руках патруля. Я просил разрешения лететь на Флорину и получил отказ. Я запрашивал Флорину о том, чтобы прислать этого человека на Сарк, и не получил ответа. Я пришел в Отдел по флоринианским делам, чтобы просить у него содействия. Либо я полечу туда, либо задержанного пришлют сюда.

Безжизненный голос клерка произнес:

— Правительство Сарка не принимает ультиматумов от сотрудников МКБ. Мое начальство

предупреждало меня, что вы, вероятно, будете расспрашивать меня об этом деле, и я получил соответствующие инструкции. Человек, о котором сообщалось, что он хотел получить книги из спецхранения, и двое его спутников, резидент и флоринианская женщина, действительно совершили проступок, о котором вы говорили, и патруль преследовал их. Однако они не были схвачены.

Джунца охватило горькое разочарование. Он не пытался скрыть его.

— Они бежали?

— Не совсем. Они были прослежены до пекарни некоего Матта Хорова.

Джунц поразился.

— И им позволили остаться там?

— Беседовали ли вы в последнее время с его светлостью Людиганом Эблом?

— Что в этом общего с…

— Нам известно, что вас часто видели в транторианском посольстве.

— Я не видел посла уже с неделю.

— Тогда я предлагаю вам повидаться с ним. Мы дозволили преступникам оставаться в лавке Хорова вследствие щекотливости наших межзвездных взаимоотношений с Трантором. Мне

поручено сказать вам, если понадобится, что Хоров, чему вы, вероятно, не удивитесь… — на бледном лице клерка появилось что-то похожее на насмешливую гримасу, — хорошо известен нашему Отделу безопасности как транториан-ский агент.

Глава 5
Посланник

За десять часов до разговора Джунца с клерком Теренс выскользнул из пекарни Хорова. Теренс осторожно пробирался по переулкам. Его рука касалась шершавой поверхности рабочих хижин. Кругом был полный мрак, если не считать бледного света, периодически падавшего из Верхнего Города.

Нижний Город походил на спящее ядовитое чудовище, лоснящиеся кольца которого скрывались под блестящим покровом Верхнего. Кое-где, вероятно, шла призрачная ночная жизнь, но не здесь, не в трущобах.

Теренс отпрянул в пыльную улочку (даже ночные дожди Флорины едва могли проникнуть в обитель тени под сталесплавом), услышав звук отдаленных шагов. Огни фонариков появились,

скользнули мимо, исчезли, растворились во тьме.

Патрульные ходили взад и вперед всю ночь. Внушаемого ими страха было вполне достаточно, чтобы поддерживать порядок почти без применения силы.

Теренс спешил; на лицо ему падали белые блики, когда он проходил под отверстиями в сталесплаве вверху, и он не мог удержаться, чтобы не поглядеть наверх.

Сквайры недоступны!

Действительно ли они были недоступны? Сколько раз уже менялось его отношение к саркитским сквайрам. Ребенком он не отличался от прочих детей. Патрульные были черно-серебряными чудовищами, от них нужно было убегать, все равно, провинился ты или нет. Сквайры были туманными, мистическими сверхлюдьми, чрезвычайно добрыми, жившими в раю под названием Сарк и терпеливо, бдительно охранявшими благосостояние глупых обитателей Флорины.

Десятилетним мальчиком он написал в школе сочинение о том, как представляет себе жизнь на Сарке. Это был чистый вымысел. Он помнил очень немногое, только один абзац. Там описывались сквайры: они собираются каждое утро в

огромном зале, окрашенном как цветы кырта, и стоят там в своем 20-футовом великолепии, рассуждая о прегрешениях флориниан и сетуя о необходимости карать их, дабы вернуть к добродетели.

Учительнице его сочинение очень понравилось, и в конце года, когда другие мальчики и девочки проходят короткие курсы чтения, письма и морали, его перевели в специальный класс, где он учился арифметике, галактографии и истории Сарка. В 16 лет его взяли на Сарк.

Теперь Теренс приближался к окраинам города. Случайный ветерок доносил до него густой ночной аромат кырта. Через несколько минут он будет в сравнительной безопасности среди открытых полей, где нет регулярных обходов патруля и где сквозь клочковатые ночные облака он снова увидит звезды. Даже ту яркую желтую звезду, которая была солнцем для Сарка.

Она была солнцем и для него много лет подряд. Когда он впервые увидел ее в иллюминаторе корабля уже не как звезду, а как невыносимо яркий белый шарик, ему захотелось упасть на колени. Мысль о том, что он приближается к раю, прогнала даже парализующий страх первого

космического перелета.

Он высадился в раю, и его поручили старику флоринианину, который проследил за тем, чтобы он хорошо вымылся и прилично оделся. Его привели в большое здание, и по пути туда старый проводник низко поклонился проходившей мимо фигуре.

— Кланяйся! — сердито шепнул старик юному Теренсу.

Теренс, смутившись, повиновался.

— Кто это?

— Сквайр, деревенщина!

— Это — сквайр?

Он резко остановился, и его пришлось подогнать. Так он познакомился со сквайрами. Они оказались обыкновенными людьми. Другие юные флориниане, быть может, и оправились бы после такого разочарования, похожего на удар, но Теренс не мог. Что-то внутри его изменилось, переменилось навсегда.

Больше пяти лет проработал он в Гражданской службе, и его, как обычно, перебрасывали с места на место, чтобы проверить его способности.

Однажды к нему пришел пухлый, мягкий флориниан, дружески улыбнулся, похлопал по плечу и спросил, что он думает о сквайрах.

Теренс подавил желание повернуться и убежать. Он подумал, не отпечатались ли его тайные мысли на лице в виде какого-то таинственного кода. Он покачал головой, забормотал что-то насчет добродетели сквайров.

Но пухлый человек поджал губы и сказал:

— Вы не думаете этого. Приходите сюда ночью. — И дал ему маленькую карточку, которая через несколько минут истлела и превратилась в пепел.

Теренс пришел. Ему было страшно, но и очень интересно. Он встретил нескольких знакомых, они глядели на него таинственно. Оказалось, что он не был одинок.

Эти люди тоже считали сквайров низкими скотами, выжимающими богатство из Флорины для собственных никчемных развлечений и оставляющими тяжело работающих туземцев умирать в нищете и невежестве. Он узнал, что приближается время, когда против Сарка будет поднято гигантское восстание и богатства Флорины будут отданы их законным владельцам.

— Но сквайры и патрульные вооружены… — недоумевал Теренс.

И ему рассказали о Транторе, о гигантском государстве, непрерывно расширявшемся за по-

следние столетия, так что теперь в него входит половина всех обитаемых планет в Галактике. Трантор, сказали ему, разобьет Сарк с помощью флориниан.

— Но, — сказал Теренс, сначала себе, потом другим, — если Трантор так велик, а Флорина так мала, не станет ли Трантор еще более крупным и тираническим хозяином? Если это единственный выход, то лучше уж терпеть Сарк.

Но над ним посмеялись и прогнали его, угрожая смертью, если он когда-либо проговорится о том, что слышал.

Теренс даже провел некоторое время в Отделе безопасности, на что могли надеяться лишь немногие из флориниан. Здесь Теренс увидел, к своему удивлению, что нужно бороться и с настоящими заговорами. Люди на Флорине каким-то образом сходились и начинали готовить восстание.

Обычно их поддерживали деньги Трантора. Иногда предполагаемые мятежники действительно думали, что Флорина может победить без посторонней помощи.

А потом появился этот незначительный с виду человек, который был когда-то космоаналитиком, а теперь бормотал о чем-то, угрожающем

жизни каждого из обитателей Флорины...

Теренс был теперь в полях, где прошел ночной дождь и звезды мерцали из облаков. Он глубоко вдыхал запах кырта — сокровища и проклятия Флорины.

У него не было иллюзий. Да, он уже не резидент. И даже не свободный флориниански крестьянин. Да, он беглый преступник, беглец, который должен скрываться. Но за последние сутки у него в руках было величайшее оружие против Сарка. Сомнений не было. Он знал, что Рик вспомнил правильно, что Рик был когда-то космоаналитиком, что он был психозондирован почти до идиотизма.

Но Рик в крепких руках человека, который выдает себя за флориниански патриота, а на самом деле это транторианский агент, в чем нельзя было сомневаться с первого же мгновения. Кто еще из жителей Нижнего Города смог бы построить поддельную радарную печь?

Как бы то ни было, нельзя оставлять Рика в руках Трантора. У Теренса уже созрел план дальнейших действий. Надо только подождать рассвета.

Через десять часов после своего собеседования

с клерком Джунц снова встретился с Людиганом Эблом.

Посланник приветствовал Джунца со своей обычной сердечностью, хотя и с явным чувством вины. При первой встрече (это было давно, прошел почти стандартный год) Эбл не обратил внимания на его рассказ о космоаналитике. Тогда он думал лишь об одном: поможет ли это Трантору?

Трантор! Он всегда был первым в его мыслях, но Эбл был не из тех глупцов, которые обожествляют звездный рай или желтый значок транторианских военных сил с солнцем и космическим кораблем.

В общем, он не был патриотом в обычном смысле этого слова, и Трантор как Трантор не значил для него ничего.

Но он был сторонником мира; тем более что он старел и любил свой кубок с вином, атмосферу, наполненную тихой музыкой, послеобеденный сон и спокойное ожидание смерти. Он считал, что так должны поступать все, но люди предавались войне и разрушению. Они умирали, замороженные пустотой космического пространства, испаряясь во вспышке взорвавшихся атомов, голодая на осажденных обстреливаемых планетах.

В кабинете у Эбла висела карта Трантора — кристально прозрачный свод с трехмерной схемой Галактик. Звезды были белыми алмазными искрами, туманности — пятнами светлого или темного тумана, а глубоко в недрах мерцало несколько синих огоньков, представлявших собой Транторианскую Республику.

Карта была историческая, с десятью кнопками, так что через каждые 50 лет можно было проследить, как вокруг Трантора загоралось множество звезд.

Простое нажатие десяти кнопок — и проходит полтысячи лет, и господство Трантора распространяется, пока не охватывает половины Галактики.

По мере того как Транторианская Республика превращалась в Транторианское Содружество, ее путь проходил сквозь чащу погибших людей, погибших кораблей, погибших миров. Но все это придавало Трантору силу.

А сейчас Трантор трепетал на грани нового превращения: из Транторианского Содружества в Галактическое, когда его господство поглотит все звезды и настанет вселенский мир. И Эблу хотелось именно этого.

Итак, поможет ли это Трантору? — вот о

чем думал осторожный посланник год назад при первом разговоре с доктором Джунцем.

— ...Нет, я вовсе не сержусь на ваших агентов, пущенных за мной по пятам, — говорил Джунц. — Вероятно, вы осторожны и не должны доверять никому и ничему. И все-таки: почему мне не сообщили, когда местопребывание разыскиваемого мною человека было обнаружено? Или вы тоже не знали, что искать его на Сарке было бессмысленно, поскольку весь этот год он был на Флорине? Но теперь вы нашли его и я хочу с ним поговорить.

— Я сожалею, но вы не сможете этого сделать.

— Почему?

— Хорошо, я отвечу вам. Потому что двенадцать часов назад Матт Хоров, трантoрианский агент, был убит членом флоринианского патруля. Двое флориниан, которых он прятал у себя, женщина и мужчина, — по всей вероятности, разыскиваемый вами наблюдатель, — ушли, исчезли. Очевидно, они попали в руки сквайров.

Джунц приподнялся с кресла.

Эбл спокойно поднес к губам стакан с вином и произнес:

— Официально я ничего не могу сделать. Убитый был флоринианином, а исчезнувшие, пока

мы не сможем доказать обратного, тоже флориниане.

Глава 6
Патрульный

Рик проснулся в серой мгле рассвета. Долгие минуты он лежал, проверяя свой разум. Что-то в нем зажило за ночь; что-то срослось и стало цельным. Это готовилось еще с той минуты, два дня назад, когда он начал вспоминать. Процесс продолжался весь вчерашний день. Поездка в Верхний Город, библиотека, нападение на патрульного, а потом бегство и встреча с Пекарем — все это действовало на него как фермент. Ссохшиеся волокна мозга, так давно замершие, начали вынужденную болезненную деятельность. Теперь, после сна, в них чувствовалась слабая пульсация. Он думал о пространстве и звездах, о долгих одиноких странствиях, о великом молчании. Наконец он повернул голову и окликнул:

— Лона!

Она мгновенно очнулась, приподнялась на локте, вглядываясь в его сторону.

— Я чувствую себя прекрасно, Лона. Я вспомнил

еще больше. Я был на корабле и знаю в точности…

Но она не слушала его. Натянула платье, стоя к нему спиной, загладила передний шов-застежку и нервно потрогала пояс. Потом подошла на цыпочках.

— Тсс, не говори так громко. Все в порядке.

— Где резидент?

— Его нет. Он… он ушел.

В комнате стало светло, и появилась массивная фигура Пекаря. Его толстые губы растянулись в улыбке.

— Вы рано проснулись.

Они молчали.

— Сегодня вы уйдете.

Она помнила, как он смотрел на Рика после того, как резидент ушел.

— О вас сообщено кому следует. Вы будете в безопасности.

Он вышел, но вскоре вернулся, неся пищу, одежду и два таза с водой. Одежда была новая и казалась совершенно незнакомой.

Он смотрел, как они едят, потом сказал:

— Я дам вам новые имена и новые биографии. Вы должны внимательно слушать, чтобы ничего не забыть. Вы не флориниане, поняли? Вы брат и

сестра с планеты Вотекс. Вы посетили Флорину…

Он продолжал, рассказывая подробности, задавая вопросы, слушая ответы.

Рику было приятно, что он может продемонстрировать свою память, свою способность к восприятию, но Валона казалась обеспокоенной.

Пекарь заметил это.

— Послушай, девушка. Если ты начнешь кочевряжиться, я отошлю его одного, а ты останешься здесь.

— Нет, нет… — затрепетала Валона. — Я не причиню вам никаких затруднений.

Солнце стояло уже высоко, когда Пекарь вывел их на улицу. Рик с изумлением оглядел себя, насколько мог. Он не знал, что одежда может быть столь диковинной. Валона совсем не походила на работницу с плантаций. Даже ноги покрывал какой-то тонкий материал, а каблуки были такие высокие, что ей приходилось очень осторожно балансировать на ходу.

Собрались прохожие, разглядывая их, окликая друг друга, переговариваясь. В большинстве это были дети, женщины, идущие на рынок, мрачные и оборванные бездельники. Пекарь словно не замечал их. В руках он сжимал толстую палку.

И тут дальние окраины окружающей толпы

возбужденно заволновались, и Рик различил черную с серебром форму патрульных.

Вот тогда это и случилось. Оружие, выстрел, упавший Пекарь и снова безумное бегство. Неужели черные тени патрульных будут вечно гнаться за ними?

Они очутились в трущобах одного из дальних пригородов. Валона тяжело дышала, на ее новом платье проступали влажные пятна пота.

Рик задохнулся:

— Я не могу больше бежать!

— Нужно!

— Подожди. — Он уперся, но она тянула его.

— Слушай меня.

Страх и паника постепенно покидали его.

— Лона, куда мы бежим, зачем? На нас же костюмы жителей другой планеты… Смотри, это дал нам Пекарь. — Рик возбужденно достал из кармана маленький прямоугольник, разглядывая его с обеих сторон, и пытался раскрыть, как книгу. Ему это не удалось. Тогда он ощупал его края. Когда пальцы сжались на одном из углов, что-то щелкнуло и одна сторона прямоугольника стала молочно-белой. Мелкие буквы на ней были непонятными, хотя он пытался медленно прочесть их по складам.

Наконец он сказал:

— Это паспорт. Значит, можно улететь отсюда. Ведь Пекарь хотел, чтобы мы покинули Флорину. На корабле. Давай так и сделаем.

— Рик, но нас поймают!

— Не поймают, если полетим не на том корабле, на котором он хотел нас отправить. Там нас будут подстерегать. Нам нужно лететь на другом корабле. На любом другом.

Корабль! Любой корабль! Эти слова звенели у него в ушах. Была ли его идея удачной или нет — ему все равно. Ему хотелось быть на корабле. Хотелось быть в пространстве.

— Ладно, Рик! Я знаю, где тот космопорт. Когда я была маленькой, мы иногда в свободные дни ездили туда и смотрели издали, как корабли взлетают.

Контролер с улыбкой посмотрел на остановившихся перед ним мужчину и женщину, неловких и вспотевших в своем странном одеянии, сразу выдававшем в них чужеземцев. Женщина протягивала паспорт сквозь прорез.

Взгляд на нее, взгляд на паспорт, взгляд на список забронированных мест. Он нажал нужную кнопку, и из автомата выскочили две прозрачные ленты.

— Ступайте, — нетерпеливо сказал он. — Наденьте их себе на руки и идите.

— А где наш корабль? — вежливым шепотом спросила женщина.

Это ему понравилось. Чужеземцы не часто попадались в космопорту Флорины. В последние годы они встречались все реже и реже. Но когда они появляются, то это тебе не патрульные и не сквайры. Они не знают, что ты только флориниа-нин, и разговаривают с тобой вежливо.

— Вы найдете его на площадке № 17, сударыня. Желаю вам приятного перелета на Вотекс. — Он сказал это с демонстративной учтивостью.

Потом он вернулся к любимому занятию: звонить своим друзьям, пытаясь незаметно подключаться к частным разговорам по энергетическим лучам в Верхнем Городе. Прошло несколько часов, прежде чем он понял, какую ошибку совершил.

Этот корабль был гораздо меньше, чем стоявший у площадки № 17, на который были действительны их билеты. Его четыре воздушных шлюза были открыты, главный вход зиял, и ведшая от него лесенка походила на высунутый язык, достигающий земли.

— Его проветривают, — сказал Рик. — Пасса-

жирские корабли всегда проветривают перед полетом, чтобы избавиться от запаха сжатого кислорода, много раз уже использованного.

Валона взглянула на него.

— Откуда ты знаешь?

Рик почувствовал нарастающую в нем гордость.

— Просто знаю. Там сейчас никого нет. На сквозняках никому не приятно. — Он тревожно оглянулся. — Странно, почему народу так мало.

Струя воздуха устремилась им навстречу, когда они вошли в шлюз корабля. Платье у Валоны вздулось, и ей пришлось держать подол руками.

— Это всегда так бывает? — спросила она. Ей никогда не случалось бывать в космическом корабле, она даже не мечтала об этом. Губы у нее сжались и сердце стучало.

— Нет. Только во время продувки.

Рик радостно двинулся по твердым металлическим мосткам, жадно оглядывая пустое помещение.

— Вот, — сказал он. — Это кухня. Впрочем, пища не так важна. Некоторое время мы можем обойтись и без нее. Вода важнее.

Он начал возиться среди утвари, расположенной в уютных компактных гнездах, и раздобыл

большой контейнер с крышкой. Поискал взглядом водяной кран и облегченно ухмыльнулся, когда раздались мягкие вздохи насоса и журчание воды.

— Теперь возьмем несколько жестянок. Не нужно много. Нельзя, чтобы это заметили.

Рик нашел маленькую комнатку, занятую пожарным оборудованием, аварийными медицинскими запасами и аппаратами для сварки.

— Устроимся здесь, Лона, — сказал он не очень уверенно. — Сюда не заглядывают, разве что в крайних случаях. Нам нельзя будет зажигать свет, чтобы они не заметили утечки энергии, и пользоваться туалетом: придется выжидать периодов отдыха и не попадаться на глаза ночным сменам.

Ток воздуха внезапно прекратился. Мягкое, монотонное журчание сменилось тишиной.

— Скоро они погрузятся, и тогда мы полетим, — сказал Рик.

Если Рик почувствовал себя человеком, когда проснулся сегодня на рассвете, то сейчас он был гигантом и руки его протягивались через всю Галактику. Звезды были мячиками, а туманности — клочьями паутины, которые нужно снять.

Он был на корабле! Воспоминания хлынули

широким потоком, вытесняя друг друга. Он забывал о кыртовых полях, о фабрике, о Валоне, ворковавшей в темноте. Это были лишь мгновенные разрывы в картине, которая возвращалась теперь и оборванные концы которой медленно соединялись.

Корабль!

Если бы Рика поместили на корабль, ему не пришлось бы ждать так долго, пока зарубцуются клетки, выжженные в мозгу.

— Не волнуйся, Валона, ты почувствуешь вибрацию и услышишь шум, но это будут только двигатели. Ты ощутишь на себе большую тяжесть. Это ускорение!

— А что это такое: ус-ко-ре-ни-е?

— Не бойся, Лона. Просто тебе будет неприятно, ведь у нас нет аппаратуры, смягчающей давление. Ты прислонись к этой стене, а когда почувствуешь, что тебя прижимает к ней, не сопротивляйся. Чувствуешь: это уже начинается!

Он втиснулся в стену; и по мере того как раскаты гиператомных двигателей нарастали, тяжесть все увеличивалась.

Валона тихонько застонала, потом умолкла, тяжело дыша. В горле у нее свистело; ее грудная клетка, не защищенная ремнями и гидравличе-

скими буферами, старалась впустить в легкие хоть немного воздуха.

Рику удалось произнести, задыхаясь, несколько слов, не вдумываясь в их значение, но Валона должна чувствовать, что он здесь, рядом. Пусть ее покинет острый страх перед неизвестностью, который переполняет ее. Это был только корабль, только чудесный корабль; но ведь она никогда раньше не бывала на корабле.

— Валона, будет еще прыжок, когда мы войдем в гиперпространство и сразу покроем большую часть расстояния между звездами. Ты даже не заметишь, как это случится. Только чуть дернется что-то внутри, и готово. — Рик добывал слова медленно, слог за слогом, и они заняли много времени.

Тяжесть медленно исчезла, и наконец невидимые цепи, приковывавшие их к стене, ослабели и упали. Задыхаясь, Рик и Валона опустились на пол.

— Не ранен ли ты, Рик?

— Я, ранен? — Он еще не отдышался, но засмеялся при мысли, что может быть раненным на корабле. — Когда-то я месяцами не опускался ни на какую планету.

— Почему? — спросила она. Подползла поближе

и приложила руку к его щеке, чтобы увериться, что ее Рик здесь.

— Такая у меня была работа.

— Да, — подтвердила она. — Ты анализировал Ничто.

— Правильно. Именно это я и делал. Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

Он знал: она ничего не поймет, но должен был говорить. Должен был насладиться воспоминаниями, опьяниться тем, что может вспоминать прошлое.

— Видишь ли, все материалы во Вселенной состоят из сотни различных веществ. Мы называем эти вещества элементами. Железо и медь — элементы.

— Я думала, что металлы.

— Да, но они же и элементы. И кислород, и азот, и углерод, и палладий. Важнее всех водород и гелий. Они самые простые и встречаются чаще всех.

— Я никогда не слыхала об этом, — сказала Валона.

— Девяносто пять процентов всей Вселенной — это водород, а большая часть остального — гелий. Даже в пространстве.

— Мне говорили когда-то, — сказала Валона, — что пространство — это пустота. Там ничего нет. Правильно?

— Не совсем. Нет почти ничего. Но, видишь ли, я был космоаналитиком; это значит, что я носился в пространстве, брал из него очень маленькие количества элементов и анализировал их. Я определял, сколько там водорода, сколько гелия, сколько других элементов.

— Зачем?

— Ну, это сложно. Ведь распределение элементов в пространстве неодинаково. В некоторых районах встречается больше гелия, в других — больше натрия, и так далее. Такие области с особым аналитическим составом движутся в пространстве, как течения. Это космические течения. Если изучить их особенности и направление, можно представить, как возникла Вселенная и как она развивалась.

— А как это можно узнать?

Рик поколебался.

— Никто не знает в точности… — Он продолжал говорить, опасаясь, что запас знаний, в которых сейчас блаженно купался его разум, может иссякнуть. — Потом мы определяем плотность, то есть густоту, космического газа во всех районах Га-

лактики, чтобы корабли могли точно рассчитать свой прыжок в гиперпространство. Это похоже на… — Голос у него замер.

Валона напряглась и нетерпеливо ждала продолжения. Но Рик умолк. Ее голос прозвучал хрипло в полном мраке:

— Рик? Что с тобой, Рик? — Снова молчание. Ее руки впились в его плечо, затрясли его. — Рик! Рик!

И ответил ей почему-то голос прежнего Рика. Тихий, испуганный, без всякой радости и уверенности:

— Лона, мы сделали что-то плохое?

— В чем дело? Что плохого мы сделали?

— Нам не нужно было убегать. Не нужно было прятаться на этом корабле.

Он весь дрожал, и Валона тщетно пыталась обтереть ему рукой влажный лоб.

— Почему? — спрашивала она. — Почему?

— Ведь если Пекарь хотел вести нас по городу средь бела дня, то, значит, он не ждал помех от патрульных. Ты помнишь патрульного? Того, что застрелил Пекаря?

— Да.

— Ты помнишь его лицо?

— Я не посмела смотреть.

— А я посмел, и в нем было что-то странное, в этом лице. Но тогда я не думал… Лона, это был не патрульный! Это был резидент, Лона! Это был резидент, переодетый патрульным!

Глава 7
Высокородная дама

Разгневанная Сэмия Файфская быстро шагала из конца в конец комнаты. Темные волосы Сэмии были собраны в пышную массу, тонкие каблучки делали ее чуть выше ростом. Ее узкий, четко раздвоенный подбородок дрожал.

— О нет, — шептала она, — этого он со мной не сделает. Этого он не сможет сделать… Капитан!

Голос у нее был резкий и властный. Капитан Рэйсти склонился перед ней.

— Моя госпожа?

— Мне нельзя приказывать, — торжественно сказала она. — Я взрослая. Я сама себе хозяйка. Я предпочитаю остаться здесь.

— Прошу вас понять, госпожа моя, — сказал осторожно капитан. — Это не мои приказы. Моего мнения не спрашивали. Мне попросту сказали, что я должен сделать. Вот копии приказов.

— Меня не интересуют ваши приказы. — Сэмия

отвернулась и быстро отошла от него, застучав каблучками.

Он последовал за нею и произнес мягко:

— В приказе сказано, что, если вы не пожелаете лететь, я должен, простите меня, увести вас на корабль силой.

— Вы не посмеете! — Она резко повернулась к нему.

— Приказ таков, что я осмелюсь на все.

Она попыталась успокоить его:

— Но, капитан, ведь настоящей опасности нет. Это смешно, совершенно бессмысленно. Город спокоен. Все, что случилось, — это то, что вчера вечером в библиотеке сбили одного патрульного.

— Другой патрульный убит сегодня утром, и снова флориниянами.

— Что общего между ними и мною? Я не патрульный.

— Госпожа моя, корабль уже на старте. Вскоре он отлетит. Вы должны быть на нем.

— А моя работа? Мои исследования? Вы понимаете… Нет, вы не поймете.

Капитан не сказал ничего. Она отвернулась. Мерцающее платье из медного кырта с прожилками молочного серебра облегало теплые

округлые плечи и руки. Во взгляде капитана Рэйсти мелькнуло нечто большее, чем обычная учтивость и смиренная бесстрастность, с какими простой саркит обязан смотреть на Высокородную Даму. Он всегда удивлялся, почему такая прелестная крошка предпочитает тратить свое время, притворяясь погруженной в университетские премудрости.

Сэмия очень хорошо знала: за это серьезное увлечение наукой ее, Сэмию Файфскую, слегка презирают те, кто привык думать, что удел аристократических Высокородных Дам Сарка — блистать в обществе и производить на свет не меньше (но и не больше) двух будущих саркитских сквайров.

Они приходили к ней и говорили:

— Вы действительно пишете книгу, Сэмия? — и просили ее показать и хихикали.

Это женщины. Мужчины были еще хуже со своим любезным снисхождением и с явной убежденностью, что достаточно только взгляда с их стороны или мужской руки вокруг ее талии, чтобы излечить Сэмию от этого вздора и обратить ее мысли к действительно важным вещам.

Это началось давно. Сэмия всю жизнь была влюблена в кырт, хотя большинство людей

принимало его как нечто должное. Кырт! Царь, император, бог тканей!

Химически это всего лишь разновидность целлюлозы. Химики клялись в этом. Но со всеми своими инструментами и теориями они не могли объяснить, почему на Флорине, и только на Флорине из всей Галактики, целлюлоза становится кыртом. Все дело в физическом состоянии, говорили они. Но спросите их, чем именно кырт отличается от целлюлозы, и они лишаются речи.

Когда-то, ослепленная блеском кыртовых волокон, она спросила у своей няньки:

— Почему он блестит, няня?

— Потому, что это кырт, Миаканс.

— Почему другие вещи не блестят так, няня?

— Другие — это не кырт, Миаканс.

Вот и все. Двухтомная монография на эту тему была написана три года назад. Она внимательно прочла ее. Все сводилось к нянькиному объяснению. Кырт — это кырт, потому что он кырт.

Правда, кырт не блестел сам по себе, но если спрясть его, как должно, то он будет сиять на солнце любым цветом или всем спектром сразу. Другой вид обработки придавал нити алмазное сверкание. Несложная обработка делала матери-

ал непроницаемым для 600 градусов и инертным почти ко всем химическим веществам. Волокна можно было превращать в тончайшие нити для тончайших тканей, и те же волокна обладали прочностью на растяжение, с которой не мог соперничать никакой из известных стальных сплавов.

Кырт имел более широкое, более разнообразное применение, чем любое другое известное человеку вещество. Не будь он так дорог, он мог бы заменить стекло, пластмассу или металл во всех бесчисленных областях их применения в технике. Он был единственным материалом для нитяных крестов в оптических инструментах, для изложниц гидрохронов, применяемых в гиператомных моторах, для всех прочих сооружений — везде, где металл оказывался хрупким и слишком тяжелым.

Но кырта было мало, очень мало. Фактически весь сбор кырта шел на ткани, из которых выделывались самые сказочные одеяния в Галактике. Флорина одевала аристократию на миллионе планет, так что урожай приходилось распределять весьма скупо.

Когда Сэмия стала старше, она пришла к отцу.

— Что такое кырт, папа?

— Это хлеб и масло, Миа.

— Для меня?

— Не только для тебя, Миа. Это хлеб и масло для всего Сарка.

Она узнала, что не было планеты в Галактике, которая не пыталась бы выращивать кырт на своей собственной почве. Сначала Сарк принял закон о смертной казни для всякого, кого поймают на контрабандном вывозе семян кырта с планеты. Это не помешало успехам контрабанды, и Сарку стало ясно, что закон нужно отменить. Всякий, откуда бы он ни явился, мог покупать семена кырта, но по цене веса готовой кыртовой ткани. Ибо оказалось, что на любой планете Галактики, кроме Флорины, вместо кырта вырастал простой хлопок. Белый, тусклый, непрочный и бесполезный.

Перепробовано было все. Брались образцы флориниансκой почвы. Строились искусственные источники света, воспроизводящие спектр флориниансκого солнца. Инопланетную почву заражали флориниансκими бактериями. А кырт всегда вырастал белым, тусклым, непрочным и бесполезным.

Вот уже пять лет Сэмия Файфская мечтала

написать настоящую книгу по истории кырта: о планете, где он рос, и о людях, которые его выращивают.

Это была мечта, окруженная глумливым смехом, но Сэмия дорожила ею. Она настояла на том, чтобы полететь на Флорину. Она собиралась провести сезон в полях и несколько месяцев на фабрике. Она хотела…

Но не все ли равно, чего она хотела? Ей было приказано возвращаться. Что ж, она полетит на Сарк! Но она, Сэмия Файфская, вернется еще на Флорину. Через день, через два, через неделю!

Сэмия оставалась у иллюминатора, пока Флорина не перестала казаться едва заметным шариком…

— Госпожа, не угодно ли вам удалиться в вашу каюту?

Она взглянула на капитана Рэйсти и сказала не без сарказма:

— Какие новые приказы вы получили, капитан? Уж не пленница ли я?

— Конечно, нет. Это только предосторожность. Космопорт перед нашим вылетом был необычно пуст. По-видимому, этот флориниан убил еще кого-нибудь, и весь гарнизон космопорта помогает патрульным ловить преступника по

всему Городу.

— А при чем тут я?

— Мне кажется, на наш корабль проникли нежелательные лица.

— Зачем?

— Пока я этого не знаю.

— Вы придумываете, капитан.

— Боюсь, что нет, госпожа моя. Правда, наши энергометры были бесполезны в пределах планетарного расстояния от флоринианского солнца, но теперь они действуют, и мне кажется, что из аварийных складов исходит излишек теплового излучения.

— Вы серьезно?

Неподвижное лицо капитана на мгновение стало высокомерным. Он сказал:

— Излучение равновелико тому, какое могли бы дать двое обыкновенных людей.

— Или нагревательная установка, если кто-нибудь забыл ее выключить.

— Наши энергетические запасы не тронуты, госпожа моя. Впрочем, мы готовы произвести расследование, но я прошу вас сначала удалиться в каюту.

Она молча кивнула и вышла.

Когда Мирлин Теренс, переодетый в форму

патрульного, увидел на улице Пекаря, Рика и Валону, он понял, что действовать надо быстро и решительно. У него не было выбора: он потянулся к оружию, и Пекарь упал перед ним, мертвый и страшный.

Позже, когда толпа кипела и струилась, когда Рик и Валона растворились в толпе, а летательные машины настоящих патрульных появились в воздухе, как коршуны, что еще он мог сделать?

Первым его импульсом было бежать за Риком и Валоной, но он быстро подавил его. Он никогда не пробьется к ним сквозь эту сумасшедшую толпу, а вероятность того, что патрульные его поймают, была слишком велика. Он поспешил в другую сторону, к пекарне.

На рассвете он подошел к патрульной станции. Одинокий скучающий дежурный был смесью равнодушия и свирепости. Теренсу было приказано удостоверить свою личность и род занятий. Вместо документов резидент вынул из кармана пластиковый брусок, вырванный из какой-то полуразрушенной хижины на окраине города.

Он ударил патрульного бруском по голове, потом обменялся с ним платьем и оружием. Список его преступлений был уже достаточно велик, и он не встревожился, когда увидел, что патрульный

не только оглушен, но и убит.

А он все еще был на свободе, и ржавая машина патрульного правосудия до сих пор напрасно скрежетала, разыскивая его.

Он был у пекарни. Пожилой помощник Пекаря, стоявший на пороге, тонко пискнул при виде страшной формы патрульного и юркнул в лавку. Резидент кинулся за ним, схватил за осыпанный мукой воротник и скрутил его.

— Где Пекарь?

Губы старика раскрылись, но звука не было.

— Говори. Две минуты назад я убил человека. Мне ничего не стоит убить еще одного.

— Сжальтесь! Я не знаю, сударь.

— Ты умрешь за то, что не знаешь.

— Но он ничего не сказал мне. Я слышал, как один раз он упомянул о Вотексе и о каком-то космическом корабле.

Теренс оттолкнул его.

Значит, Пекарь достал билеты для них. Корабль будет ждать. Рик и Валона придут туда. Они не могут не прийти. Но как ему, резиденту, средь бела дня пробраться в космопорт?.. Да, положение было отчаянное. Если он потеряет Рика, если он потеряет это потенциальное оружие против тирании Сарка, то его жизнь будет ничтожной

добавочной потерей. Все остальное не значило ничего…

И потому он вышел на улицу, вышел бестрепетно, хотя патрульные уже искали человека в форме патрульного, хотя их воздушные машины были еще на виду.

Теренс знал, куда он идет. Из многочисленных космопортов Флорины был только один, предназначенный для обычных путешественников, для саркитов победнее, для флоринианских служителей и немногих чужеземцев, которым удалось получить разрешение посетить Флорину.

Контролер у ворот порта следил за приближающимся Теренсом со всеми признаками горячего интереса. Неизвестность для него стала нестерпимой.

— Приветствую вас, сударь, — сказал он. В голосе его звучало робкое любопытство. — Большое волнение в Городе, не так ли?

Теренс низко опустил дугообразное забрало шляпы и застегнул верхнюю пуговицу мундира.

— Проходили ли здесь двое, мужчина и женщина, направляющиеся на Вотекс? — спросил он резко и ворчливо.

Контролер поразился. С минуту он прочищал горло, потом ответил гораздо смиреннее:

— Да, офицер. С полчаса назад. Может быть, еще меньше. — Он вдруг покраснел. — Связаны они как-нибудь с...? Офицер, билеты у них были в порядке. Я бы не пропустил чужих без надлежащего разрешения.

Теренс не обратил на это внимания. Надлежащее разрешение! Пекарь раздобыл его за ночь. «О Галактика, — подумал он, — как глубоко проник транторианский шпионаж в саркитскую администрацию!»

— Как они назвали себя?

— Гарет и Ханса Барн.

— Отлетел ли их корабль? Быстро!

— Н-нет, сударь.

— Какая платформа?

— Семнадцатая.

У главного шлюза корабля стоял межпланетник в офицерской форме. Теренс слегка задохнулся. Он спросил:

— Вошли в корабль Гарет и Ханса Барн?

— Нет, не входили, — флегматично ответил межпланетник. Для него, саркита, патрульный был просто человеком в мундире.

— Так они не вошли? — теряя терпение, спросил Теренс.

— Я уже сказал. И ждать мы их не будем. Мы от-

правляемся по расписанию, с ними или без них.

Теренс снова пошел к контролеру.

— Улетели они?

— Улетели? Кто, сударь?

— Барны. Те, что с Вотекса. Они не сели на корабль. Так что же, они ушли обратно?

— Никто не выходил, сударь.

— Стартовал ли какой-нибудь корабль с тех пор, как они вошли?

Контролер посмотрел в расписание.

— Один, — сказал он. — Лайнер «Отважный». — И, желая задобрить гневного патрульного добровольной информацией, добавил: — «Отважный» идет специальным рейсом на Сарк, чтобы вернуть с Флорины Высокородную Сэмию Файфскую.

Теренс медленно отошел. Устрани невозможное, и остальное, даже самое невероятное, будет правдой. Рик и Валона вошли в космопорт. Они не были схвачены, иначе сторож наверняка знал бы об этом. Они не взошли на корабль, куда действительны их билеты. Они не ушли из порта. Единственным кораблем, взлетевшим с тех пор, был «Отважный». Следовательно, Рик и Валона — на нем. Они либо пленники, либо беглецы.

И то и другое равноценно. Если беглецы, то скоро станут пленниками. Только флоринианской

крестьянке и умалишенному неизвестно, что на современном космическом корабле спрятаться невозможно. Но самое поразительное: из всех космических кораблей они выбрали именно тот, на котором летит дочь самого сквайра Файфского!

Глава 8
Сквайр

Сквайр Файф был самым важным лицом на Сарке, и потому не любил стоять. Торс у него был массивный, а голова, несомненно, величавая, но торс был посажен на коротенькие ножки, вынужденные ходить под этой тяжестью, неуклюже переваливаясь.

Вот почему Великий сквайр всегда сидел за столом, и никто не видел его в другом положении, кроме дочери, личных слуг и жены, когда она была еще жива.

Сквайр позировал и знал это. Он изгнал всякое выражение с лица, а его руки, широкие, сильные, с короткими пальцами, слегка держались за край стола, гладкая, полированная поверхность которого была совершенно голой. Не было ни бумаг, ни слуховой трубки, ни украшений.

Он говорил своему бледному, белому, как рыба,

секретарю тем особым, безжизненным тоном, которым обращался только к механическим слугам и флоринианским служителям:

— Полагаю, все это принято?

Секретарь отвечал столь же безжизненным тоном:

— Сквайр Бортский заявил, что обязательства по прежним деловым свиданиям помешают ему явиться раньше чем в три.

— А вы сказали ему?

— Я сказал, что задержки нежелательны.

— Результат?

— Он будет здесь, господин. Остальные согласились без отговорок.

Файф улыбнулся. Великие сквайры слишком чувствительны к своей независимости.

Теперь он ждал. Комната была большая, места для всех приготовлены. Большой хронометр, чья крошечная животворная искорка радиоактивности ни разу не задерживалась и не угасала за тысячу лет, бесстрастно показывал время.

А повидал он за тысячелетие немало. Когда он отсчитывал свои первые минуты, Сарк был новой планетой с возведенными вручную городами, с сомнительными связями среди прочих, более старых планет. В те времена хронометр висел на

стене в старом кирпичном здании, самые кирпичи которого с тех пор превратились в прах. Он одинаково ровно отмечал три кратковременные саркитские «империи», когда недисциплинированным солдатам Сарка удавалось более или менее длительно править полудюжиной соседних миров. Его радиоактивные атомы распадались в строгой статистической последовательности в те два периода, когда политику Сарку диктовали чужие звездные флоты.

Пятьсот лет назад он отметил спокойное время, когда Сарк обнаружил, что в почве ближайшей планеты, Флорины, скрыты неисчислимые сокровища. Затем две победоносные войны и торжественное провозглашение победного мира. Сарк отказался от своих империй, прочно поглотил Флорину и стал настолько могущественным, что даже Трантор не осмеливался соперничать с ним.

Трантору нужна была Флорина, как была она нужна и другим правительствам. Столетия превратили Флорину в лакомый кусок, к которому протягивались из космоса жадные руки. Но схватили ее руки Сарка, и Сарк скорее допустил бы Галактическую войну, чем выпустил свою добычу.

Трантор знал об этом! Трантор знал об этом!

Беззвучный ритм хронометра словно повторялся этим припевом в мозгу у сквайра.

Было 2:23.

Около года назад уже состоялась встреча пятерых. Тогда, как и теперь, сквайры, рассеянные по лицу всей планеты, каждый на своем материке, встретились в трехмерной проекции.

Подлинная особа сквайра Руне находилась у антиподов, на единственном материке, где в это время была ночь. Кубическое пространство, окружавшее его изображение в зале у Файфа, светилось холодным и искусственным светом, тускневшим в более ярком дневном свете.

В этом зале собрался, во плоти или в изображении, весь Сарк. Руне был лысый, розовый, жирный, а Балле — седой, морщинистый, высохший. Стин, напудренный и нарумяненный, сохранял безнадежную улыбку совершенно обессиленного человека, притворяющегося, что еще обладает жизненной силой, но уже лишенного ее, а Борт довел безразличие к жизненному комфорту до двухдневной щетины на лице и грязи под ногтями.

Пятеро Великих сквайров.

Они были верхней из трех ступенек правящих

сил на Сарке. Нижняя — Флоринианская Гражданская Служба — оставалась самой устойчивой среди всех эксцессов, отмечавших возвышение и падение отдельных благородных домов на Сарке. Именно она фактически смазывала оси и вращала колеса управления. Выше находились министры и начальники департаментов, назначенные наследственным (и безвредным) Главой Государства. Их имена, как и имя самого Главы, были необходимы на государственных бумагах, чтобы придать им законную силу, но их единственная обязанность состояла в том, чтобы подписывать свои имена. И вот, наконец, эти пятеро, каждому из которых остальные четверо молчаливо предоставляли один из материков. Они были главами семейств, контролировавших большую часть торговли кыртом. Власть на Сарке давалась и политика диктовалась деньгами. И эти деньги были у них. А из всех пятерых самым богатым был Файф…

Вот что сказал при прошлой встрече сквайр Файф остальным хозяевам второй по богатству планеты Галактики (второй после Трантора, извлекавшего прибыли из полумиллиона миров):

— Я получил странное сообщение. Если вы не возражаете, я прочту его вслух. — И стал читать сладким голосом, придавая словам дра-

матичность: — «Вы — Великий сквайр Сарка, и никто не может соперничать с вами по власти и богатству. Но эта власть и богатство покоятся на утлом основании. Вы думаете, что будете вечно владеть всей мировой добычей кырта. Но спросите себя: долго ли просуществует Флорина? Вечно ли?

Нет! Флорина может быть разрушена завтра же. Не моими руками, конечно, но так, что вы не сможете предсказать или предусмотреть этого. Подумайте о гибели Флорины. Подумайте также о том, что ваше богатство и власть уже исчезли, так что я требую большую часть их. У вас будет время подумать, но не очень много времени.

Если вы станете медлить, я заявлю всей Галактике и особенно всей Флорине истину о ее близкой гибели. После этого у вас не будет ни кырта, ни власти, ни богатства. Не будет их и у меня, но к этому я привык.

Я требую: отдайте большую часть ваших владений мне, и вы сможете безопасно владеть тем, что у вас останется. Это будет лучше, чем ничего, ожидающее вас в противном случае. Не презирайте того, что у вас останется. Флорина может просуществовать до самой вашей смерти, а вы сможете жить если и не роскошно, то

хотя бы комфортно».

— Забавное письмо, — закончил сквайр Файф. — Подписи нет, а общий тон, как вы слышали, напыщен и ходулен. Что вы думаете обо всем этом, сквайры?

— Очевидно, это дело рук какого-то психопата. — На красном лице Руне отражалось недовольство. — Он словно пишет исторический роман. Откровенно говоря, Файф, я не понимаю, зачем ради такой чепухи надо нарушать традиции материков и созывать нас всех.

Файф сложил вместе свои короткие пальцы.

— Я собрал вас не для того, чтобы прочесть сумасшедшее письмо. Это, надеюсь, вы понимаете. Я боюсь, что перед нами встала серьезная проблема. Прежде всего я спросил себя: почему дело касается только меня одного? Конечно, я самый богатый из сквайров, но я один контролирую только треть торговли кыртом. А впятером мы контролируем ее всю. Сделать пять копий ленты так же легко, как сделать и одну.

— Вы употребляете слишком много слов, — пробормотал Борт. — Я получил копию этого письма и уверен: эти трое получили тоже. Хотите знать, что я сделал со своим? Выбросил его. В мусоропровод. Советую сделать то же и с вашим.

Покончим с этим. Я устал.

Его рука потянулась к выключателю, который должен был прервать контакты и погасить изображение, находящееся у Файфа.

— Погодите, Борт! — Голос у Файфа стал резким. — Не делайте этого. Я еще не кончил. Вы не захотите, чтобы мы принимали меры и приходили к решениям без вас. Я уверен, что не захотите.

— Потерпите, сквайр Борт, — посоветовал Руне мягким тоном, хотя его маленькие, заплывшие жиром глазки отнюдь не были любезными. — Я удивляюсь, почему сквайр Файф кажется обеспокоенным пустяками.

— Ну что же, — произнес Балле сухим, скрипучим тоном. — Может быть, Файф думает, что у нашего пишущего письма друга есть сведения о нападении Трантора на Флорину.

— Чушь! — гневно сказал Файф. — Откуда ему знать это, кто бы он ни был? Наша разведка знает свое дело, уверяю вас. И как он сможет остановить нападение, получив наше богатство в качестве взятки? Нет-нет. Он говорит о гибели Флорины так, словно думает о физическом уничтожении, а не о политическом.

— Это просто безумие, — сказал Стин.

— Да? — возразил Файф. — Значит, вы не постигаете значения событий за последние две недели?

— Каких событий? — спросил Борт.

— По-видимому, исчез один космоаналитик. Все вы прекрасно информированы об этом. Так вот, вы читали копию его последнего сообщения с базы на Сарке, перед тем как он исчез?

— Мне показывали сообщение. Я не обратил внимания.

— А остальные? — взгляд Файфа вызывал их одного за другим. — Вашей памяти хватает на неделю?

— Я читал, — произнес Руне. — Я помню. Действительно! Там тоже говорилось об уничтожении. Вы к этому и ведете?

— Слушайте, — пронзительно заговорил Стин, — там было множество неприятных намеков, а смысла никакого. Об этом и говорить-то не стоит.

— Ничего не поделаешь, Стин, — сказал Файф. — Мы должны говорить об этом снова. Космоаналитик сообщал об уничтожении Флорины. Вместе с его исчезновением мы получаем письма, тоже грозящие уничтожением Флорине. Неужели это совпадение?

— Вы хотите сказать, что космоаналитик посылал шантажирующие письма? — прошептал старик Балле.

— Маловероятно. Почему он говорил сначала от своего имени, а потом анонимно?

— Когда он говорил сначала, — сказал Балле, — он общался со своим местным начальством, а не с нами.

— Пусть даже так. Шантажист сообщается только со своей жертвой, если может.

— В чем же дело?

— Он исчез. Будем считать космоаналитика честным. Но он передал опасные сведения. Потом аналитик попадает в лапы негодяев, и они-то нас и шантажируют.

— Кто же это?

Файф мрачно откинулся в кресле; губы у него едва шевельнулись.

— Вы спрашиваете меня серьезно? Это Трантор!

— Трантор!

— Почему бы нет? Есть ли лучший способ, чтобы завладеть Флориной? Это одна из главных целей их внешней политики. И если они могут сделать это без войны, то тем лучше для них. Послушайте, если мы поддадимся этому невоз-

можному ультиматуму, то Флорина будет принадлежать им. Они предлагают нам оставить немного, но надолго ли мы сохраним даже это? С другой стороны, предположим, что мы игнорируем это письмо и у нас фактически нет другого выбора. Что сделает тогда Трантор? Будет распространять среди флориниан слухи о близком конце света. Те впадут в панику, и что может за этим последовать, кроме катастрофы? Какая сила может заставить человека работать, если он думает, что конец света наступит завтра же? Урожай погибнет. Склады опустеют. А Трантор только и ждет признаков беспокойства на Флорине. Если Сарк окажется не способным гарантировать поставку кырта, то для них самым естественным будет двинуться на поддержку того, что они называют порядком. И свободные миры Галактики, вероятно, поддержат их ради кырта. Особенно если Трантор решил нарушить монополию, повысить производство и понизить цены. Потом, конечно, все изменится, но пока что они получат поддержку.

Единственный логический вывод: Трантор сможет завладеть Флориной. Если бы они просто применили силу, то вся свободная Галактика вне сферы влияния Трантора присоединилась бы к

нам из одного чувства самосохранения.

— А при чем здесь космоаналитик? — спросил Руне. — Если ваша теория верна, вы должны объяснить это.

— Думаю, что верна. Эти космоаналитики бывают обычно людьми неуравновешенными, а этот построил какую-то сумасшедшую теорию. Неважно какую. Трантор не может обнародовать ее, иначе Межзвездное Космоаналитическое Бюро ее разгромит. Но если они схватили этого человека и узнали от него какие-то подробности, то могли получить важную информацию, пусть даже ложную. Они могут использовать эту химеру, придать ей реальный вид. Бюро — это транторианская марионетка, и ею отрицания когда история распространится путем псевдонаучных слухов, не смогут быть достаточно энергичными, чтобы бороться с ложью. Но мы узнали об опасности. Мы найдем космоаналитика, если сможем. Мы должны держать всех известных нам транторианских агентов под строгим наблюдением, не мешая им. Так можно узнать о готовящихся событиях. Надо тщательно подавить на Флорине любые слухи о гибели планеты. На первый же слабый шепот мы должны ответить самым энергичным проти-

водействием. А пока будем ждать следующего хода...

Это было год назад. Они расстались, и тут последовало самое полное и самое страшное фиаско, которое когда-либо выпадало на долю сквайра Файфского.

Второго хода не было. Никто больше не получал писем. Космоаналитик так и не был найден, а Трантор продолжал притворные поиски. Не было и следа апокалипсических слухов на Флорине; сбор и переработка кырта шли гладко, как всегда.

Файф снова созвал совещание. Сквайры явились вовремя. Сначала Борт, сжав губы, царапая толстым, обломанным ногтем щетину на небритой щеке. Потом Стин, только что смывший краску с лица, бледный, с нездоровым видом. Балле, равнодушный и усталый, со впалыми щеками, окруженный подушками, со стаканом молока рядом. Последним — Руне, опоздавший на две минуты, надутый, с влажными губами.

Файф начал:

— Сквайры! Прошлый раз я говорил об отдаленной опасности. Я ошибся. Опасность существует, но она не так уж далеко. Она близко, очень близко. Один из вас уже знает, о чем я говорю.

Остальные скоро узнают.

— О чем вы говорите? — отрывисто спросил Борт.

— О государственной измене!

Глава 9
Беглец

Мирлин Теренс покинул космодром и погрузился наконец в благословенную тень Нижнего Города. Он шел уверенно и чопорно, как и положено патрульному. И крепко сжимал свой нейрохлыст. Улицы пусты. Туземцы прячутся по хижинам. Тем лучше. Его ни о чем не спрашивают. Никто не задерживается, чтобы взглянуть в его бледное флоринианское лицо, не изучает его внешности. Черно-серебряного мундира вполне достаточно.

Но теперь пора перестать быть патрульным.

И другое. Отныне он не будет в безопасности нигде на Флорине. Убийство патрульного — величайшее преступление, и даже через 50 лет, если он сможет так долго скрываться, охота на него будет продолжаться с жаром. Значит, нужно покинуть Флорину.

Как?

Что ж, он дал себе сутки жизни. Это щедро. Значит, нужно рисковать так, как ни один человек в здравом уме рисковать не сможет…

Отряд патрульных повернул на улицу как раз в тот момент, когда дверь подъемника закрылась за резидентом. Систематические поиски, вероятно, уже начались.

Он вышел из лифта в Верхнем Городе. Здесь не было укрытий, колонн, сталесплава, закрывающего его, Мирлина Теренса, сверху.

Ни одного патрульного. Проходившие мимо сквайры смотрели сквозь него. О географии Верхнего Города у него были смутные понятия. Где-то в этой части должен находиться парк. Самое логичное — спросить о дороге или войти в любое высокое здание и посмотреть с верхних террас. Первое просто невозможно. Патрульному не нужны никакие указания. Второе слишком опасно. Внутри здания патрульный станет заметнее. Слишком заметным.

Он попросту доверился направлению, подсказанному памятью о случайно виденных им картах Верхнего Города. Путь оказался правильным. Вскоре Теренс достиг парка.

В мягком климате Флорины парк зеленел круглый год. Там были лужайки, рощицы, камен-

ные гроты. Был прудик с красивыми рыбками и пруд побольше, чтобы плескаться детям. Ночью парк пылал цветной иллюминацией, пока не начинался дождь. Были танцы, трехмерное кино, извивающиеся тропинки, где блуждали парочки.

С полчаса Теренс бесцельно шагал по дорожкам. Никто не видел его. Никто не замечал. В этом он был уверен. Пусть спросят у сквайров, проходивших мимо него: «Видели ли вы вчера в парке патрульного?» И сквайры лишь удивленно вытаращат глаза. Это все равно что спросить их, видели ли они кузнечика, проскакавшего через дорожку.

И тут он увидел то, что искал.

Человек! Вернее, сквайр. Он быстро шагает взад и вперед. Докуривает сигарету резкими затяжками, сует ее во впадинку скалы, где она мгновение лежит спокойно, потом исчезает в быстрой вспышке. Смотрит на свои часы. Теренс оглянулся. По лестнице за ним не пришел никто. Пора действовать!

Он подошел к сквайру и быстро извлек свой нейрохлыст. Сквайр так и не увидел этого. Хлыст слабо зажужжал, сквайр окаменел, парализованный, и рухнул наземь.

Вокруг все еще не было никого. Он оттащил одеревенелое, таращившееся стеклянными глазами тело в ближайшую пещеру. Доволок его до самого дальнего конца и раздел сквайра, с трудом стаскивая одежду с окаменелых рук и ног. Сбросил свою запыленную, пропотевшую форму и надел белье сквайра. Впервые в жизни он ощутил кыртовую ткань всем телом.

Облачившись в одежду сквайра, Мирлин Теренс натянул ермолку. Они не были особенно модными среди молодежи, но некоторые носили их; к счастью, этот сквайр тоже. Без ермолки светлые волосы Теренса сделали бы маскарад невозможным.

Потом он настроил пистолет на максимальную мощность и направил его на сквайра. Вскоре от того осталась лишь дымящаяся обугленная масса. Это должно затруднить преследование.

Он превратил форму патрульного в мелкий белый пепел и выбрал из кучки почерневшие серебряные пуговицы и пряжки. Это тоже затруднит погоню.

Он вышел из парка, шагая безо всякой цели. Прошло еще полчаса.

Но что же дальше?

Он остановился на небольшой площади, где

посреди лужайки бил фонтанчик. Вода пенилась и переливалась радугой. Он оперся об ограду, спиной к заходящему солнцу, и медленно, по кусочку, уронил почерневшее серебро пуговиц в бассейн. Потом подумал о Нижнем Городе, и мгновенная судорога раскаяния исчезла в нем.

Он медленно обыскал свои карманы, стараясь, чтобы это выглядело небрежно. Связка пластинчатых ключей, несколько монет, удостоверение личности. (Святой Сарк, они есть даже у сквайров! Но сквайры не обязаны предъявлять их всякому встречному патрульному.)

Его новое имя было, по-видимому, Алстэр Димон. Он надеялся, что ему не придется им пользоваться. В конце концов вероятность встретить того, кто знал бы Димона лично, невелика, но ею нельзя пренебрегать.

Ему 29 лет. Он ощутил легкую дурноту при мысли о том, что оставил в пещере, но поборол ее. Сквайр — это сквайр. Сколько 29-летних флориниан погибло от их рук или по их приказу? В самом деле — сколько?

Он продолжал рыться в карманах. Копия свидетельства водителя яхты. У всех зажиточных саркитов есть яхты, все умеют водить их. Это нынешняя мода. Несколько листков саркитских

кредиток. Они могут пригодиться.

Ему вспомнилось, что он ничего не ел с прошлого вечера, когда был у Пекаря. И тут его озарило: яхта сейчас на месте, а ее владелец мертв. Это его яхта! Ангар № 26, порт 9. Хорошо…

А где этот порт 9? У него не было ни малейшего понятия.

Он оперся головой о холодный гладкий парапет вокруг фонтана. Что делать? Что делать?

Голос, раздавшийся над ним, заставил его вздрогнуть.

— Алло, — сказал голос, — вы нездоровы?

Теренс взглянул. Это был пожилой сквайр. Он курил длинную папиросу с ароматическими листьями внутри, а с его золотого браслета свисал крупный зеленый камень.

— Я только отдыхаю, — сказал резидент. — Решил пройтись и забыл о времени. Боюсь, что опаздываю на совещание.

Он неловко помахал рукой. Теренс довольно хорошо подражал саркитскому акценту — недаром общался с ними так долго, — но позаботился о том, чтобы не преувеличивать его. Преувеличение заметить легче, чем недостаток.

Не смотрит ли он на Теренса как-то странно? Резиденту пришло вдруг в голову, что, может быть,

одежда сидит на нем плохо. Он быстро сказал:

— Погодите! Я, кажется, немного заблудился. Мне нужен порт 9. Посмотрим… — Он неопределенно оглядывался.

— Посмотрим. Это улица Реккет. Вам нужно только спуститься к улице Триффис и повернуть налево, а тогда идти до самого порта. — Он машинально показал направление.

Теренс улыбнулся.

— Вы правы. Мне нужно перестать мечтать и начать мыслить. Благодарю вас, сударь.

— Вы можете взять мой скутер.

— Вы очень любезны, но… — Теренс уже уходил, чуть-чуть поспешно, махая рукой. Сквайр глядел ему вслед.

Может быть, завтра, когда труп в пещере будет найден и начнутся розыски, сквайр вспомнит об этой встрече. Он может сказать: «В нем было что-то странное, если вы меня понимаете. Он говорил как-то странно и словно бы не знал, где находится. Я поклялся бы, что он не знает, где улица Триффис».

Но это будет завтра.

Он направился туда, куда сквайр указал ему. Дошел до блестящей таблички «улица Триффис», почти тусклой на фоне оранжевого радужного

здания. Свернул налево.

Порт 9 кишел молодежью в спортивных костюмах, с высокими, остроконечными шляпами и вздувающимися на бедрах штанами. Теренс чувствовал себя заметным, но никто не обратил на него внимания. Воздух был полон разговоров, нашпигованных терминами, которых он не понимал.

Он нашел ангар № 26, но выждал несколько минут, прежде чем приблизиться. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь сквайр торчал поблизости, чтобы у кого-нибудь была яхта в соседнем ангаре, чтобы кто-нибудь знал Алстэра Димона в лицо и удивился незнакомцу, занявшемуся Димоновым кораблем.

Наконец он вошел в ангар, где матовым сиянием струились длинные тела яхт.

А дальше что?

За последние 12 часов он убил трех человек. Он возвысился от флоринианского резидента до патрульного, от патрульного до сквайра. Он пришел из Нижнего города в Верхний, из Верхнего — в космопорт. Судя по всем признакам, он владел яхтой, кораблем, достаточно надежным в пространстве, чтобы безопасно увезти его на любую обитаемую планету в этом секторе Галактики.

Было только одно «но».

Он не умеет водить яхту.

Он устал до смерти и вдобавок голоден. Он пришел сюда, но не может двинуться дальше. Он был у края пространства, но перешагнуть через этот край не мог.

Сейчас патрульные, должно быть, решили, что в Нижнем Городе его нет. Они начнут обыскивать Верхний, как только до их тупых мозгов дойдет мысль, что флориниан*ин может осмелиться.* А когда они найдут тело, поиски примут новое направление. Патрульные начнут искать поддельного сквайра.

И найдут его. Он забрался в самый конец тупика и, прижавшись спиной к стене, может только ждать, пока далекие звуки погони будут становиться все громче и громче, пока ищейки в конце концов не кинутся на него.

36 часов назад в руках у него была величайшая возможность всей его жизни. Теперь возможность исчезла, а вскоре за нею последует и жизнь.

Глава 10

Капитан

— Госпожа моя, как я могу позволить вам беседовать с ними наедине?

— Разве они вооружены, капитан?

— Конечно, нет. Это неважно. Но нельзя же рассчитывать, что они поступят разумно.

— Тогда зачем вы все время пугаете их? Вы окружили этих несчастных здоровенными космолетчиками с пистолетами, капитан. Я не забуду этого.

— Но что я скажу вашему отцу, госпожа, если он узнает, что я позволил вам находиться без охраны в присутствии двух отчаянных преступников?

— Отчаянных преступников! О Великий Космос! Двое жалких глупцов, которые попытались бежать со своей планеты и не нашли ничего лучшего, как спрятаться в корабле, идущем на Сарк!

И капитан сдался.

— Хорошо, госпожа, но я сам буду при этом присутствовать. Я — это не трое парней с пистолетами. Иначе... — Он, в свою очередь, придал своему голосу решительность: — Иначе я буду вынужден отказать вам в просьбе.

— Великолепно. Но если они не смогут говорить из-за вас, то я позабочусь, чтобы вы больше не

были капитаном ни на одном корабле.

Валона быстро прикрыла рукой глаза Рику, когда Сэмия вошла в каюту.

— Он лишен разума, госпожа. Он не знает, что вы Высокородная Дама. Он мог бы взглянуть на вас.

— Так ты с Флорины, девушка? — спросила Сэмия.

Валона покачала головой:

— Мы с Вотекса.

— Вам не нужно бояться. Неважно, если вы и с Флорины. Вас никто не обидит.

— Мы с Вотекса.

— Тогда почему ты закрыла ему глаза?

— Ему нельзя смотреть на Высокородную Даму.

— Даже если он с Вотекса? — засмеялась Сэмия.

Валона молчала.

— Только флоринианам нельзя смотреть на Высокородных Дам. Так что ты призналась, что вы с Флорины.

Валона вспыхнула.

— Он — нет!

— А ты?

— Я — да. Но он — нет. Не делайте ему ничего!

Он вправду не флориниан. Его только нашли однажды на Флорине. Я не знаю, откуда он, но он не флориниан.

Сэмия удивленно взглянула на нее.

— Хорошо, я поговорю с ним. Как тебя зовут, юноша?

— Рик. Кажется, Рик.

— Ты флориниан?

— Нет. Я был на корабле. Я прибыл сюда откуда-то из других мест. — Рик не мог оторвать взгляда от Сэмии, он словно видел вместе с нею корабль. Маленький, очень уютный корабль. — На корабле я прибыл на Флорину, а раньше жил на планете.

— На какой планете?

Воспоминание с болью пробивалось по мысленным каналам, слишком тесным для него. И наконец Рик закричал, радуясь звуку, произнесенному его голосом:

— Земля! Я прибыл с Земли!

Рик повернулся к Валоне, схватил ее за локоть, вцепился в рукав.

— Лона, скажи им, что я прибыл с Земли! Это так! Это так!

Глаза у Валоны расширились от тревоги.

— Мы нашли его однажды, госпожа, и у него

вовсе не было разума. Он не мог ни одеваться, ни говорить, ни ходить. Не умел ничего. С тех пор он вспоминает, мало-помалу. — Она кинула испуганный взгляд на лицо капитана. — Он действительно мог прибыть с Земли?

— В этом есть что-то странное, — сказала Сэмия, по-женски настраиваясь на романтический лад. — Я уверена в этом… Почему он был так беспомощен, девушка, когда его нашли? Он был ранен?

— Доктор сказал, что Рик был психозондирован.

— Психозондирован! — Сэмия ощутила волну легкого отвращения. — Значит, он был психопатом? — Она встала и неуверенно поглядела на Рика.

Рик вскочил.

— Погодите!

— Прошу вас, госпожа. Думаю, вам все стало ясно, — произнес капитан, открывая перед нею дверь. — Мои люди успокоят их.

— Госпожа! Госпожа! — вскричал Рик. — Я могу доказать это! Я с Земли!

Сэмия нерешительно остановилась.

— Послушаем, что он может сказать.

Рик весь горел. От усилия вспомнить губы у

него растянулись в гримасу вроде улыбки.

— Я помню Землю. Она была радиоактивна. Я помню Запретные Зоны и голубое сияние на горизонте по ночам. Почва светилась, и ничто на ней не росло. Было лишь немного мест, где люди могли жить. Вот почему я был космоаналитиком. Вот почему я хотел оставаться в пространстве. Моя планета была мертвой планетой.

— Идемте, капитан. Он попросту бредит, — сказал Сэмия.

Но на этот раз капитан Рэйсти остановился, приоткрыв рот.

— Радиоактивная планета? — пробормотал он. — Но где он узнал об этом?

— Каким образом планета может быть радиоактивной и необитаемой? — недоумевала Сэмия.

— Но такая планета есть. Это Земля.

— Это Земля! — произнес Рик гордо и уверенно. — Древнейшая планета в Галактике. Это планета, с которой произошло человечество.

— Так и есть! — тихо прошептал капитан. Внезапно решившись, он подошел к Рику.

— Что еще ты помнишь?

— Больше всего корабль, — сказал Рик, — и космический анализ.

— Значит, все это правда? — недоумевала

Сэмия. — Но как же могло случиться, что его психозондировали?

— Эй, ты, туземец, или инопланетный, или кто ты там еще! — сказал капитан Рэйсти. — Как случилось, что тебя психозондировали?

Рик казался смущенным.

— Вы все говорите это. Даже Лона. Но я не знаю, что значит это слово… Я был на корабле… Там была опасность. Я уверен в этом. Большая опасность для Флорины, но подробностей я не помню.

— Опасность для планеты? — Сэмия бросила быстрый взгляд на капитана.

— Да. В течениях.

— В каких течениях? — спросил капитан.

— В космических.

Капитан развел руками, потом уронил их.

— Это безумие!

— Нет, нет! Пусть продолжает! — Губы у Сэмии приоткрылись, темные глаза блестели. — Что такое космические течения?

— Различные элементы, — неопределенно ответил Рик. Он объяснял это раньше. Ему не хотелось повторяться. Он продолжал быстро, почти бессвязно, высказывая мысли по мере того, как они приходили, подгоняемый ими: — Я послал сообщение местной базе на Сарке. Это я помню

очень хорошо. На Флорину надвигалась опасность. Да. И даже больше чем на Флорину. На всю Галактику. Нужна была большая осторожность.

— Почему-то, — продолжал он, задыхаясь, — мое сообщение было перехвачено каким-то служащим на Сарке. Это было ошибкой. Я не знаю, как это случилось… Я уверен, что послал сообщение местному Бюро на его собственной длине волны. Как вы думаете, можно ли перехватить субрадио? — Он даже не удивился тому, что слово «субрадио» вспомнилось ему так легко. — Во всяком случае, когда я высадился на Сарке, меня ожидали.

Снова пауза, на этот раз длинная и вдумчивая. Капитан не сделал ничего, чтобы прервать его.

— Кто тебя ждал? Кто? — не вытерпела Сэмия.

— Не… не знаю. Не могу вспомнить. Это было не в Бюро. Это было где-то на Сарке. Я помню, что говорил с ним. Он знал об опасности. Он говорил о ней. Я уверен, что говорил. Мы сидели за столом вместе. Я помню стол. Он сидел напротив меня. Это ясно, как космос. Мы разговаривали. Кажется, я не спешил давать подробности. Я уверен в этом. Я хотел говорить сначала в Бюро. А тогда он…

— Да? — поторопила его Сэмия.

— Он сделал что-то. Он… Нет, я больше ничего

не помню. Ничего не вспомню!

Он прокричал эти слова, и наступило молчание, прерванное жужжанием коммуникатора на руке у капитана.

— Сообщение с Сарка для капитана. Крайне секретно. Личный прием.

Из коммуникатора поползла тонкая прозрачная фольга с красными строчками. Сэмия склонилась к руке капитана.

> *«Двое флориниан тайком, незаконно, пробрались на ваш корабль. Схватите их немедленно. Один из них будет называть себя космоаналитиком, не флориниан-ским туземцем. Не делайте по этому поводу ничего. Вы строго отвечаете за сохранность этих людей. Задержите их для передачи охране безопасности. Крайне секретно. Крайне спешно».*

Глава 11
Сыщик

Четверо Великих сквайров глядели на сквайра Файфа каждый по-своему: Борт — гневно, Руне — с улыбкой, Балле — с досадой, Стин — испуганно.

Руне заговорил первым:

— Государственная измена? Не пытаетесь ли вы испугать нас фразой? Что это значит? Измена — кому? Борту? Мне самому? Кто изменяет и как? И ради всего Сарка, Файф, эти совещания нарушают нормальные часы моего сна!

— Результаты, — возразил Файф, — смогут помешать многим часам сна. Я не говорю об измене кому-нибудь из нас, Руне. Я говорю об измене Сарку.

— Сарку? — повторил Борт. — Но что это такое, если не мы сами?

— Назовите это мифом. Назовите чем-нибудь, во что верят простые саркиты.

— Я не понимаю, — простонал Стин. — Вы все, как всегда, стараетесь заговорить друг друга до смерти. Право! Я хотел бы покончить с этим.

— Я согласен со Станом, — сказал Балле.

Файф произнес:

— Я хочу объясниться немедленно. Вы слышали, вероятно, о недавних беспорядках на Флорине. Итак…

Неожиданное требование на книги по космическому анализу. Потом нападение на пожилого патрульного, умершего через два часа с проломленным черепом. Потом погоня, закончившаяся

перед тайником транторианского агента. Потом убийство второго патрульного, причем убийца ускользнул в патрульном мундире, а транторианский агент был, в свою очередь, убит еще через несколько часов.

Если вы хотите получить самый последний кусочек новостей, — закончил Файф, — можете добавить к этим видимым пустякам еще кое-что. Несколько часов назад в городском парке на Флорине был найден труп, вернее, останки трупа.

У меня уже лежит доклад врачей, исследовавших строение скелета. Он не принадлежит ни патрульному, ни флоринианину. Это скелет саркита.

Стин вскричал: «Браво!» Балле широко раскрыл свои старые глаза; металлические зубы Руне, поблескивание которых придавало жизненность кубу сумрака, где он сидел, исчезли, когда он закрыл рот. Даже Борт казался пораженным.

— Я продолжаю, — сказал Файф. — Тот, кто убил саркита, хотел, чтобы золу приняли за остатки одежды этого саркита, снятой и сожженной до убийства, которое мы могли бы тогда принять за самоубийство или за результат частной вражды, без всякой связи с нашим другом-самозванцем. Убийца не знал, что анализ золы всегда дает воз-

можность отличить кырт саркитской одежды от целлюлита патрульного мундира.

Итак, где-то в Верхнем Городе скрывается живой резидент в одежде саркита. Наш флориниан, пробыв патрульным достаточно долго и находя, что опасность слишком велика, решил стать сквайром. И он сделал это единственным способом, каким мог.

— Поймали его? — хрипло спросил Борт.

— Нет, не поймали.

— Почему? Клянусь Сарком, почему?

— Его поймают, — равнодушно произнес Файф. — Сейчас у нас есть заботы поважнее. Это последнее преступление — пустяки по сравнению с ними.

— Перейдите к делу! — немедленно потребовал Руне.

— Терпение! Прежде всего позвольте спросить вас, помните ли вы об исчезновении космоаналитика в прошлом году? Между этими событиями есть прямая связь. Ведь все началось с того, что во Флориниансκой библиотеке были затребованы книги по космическому анализу. Начну с описания трех человек, замешанных в библиотечном инциденте, и прошу вас несколько минут не перебивать меня.

Во-первых, резидент. Он самый опасный из троих. На Сарке о нем были прекрасные отзывы, как о разумном и надежном материале. К сожалению, он обратил свои способности против нас. Несомненно, он виновен во всех четырех убийствах. Хороший рекорд для кого угодно.

Второе лицо — женщина. Она простая работница, непривлекательная и малограмотная. Но ее родители были членами «Души Кырта», если вы помните этот смешной крестьянский заговор, без труда ликвидированный лет двадцать назад. Это приводит нас к третьему лицу, самому необычному.

Его историю нельзя проследить дальше чем за десять с половиной месяцев. Его нашли в поселке близ столицы Флорины в состоянии полного идиотизма. Он не мог ни ходить, ни говорить, ни даже есть самостоятельно.

Заметьте теперь, что он появился впервые через несколько недель после исчезновения космоаналитика. Заметьте, что за несколько месяцев он научился говорить и даже выполнять работу на кыртовой фабрике. Какой идиот мог бы научиться этому так быстро? Остается одно — психозондирование.

Его можно было произвести только на Сарке

или в Верхнем Городе на Флорине. Для полноты картины были исследованы все врачебные кабинеты в Верхнем Городе. Потом один из наших агентов догадался проверить записи всех врачей, умерших с тех пор, как идиот появился. Я позабочусь о том, чтобы агента повысили за эту идею.

Мы нашли запись о нашем идиоте только в одном из таких кабинетов. Идиот был привезен для физического обследования месяцев шесть назад. Его привозила женщина, вторая в нашем трио. По-видимому, это было сделано тайно. Врач обследовал идиота и отметил явные признаки вмешательства психозонда.

И вот тут интересная деталь. Доктор был одним из тех, кто держит кабинеты и в Верхнем и Нижнем Городе. Этот идеалист считал, что туземцы достойны первоклассной медицинской помощи.

Будучи человеком педантичным, он заносил в картотеку обоих кабинетов — я подчеркиваю: обоих кабинетов — сведения о всех пациентах, не делая различий между флориниана́ми и саркитами. Так вот, агент сличил карточки в одном кабинете с их идентичными копиями в другом. И что же оказалось? Единственная карточка без копии — нашего идиота. Причем найдена она в кабинете Верхнего Города. А в Нижнем? В кон-

це концов, этот человек был флоринианином, привезла его флоринианка, и обследование было проведено именно в Нижнем Городе — обо всем этом есть запись в карточке идиота. Итак: куда девалась другая карточка, копия первой?

На эту загадку может быть только один ответ. Она была уничтожена кем-то, кто не знал, что останется копия с нее. Но об этом после.

Вместе с записью о нашем идиоте есть отметка о включении ее данных в ближайший периодический доклад доктора Отделу безопасности. Это было правильно. Всякий случай психозондирования касается либо преступника, либо извращенного человека. Но такое сообщение сделано не было. Меньше чем через неделю доктор погиб в уличной катастрофе. Не правда ли, отличный детективный сюжет?

Рассмотрим эту загадку с другой стороны. Забудем пока об идиоте и вспомним о космоаналитике. Первое, что мы слышали о нем, — это сообщение в Бюро Транспорта, что его корабль вскоре опустится на планету; кроме того, было получено сообщение, сделанное им раньше.

Космоаналитик так и не прибывает. Его не находят нигде в ближнем пространстве. Кроме того, исчезает посланное им сообщение, о котором

говорило Бюро. МКБ заявляет, что мы намеренно скрываем это сообщение. Отдел безопасности считает, что сообщение выдумано в пропагандистских целях. Теперь мне думается, что и те и другие правы. Сообщение было послано, но оно не было получено правительством Сарка.

Представим себе, что некто (пока назовем его просто Икс) имеет доступ к записям Бюро Транспорта. Икс узнает о космоаналитике и его сообщении. Он устраивает так, чтобы послать секретную субрадиограмму на корабль космоаналитика, направляя его для посадки в маленький частный порт. Космоаналитик так и делает. Икс встречает его там. Какими бы несвязными, безумными, невероятными ни были его речи, Икс увидел в них превосходный материал для пропаганды. Он послал свои шантажирующие письма Великим сквайрам — нам. Его поведение и планы были, вероятно, именно такими, какие я тогда приписывал Трантору. Если мы не договоримся с ним, он намеревался разрушить производство на Флорине слухами о гибели и вынудить нас сдаться.

Икс мог убить космоаналитика, но я думаю, что он был ему нужен как источник дальнейшей информации (в конце концов, он сам ничего не

знал о космическом анализе и не мог основывать свой шантаж на чистом блефе) или, возможно, как выкуп в случае окончательного поражения. Так или иначе, он прибег к психозондированию. После этого у него в руках был не космоаналитик, а идиот, не причиняющий ему пока никаких затруднений. А через некоторое время его разум восстановился бы.

Что дальше? Нужно было сделать так, чтобы целый год никто не нашел космоаналитика, никто из значительных лиц вообще не видел его. Поэтому он поступил гениально просто. Он перевез свою жертву на Флорину, и космоаналитик стал полоумным туземцем, работающим на фабрике кырта.

Я полагаю, что в течение этого года Икс или его доверенный навещал те места, куда он «пересадил» космоаналитика, чтобы убедиться в его здоровье и безопасности. При одном из таких посещений он каким-то образом узнал, что психозондированного идиота возили к врачу, который наверняка доложил о нем наверх. Поэтому врача немедленно убрали, а его запись исчезла, по крайней мере из кабинета в Нижнем Городе. Это был первый просчет Икса. Он никогда не думал, что где-то может оказаться копия.

И тут он сделал второй просчет. Идиот начал слишком быстро приходить в себя, а у местного резидента оказалось достаточно мозгов, чтобы увидеть, что это больше чем простой бред. Быть может, девушка, возившая идиота к врачу, рассказала резиденту о психозондировании. Это догадка.

Вот вам вся история.

Файф сцепил свои сильные руки и ждал реакции слушателей.

— Насколько я вижу, — медленно произнес Балле, — вы сочинили историю, столь же невозможную, как и в прошлом году. Это на девять десятых догадки.

— Чепуха! — отрезал Борт.

— А кто это Икс? — спросил Стин. — Пока вы не узнаете, кто такой Икс, во всем этом нет смысла. — И он деликатно зевнул, прикрывая зубы согнутым пальцем.

— По крайней мере одному из вас ясно, в чем дело! — рявкнул Файф. — Центр истории — в личности Икса. Рассмотрим черты, которыми Икс должен обладать, если мой анализ правилен. Прежде всего Икс — это человек, связанный с Разведкой. Он — человек, могущий приказать провести мощную кампанию шантажа. Он —

человек, могущий без всяких помех доставить космоаналитика с Сарка на Флорину. Он — человек, могущий подстроить смерть врача. Он наверняка не первый встречный. Значит, он должен быть Великим сквайром. Разве не так?

Борт вскочил. Стин засмеялся высоким, истерическим смехом. Глаза Руне, полуутонувшие в мягких складках жира, горячечно заблестели. Балле медленно покачал головой.

— Во имя Космоса, кого вы обвиняете, Файф? — взвизгнул Борт.

— Пока никого, — Файф остался невозмутимым. — Никого в частности. Давайте посмотрим. Нас пятеро. Никто на Сарке не мог бы сделать того, что сделал Икс. Только мы пятеро. Это нужно считать доказанным. Но кто из пятерых? Прежде всего, это не я.

— Мы можем поверить вам на слово, не так ли? — фыркнул Руне.

— Вам не нужно верить мне на слово, — возразил Файф. — Лишь у меня одного для этого нет мотивов. Икс хочет получить контроль над кыртовой промышленностью. У меня этот контроль есть. Я законно владею третью флоринианских земель. Мои фабрики, заводы и флот так сильны, что могли бы вытеснить всех и каждого из вас

из промышленности, если бы я захотел. Мне не нужно прибегать к сложному шантажу. У остальных есть любые мотивы. Руне владеет самым маленьким из материков и самой малой долей вкладов. Я знаю: это ему не нравится. Балле происходит из древнейшего рода. Было время, когда его род правил Сарком. Он, вероятно, не забыл об этом. Борту не нравится то, что на совете он всегда остается в меньшинстве и не может поэтому вести на своих территориях политику хлыста и пистолета, какую ему хотелось бы. У Стина вкусы расточительные, а финансы в плохом состоянии. Необходимость добывать средства — жестокая необходимость. Ну, вот вам. Все возможные мотивы. Зависть. Жажда власти. Алчность. Вопросы престижа. Так кто же из вас?

В старых глазах Балле неожиданно сверкнула злоба.

— Вы подозреваете нас? А кого именно?

— Это неважно. Икса испугало наше первое совещание, на котором я говорил о необходимости единых действий. Икс был на нем. Икс был и остается одним из нас. Он знал, что единство действий означает для него поражение.

Мы должны быть едины, и для этого есть только один безопасный путь, учитывая, что Икс

— один из нас. С автономией материков нужно покончить. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить, ибо козни Икса окончатся только с экономическим поражением нас остальных или со вмешательством Трантора. Я сам — единственный, кому я могу доверять, и отныне я становлюсь во главе объединенного Сарка. Идете ли вы со мной?

Они вскочили со своих мест, крича и размахивая кулаками. Увы, физически они ничего не могли сделать. Файф улыбнулся. Каждый из них — на другом материке. Он может сидеть у себя за столом и смотреть, как они истекают пеной.

— У вас нет выбора. За год, прошедший после нашего первого совещания, я подготовил все. Пока вы спокойно присутствовали на совещании и слушали меня, преданные мне офицеры завладели флотом.

— Измена! — вскричали они.

— Измена автономии материков, — возразил Файф. — Верность Сарку. Через двадцать четыре часа я узнаю, кто такой Икс. Космоаналитик, о котором мы все время говорили, находится в моих руках. — Файф хихикнул. — Вы удивляетесь, кто из вас может оказаться Иксом? Один из вас знает это наверное, будьте спокойны. И помните, гос-

пода: вы почти беспомощны. Военные корабли — мои. До свидания.

Его жест был прощальным жестом.

Один за другим они исчезли, как звезды в глубине пространства исчезают с экрана, когда их заслоняет проплывающая мимо невидимая глыба разбитого звездолета.

Глава 12
Яхтсмен

Генро шел медленно, с полупогасшеи папиросой, свисающей из угла рта.

Он останавливался у каждого занятого ангара, зорко вглядываясь внутрь.

К ангару № 26 он высказал повышенный интерес. Заглянул через низкую балюстраду и произнес:

— Сквайр?

У сквайра, появившегося изнутри, вид был непрезентабельный. Прежде всего, сквайр был в спортивном костюме. Во-вторых, он давно не брился, а довольно неприятная с виду ермолка была надвинута безобразно, словно он стремился закрыть пол-лица. Наконец, в поведении этого сквайра была какая-то подозрительная осторож-

ность, отнюдь не свойственная сквайрам.

— Я Маркис Генро. Это ваша яхта, сударь?

— Да, моя. — Слова звучали медленно и напряженно.

— Вы не возражаете, если я войду?

Сквайр поколебался и отступил. Генро вошел.

— Какой у вас двигатель, сударь?

— Почему вы спрашиваете?

— Откровенно говоря, я хочу купить новый корабль.

— То есть вы интересуетесь этим?

— Не знаю. Что-то в этом роде, возможно, если цена будет подходящая. Но, во всяком случае, вы не возражаете, если я посмотрю управление и двигатели?

Сквайр стоял молча.

— Ну как вам угодно. — Генро повернулся уходить.

— В конце концов, я могу продать, — сказал сквайр. — Можете подняться на борт, если хотите.

— Спасибо. Покажете дорогу?

Сквайр снова порылся в карманах и достал связку ключей.

— После вас, сударь.

Генро взял ключи, перебрал их, ища условные

значки корабля. Собеседник не делал никаких попыток помочь ему.

— Кажется, этот, — сказал он наконец.

Медленно, беззвучно шлюз открылся и Генро вошел в темноту…

У Мирлина Теренса не было выбора. Три долгих отчаянных часа он оставался близ Димонова корабля, ожидая, не будучи способным ни к чему другому. А теперь этот человек пришел и осматривает корабль. Иметь с ним дело — вообще безумие. Вот-вот ему станет ясно, что он, Мирлин Теренс, — самозванец.

И все же неплохо, что на этой посудине нашлась пища. Пока настойчивый покупатель бродит по кораблю, Теренс принялся за консервированное мясо и фрукты. С жадностью напился. Через коридор от кухни был душ. Он заперся и вымылся. Было приятно снять тесную ермолку хотя бы на время. В неглубоком шкафу он нашел смену одежды.

Наконец Генро вернулся.

— Скажите, вы не будете против, если я попробую вести этот корабль?

— Не возражаю. Вы справитесь с этой моделью? — спросил Теренс с превосходно разыгранной беспечностью.

— Думаю, что да, — ответил тот с легкой улыбкой. — Я умею обращаться с любой из нынешних моделей. Во всяком случае, я беру на себя смелость запросить у контрольной башни о свободном взлетном колодце. Вот мои права яхтсмена, если вы хотите взглянуть на них перед стартом…

Скоро они уже были в пространстве. Сначала звезды на экране двигались туда и сюда, пока длинные, тонкие пальцы яхтсмена играли на кнопках управления. Наконец поверхность экрана заполнилась толстым оранжевым сегментом планеты.

— Неплохо, — сказал Генро. — Вы держите корабль в хорошем состоянии, Димон. Он невелик, но у него есть свои достоинства.

— Я думаю, вы захотите испробовать его на скорость и маневренность, — сказал осторожно Теренс. — Я не возражаю.

— Очень хорошо. Куда бы нам направиться, по-вашему? Что, если… — Он поколебался, потом закончил: — Ну да, почему бы и не на Сарк?

Дыхание у Теренса слегка участилось. Он ожидал этого. Он был готов поверить, что живет в мире волшебства.

— Почему бы и нет, Генро? — сказал он порывисто.

— Значит, на Сарк.

С нарастающей скоростью диск Флорины соскользнул с экрана…

Теренс просыпался медленно, с туманом в глазах. Несколько долгих минут у него не было ни малейшего представления об окружающем.

— Я, кажется, уснул, — позевывая, сказал он.

— Кажется, да. Вот Сарк. — Генро кивнул на большой белый полумесяц на экране.

— Когда мы опустимся?

— Примерно через час.

И вдруг Теренс заметил, что серый металлический предмет в руке у Генро — изящное дуло иглоружья.

— Что, в чем дело? — начал было Теренс, вставая.

— Садитесь, — сдержанно произнес Генро. В другой руке у него была ермолка.

Теренс поднял руку к голове, и его пальцы вцепились в светлые волосы.

— Да, — отчеканил Генро. — Это очевидно. Вы туземец.

Теренс молча смотрел перед собой.

— Я знал, что вы туземец, еще раньше, чем взошел на корабль бедного Димона. Вашей основной ошибкой, резидент, была мысль, будто вы можете

бесконечно хитрить с организованной полицейской силой. Что можно чувствовать, резидент, хладнокровно убив человека, например Димона?

— Я не выбирал его, — прохрипел Теренс. Он задыхался. И пробормотал, сквозь красный туман гнева и разочарования: — Вы, саркиты, убили миллионы флориниан. Женщин. Детей. Вы разбогатели на этом. Эта яхта…

— Димон не виноват, что родился господином, а не слугой, — сказал Генро. — Будь вы саркитом, что бы вы сделали? Отказались от имущества, если бы оно у вас было, и пошли работать на кыртовые поля?

— Ну так стреляйте! — закричал Теренс. — Чего ждете?

— Спешить незачем. У меня много времени, чтобы окончить рассказ. У нас не было уверенности относительно личностей убитого и убийцы, но я кое о чем догадывался. Необходимо было убедить Безопасность, что я один смогу доставить вас на Сарк. Без шума и затруднений. Вы должны согласиться, что именно это я и сделал. Признаться, сначала я сомневался: действительно ли вы тот, кого мы ищем. Вы, находясь на территории порта, были одеты в обычный костюм. Это невероятно дурной вкус. «Никто, — подумал я, — не

станет притворяться яхтсменом, не нося соответствующего костюма».

Я подумал, что вас нарочно выставили как приманку, что вы стараетесь быть арестованным, в то время как преступник ускользает в другом направлении.

Я колебался и испытывал вас другими способами. Я возился с ключами от корабля не там, где нужно. Нет такого корабля, который открывался бы с правой стороны воздушного шлюза. Все они всегда и неизменно открываются с левого. Вы не высказали удивления при моей ошибке. Никакого!

Потом я спросил вас, может ли ваш корабль проделать путь от Флорины до Сарка меньше чем за шесть часов. Вы сказали, что да. Это поразительно! Рекордное время для такого перелета — свыше девяти часов.

Я решил, что вы вовсе не приманка. Ваше неведение было чересчур велико… Кстати, вы знаете, почему я рассказываю вам все это? — неожиданно мягко докончил Генро.

Теренс молчал.

— Во-первых, — сказал Генро, — мне нравится видеть, как вы страдаете. Я не люблю убийц, и особенно не люблю, когда туземцы убивают

саркитов. Мне было приказано доставить вас живым, но в моих инструкциях ничего не сказано о том, чтобы сделать перелет приятным для вас. Во-вторых, вам необходимо ознакомиться с ситуацией сейчас, поскольку позже, когда мы опустимся на Сарк, следующие шаги вы должны будете сделать сами.

Теренс взглянул на него.

— Не понимаю.

— Безопасность знает, что вы прибываете. Флоринианский отдел сообщил им об этом, как только мы вышли из атмосферы планеты.

— Не понимаю, — безнадежно сказал Теренс.

— Я сказал: вас ждут на Сарке. Но я подразумевал не Отдел безопасности. Я подразумевал Трантор…

Глава 13
Ренегат

За кофе Эбл рассказал Джунцу о случившемся за последние 36 часов.

Джунц был поражен. Он поставил свою наполовину выпитую чашку и сказал:

— Допустим, что из всех кораблей они смогли спрятаться именно в этом. Но ведь их могут и не

обнаружить. Если вы пошлете людей навстречу этому кораблю при посадке…

— Ба! Вы и сами знаете: на любом из нынешних кораблей нельзя не обнаружить лишнего теплоизлучающего тела.

— Этого могли просто не заметить. Приборы, разумеется, непогрешимы, но люди — нет.

— Напрасно вы так думаете. Послушайте, в то самое время, когда корабль с космоаналитиком на борту приближается к Сарку, я получил достоверные сведения о том, что сквайр Файф сообщается с прочими Великими сквайрами. Эти межконтинентальные совещания бывают редко, как звезды в Галактике. Совпадение? Странное совпадение!

— Как вы узнали все это?

— Что «все»?

— Все. Как и когда космоаналитик спрятался. Как и каким образом резидент ускользнул от поимки. Или вы собираетесь хитрить со мной?

— Дорогой мой доктор Джунц!

— Вы признали, что ваши люди следили за космоаналитиком независимо от меня. Вы позаботились безопасно устранить меня с дороги, не предоставляя ничего случаю.

— Всю эту ночь, доктор, я держал постоянную

связь с некоторыми из своих агентов…

— Чтобы узнать все это, вам нужно было бы иметь разведчиков в самом правительстве Сарка.

— Ну, разумеется… Один такой человек, мой лучший агент, работает в Отделе безопасности на Сарке. Кстати, сейчас он везет мне резидента.

— Вы говорили, резидент схвачен.

— Отделом безопасности. Но мой агент — он еще и агент Безопасности.

— Что вы планируете теперь?

— Почти не знаю сам. Прежде всего мы должны получить своего резидента. Я уверен только в том, что он опустится в порту. А потом? Ведь сквайры тоже будут ждать резидента.

Строго говоря, инопланетные посольства по всей Галактике имели права экстерриториальности. Практически это означало, что действительно независимым на территории своих посольств был только Трантор.

Территория транторианского посольства занимала почти квадратную милю, и эту площадь контролировали патрули в форме и со значками Трантора. Ни один саркит не мог войти иначе как по приглашению, а вооруженный саркит — ни в коем случае. Все отчетливо сознавали, что

за патрулями стояла карающая сила миллиона организованных планет. Посольство оставалось неприкосновенным.

Оно даже сообщалось с Трантором, минуя саркитские порты прибытия и отправления. Из трюмов транторианского корабля-матки, парящего как раз за пределами стомильной высоты, означающей границу между «планетным пространством» и «свободным пространством», могли выскальзывать маленькие гирокорабли, снабженные направляющими лопастями для полета в атмосфере, и опускаться на площадку территории посольства.

Гирокорабль, появившийся сейчас над посольством, не шел по расписанию и не был транторианским. По сигналу тревоги в воздух ринулись маленькие истребители посольства. Подняла к небу свой сморщенный ствол иглопушка. Задвигались, поднимаясь, энергетические экраны.

— Требую убежища! Меня собьют через две минуты, если вы не позволите мне опуститься.

— Кто вы такой?

— Мне нужно говорить с послом! — Коротковолновый приемник закашлялся, и полуистлевший голос закричал: — Есть тут кто-нибудь? Я спускаюсь, вот и все! Я не могу ждать ни секунды,

говорю вам!

Гирокорабль опустился вертикально, быстрее, чем должен был бы, поскольку руки, державшие управление, были скованы ужасом. Эскадрилья саркитских кораблей, появившаяся над ним минут через десять, держала грозную стражу два часа, потом исчезла.

Они сидели за обедом: Эбл, Джунц и новоприбывший, сквайр Стин. Эбл вел себя как непринужденный хозяин, воздерживаясь от расспросов, зачем Великому сквайру понадобилось убежище. За вином сквайр наконец заговорил.

— Вам интересно, почему я покинул материк?

— Я не могу догадаться, — согласился Эбл, — зачем сквайру Стану пришлось убегать от саркитских кораблей.

— Сегодня было межконтинентальное совещание.

— В самом деле? — удивился Эбл.

Он выслушал рассказ о совещании, не дрогнув и бровью.

— И он дал нам двадцать четыре часа, — возмущенно сказал Стин. — Теперь уже осталось шестнадцать. Право!

— А вы Икс! — вскричал Джунц, беспокойство которого нарастало во время рассказа. — Вы Икс!

Вы прилетели сюда потому, что он поймал вас. Ну что ж, это замечательно! Эбл, вот вам доказательство относительно космоаналитика. Мы можем заставить их выдать нам нашего человека.

— Ну, право! Право! Вы с ума сошли! Перестаньте! Дайте мне сказать, говорю вам… Ваша светлость, я не могу вспомнить имя этого человека.

— Это доктор Селим Джунц, сквайр.

— Послушайте, доктор Джунц, Я никогда в жизни не видел этого идиота, космоаналитика или как там его… Я никогда не слышал такой чепухи. Я не Икс. Право! Я буду вам благодарен, если вы перестанете называть меня этой дурацкой буквой. Подумать только, вы поверили смешной мелодраме Файфа! Он считает нас дураками и идиотами. Право! Он сочинил всю эту гадкую ерунду про идиотов и космоаналитиков. Я не удивлюсь, если туземец, якобы убивающий патрульных дюжинами, окажется попросту одним из агентов Файфа в рыжем парике. Так вот, никакого Икса вообще нет, но если Файфа не остановить, то он завтра же заполнит все субрадио известиями о заговорах, требованиями чрезвычайного положения и, наконец, объявит себя Вождем. У нас на Сарке Вождей не было уже пятьсот лет, но Файфа

это не остановит. Он просто перечеркнет конституцию… Как только совещание окончилось, я велел проверить свой личный порт, и, знаете ли, он был захвачен его людьми. Это явное нарушение автономии материков. Это было сделано так подло. Право! Но хоть он и гадкий человек, он не очень умен. Он думал, что некоторые из нас попытаются бежать, и велел стеречь космопорты, но… — тут Стин улыбнулся по-лисьему и чуть слышно хихикнул, — ему не пришло в голову стеречь гиропорты. Вероятно, он думал, что на всей планете нет безопасного места для нас Он забыл о транторианском посольстве. И вот я здесь.

— Вы оставили семью, — осторожно начал Эбл. — Подумали ли вы, что у Файфа все-таки может быть оружие против вас?

— Конечно, я не мог запихнуть всех моих любимых в свой гироплан. — Стин слегка покраснел. — Файф не посмеет тронуть их! Кроме того, я завтра вернусь на мой материк.

— Как? — спросил Эбл.

Сквайр в замешательстве взглянул на него, тонкие губы его приоткрылись.

— Я предлагаю союз, ваша светлость. Вы не можете притвориться, будто Трантор не интересуется Сарком. Вы наверняка скажете Файфу, что

всякая попытка изменить конституцию Сарка повлечет за собой вмешательство Трантора.

Эбл сложил вместе свои узловатые пальцы и смотрел на них.

— Я не могу поверить, сквайр Стин, что вы действительно хотите объединить свои силы с Трантором.

По слабому, улыбающемуся лицу Стина прошла мгновенная тень пылкой ненависти.

— Лучше Трантор, чем Файф! — воскликнул он.

— Мне не хочется угрожать силой. Не можем ли мы подождать некоторого развития событий?

— Нет-нет! — вскричал Стин. — Ни одного дня. Право! Если вы не решитесь сейчас, немедленно, то потом будет поздно. Как только срок пройдет, он увидит, что зашел слишком далеко, чтобы отступить с достоинством. Если вы поможете мне сейчас, остальные Великие сквайры присоединятся ко мне. Если вы промедлите хотя бы день, Файфова машина пропаганды заработает. Я буду заклеймен как перебежчик.

— А если мы попросим у него разрешения поговорить с космоаналитиком?

— Какая от этого польза? Он будет вести двойную игру. Он скажет нам, что флоринианский идиот — это космоаналитик, но вам он скажет,

что космоаналитик — это флоринианский идиот. Вы не знаете этого человека. Он ужасен!

Эбл раздумывал. Он напевал про себя, тихонько отбивая пальцем такт. Потом произнес:

— Резидент в наших руках, знаете ли.

— Какой резидент?

— Тот, который убил патрульных и саркита.

— О? Ну, право! Вы думаете, Файфу это будет интересно, когда он готовится захватить весь Сарк?

— Думаю, что да. Видите ли, дело не в том, что резидент в наших руках. Дело в обстоятельствах его захвата. Я думаю, сквайр, что Файф выслушает меня, и выслушает весьма смиренно.

Впервые за все время своего знакомства с Эблом Джунц ощутил, что холодность в голосе у старика уменьшилась и ее заменяет удовлетворение, почти торжество.

Глава 14
Пленник

В конце концов Высокородная Сэмия Файфская была вынуждена перейти от выражения своих желаний к заявлению своих прав, как самая обыкновенная саркитка.

— Я полагаю, что имею право встречать любой

прибывающий корабль, какой захочу, — капризно сказала она.

Начальник порта высказался вполне определенно:

— Госпожа моя, мы совсем не хотим ущемлять вас. Дело в том, что мы получили от сквайра, вашего отца, специальные распоряжения: помешать вам встретить этот корабль.

— Может быть, вы хотите приказать мне покинуть порт, да?

— Нет, госпожа. Нам не было приказано удалить вас из порта. Если угодно, вы можете оставаться. Но при всем уважении к вам мы должны задержать вас, если вы захотите подойти к колодцам поближе.

Он ушел, а Сэмия сидела в бесполезной роскоши своей машины, остановившейся неподалеку от самого внешнего входа порта.

Со стороны отца это было просто нечестно. Они всегда обращались с нею как с ребенком. Вот и сегодня…

…Едва Сэмия рассказала отцу о психозондированном космоаналитике и об опасности, надвигающейся на Флорину, как Файф, даже не дав дочери договорить, резко спросил:

— Откуда ты знаешь, что он космоаналитик,

Миа?

— Он так говорит.

— А подробности об этой опасности?

— Он не знает. Он был психозондирован. Разве ты не видишь, что это самое лучшее доказательство? Он знал слишком много. Кому-то было нужно скрыть это. — Ее голос инстинктивно понизился и зазвучал конфиденциально. — Видишь ли, если бы его теории были неверны, его не нужно было бы психозондировать.

— Почему же его не убили в таком случае?

— Если ты прикажешь Отделу безопасности, чтобы мне позволили говорить с ним, то я узнаю это. Он мне верит. Я знаю, что верит. Я узнаю от него больше, чем может Отдел безопасности. Пожалуйста, прикажи допустить меня к нему, папа. Это очень важно.

Файф нежно сдавил ее сжатые кулачки и улыбнулся.

— Не время, Миа. Не время. Скоро в наших руках будет третий человек. Тогда — может быть.

— Третий? Туземец-убийца?

— Вот именно. Корабль, на котором его везут, опустится примерно через час.

— И до тех пор ты не сделаешь ничего с космоаналитиком и с туземкой?

— Ничего.

— Хорошо! Я встречу корабль.

— Очень важно, чтобы о прибытии этого человека никто не знал. Ты будешь в порту слишком заметна.

— Ну и что?

— Я не могу объяснить тебе государственную политику, Миа.

— Политику, фи! — Она наклонилась к нему, клюнула его в середину лба быстрым поцелуем и исчезла.

А теперь она сидела беспомощно в своей машине на территории порта, пока высоко в небесах росла какая-то точка, черная на фоне яркого послеполуденного неба.

Сэмия нажала кнопку, открыла боковой шкафчик и достала оттуда бинокль. Она поднесла его к глазам, и точка превратилась в крошечный кораблик с ясно видимым красноватым сиянием кормовых дюз.

Сарк заполнял весь экран.

— Космопорт не будет строго охраняться, — сказал Генро, не отрываясь от управления. — Это тоже мое предложение. Я сказал, что всякий необычный прием корабля может внушить

Трантору какие-нибудь подозрения. Я сказал, что успех зависит от того, насколько Трантор не догадается об истинном положении вещей, пока не станет слишком поздно.

— Сарк, Трантор, — угрюмо произнес Теренс, — какая разница…

— Для вас большая. Я воспользуюсь колодцем, ближайшим к восточным воротам. Вы выйдите через аварийный шлюз на корме, как только я сяду. Идите к воротам, быстро, но не слишком. Предоставляю вам свободу действий, если встретите препятствие. Судя по вашей истории, в этом на вас можно положиться. За воротами будет ждать машина, которая повезет вас в посольство. Вот и все…

Улыбка Генро была холодной и невеселой.

— Когда увидят, что вы бежали, меня могут в худшем случае расстрелять как изменника. Если же меня найдут совершенно беспомощным и физически неспособным задержать вас, то просто уволят, как дурака. Последнее, кажется, предпочтительнее, так что я попрошу вас, перед тем как уйти, применить ко мне нейрохлыст.

Они садились. Уже можно было различить что-то вроде радуги саркитского города.

— Надеюсь, — сказал Генро, — вы не собирае-

тесь делать что-нибудь сами. Сарк не место для этого. Либо Трантор, либо сквайры. Помните. Если Трантор не получит вас через час, то сквайры поймают вас еще до конца дня. И тогда… Впрочем, вы и сами знаете, что они сделают с вами…

Порт стойко держался на экране, но Генро больше не смотрел на него. Он переключил приборы, направляя пульсолуч книзу.

Корабль медленно поворачивался в воздухе на высоте мили и опускался хвостом вниз.

В сотне ярдов над колодцем двигатели запели высоким тоном. Теренс ощущал их вибрацию, сидя на гидравлических пружинах. Голова у него закружилась.

— Берите хлыст. Быстро. Каждая секунда на счету. Аварийный шлюз закроется за вами. Встречающим понадобится пять минут, чтобы удивиться, почему я не открываю главный шлюз, еще пять — чтобы прорваться сюда, еще пять — чтобы найти вас. В вашем распоряжении пятнадцать минут: выйти из порта и сесть в машину…

Теренс ощутил холодок саркитской осени. Он провел годы в этом суровом климате, но почти забыл о нем в мягком вечном лете на Флорине. И вдруг прошлое нахлынуло на него так, словно он

никогда не покидал планеты сквайров.

Но теперь Теренс был беглецом и на нем горело клеймо величайшего преступления — убийства сквайра.

Видел ли кто-нибудь, как он выходил из корабля?

Он слегка притронулся к шляпе. Она еще была надвинута на уши, и маленький медальон, украшавший ее теперь, был гладким на ощупь. Генро сказал, что это нужно для его опознания. Люди с Трантора будут искать именно этот медальон, сверкающий на солнце.

Он мог бы снять его, уйти самостоятельно, найти путь на какой-нибудь другой корабль, как-нибудь. Он мог бы покинуть Сарк, как-нибудь. Мог бы бежать, как-нибудь.

Слишком много «как-нибудь»! В глубине сердца он знал, что дошел до конца. Как и говорил Генро: либо Трантор, либо Сарк. Он боялся Трантора или ненавидел его, но знал, что выбора нет: ни в коем случае он не может выбрать Сарк.

— Вы! Эй, вы! — молодая женщина выглядывала из окна сверхроскошной машины. — Подите сюда.

Теренс подошел.

— Вы прибыли на корабле, который только что

опустился, да?

Он молчал.

— Ну что же вы?

— Да. Да, — выдавил из себя Теренс.

— Тогда садитесь.

Она открыла дверцу перед ним. Внутри машина была еще роскошнее.

— Вы из команды?

«Испытывают», — подумал Теренс. И спокойно сказал:

— Вы знаете, кто я. — На мгновение он поднял пальцы к медальону.

Машина попятилась и повернула.

У ворот, где стояла охрана, Теренс вжался в мягкую, крытую кыртом спинку. Но для тревоги не было никаких причин. Его благодетельница повелительно произнесла:

— Этот человек со мной. Я Сэмия Файф.

Усталому Теренсу понадобились секунды, чтобы услышать и понять это. Когда он напряженно подался вперед, машина уже мчалась по экспресс-полосе, делая сотню миль в час.

Их видел рабочий на территории порта. Он увидел их и коротко пробормотал что-то в лацкан своей куртки. И через несколько минут за пределами порта один агент Трантора сказал в

машине досадливо другому:

— Человек с медальоном только что покинул порт в роскошной машине. Это машина Высокородной Сэмии! Значит, мы его прохлопали. Великий Космос, что делать?

— Следовать за ними.

— Но Высокородная Сэмия…

— Она для меня ничто. Она должна быть ничем и для тебя. Иначе, что ты здесь делаешь?

— Откуда мы знаем, что убийца сквайра с нею? Может быть, это притворство, чтобы заставить нас покинуть пост.

— Я знаю, что Файф не послал бы свою дочь, чтобы устранить нас. В конце концов достаточно отряда патрульных.

— Может быть, это вовсе не Сэмия…

— Все равно. Быстрее! Еще быстрее!..

— Я хочу поговорить с вами, — сказала девушка.

— Я готов поговорить.

— Вы были на корабле, привезшем туземца с Флорины? Того, которого ловят за убийства?

— Я сказал, что да.

— Очень хорошо. Так вот, я привезла вас сюда для того, чтобы нам никто не помешал. Допрашивали ли туземца по пути на Сарк?

«Такая наивность, — подумал Теренс, — не может быть поддельной». Сэмия действительно не знает, кто он такой. Он сказал осторожно:

— Да.

— Вы присутствовали на допросе?

— Да.

— Хорошо. Я так и думала. Кстати, почему вы ушли с корабля.

— Я должен был доставить специальный отчет…

Он заколебался. Она быстро ухватилась за его слова.

— Моему отцу? Не беспокойтесь об этом. Я полностью оправдаю вас Скажу, что вы приехали со мной по моему приказанию.

— Хорошо, госпожа моя.

Слова «госпожа моя» глубоко поразили его самого. Она была Высокородной, самой высокой в стране, а он флориниан. Но человек, убивающий патрульных, легко может научиться убивать сквайров, а убийца сквайров может взглянуть Высокородной в лицо.

Он взглянул на нее твердо и испытующе.

Она была чрезвычайно красива.

И он понял вдруг, что убийство сквайра в конце концов не было тягчайшим из преступлений.

Он даже не сознавал, что двигается. Но ее фигурка очутилась в его объятиях, и она напряглась и на мгновение вскрикнула, и тогда он заглушил ее крик поцелуем…

Ее руки покоились у него на плечах, когда в спину подуло холодным ветром и дверца машины открылась.

Сэмия молча смотрела, приоткрыв рот, как взбешенный саркит вытаскивает Теренса из машины.

— И она позволила ему, — бормотал он. — Позволила ему…

Сэмия беспомощно отодвинулась в сторону, насколько могла, а потом закрыла лицо обеими руками, прижав пальцы так, что кожа под ними побелела.

— Что мы с нею сделаем?

— Ничего.

— Она видела нас Она бросит за нами всю планету, раньше, чем мы проедем хоть милю.

— Ты хочешь убить Высокородную Даму?

— Нет. Но мы можем испортить ей машину. К тому времени как она доберется до радиотелефона, мы будем в безопасности.

— Не нужно. — Агент наклонился в машину. — Госпожа моя, у меня мало времени. Вы слышите

меня?

Она не шевельнулась.

— Вам лучше выслушать меня. Сожалею, что помешал вам в нежную минутку, но, к счастью, эту минутку я использовал. Я действовал быстро и успел запечатлеть эту сцену с помощью стереоскопического фотоаппарата. Вы меня поняли? — Он повернулся к спутнику. — Она ничего не скажет обо всем этом. Ни словечка. Идите за мной, резидент.

Теренс последовал за ним. Он не мог обернуться на белое, осунувшееся личико в машине.

Что бы теперь с ним ни случилось, он совершил чудо. Он целовал самую гордую даму на Сарке, ощущал беглое прикосновение ее нежных, ароматных уст.

Глава 15
Обвиняемый

В своей частной жизни Эбл предпочитал обходиться без дипломатических двусмысленностей. Соединившись личным лучом с Файфом, он мог быть просто пожилым человеком, любезно беседующим за стаканом вина.

— Трудно было добиться вас, Файф.

Файф улыбнулся. Он выглядел спокойно и беззаботно.

— Я был занят, Эбл.

— Да. Я кое-что слышал об этом.

— От Стина?

— Отчасти. Стин пробыл у нас часов семь.

— Знаю. Моя ошибка. Вы намерены выдать его нам?

— Боюсь, что нет.

— Он преступник.

Эбл коротко засмеялся и передвинул свой кубок, следя за медленно поднимающимися пузырьками.

— Я думал, мы можем назвать его политическим эмигрантом. Космический закон защищает его на территории Трантора.

— Ваше правительство поддерживает вас?

— Думаю, что да, Файф. Я пробыл на иностранной службе около четырех десятилетий и знаю, что Трантор поддержит, а что нет.

— Мне кажется, у вас есть какое-то предложение…

— Есть. У вас находится наш человек.

— Какой ваш человек?

— Космоаналитик. Уроженец планеты Земля, которая, кстати, входит в состав владений

Трантора. У меня есть Стин, у вас землянин. В некотором смысле мы равны. Прежде чем начать выполнять свои планы, прежде чем истечет ваш ультиматум и произойдет ваш переворот, почему бы не посовещаться насчет общего положения с кыртом?

— Не вижу необходимости. То, что происходит сейчас на Сарке, целиком его внутреннее дело. Я лично готов гарантировать, что в кыртовой промышленности перебоев не будет, независимо от политических событий здесь. Думаю, это удовлетворит законные интересы Трантора.

Эбл задумчиво сказал:

— Кажется, у нас есть еще один политический эмигрант. Любопытный случай. Кстати, это один из ваших флоринианских подданных. Резидент. Называет себя Мирлином Теренсом.

Глаза у Файфа вдруг загорелись.

— Мы наполовину подозревали это. Клянусь Сарком, Эбл, есть пределы открытого вмешательства Трантора на этой планете. Человек, похищенный вами, — убийца. Вы не можете давать ему политическое убежище.

— Этот человек вам нужен?

— У вас на уме какой-то обмен? Что вы предлагаете?

— Совещание, о котором я говорил.

— Ради флоринианского убийцы? Конечно, нет!

— Но способ, каким резиденту удалось ускользнуть от вас к нам, довольно любопытен. Вам должно быть интересно…

Уже занимался рассвет. Джунцу хотелось бы уснуть, но он знал, что ему опять понадобится сомнин.

— Я мог пригрозить силой, как советовал Стин, — сказал Эбл Джунцу. — Это было бы плохо. Риск велик, результаты — неверны. Пока резидента не доставили к нам, у меня не было другого выбора, кроме политически ничегонеделания.

— А что дальше? — угрюмо сказал Джунц. — Шантажировать Файфа этим пикантным снимком?

— Называйте это как угодно: шантажировать, вести не совсем честную игру. Это не имеет значения. Высокородная Сэмия виновна только в некоторой податливости и известной наивности. Я уверен, что ее целовали и раньше. Если она поцелуется снова, если поцелуется несчетное число раз с кем угодно, кроме флоринианина, никто ничего не скажет. Но она целовалась с флоринианином.

Неважно, если она не знала, что он флорианин. Неважно, что он поцеловал ее насильно. Если мы опубликуем имеющийся снимок, то для нее и для ее отца жизнь станет невыносимой. Я видел, какое лицо было у Файфа, когда он смотрел на копию.

— О чем же договорились в конце концов? — Джунц вздохнул.

— Мы встретимся завтра в полдень.

— Значит, он отсрочит свой ультиматум?

— До бесконечности. Я буду в его кабинете лично.

— И вы рискнете?..

— Риск тут небольшой. Будут свидетели. И мне очень хочется самому увидеть космоаналитика, которого вы ищете так долго.

— Надеюсь, я могу быть при встрече? — спросил Джунц.

— О да! Резидент тоже будет. Он нам понадобится, чтобы опознать космоаналитика. Стин тоже. Все вы будете присутствовать в трехмерной проекции.

— Благодарю.

С усовершенствованием трехмерной передачи важные совещания редко происходили лицом к лицу. Файф ощущал материальное присутствие

старого посла как элемент явной непристойности.

Эбл! Старый скряга в потертом платье и с миллионом планет за спиной.

Джунц! Темнокожий, шерстистоволосый надоедала, чье упрямство ускорило кризис.

Стин! Предатель! Не смеет взглянуть ему в глаза!

Резидент! Смотреть на него было всего тяжелее. Туземец, оскорбивший его дочь своим прикосновением, но остающийся живым и неприкосновенным за спинами транторианского посольства.

— Совещание навязано мне насильно, — мрачно сказал Файф. — Я не вижу необходимости говорить что-нибудь. Я здесь для того, чтобы слушать.

— Я думаю, Стин хотел бы высказаться первым, — ответил Эбл.

Тогда Стин закричал:

— Вы заставили меня обратиться к Трантору, Файф! Вы нарушили принцип автономии. Не ждите, чтобы я благодарил вас за это. Я не претендую на звание сыщика, каким считает себя сквайр Файф, но думать я умею. Право! И я думал! Вчера Файф рассказал нам историю насчет та-

инственного преступника, которого он называет «Икс». Я вижу: это была только болтовня с целью объявить чрезвычайное положение. Я не был одурачен ни на минуту!

— Так никакого Икса нет? — спокойно спросил Файф. — Тогда почему вы бежали? Если человек бежит, ему не нужно других обвинений.

— Вот как? — вскричал Стин. — Ну а я могу бежать из горящего дома, даже не будучи поджигателем?..

— Продолжайте, Стин, — произнес Эбл.

— И продолжу!.. Так кто же этот Икс? Я знаю, что не я! И все же не сомневаюсь: предатель — Великий сквайр. Но кто из Великих сквайров знал об этом больше всех? Кто пытался использовать историю с космоаналитиком, чтобы запугать остальных и вынудить их к «объединенным действиям», этой капитуляции перед диктаторством Файфа? Я вам скажу, кто этот Икс — Стин встал; его темя касалось верхнего края куба приемника и сделалось плоским. Он указал дрожащим пальцем. — Икс — это он! Это сквайр Файф! Он нашел космоаналитика. Он устранил его, когда увидел, что не произвел на нас впечатления своими глупыми россказнями на первом совещании, а теперь вытащил снова, когда уже подготовил

военный переворот!

Файф устало повернулся к Эблу.

— Кончил он? Если да, убедите его: он — невыносимое оскорбление для всякого порядочного человека.

— Стин сказал, что хотел, — ответил Эбл. — Но ближе к делу. Мы хотели бы видеть космоаналитика.

— У нас под стражей есть человек с пониженным интеллектом, называющий себя космоаналитиком. Я прикажу привести его!

Такое Валоне Марч никогда в жизни не снилось. Вот уже больше суток прошло с того момента, как они опустились на эту планету, а она не переставала удивляться. Даже тюремные камеры, куда ее и Рика поместили отдельно, были сказочно великолепны. Вода шла из отверстия в трубе, стоило только нажать кнопку. От стен исходило тепло, хотя воздух снаружи был холоднее, чем она считала возможным для воздуха. И всякий, кто говорил с нею, был так роскошно одет.

А вот теперь ее привели в эту большую и светлую комнату. Тут находилось несколько человек. Один, сурового вида, за столом, и другой, гораздо старше, весь сморщенный, в кресле, и еще трое…

И одним из них был резидент!

Она вскочила и кинулась к нему.

— Резидент! Резидент!

Она пробежала прямо сквозь него. Ее ноги прошли сквозь тяжелое кресло, где сидел резидент. Она увидела его ясно, отчетливо. Она протянула дрожащую руку, и рука погрузилась в обивку, которой она тоже не ощутила.

Она вскрикнула и упала. Резидент машинально протянул руки, чтобы поддержать ее, и она упала сквозь них, как сквозь воздух телесного цвета…

Она снова была в кресле, и Рик крепко держал ее за руку, а морщинистый старик наклонялся над нею.

— Не бойся, милая. Это только изображение. Как фотография, знаешь ли.

Она указала пальцем на резидента.

— Его здесь нет?

— Это трехмерная проекция, Лона, — вдруг вмешался Рик. — Резидент находится в другом месте, но мы видим его здесь.

Валона покачала головой. Если Рик говорит так, значит, все в порядке. Она потупилась. Она не смела смотреть на людей, которые одновременно и есть и нет.

Эбл обратился к Рику:

— Так вы знаете, что такое трехмерная проек-

ция, молодой человек?

— Да, сударь. — Этот день был потрясающим и для Рика, но в то время как Валону он ошеломлял, Рик находил окружающее все более знакомым и понятным.

— Где вы узнали о ней?

— Не знаю. Я знал раньше. Раньше, чем забыть.

— Обратите внимание, Файф, — вмешался Эбл, — ваш флориниан с пониженным интеллектом хорошо знаком с трехмерной проекцией.

— Его хорошо надрессировали, я думаю, — отрезал Файф.

— Допрашивали его со времени прибытия на Сарк?

— Конечно.

— И что же?

— Ничего нового.

Эбл обратился к Рику.

— Как вас зовут?

— Рик — единственное имя, которое я помню, — ответил тот спокойно.

— Знаете ли вы кого-нибудь из присутствующих?

Рик без страха переводил взгляд с одного лица на другое.

— Только резидента. И Лону, конечно.

— Это, — сказал Эбл, указывая на Файфа, — величайший из сквайров, какие когда-нибудь жили. Ему принадлежит целая планета. Что вы думаете о нем?

— Я землянин, — ответил Рик. — Я-то ему не принадлежу.

— Слушайте, Рик, — снова заговорил Эбл. — Расскажу вам одну историю. Я хочу, чтобы вы слушали ее всем своим разумом и думали. Думали и думали! Вы понимаете?

Рик кивнул.

Эбл говорил медленно, повторяя ход событий.

Он рассказывал о сообщении относительно опасности, о его перехвате, о встрече Рика с Иксом, о психозондировании, о том, как Рика нашли и выхаживали на Флорине, о враче, который поставил ему диагноз, а потом умер, обо всем остальном.

— Вот и вся история, Рик. Знакомо ли вам что-нибудь в ней?

— Я помню последнюю часть, — медленно произнес Рик. — Последние несколько дней. Я вспоминаю кое-что из прошлого… Это очень смутно… Но это все.

— Но вы вспоминаете прошлое? Вы вспомина-

ете опасность для Флорины?

— Да, да. Это первое, что я вспомнил.

— А что было потом? Вы опустились на Сарке и встретили одного человека…

— Не могу. Не могу вспомнить! — Рик застонал.

— Попытайтесь! Попытайтесь!

Рик взглянул на него, весь побелев, с мокрым лицом.

— Я помню одно слово.

— Какое слово, Рик?

— У него нет смысла.

— Все равно скажите.

— Оно связано со столом. Давно, очень давно. Очень смутно. Я сидел. Кажется, кто-то другой тоже сидел. Потом он встал и смотрел на меня сверху вниз. И тут было слово.

Эбл спросил терпеливо:

— Какое слово?

Рик сжал кулаки и прошептал:

— Файф!

Глава 16

Обвинитель

— Покончим с этой комедией! — прорычал Файф.

— Почему вы называете это комедией? — почти закричал Эбл.

— А разве это не так? Я согласился на эту встречу главным образом потому, что вы говорили об опасности для Флорины. Я отказался бы, если бы предвидел, что на этом совещании меня самого будут судить предатели и убийцы, играющие роль и прокурора и судьи.

Эбл произнес с ледяной учтивостью:

— Это не суд, сквайр. Доктор Джунц пришел, чтобы выручить члена МКБ, это его право и обязанность. Я — для того, чтобы защищать интересы Трантора в смутное время. У меня нет сомнений относительно этого человека, Рика: он и есть пропавший космоаналитик. Мы можем окончить эту часть совещания немедленно, если вы согласитесь отдать Рика доктору Джунцу для дальнейших исследований, включая проверку медицинских характеристик. Разумеется, нам понадобится ваша дальнейшая помощь. Нужно найти преступника, произведшего зондирование, и установить гарантии против повторения

таких актов в будущем.

— Вот так речь! — усмехнулся Файф. — Ваши планы видны насквозь. Что будет, если я выдам этого человека? Тогда, наверное, МКБ сумеет найти в нем именно то, что хочет найти. Оно называет себя межзвездным учреждением без всяких местных связей. Но разве не факт, что Трантор финансирует две трети годового бюджета МКБ?

И что же оно найдет? Это тоже очевидно. Память вернется к этому человеку медленно. МКБ будет выпускать ежедневные бюллетени. Мало-помалу он будет вспоминать все новые и новые подробности. Сначала мое имя. Потом мою внешность. Потом мои точные слова. Меня торжественно признают виновным. Будут потребованы репарации, и Трантор будет вынужден оккупировать Сарк. Временно, разумеется. Потом оккупация станет постоянной.

Но есть границы, которых не может перейти никакой шантаж. Ваш шантаж, господин посланник, дошел до них. Если этот человек нужен вам, пусть за ним прилетит весь флот Трантора!

— О силе не может быть и речи, — сказал Эбл. — Но я замечаю, что вы тщательно избегаете отрицать значение того, что космоаналитик

сказал под конец.

— Это ничего не значит. Имя «Файф» — великое имя на Сарке. Даже если предположить, что так называемый космоаналитик правдив, у него в распоряжении был целый год, чтобы услышать это имя на Флорине. Он прибыл на Сарк на корабле, везшем мою дочь, это еще лучшая возможность, чтобы услышать имя «Файф». Разве не естественно, что это имя слилось с его смутными воспоминаниями? Конечно, он может и не говорить правды. Эти постепенные откровения могут быть и заученными.

— Слушайте, слушайте! — закричал Рик, вырвавшись из цепких рук Валоны.

— Еще одно откровение, кажется, — заметил Файф.

— Слушайте. Мы сидели за столом. В чае было зелье. Мы ссорились. Не помню из-за чего. Потом я не мог шевелиться. Мог только сидеть. Не мог говорить. Мог только думать: «Великий Космос, меня опоили». Мне хотелось вскочить, и закричать, и убежать, и я не мог. Потом другой, Файф, подошел ко мне. Он стоял и возвышался надо мной. А я не мог ничего сказать. Не мог ничего сделать. Мог только смотреть, подняв на него глаза.

— Повернитесь и взгляните на него! — быстро сказал Джунц. — Вы его знаете?

Рик обернулся к сквайру Файфу. С минуту он пристально смотрел на него, потом отвернулся.

— Теперь вы вспоминаете?

— Нет! Нет!

Файф свирепо улыбнулся.

— Ваш человек забыл свою роль или же его история станет более вероятной, если он вспомнит мое лицо в следующий раз?

— Я никогда не видел этого человека, и никогда не говорил с ним, — возразил Джунц. — Я ищу только правду.

— Тогда могу ли я задать несколько вопросов?

— Задавайте.

— Благодарю вас за любезность. Теперь ты, Рик, или как там тебя зовут…

— Да, сударь?

— Ты помнишь человека, который подходил к тебе из-за стола, пока ты сидел, оглушенный и беспомощный?

— Да, сударь.

— Последнее, что ты помнишь, — это то, что человек смотрел на тебя сверху вниз?

— Да, сударь.

— А ты смотрел на него снизу вверх или пытал-

ся смотреть?

— Да, сударь.

— Сядь.

Рик повиновался.

Некоторое время Файф не делал ничего. Безгубый рот у него сжался, мускулы под иссиня-черной тенью на щеках и подбородке напряглись. Потом он соскользнул с кресла.

Соскользнул вниз! Словно опустился под столом на колени. Но он вышел из-за стола, и тогда стало ясно, что он стоит.

Голова у Джунца закружилась. Человек, такой большой и величественный, пока сидел, внезапно превратился в жалкого карлика.

Уродливые ноги Файфа двигались с усилием, неуклюже неся его крупное тело и голову. Лицо у него налилось кровью, но глаза сохранили высокомерное выражение.

Рик сидел, Файф стоял, но они смотрели друг другу в глаза на одном уровне.

— Могу ли я быть этим человеком? — спокойно спросил Файф.

— Нет, сударь.

— Ты уверен?

— Да, сударь.

— Ты все-таки говоришь, что помнишь имя

«Файф»?

— Я помню это имя, — настойчиво ответил Рик.

— Значит, кто бы это ни был, он ложно воспользовался моим именем?

— Да, должно быть.

Файф повернулся, медленно, с достоинством вернулся к столу и вскарабкался на свое кресло.

— С тех пор как я стал взрослым человеком, я никому не позволял видеть меня стоящим. Есть у вас основания продолжать совещание?

Вот тогда заговорил Джунц:

— Мне кажется, надо продолжать совещание. Ведь Рика подвергли зондированию не просто потому, что он космоаналитик!

— Вот и спросите его сами: почему его психозондировали, — сказал Файф.

— Разумеется, он не вспомнит, — гневно возразил Джунц. — Психозонд действует всего сильнее на наиболее логичные цепи суждений, хранящиеся в мозгу. И все же стоит спросить у него об опасности, нависшей над Флориной. Итак, что вы помните, Рик?

— Только то, что была опасность и что она связана с космическими течениями, — пробормотал Рик.

Наступило молчание, которое снова нарушил Джунц:

— Вы говорили, что не доверяете показаниям, как вы их называете, туземцев. Но у нас есть один человек — не просто туземец. Мне кажется, он показал достаточно ясно, что не похож на почтительного флориниана. Пора уже задать и ему несколько вопросов. Если он окажется упрямым или ненадежным, мы можем рассмотреть заявление о его выдаче Сарку.

Теренс, до сих пор упрямо рассматривавший пальцы на своих сжатых руках, бросил взгляд на Джунца.

— Рик был в вашем поселке с тех пор, как его впервые нашли на Флорине, не так ли?

— Да.

— И вы были в поселке все это время? То есть вам не приходилось уезжать по делам надолго, да?

— Резиденты не ездят по делам. Все их дела — в поселке.

— Кто именно из сквайров посещал ваш поселок в прошлом году?

— Откуда мне знать? Я не могу ответить на этот вопрос: сквайры — это сквайры, а туземцы — это туземцы. Для вас я резидент, для них всегда

туземец. Я не встречаю их у ворот и не проверяю документы.

— Кому принадлежат ваши земли?

— Сквайру Файфу.

Стин вмешался совершенно неожиданно:

— О, послушайте! Право! Такими расспросами вы играете на руку Файфу, доктор Джунц. Разве вы не видите, что никуда не придете? Неужели Файф заинтересован в слежке за этим человеком, неужели он возьмет на себя труд летать на Флорину и обратно? А зачем тогда патрульные?

— В подобном случае, — сказал Джунц, — когда экономика и, быть может, физическая сохранность планеты зависят от мозга одного человека, тот, кто применил зондирование, естественно, не станет доверять патрульным.

— Даже если он уничтожил этот мозг? — спросил, улыбаясь, Файф.

Эбл выпятил нижнюю губу и нахмурился. Его последняя ставка уплывала, как и все прочие, в руки Файфа.

Помощь пришла неожиданно со стороны угрюмо молчавшей Валоны:

— Я хочу сказать что-то.

— Говори, девушка. В чем дело? — сказал Джунц.

— Я только крестьянская девушка. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Мне просто кажется, что все может быть по-другому. Был ли мой Рик таким важным? Ну, этим, космоаналитиком?

— Я думаю, был.

— Тогда это должно быть так, как вы говорили. Тот, кто поместил его на Флорину, не смел потом ни на минуту потерять его из виду. Я хочу сказать, чтобы Рика не бил начальник на фабрике, чтобы дети не забрасывали его камнями, чтобы он не заболел и не умер. Его не оставили бы беспомощным в поле, где он мог бы умереть раньше, чем его найдут, верно? Не полагались бы только на удачу, чтобы он остался жив. — Она говорила напряженно и жадно.

— Продолжай, — сказал Джунц, наблюдая за ней.

— Потому что есть один человек, следивший за Риком с самого начала. Он нашел его в полях, он устроил так, чтобы я заботилась о нем, он знал о каждом его дне. Он даже знал все о докторе, потому что я рассказала ему. Это он! Это он! — Ее голос поднялся до крика, а рука твердо указывала на Мирлина Теренса, резидента.

И на этот раз даже сверхчеловеческое спокойствие Файфа изменило ему. Его руки сжались

на краю стола, массивное тело приподнялось над креслом, а голова быстро повернулась к резиденту.

Глава 17
Победители

Все были поражены словно параличом.

Потом раздался пронзительный смех Стина.

— Я верю, — хохотал Стин. — Я все время говорил это. Я говорил, что туземец нанят Файфом. Теперь вы видите, что за человек Файф. Он нанял туземца, чтобы…

— Это адская ложь!

Говорил не Файф, а резидент. Он вскочил, и глаза у него пылали от возбуждения.

— Что — ложь? — спросил Эбл.

Теренс некоторое время смотрел на него, не понимая, потом ответил, задыхаясь:

— То, что сказал сквайр. Никто из саркитов не платит мне.

— А то, что сказала девушка? Это тоже ложь?

— Нет. Правда. Психозонд применил я. Не смотри на меня так, Лона! Я не хотел навредить Рику. Я не хотел ничего того, что случилось.

— Все подстроено, — возмутился Файф. — Не

знаю в точности ваших замыслов, Эбл, но для этого преступника явно невозможно включить в свою биографию и это преступление. Как известно, только Великий сквайр может обладать достаточными познаниями и возможностями. Или вы хотите спасти своего наемника, Стин, подстраивая ложные признания?

— Я не беру денег и от Трантора, — сказал резидент. — Но если хотите знать, что произошло, я расскажу вам. В конце концов, либо Сарк, либо Трантор, так что пропадай все! По крайней мере у меня будет случай высказаться. — Он указал на Файфа. — Вот это — Великий сквайр. Только Великий сквайр, говорит Великий сквайр Файф, может обладать достаточными познаниями и возможностями, чтобы сделать то, что сделал преступник. Он сам верит в это. А что он умеет? Что умеет любой из саркитов?

Они не участвуют в управлении. Управляют флориниане! Управляет Гражданская Служба. Флориниане получают бумаги, пишут бумаги, раскладывают бумаги. А бумаги управляют Сарком. Конечно, большинство из нас слишком забито, чтобы даже пищать, но знаете ли вы, что мы можем сделать, если захотим, под самым носом у наших проклятых сквайров? Ну вот, по-

смотрите, что сделал я.

Год назад я временно был начальником движения в космопорту. Это записано в моем послужном списке. Вам придется немножко порыться, чтобы найти это, так как официальным начальником был саркит. Официальное звание было у него, а всю работу делал я. Мое имя можно отыскать лишь в специальном отделе с пометкой «Туземный персонал». Ни один саркит не стал бы пачкать глаза, заглядывая туда.

Когда местное население МКБ прислало сообщение космоаналитика, предлагая встретить корабль с каретой «скорой помощи», это сообщение получил я. Согласитесь: не так уж часто приходится слышать о гибели Флорины.

Я договорился встретиться с космоаналитиком в маленьком пригородном порту. Сделать это было легко. Все рычаги и нити, приводившие в движение Сарк, были у меня в кулаке.

Я встретил космоаналитика, спрятал его и от Сарка и от МКБ. Я выжал из него все сведения, сколько мог, и решил использовать их ради Флорины и против Сарка.

У Файфа невольно вырвался вопрос:

— Так это ты посылал первые письма?

— Я посылал эти первые письма, Великий

сквайр, — спокойно произнес Теренс. — Я думал, что смогу овладеть достаточной долей кыртовых площадей, чтобы поставить Трантору свои условия и прогнать саркитов с моей планеты.

— Ты с ума сошел!

— Возможно. Во всяком случае, ничего не получилось. Я сказал космоаналитику, что я Файф. Это было необходимо, ибо он знал, что Файф — крупнейший человек на планете, и, пока он считал меня Файфом, он говорил открыто.

К несчастью, у него терпения было еще меньше, чем у меня. Он упорно требовал свидания с представителем МКБ. Мне было трудно справиться с ним, пришлось прибегнуть к психозондированию. Зонд я смог достать. Как с ним обращаться, я видел в госпиталях. Я знал о нем немного. К несчастью, недостаточно. Я настроил зонд так, чтобы убрать страх и тревогу из верхних слоев его разума. Это была простая операция. Я до сих пор не знаю, что произошло. Вероятно, страх и тревога лежали глубже, очень глубоко, и зонд автоматически следовал за ними, попутно разрушая весь сознательный разум. На руках у меня осталось лишенное разума существо… Я сожалею, Рик… Итак, космоаналитик остался совершенно беспомощным. Нельзя было позволять, чтобы его

нашел кто-нибудь, кто мог бы разузнать насчет его личности. Нельзя было и убивать его. Я был уверен, что память к нему вернется, а мне его знания еще были нужны.

Я устроил так, что меня послали на Флорину резидентом, и взял с собой космоаналитика с поддельными документами. Я устроил так, что его нашли, и выбрал Валону, чтобы ходить за ним. С тех пор опасностей не было, кроме одного раза с доктором. Тогда мне пришлось пойти на силовые станции Верхнего Города. Там инженерами были саркиты, но у входа стояли флориниане. На Сарке я узнал о механизмах энергии достаточно, чтобы закоротить силовую линию. С тех пор убивать мне стало легко. Но я никогда не думал, что доктор держит копии карточек в обеих половинах своего кабинета. А подумать было бы нужно. Потом, сто часов назад — а кажется, будто сто лет, — Рик начал вспоминать снова. Ну, вот и все. Джунц прав.

Теперь смотрите. Только я знаю, где находятся бумаги Рика. Ни один саркит, ни один трантор-ианин никогда не найдут их. Если они вам нужны, вы должны дать мне политическое убежище. Саркит или трантор-ианин могут называть себя патриотами; почему не может флорини-анин?

— Мы не отдадим вас Сарку, — сказал Джунц. — За вред, нанесенный космоаналитику, вас будут судить. Я не могу гарантировать исхода, но если вы пойдете нам навстречу сейчас, то это зачтется в вашу пользу.

Теренс испытующе поглядел на Джунца.

— Попытаюсь поверить вам, доктор… По словам космоаналитика, солнце Флорины вошло в стадию, предшествующую взрыву новой звезды.

— Как! — Это восклицание вырвалось у всех, кроме Валоны.

— Оно готово бабахнуть и взорваться, — насмешливо произнес Теренс. — А когда это случится, то вся Флорина исчезнет, как облачко табачного дыма.

— Я не космоаналитик, но слышал, что невозможно предсказать, когда звезда взорвется, — сказал Эбл.

— Это верно. Объяснял ли вам Рик, почему он так думает? — спросил Джунц.

— Вероятно, в его бумагах это сказано. Я помню только что-то об углеродном течении.

— Что такое?

— Он все время твердил: «Углеродное космическое течение. Углеродное космическое течение». Это и еще что-то о «каталитическом эффекте».

Вот и все.

Стин хихикнул. Файф нахмурился. Джунц широко открыл глаза.

Потом Джунц пробормотал:

— Простите, я сейчас вернусь. — Он вышел из куба приемника и исчез.

Он вернулся через четверть часа.

Вернувшись, Джунц изумленно огляделся. В комнате были только Эбл и Файф.

— Мы ждали вас, доктор Джунц, — сказала Эбл. — Космоаналитик и девушка находятся на пути в посольство. Совещание окончено.

— Окончено! Великий Космос, мы только начали! Я хочу объяснить вам условия взрыва новой звезды.

Эбл смущенно задвигался в кресле.

— В этом нет надобности, доктор.

— Это очень нужно. Это необходимо. Дайте мне пять минут.

— Пусть говорит, — произнес Файф. Он улыбался.

— Начнем сначала. В самых ранних научных записях Галактической цивилизации уже отмечалось, что звеэды получают свою энергию от ядерных превращений в своих недрах. Было известно также, что, насколько мы осведомлены

относительно условий в недрах звезд, их энергия получается от двух, и только от двух, типов ядерных реакций. Оба ведут к превращению водорода в гелий. Первая реакция — прямая: два атома водорода соединяются с двумя нейтронами, давая одно ядро гелия. Вторая — косвенная, в несколько фаз. Она кончается тем, что водород превращается в гелий, но в промежуточных фазах участвуют ядра углерода. Эти ядра не используются, но снова образуются в ходе реакции, так что ничтожное количество углерода участвует в ней снова и снова, служа для превращения в гелий огромных количеств водорода. Иначе говоря, углерод действует как катализатор. Все это было известно еще в доисторические времена, еще когда человечество было привязано к одной планете, если такое время когда-нибудь было.

— Если это известно всем, — заметил Файф, — вы лишь тратите время.

— Но это все, что мы знаем. Идет ли в звездах только одна из этих реакций или обе, это никогда не было известно. Всегда существовали школы, предпочитавшие либо ту, либо другую теорию. Но обычно общее мнение склонялось к непосредственному превращению водорода в гелий, как к более простому.

Так вот, теория Рика должна быть следующей. Непосредственное превращение водорода в гелий — это нормальный источник звездной энергии, но в некоторых условиях начинает участвовать и углеродный катализ, подстегивая этот процесс, ускоряя его, разогревая звезду.

В пространстве есть течения. Вы это тоже знаете. Некоторые из них — углеродные. Звезды, проходя сквозь течения, захватывают из них несчетное количество атомов. Однако общая масса захваченных атомов микроскопически мала в сравнении с массой самой звезды и ничуть не влияет на нее. Кроме углерода! Звезда, проходящая сквозь течение с повышенным содержанием углерода, становится неустойчивой. Я не знаю, сколько лет, или столетий, или миллионолетий нужно, чтобы атомы углерода просочились в недра звезды, но для этого, вероятно, нужно много времени. Это означает, что углеродное течение должно быть широким, а звезда — входить в него под малым углом. Во всяком случае как только количество углерода, просочившегося в звезду, перешло известный критический уровень, излучение звезды внезапно и резко возрастает. Внешние слои разлетаются в чудовищном взрыве, и рождается новая звезда. Что вы скажете?

Джунц ждал.

— Вы придумали все это за две минуты, на основании туманной фразы, которую, судя по воспоминаниям резидента, космоаналитик произнес год тому назад?

— Да. Да. В этом нет ничего удивительного. Космический анализ готов к этой теории. Если бы ее не выдвинул Рик, то вскоре выдвинул бы кто-нибудь другой. Действительно, подобные теории предлагались и раньше, но их никогда не принимали всерьез. Их выдвигали еще до того, как развилась техника космического анализа, и ни одна не была в состоянии объяснить внезапный рост содержания углерода в данной звезде.

Но теперь мы знаем: углеродные течения существуют. Мы можем нанести их пути на карту, узнать, какие звезды входили в них за последние десятки тысяч лет, проверить и сравнить это с нашими записями появления новых звезд и изменений радиации. Именно это должен был сделать Рик. Таковы должны были быть расчеты и наблюдения, которые он пытался показать резиденту. Но все это сейчас не важно. Важно вот что: надо начать немедленную эвакуацию Флорины.

— Я так и думал, что дойдет до этого, — сдер-

жанно произнес Файф.

— Простите, Джунц, — сказал Эбл, — но это невозможно.

— Почему невозможно?

— Когда взорвется солнце Флорины?

— Не знаю. Судя по тревоге Рика год назад, я сказал бы, что времени у нас мало.

— Но вы можете установить срок?

— Конечно, нет.

— Когда вы сможете установить его?

— Не могу сказать. Даже если мы получим расчеты Рика, их все нужно будет проверить.

— Можете ли вы ручаться, что теория космоаналитика окажется верной?

Джунц нахмурился.

— Я лично в этом уверен, но никакой ученый не станет ручаться за теорию заранее.

— Тогда выходит, что вы требуете эвакуации Флорины на основании простых рассуждений!

— Я думаю, что жизнь населения всей планеты — это не такая вещь, которой можно рисковать.

— Если бы Флорина была обычной планетой, я согласился бы с вами. Но Флорина — это источник кырта для всей Галактики. То, чего вы требуете, невозможно.

— Господа, тайна дешевого кырта скоро будет

у нас в руках. Через год кыртовой монополии не станет.

— Что вы хотите сказать?

— Вот теперь совещание дошло до самого существенного, Файф. Из всех обитаемых планет кырт растет только на Флорине. Так что весьма вероятно, что кырт и предвзрывная стадия идут рука об руку. Ведь другого солнца, готового взорваться, в Галактике нет, как, впрочем, и других кыртовых планет.

— Чепуха, — сказал Файф.

— Разве так? Должна же быть какая-то причина, почему кырт — это кырт на Флорине и хлопок — на всех других мирах. Ученые давно пытались получить кырт искусственно на других планетах, но эти попытки шли вслепую, а потому не удавались. Теперь мы знаем, что здесь влияют факторы, связанные с предвзрывным состоянием звезды.

— Они пытались повторить картину излучений солнца Флорины, — гневно сказал Файф.

— Да, с помощью электрических дуг, дававших только видимую и ультрафиолетовую часть спектра. А что можно сказать об инфракрасной части и за ее пределами? О магнитных полях? Об эмиссии электронов? О влиянии космических

лучей? Я не физический биохимик, так что тут могут быть и такие факторы, о которых я ничего не знаю. Но этим займутся — и по всей Галактике — люди, знакомые с физической биохимией. Через год, ручаюсь вам, решение будет найдено.

— Блеф! — проворчал Файф.

— Сквайр Файф, через год ваши владения на Флорине потеряют всякую ценность, с новой звездой или без нее. Продайте их. Продайте всю Флорину. Трантор заплатит.

— Купить целую планету? — в отчаянии спросил Эбл.

— Почему бы нет? Средства у Трантора есть, а симпатии населения всей Галактики окупят расходы тысячекратно. Вы спасете сотни миллионов жизней, дадите всем дешевый кырт.

— Я подумаю, — произнес Эбл.

Он взглянул на Файфа. Глаза сквайра опустились. После долгого молчания он тоже сказал:

— Я подумаю.

Джунц хрипло засмеялся.

— Не думайте слишком долго. История с кыртом распространится быстро. Ее ничем не остановить. А тогда ни у кого из вас не будет свободы действий. Лучше поторгуйтесь сейчас!

Резидент выглядел подавленным.

— Это действительно верно? — повторял он. — Действительно так? Флорины не будет?

— Это верно, — сказал Джунц.

Теренс протянул руки, потом уронил их.

— Если вам нужны Риковы бумаги, то они спрятаны в статистических карточках у меня дома. Я взял старые карточки, за сто лет назад или больше. Никому и в голову не пришло бы заглядывать в них.

— Послушайте, — сказал Джунц. — Я уверен: мы можем договориться с МКБ. Нам нужен человек на Флорине, человек, знающий флориниан, могущий объяснить им все факты, знающий, как организовать эвакуацию, как выбрать самые подходящие планеты для переселения. Хотите помочь нам?

— То есть загонять дичь для вас? И спасти шкуру от кары за убийство? Почему нет? — Глаза у резидента вдруг наполнились слезами. — Но я все-таки теряю. У меня не будет дома, не будет планеты. Мы все теряем. Флориниане теряют планету, саркиты теряют богатство, Трантор — возможность захватить это богатство. Выигрыша нет ни у кого.

— Если только не считать, — мягко произнес Джунц, — что в новой Галактике — в Галактике,

избавленной от угрозы неустойчивых звезд, в Галактике, где кырт есть для всех, в Галактике, так приблизившейся к политическому объединению, — выигравшие все-таки есть. Целый квадрильон их. Обитатели Галактики — вот победители!

Эпилог
Через год

— Рик! Рик! — Селим Джунц кинулся к кораблю, протягивая руки. — И Лона! Я бы никогда не узнал вас обоих. Как живете? Как поживаете?

— Как нельзя лучше. Наше письмо попало к вам, я вижу, — сказал Рик.

— Конечно. Расскажите мне, что вы обо всем этом думаете?

Они возвращались вместе, шли к кабинету Джунца.

Валона сказала печально:

— Мы были сегодня утром в своем поселке. Поля такие пустые!

Она была одета скорее как женщина Империи, чем как флоринианская крестьянка.

— Столько уже эвакуировано меньше чем за год! — сказал Рик.

— Мы стараемся, как можем, Рик. О, я думаю, вас нужно называть вашим настоящим именем!

— Пожалуйста, не надо. Я никогда к нему не привыкну. Я — Рик. Это единственное имя, какое я помню.

— Решили ли вы, когда вернетесь к космоанализу? — спросил Джунц.

Рик покачал головой.

— Да, я решил, но решил не возвращаться. Эта часть памяти исчезла навсегда. Но мне безразлично. Я вернусь на Землю... Кстати, я почти надеялся, что встречусь с резидентом.

— Кажется, не встретитесь. Он решил уехать сегодня. Кажется, ему не хотелось видеть вас. Он чувствует себя виноватым. У вас нет к нему враждебных чувств?

— Нет. Он хотел сделать хорошо, и он во многом изменил мою жизнь к лучшему. Прежде всего я узнал Лону. — Он обнял ее за плечи. Валона взглянула на него и улыбнулась. — Резидент настроил психозонд так чтобы устранить чувство тревоги, но не позаботился об интенсивности. Да, мне уже нельзя быть космоаналитиком. Зато я вернусь на Землю. Я могу работать, а люди там всегда нужны.

— А я теперь — женщина Земли, — сказала

Валона.

Рик смотрел на горизонт. Верхний Город был ярким, как всегда, но людей там не было.

— Много еще осталось на Флорине? — спросил он.

— Миллионов двадцать, — ответил Джунц. — Переселение находится еще в самой начальной стадии. Большинства переселенцев живет на соседних планетах во временных лагерях. Это неизбежные трудности.

— Когда отсюда уйдет последний человек?

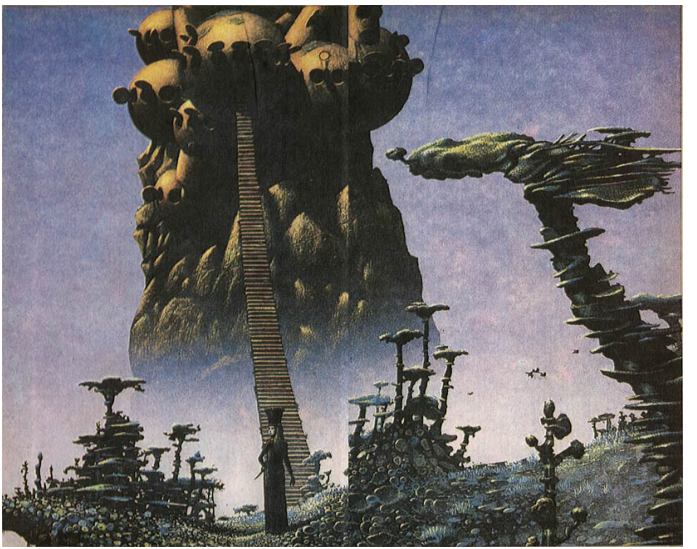
— Конечно, никогда.

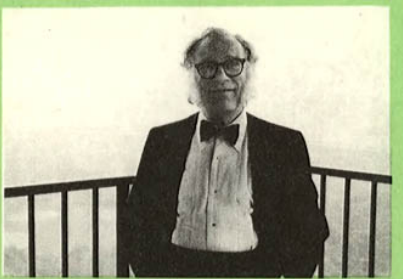
— Не понимаю.

— Резидент неофициально попросил разрешения остаться. Ему разрешили, тоже неофициально. Общественность об этом не узнает.

— Остаться? — Рик был поражен. — Но, во имя всей Галактики, зачем?

— Не знаю, — ответил Селим Джунц. — Но кажется, вы объяснили это, когда говорили о Земле. Он чувствует то же, что и вы. «Я не могу, — говорит он, — даже допустить мысли о том, чтобы дать Флорине умереть в одиночестве».





ОСКОЛОК ВСЕЛЕННОЙ

ЗВЕЗДЫ КАК ПЫЛЬ

КОСМИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994